

Институт психологии РАН
Институт этнологии и антропологии РАН
Институт социологии РАН
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
Московский городской психолого-педагогический университет
Институт культурного наследия Академии наук Молдовы
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
Смоленский гуманитарный университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ И КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

*Материалы
Второй Международной научной
конференции 26–27 мая 2010 г.*

ТОМ 1. ЭТНОПСИХОЛОГИЯ
КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ
ОБЛАСТЬ ЗНАНИЙ

*Конференция проводится
при финансовой поддержке РФФИ,
грант 10-06-06002-г*

СМОЛЕНСК
2010

УДК 159.9
ББК 88
Т 338

Программный комитет конференции:

д.псх.н., проф. М.И.Воловикова (Москва); д.псх.н., проф. В.В.Гриценко (Смоленск); д.и.н, проф. Л.М.Дробижева (Москва); д.псх.н., чл-корр. РАН А.Л.Журавлев (Москва); к.псх.н., доц. И.И.Кауненко (Кишинев); д.псх.н., проф. Н.М.Лебедева (Москва); д.соц.н., проф. Н.Р.Маликова (Москва); д.ист.н., проф. В.К.Малькова (Москва); д.псх.н. Л.В.Матвеева (Москва); к.псх.н. Л.И.Науменко (Минск); к.псх.н., проф. В.Н.Павленко (Харьков), д.псх.н. Л.Г.Почебут (Санкт-Петербург); д.псх.н., проф. Е.Н.Резников (Москва); к.псх.н., доц. Т.Н.Смотрова (Балашов); д.псх.н., проф. Г.У.Солдатова (Москва); д.псх.н., проф. Т.Г.Стефаненко (Москва); д.псх.н., проф. А.В.Сухарев (Москва); д.псх.н., проф. В.Ю.Хотинец (Ижевск); к.псх.н., проф. О.Е.Хухлаев (Москва); к.псх.н., доц. В.А.Цепцов (Москва); д.псх.н., проф. Р.М.Шамионов (Саратов)

Редакционная коллегия:

д.псх.н., проф. В.В. Гриценко (отв.ред); к.псх.н. Л.Л.Дикевич,
к.псх.н., доц. О.А.Лапшова, к.псх.н., доц. Н.В.Молчанова,
к.псх.н., доц. И.М.Осипенко, Е.М.Турок, Н.В.Муращенко (Смоленск)

*Авторская позиция и стилистические особенности публикаций
полностью сохранены*

Т 338 Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы Второй Международной научной конференции 26–27 мая 2010 г. В 2 т. / Отв. ред. В.В. Гриценко. – Смоленск: Универсум, 2010. – Т. 1. – 332 с.

ISBN 978-5-91412-085-3

Представлены доклады и сообщения, ставшие предметом обсуждения на Второй Международной научной конференции «Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии», прошедшей на базе Смоленского гуманитарного университета 26–27 мая 2010 года. В сборник вошли статьи ученых из России и зарубежных стран: Азербайджана, Беларуси, Израиля, Казахстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Украины, Финляндии, Эстонии, в которых отражены методологические и теоретические подходы к исследованию таких фундаментальных проблем, как трансформация этнической идентичности, влияние культуры на личность, межкультурное взаимодействие и этнические конфликты, психология миграции и аккультурации, этническая социализация и поликультурное образование.

Книга представляет интерес для психологов, этнологов, философов, социологов, антропологов и всех интересующихся актуальными проблемами этнической и кросс-культурной психологии.

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences
Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
Moscow state University named after M.V. Lomonosov
Moscow Municipal University of Psychology and Pedagogics
Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova
Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
Kharkov National University named after V.N. Karazin
Smolensk University of Humanities

THEORETICAL PROBLEMS OF ETHNIC AND CROSS-CULTURAL PSYCHOLOGY

Materials
for the 2nd International scientific conference
26-27 May 2010

TOME 1. ETNOPSYCHOLOGY:
CROSS-DISEIPLINARY
APPROACH

The conference is sponsored
by the Russian Foundation of Basic Research
Grant 10-06-06002-2

SMOLENSK
2010

The program committee of the conference

includes leading scientists from Russia and CIS countries, working at the specified sphere: M.Volovikova, professor (Moscow); V.Gritsenko, professor (Smolensk); L.Drobizheva, professor (Moscow); A.Zhuravlev, Corresponding Member of RAS (Moscow); I.Kaunenکو, PhD (Kishenev); N.Lebedeva, professor (Moscow); N.Malikova, professor (Moscow); V. Malkova, professor (Moscow); L.Naumenko, PhD (Minsk); V.Pavlenko, professor (Kharkov); L.Pochebut, professor (St. Petersburg), E.Reznikov, professor (Moscow); T.Smotrova, PhD (Balashov); G.Soldatova, professor (Moscow); T. Stefanenko, professor (Moscow); A.Sukharev, professor (Moscow); V.Khotinets, professor (Izhevsk); O.Khukhlaev, PhD (Moscow); V.Tseptsov, PhD (Moscow); R.Shamionov, professor (Saratov)

The organizing Committee

Professor V.V. Gritsenko (editor in chief), assistant professor L.L. Dikevitch, assistant professor O.A. Lapshova, assistant professor N.V. Molchanova, assistant professor I.M. Osipenko, E.M. Turok, N.V. Murashchenkova (Smolensk)

*The materials are published
in the author's version*

Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology: Materials for the 2nd International scientific conference 26–27 May 2010 in 2 V-s/ ed. by V.V. Gritsenko. – Smolensk: Universum, 2010 . – T. 1. – 332 p.

ISBN 978-5-91412-085-3

The collection represents the materials of the 2nd International scientific conference “The theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology” 26–27 May 2010 held by Smolensk University of Humanities. The participants from Russia, Azerbaijan, Belarus, Estonia, Finland, Israel, Kazakhstan, Latvia, Lithuania, Moldova, Ukraine shared their methodological and theoretical approaches to such basic scientific issues as transformation of the ethnic identity, cultural influence on the personality, cross-cultural interaction, ethnic conflicts, migration and acculturation psychology, ethnic socialization, policultural formation.

The book might be of interest for psychologists, ethnologists, philosophers, anthropologists and other specialists working with ethnic and cross-cultural psychology.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учитывая резко возросшую актуальность этнических проблем в современном мире, пронизывающих практически все общественные явления, я уверена, что **XXI** век станет веком этнометодологического мышления.

На данном этапе развития науки наблюдается не дифференциация сторонников разных подходов, а наоборот, отчетливо прослеживается тенденция к поиску общих позиций, общих теоретических подходов. Основные положения различных научных школ в современных исследованиях интегрируются в направлении формирования новых теоретических парадигм.

В связи с этим растет потребность в объединении усилий специалистов из разных областей гуманитарного знания, изучающих этнокультурные феномены, в научное сообщество, в котором могли бы обсуждаться результаты исследований, прежде всего, методологического и теоретического содержания.

В достижение данной цели призвана внести определенный вклад и Международная научная конференция «Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии».

Во второй раз на базе Смоленского гуманитарного университета, на смоленской земле, издавна являющейся зоной тесного взаимодействия разных этнокультур, проводится такой научный форум. Его проведение стало возможным благодаря содействию и активной научной поддержке ведущих российских ученых из Института психологии РАН, Института этнологии и антропологии РАН, Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, Московского городского психолого-педагогического университета, Санкт-Петербургского государственного университета и многих других научных центров более чем из **40** российских городов. Настоящий форум собрал также исследователей из сопредельных государств: Азербайджана, Белоруссии, Израиля, Казахстана, Латвии, Литвы, Молдавии, Финляндии, Украины, Эстонии.

В работе приняли участие психологи, социологи, этнологи, историки, антропологи, философы, филологи, что позволило обменяться новейшей информацией в области теории и методологии научных исследований этнической проблематики в рамках различных дисциплин, обсудить задачи и перспективы развития междисциплинарных связей в фундаментальных исследованиях.

На повестке дня работы конференции было заявлено обсуждение широкого круга теоретических проблем, связанных с изучением этничности и ее проявлений: этническое самосознание и этническая идентичность;

взаимовлияние личности и культуры; межэтнические отношения и кросс-культурные коммуникации; межэтническая и межконфессиональная толерантность; адаптация и аккультурация мигрантов в новой социо- и этнокультурной среде; роль поликультурного образования в развитии межкультурной компетентности и становлении гражданского общества и мн.др.

Обсуждение столь широкой и разнообразной проблематики позволяет констатировать возрастающий профессиональный интерес исследователей к проблемам методологии и теории психологической науки, к рефлексии сформировавшихся и развивающихся научных традиций, а также свидетельствует о большом научном потенциале, который имеет все возможности реализоваться в ближайшем будущем.

Представленные на конференцию доклады вошли в 2 тома Материалов конференции.

Уверена, что в результате работы конференции научное сообщество получит более глубокое представление о нынешнем состоянии теории и методологии этнической и кросс-культурной психологии, что позволит наметить ближайшие и отдаленные перспективы их развития, даст новый импульс для постановки и реализации новых задач.

*В.В. Гриценко,
Председатель Оргкомитета конференции,
доктор психологических наук, профессор,
зав. кафедрой общей и социальной психологии
Смоленского гуманитарного университета*

М.А. Абрамова
Новосибирск, Институт философии и права
Сибирского отделения РАН

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТИПОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ
В ГРАФИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ*

М.А. Abramova
Novosibirsk, philosophy and right Institute
The Siberian branch of the Russian Academy of Sciences

Representatsija of types of identification of the person in graphic images

The author in article analyzes representation in graphic works of descendants of mixed marriages of different types of self-identification. On the basis of the given analysis comes to a conclusion that drawings as a research method, allow to reveal the intrapersonal conflict of «I-concept», on the basis of discrepancy of declared and endured identifications.

Среди социальных институтов, функциями которых является, в том числе и адаптация индивида в социуме, выделяется институт брака. По переписи 2002 года на каждую тысячу приходится 7,5 смешанных браков (Журавлева, 2002). Для нашего исследования межнациональный брак представлял интерес как увеличительное стекло, позволяющее лучше рассмотреть проблему формирования этнической и гражданской идентичности индивида. Ведь несмотря на различные социокультурные процессы, происходящие в стране, необходимо признать, что на этническую идентификацию индивида в большей мере влияет этническая самоидентификация родителей.

По структуре этнического самосознания, предложенной В.Ю.Хотинец, одним из первых пунктов является осознание тождественности со своей этнической общностью или так называемая декларируемая идентичность. Однако для детей из смешанных семей в отношении декларирования этнической идентичности разработана своя классификация (Галкина, 1993): 1) биэтническая идентификация (идентификация с обеими этническими общностями), 2) моноэтническая идентификация; 3) безэтническая идентификация (в этом случае социальная идентичность иного рода доминирует над этнической); 4) идентификация с иным (неродительским) этносом.

На основании предложенной классификации из собранного в Якутии в 2008-2009 гг. массива мы отобрали 224 работы респондентов, родившихся в смешанных браках. Все они в письменных ответах на анкету

* Исследование проводится при поддержке РГНФ № 08-06-00613а

выбрали одну из национальностей родителей, таким образом, заявив себя, как представители моноэтнической идентификации. Базой исследования выбраны учебные заведения Республики Саха (Якутия). С целью соотнесения декларируемой и переживаемой этнической и гражданской идентичностей студентами и учащимися разработана и апробирована проективная методика «Изображение на тему». Респондентам предстояло изобразить символически понятия «культура» и «этнос». В процессе исследования нами было выявлено, что термин «культура» воспринимается респондентами абстрактно, с чем связан высокий процент рисунков, содержащих универсальные символы культуры. Поэтому вторым понятием, предложенным к изображению, стал термин «этнос» (табл. 1).

Особый интерес вызвал тот факт, что среди изобразивших символы якутской культуры, респондентов, идентифицировавших себя как саха, было только 52%, остальные идентифицировали себя как русские, эвены, эвенки, сахаляры, татары и т.д. Таким образом, мы можем предположить, что в данной ситуации на уровне подсознания реципиента влияние двух культур, представленных как в его семье, так и в ближайшем окружении оценивается неоднозначно, а изображение символов якутской культуры связано с влиянием доминирующей в окружении этнической группы.

Интересен также и результат по группе аморфные изображения. Одним из ярких рисунков этой группы стал «Котопес», который был и изображен и подписан автором. Фактически респондент продемонстрировал имеющийся конфликт на уровне переживаемой идентичности. Отрицательное отношение к этнической идентификации изобразили 2 человека, нарисовав границу, которая разделяет людей.

К рисункам, изображающим маргинальность респондента, можно отнести и надписи: «русские и чуваша», «сахаляры» и др. Последняя идентификация официально в статистике не встречается, однако в группе респондентов стабильно присутствуют до 15% людей, идентифицирующих себя с данной этнической группой. Это потомки смешанных браков якутов и славян.

На основе групп изображений по теме «этнос» мы подвели следующие итоги (табл. 2).

Таким образом, на первом месте по численности оказались рисунки, которые затрагивали тему этнической идентификации респондента. При сопоставлении декларируемой этничности и визуально представленной в рисунке, мы можем констатировать, что среди 59 респондентов, обозначивших себя как саха, только 26 изобразили этническую идентификацию, 14 продемонстрировали себя как граждане Якутии, 2 – России, 7 – Мира, а 6 – создали аморфные изображения, что свидетельствует о суще-

Таблица 1

Визуальная репрезентация респондентами термина «Этнос»

№	Группы изображений	%
	Символы якутской культуры	25,4
	Аморфные изображения (лицо без признаков этнической принадлежности, «котопес», «Я», изображение амебы)	23,2
	Якутия (образы природы, республиканская символика)	15,6
	Множественность	11,2
	Символика России, СССР	6,7
	Символика народов стран СНГ и Зарубежья	4,5
	Символы русской культуры	4
	Символы единения (хоровод, братство)	3,6
	Символы современной культуры	2,2
	Надписи (русские и чуваша, сахаляры и т.д.)	1,8
	Символы разделения (граница между людьми)	0,9
	Церковь как сила объединяющая	0,9
	Всего рисунков	100

Таблица 2

Типы идентификации

№	Варианты идентификации	%
1	Этническая идентификация	35,7
2	Идентификация не сформирована	23,2
3	Человек мира	17,9
4	Гражданская идентификация (республиканская)	15,6
5	Гражданская идентификация (российская)	6,7
6	Отрицательное отношение к этнической идентификации	0,9

ствовании внутреннего конфликта. Из 67 русских респондентов – 6 изобразили свою этническую идентификацию, 3 – республиканскую, 7 – российскую, 1 – конфессиональную. 15 – идентифицировали себя как люди Мира, 4 – продемонстрировали свою причастность к народам стран СНГ и зарубежья (что подтверждено описанием национальности их родителей), а 19 респондентов отразили несформированную идентификацию. Особый интерес вызывает тот факт, что 11 респондентов, декларирующих себя русскими, в рисунке идентифицировали себя с якутским этносом.

Таким образом, 39% из числа саха и 45% русских респондентов при декларируемой моноэтничности продемонстрировали в работах «безэтническую» идентичность по классификации Е.М.Галкиной. Мы бы в дан-

ной ситуации предложили иной термин – мультикультурная идентичность. В. А. Фаворский используя понятия «мироощущение», «миропредставление», подчеркивал важность «образной формы мировоззрения», говорил о предметно-пространственной форме понимания действительности. Мироощущению свойственно очень живое отношение к действительности, по большей части лишенное какой-либо предвзятости и какого-либо схематизма (Фаворский, 1988). Так вот в работах 90 респондентов зафиксировано это непредвзятое мультикультурное восприятие мира.

Также можно сделать вывод о том, что в ходе исследования мы получили возможность проанализировать индивидуальную проекцию «общего» (понятий «культура» и «этнос»), на уровне личностно переработанного содержания данного понятия для реципиента. Изучение проекции «общего» на данном уровне позволило выявить наличие у части реципиентов, рожденных в смешанном браке, внутриличностного конфликта по выбору этнической идентификации. Одним из фактов стало принятие влияния доминирующей этнической группы при этнической идентификации с «малой» группой.

Графическая работа как предмет исследования несет на себе не только отпечаток субъективности автора, но и символику бытия, принадлежащую тому миру, в котором он родился и творил. Однако необходимо признать, что переход персональной и культурно-исторической мифологии друг в друга возможен при условии идентификации личности с миром данного бытия на архетипичном уровне, когда личность, не осознавая, воспроизводит те символы и образы, которые ей знакомы с детства. Наше исследование показало, что осознанный выбор декларируемой идентификации в этом случае может не совпадать с переживаемой идентификацией. И результаты использования с этой целью проективных методик являются одним из ярких доказательств.

Список литературы

Галкина Е.М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей (по материалам этносоциологического исследования в Москве). Авт. канд. дис. на соиск. уч. ст. канд. истор. н. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. 30 с.

Журавлева И.А. Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики // http://www.perepis2002.ru/talks_gks/messageview.html?catid=2&threadid=123

Фаворский В.А. Литературно-теоретическое наследие. М.: Сов. художник, 1988. – С. 218.

З.И. Айгумова

Москва, Московский педагогический
государственный университет

МЕТОДОЛОГИЯ ЭТНОПСИХОЛОГИИ
КАК СТРАТЕГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Z.I. Aigumova

Moscow State University of Pedagogy

The ethnic psychology methodology as the research strategy

The status problems of the field subject of the ethno psychology are discussed in the article “The ethno psychology methodology as the research strategy”. In this article there are standing out the main ideas, methodology basics, on which should be rested Russian ethno psychology researches. It is underlined that the prospective trend of the ethno psychology is the universalism.

История этнопсихологических исследований в России такова, что на современном этапе этнопсихология представляет собой дисциплину, которая пытается охватить весь круг вопросов, имеющих отношение к этнической проблематике.

Отечественные этнопсихологи продолжают дискуссию по поводу статуса данной дисциплины. Существуют мнения о том, что этнопсихология – это

- 1) продолжение индивидуальной психологии;
- 2) самостоятельная наука;
- 3) отрасль социальной психологии.

Разделяя взгляд, о том, что этнопсихология – отрасль социальной психологии, считаю, что методологические основания данной дисциплины берут свое начало в социальной психологии. Как и в социальной психологии, в этнопсихологии существует проблема «наложения друг на друга двух рядов закономерностей: общественного развития и развития психики человека» (Белинская, 2001, с. 6). Этнопсихология изучает как массовые психические процессы, так и положение личности в группе, то есть изучает как личность в контексте культур, так и межэтнические отношения. Особенность моего подхода заключается в том, что предметом этнопсихологии является этническое самосознание, как всеобъемлющая характеристика, так как «... этническое самосознание – это своего рода «последний рубеж» сохранения этничности, ибо в ходе исторического развития могут быть утеряны и язык, и общая территория, и даже культурные традиции, но пока сохраняется этническое самосознание, не тускнеет и образ этнического «мы» (Сикевич, 1996).

Исходя из этой позиции, методологической основой этнопсихологии является идея о развитии личности путем «присвоения материальной и духовной культуры общества». Прежде всего, речь идет о «присвоении» традиционных ценностей и новых идей многополярного миропорядка (Мухина, 1999). В основе Этнопсихологии лежат утвердившиеся в нашей стране идеи К.Маркса и Ф.Энгельса о том, что сознание «никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни» (Маркс, Энгельс, 1995).

В лекционных курсах, посвященных психологии человека, традиционно используются идеи К.Маркса об общественной природе человека. К.Маркс настаивал на том, что общественный характер человека проявляется в «действительном общении с другими людьми». При этом К.Маркс писал о единстве человека и общества: «как само общество производит человека, так и он производит общество» (Маркс, 1974, с. 118).

Идеи о становлении человека как исторического феномена были представлены в исследованиях Б.Ф. Поршнева. Проблемы социально-психологических механизмов формирования человеческих общностей (подражание, внушение, психологическое заражение и др.) составляют основу методологического фундамента современных отечественных наук о человеке. В их число входит и этнопсихология.

Этнопсихология как наука, сопряженная с социальной психологией и психологией личности, должна быть ориентирована на значения и смыслы исходного психического явления «мы и они». Б.Ф. Поршнев доказывал, что «первым актом социальной психологии надо считать появление в голове индивида представлений о «них» (Поршнев, 1979). В то же время для этнической психологии безусловное значение имеет «мы» – именно «мы» определяет этническую идентичность.

Именно идеи о человеке, действующем во взаимодействии со своим этносом, должны быть в основе методологических принципов при построении курса этнопсихологии. Этнопсихология призвана отвечать на вопрос: как порождались глубинные этнопсихологические феномены, которые формировали этническое самосознание, означаемое местоимением «мы».

Методологию этнопсихологии также определяют идея историзма, предложенная Гельвецием, идея равенства всех народов, лежащая в основе гуманного отношения к людям (Гельвеций, 1938). Идея равенства означает, что нет народа избранного и нет народа гонимого, отсталого, примитивного: в психологическом отношении народы равны.

Идеи, заложенные в основных теориях этнопсихологии, определяют границы понятий научного знания, их генезис. Так В.Вундт в теории «Психология народов» отмечает, что совместная жизнь индивидов и их

взаимодействие между собой должны порождать новые явления со своеобразными законами, которые не противоречат законам индивидуального сознания, но и не сводятся к ним. Основным методом психологии народов – анализ конкретно-исторических продуктов духовной жизни, то есть языка, мифов и обычаев, которые представляют собой не фрагменты творчества народного духа, а сам дух (*Вундт*, 2001).

Теоретические и эмпирические этнопсихологические исследования позволяют сегодня утверждать, что перспективным направлением является универсализм. Основная идея этого направления – культуры равные, внешне разные, но в основе своей одинаковые, то есть базовые психологические процессы являются общими для человеческих существ повсюду на Земле, но на их проявления серьезно влияет культура.

Этнопсихологические исследования как впрочем, и психологические, должны опираться на определенную систему анализа. Одним из таких систем анализа является междисциплинарный подход, который предполагает изучение этнопсихологии как продукта исторического, экономического, политического, культурного развития, то есть «сложность самих этнопсихологических явлений, их неоднозначность и многогранность неизбежно порождает необходимость междисциплинарного подхода» (*Выготский*, 1982–1984).

Этнопсихологические явления требуют интегрирования многих наук: опираясь на психологические теории и концепции, необходимо привлекать исторические, социологические, этнологические, антропологические и другие знания. «И это не дань методологической моде на «комплексные программы», а внутренняя необходимость, поскольку сама национальная проблематика не может изучаться в отрыве от специфики национально-культурных содержаний (норм, традиций, обычаев и т.д.) и вне конкретного исторического контекста. Психолог или социолог, нечувствительный к этим контекстам, подчас имеющим острую политическую окраску, просто оказывается «вне предмета исследования» (*Собкин*, 1998).

Таким образом, обозначенные выше идеи, определяют стратегию этнопсихологических исследований.

Список литературы

- Белинская Е.П., Тихомандрицкая О. А.* Социальная психология личности – М., 2001.
Вундт В. Проблемы психологи народов. – М., 2001.
Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. – М., 1982–1984.
Гельвеций К.А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. – М., 1938.
Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. – Т. 3. – М., 1995. – С. 25.

- Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Соч. Т. 42. – М., 1974. – С. 118.
- Мухина В.С. Феноменология бытия и развития личности. – М., 1999.
- Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. 2-е изд. – М., 1979.
- Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. – М., 1996.
- Собкин В.С. Этнос. Идентичность. Образование. – М., 1998.

Т.Я. Аникеева

Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ОБРАЗ РОССИИ И ПРОБЛЕМА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

T.J. Anikeeva

Moscow State University named by M.V. Lomonosov

Image of Russia and problem of ethno cultural identity

This work presents comparative analysis of image of Russia and another country in the view of students of Perm region.

1. В современном обществе процесс формирования в том числе этнокультурных ценностей у представителей различных социальных слоев происходит под усиленным почти неограниченными техническими возможностями влиянием средств массовой информации, а у молодежи, в первую очередь, под влиянием Интернета как своеобразного выразителя так называемого «нового мировоззрения» глобального общества, с ориентацией на неограниченную «свободу» и ценности западной демократии (прежде всего, капитализацию), в противовес традиционным российским ценностям. В связи с этим представляется весьма важным изучение возможного появления новых тенденций в процессе этнокультурной идентификации у представителей молодого поколения россиян, как тенденций, способных повлиять на качественные особенности и изменения в российском менталитете в целом.

2. Проведенное в конце 2009 года, с использованием метода психосемантического шкалирования, исследование образов восприятия различных зарубежных стран и образа России у студенческой молодежи Пермского края показало, что наиболее предпочитаемым в их представлениях является образ «объединенной Европы». Страны Объединенной Европы

воспринимаются как прогрессивные, авторитетные и уважаемые в мире, богатые и обустроенные, а также стабильные и надежные. Из неоднозначных по оценке смыслового компонента характеристик в образе Европы присутствует качество «расчетливая».

3. Факторный анализ позволил выявить четыре значимых и три дополнительных фактора в категориальной структуре восприятия студентами образов стран, а именно:

первый фактор (16.3% общей дисперсии данных, на положительном полюсе характеристики «уважаемая в мире, могущественная, авторитетная, прогрессивная, сильная, ритмичная, образованная, независимая, богатая, возрождающаяся»), проинтерпретирован как *уважение к стране в мире*, а также имеющиеся основания для этого уважения;

второй фактор (11.5% общей дисперсии данных, положительный полюс фактора представлен характеристиками «чистая, преумножающая, трудолюбивая, стабильная, надежная, безопасная, ответственная, уважающая закон») описывает *позитивные усилия* руководства и населения страны, направленные на ее развитие, а также *результаты этих усилий*;

третий фактор (11.1% общей дисперсии данных, на положительном полюсе характеристики «щедрая, милосердная, открытая, веселая, терпеливая, родная, просторная, справедливая, добрая») описывает *открытость и душевное тепло в отношениях* страны и ее жителей к представителям других стран и к самим этим странам;

четвертый фактор (6.9% общей дисперсии, характеристики «духовная, религиозная, целомудренная, нравственная, монолитная») описывает *духовность, нравственность* жителей страны и самой страны в целом. Интересно, что с этими характеристиками в представлениях респондентов связано и внутреннее единство страны, ее, в том числе, этническая сплоченность.

Среди дополнительных факторов интересен так называемый «цивилизационный», описывающий принадлежность той или иной страны к западной или же к восточной цивилизации (содержание фактора: «демократичная–тоталитарная, западная цивилизация–восточная, космополитичная–патриотичная, временная–вечная, уважающая закон, власть–корумпированная»).

4. В выявленном категориальном пространстве наиболее позитивно воспринимается представителями студенческой молодежи образ «объединенной Европы» как представителя западной цивилизации, а также образы Японии и Китая как представителей восточной цивилизации. Образ России занимает минимальное значение в пространстве второго фактора («*позитивные усилия и их результаты*»). По остальным факторам

образ России близок к нулевой оси – за исключением третьего фактора (*открытость и душевное тепло в отношениях*), где он положителен и по значению уступает только образу «объединенной Европы».

5. Обращает на себя внимание тот факт, что в представлениях респондентов сегодняшняя Россия (и государство, и страна) принадлежит к восточной цивилизации. Тогда как образ «будущей России – это образ западной державы («демократичная, космополитичная, руководимая уважающей закон, не коррумпированной властью»).

6. Опираясь на полученные данные, можно предположить, что студенческая молодежь Пермского края в своих этнокультурных предпочтениях склонна ориентироваться на ценности современной западной цивилизации, воспринимая страны объединенной Европы как своеобразный «идеал», к которому во многом следует стремиться сегодняшней России. (Это предположение косвенно подтверждается теми устными высказываниями респондентов, которые были зафиксированы нами в ходе проведения исследования (к примеру, «Пермь – восточная граница Европы»), а также теми усилиями, с которыми студенты пермских вузов стремятся поддерживать зарубежные контакты с представителями западных высших учебных заведений).

7. Вместе с тем, метод психосемантического шкалирования позволяет выявлять имеющиеся в категориальной структуре восприятия объектов (в данном случае различных стран) противоречия, которые могут не осознаваться самими респондентами. Так, при всех выявленных негативных оценках образа России, именно России присуще качество «родная», тогда как «объединенная Европа» воспринимается как «чужая». Кроме того, «западная цивилизация», при всех положительных характеристиках, оценивается как «временная», а «восточная цивилизация», наоборот, «вечная».

Ахади Хадибеглу Аскер Алисахиб оглу
Баку, Азербайджан,
Бакинский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИЕРАРХИИ ЦЕННОСТЕЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ И СТУДЕНТОВ ИРАНА

Ahadi Hadibeglu Asger Alisahib oglu
Baku, Azerbaijan, Baku State University

Changes in moral values of youth and teenagers of Iran

At the social development present stage there are essential changes in spiritually-moral values of the population, including at youth. We had been carried out research among 508 students and schoolboys, for the purpose of revealing not only the structure of values accepted among youth, but also the factors influencing this process.

Известно, что студенты Ирана становятся все более образованными и все чаще заявляют о себе победами в региональных и межрегиональных олимпиадах и конкурсах учащихся университетов и институтов. Молодежи много, поэтому влияние людей молодого возраста значительно, при относительно низких темпах прироста населения в целом (1,61%) в молодых группах прирост в 2–2,5 раза выше. При этом происходит быстрое пополнение рынка труда молодежью, что при ограниченных инвестиционных возможностях по созданию новых рабочих мест усиливает давление молодых возрастов на рынке труда. Мы поставили перед собой задачу исследования ценностного потенциала людских ресурсов Ирана.

Известно, что этот потенциал определяется, прежде всего, религиозным и национальным факторами. Именно сочетание этих двух показателей, считают исследователи, в конечном итоге формирует готовность пожертвовать собой ради процветания народа, страны, правительства. Как известно, в Иране официальной религией, определяющей государственное устройство и идеологию, является ислам шиитского толка. По статистическим данным, подавляющая часть населения страны -верующие люди. Влияние религии на жизнь иранского общества очень велико, особенно в сельских районах, население которых более твердо в своей вере и готово бороться за существующий уклад жизни (Интернет-ресурс, 2009).

Отметим также, что на современном этапе общественного развития происходят существенные изменения в духовно-нравственных ценностях населения, в том числе и у молодежи. Нами было проведено исследование среди 508 студентов и школьников, с целью выявления не только

структуры ценностей молодежи, но и факторов, влияющих на этот процесс, при этом был использован сравнительный метод, статистические данные были подвергнуты анализу с помощью таблицы Моргана. Изменения в нравственных ценностях связаны в немалой степени и с глобальными переменами, происходящими в общественном развитии. Нас интересовал вопрос о том, как отражается возраст, уровень образования, пол на структуре ценностей. Для сбора информации были составлены анкеты, в том числе стандартная опросная анкета Алпорта и Ворнона (*Занджизаде, 1998*). 6 групп ценностей (религиозные, научные, экономические, эстетические, политические и социальные), распределенных Алпортом, были нами заимствованы как базовые и определены в качестве объекта исследования. Разумеется, группировка условная, но в каждую группу при этом включаются интересы и установки, связанные с указанной сферой деятельности.

Для вычисления отклонений была применена методика Спирмена Брауна, уровень надежности составил более 71%. Анкета была апробированной и в этом смысле надежной, вдобавок был применен коэффициент Альфау Кронбаха. Для анализа собранного материала были использованы различные шкалы и составление гистограмм. При резюмировании сделанных выводов был определен уровень доказательности гипотез, применены коэффициент зависимости Спирмена и Хидо.

Итоги исследования показали, что у старших школьников ценности можно выстроить в следующей последовательности (по мере убывания): научные, экономические, социальные, религиозные, эстетические, политические. У студентов университета на первом месте стоят религиозные ценности, затем соответственно научные, экономические, социальные, эстетические. Среди факторов, влияющих на характер ценностей, следует назвать, прежде всего, уровень образования, пол, возраст, уровень жизни, и т.д. Характер ценностей определяется также позицией семьи. Так, в семьях с небольшим доходом научные ценности преобладают над другими, т.е. студент или подросток предпочитает хорошо учиться, затем соответственно следуют экономические, социальные, религиозные, эстетические, политические ценности. В семьях со средним уровнем дохода на первом месте также стоят научные ценности, однако религиозным ценностям здесь уделяется больше внимания. Нами было также подмечено, что девушки, больше уделяющие внимание внешности и следующие капризам моды, не так религиозны, как девушки с меньшим достатком и меньшими претензиями на броскую внешность. У ребят одежда и внешность не имеет существенного влияния на их религиозные взгляды.

Было определено, что среди школьников религиозные ценности не являются довлеющими. Результаты, полученные нами, несколько раз-

няться с проведенными ранее, где религиозные ценности ставились очень высоко (Джаббари, 1996). Можно сказать, что по возрасту эти ученики уже стали студентами и в этом смысле результаты, полученные нами, показывают, кстати, то, что у студентов оценка религиозных ценностей достаточно высока. Нельзя забывать, что процессы межпоколенческой трансмиссии идут непрерывно и это отражается на предпочтениях студентов. Молодежь сама по себе очень подвергнута различным влияниям, здесь радикализм соседствует с романтизмом и т.д., формируются политические и религиозные взгляды, которые со временем уравниваются с общим мировоззрением, взглядами на мир (Занджизаде, 1998). Нами было выявлены существенные различия во взглядах различных возрастных групп молодежи: 14-20 летние больше предпочитали социально-политические ценности, а свыше 20 лет – научные и экономические. Среди девочек-подростков социальные ценности преобладают над другими. В целом у девушек и юношей имеются существенные различия в ценностных предпочтениях. На изменения в предпочтениях и оценках оказывают влияние и место проживания. Отметим, что если население живет в пограничной зоне, то средства массовой информации других стран воздействуют на сознание молодежи и их ценностные предпочтения. Полученные результаты исследования показали, что просмотр каналов телевидения через спутниковые антенны и интерес к зарубежной музыке уменьшает ценность религиозных убеждений и усиливает научные и эстетические интересы.

Исследование показало отсутствие должной гармонии между системой ценностей у молодежи и социальным строем. Эта проблема – одна из существенных для Ирана, которая повлечет за собой в будущем ряд других проблем. Для выработки коллективного согласия и общественного повиновения необходимы крепкие нравственные ориентиры. С точки зрения достижения общественного порядка это является жизненно необходимым. Налицо слабое воздействие религиозной позиции семьи на процесс формирования нежелательных социальных ценностей. Слабое сотрудничество между представителями различных культурных ценностей.

Список литературы

Джаббари Ризвани. Развитие системы ценностей у учеников – детей шехидов и обычных учеников. – Мешхед, 1996 (на персидском языке).

Занджизаде Хума. Введение в общую социологию. – Мешхед, 1998 (на персидском языке).

Интернет-ресурс: www.iimes.ru/rus/stat/2009/28-11-09a.htm.

Е.Ю. Бахта

*Улан-Удэ, Бурятский государственный университет***РОЛЬ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА
В СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

E.Y. Bakhta

*Ulan-Ude, Buryat State University***To the question of the role ethnopsychological factor in sport activity**

We show the role ethnopsychological factor in sport activity. We provide the reasons for the necessity of managing ethnopsychological peculiarities of the sportsmen in the aims of resultiveness of their competitive activity.

Моделируя сложные и экстремальные условия жизни, спортивная деятельность является эффективным средством воспитания столь необходимых в настоящее время нравственных, интеллектуальных, психологических и физических качеств. При этом для наиболее полной реализации потенциальных возможностей спортсменов необходимо учитывать все их индивидуальные характеристики, в том числе и психологические особенности, присущие представителям того или иного этноса (Калмыков, 2000, с.29). Работая над определением психологических характеристик, присущих конкретным этносам и народам, авторы часто используют самые различные понятия и термины, такие как «психологический склад нации», «национальный характер», «национальное самосознание», «национальная психология» и др., зачастую в качестве тождественных, что ведет к методологическим противоречиям. Их можно устранить, если применить в качестве базового понятия термин «этнопсихологические особенности».

Этнопсихологические особенности людей - это реально существующие, функционирующие явления общественного сознания, имеющие свои специфические свойства, своеобразные механизмы проявления и оказывающие большое воздействие на деятельность и поведение людей. Они представляют собой динамическую, изменчивую сторону национальной психологии и обнаруживают себя именно в деятельности, в поведении, поступках (Крысько, 2002, с.131). Они указывают, что национально-психологические особенности можно структурно представить следующим образом:

1. Мотивационно-фоновые (работоспособность, деловитость, осмотрительность, степень усердия и т.д.).

2. Интеллектуальные (степень приверженности к логике, широта и глубина абстрагирования, скорость мыслительных операций, характер организации мышления и др.).

3. Познавательные (глубина, целостность, активность и избирательность восприятий, полнота и оперативность представлений, яркость и живость воображения, концентрация и устойчивость внимания и т.д.).

4. Эмоциональные (динамика протекания чувств, особенности выражения эмоций и чувств).

5. Волевые (специфика национальной установки на волевою активность, устойчивость волевых процессов, длительность волевых усилий).

6. Коммуникативные (характер взаимодействия, общения и взаимоотношений между людьми, сила сцепления в группах, сплоченность и отчужденность).

Этнопсихологические особенности проявляются только через механизмы установки и стереотипа. Основные современные представления о них сводятся к следующему.

1. Национальная установка понимается как определенное состояние внутренней готовности личности на специфические проявления чувств, интеллектуально-познавательной и волевой активности, динамики и характера взаимодействия, общения и т.д., соответствующие сложившимся национальным традициям. Подобное своеобразие действительно возможно на психофизиологическом уровне, что подчеркивает в своем исследовании А.Г. Асмолов (*Асмолов, 2001, с. 46*). Национальные установки, как и установки любого другого вида, закрепляются в ходе исторического развития психического склада нации. В результате образуются целые системы фиксированных национальных установок, которые постоянно актуализируются и инициируют своеобразное протекание психических процессов личности, характер поведения, взаимодействия, общения определенных этнических общностей, обеспечивая внутреннюю готовность к определенной форме их реагирования на возникающие ситуации.

2. Основу фиксации национальной установки следует искать в образовании национальных стереотипов непосредственному воздействию объективной действительности. По этой причине они обладают большей, по сравнению с другими психологическими явлениями, консервативностью и устойчивостью (*Крысько, 2002, 135 с*).

Когда мы говорим о спортивной деятельности в командных видах спорта, не следует забывать, что в первую очередь это совместная деятельность нескольких людей. И от того, как происходит межличностное взаимодействие и насколько сочетаемы их личностные характеристики, зависят и результаты спортивной деятельности. Основным компонентом совместности – субъективная удовлетворенность взаимодействующих людей.

Психологическая совместимость рассматривается как феномен, включающий межличностные взаимоотношения и предполагает следующее:

1. Комплиментарность потребностей, подразумевающую дополнение к проявлению потребностей. Например, когда один из субъектов проявляет сильное стремление к лидерству, а другой – потребность в повиновении.

2. Конгруэнтность потребностей, когда оба субъекта (партнеры) обладают сходными потребностями, удовлетворяемые одними и теми же межличностными отношениями.

3. Комплиментарность навыков, предполагающую компенсацию недостаточно развитых у одного субъекта способностей другим (партнером).

4. Комплиментарность знаний, когда оба партнера обладают неперекрывающимися знаниями, так что каждый из них может учиться у другого.

5. Общность ценностей, когда партнеры по совместной деятельности имеют общую систему ценностей и правил поведения.

В целом, как показывает изучение научно-методической литературы в области спортивной психологии, теории и методики спортивной тренировки, вопросы, касающиеся определения связи и влияния этнопсихологических особенностей на соревновательную деятельность спортсменов, в настоящее время раскрыты недостаточно. Когда речь идет о командных видах спорта, не следует забывать, что эффективность совместной деятельности и формирование оптимальных межличностных взаимоотношений обусловлены тремя видами совместимости – социальной, психологической и психофизиологической. Значимость вида совместимости будет определяться особенностями спортивной деятельности, ее задачами, требованиями к личности (*Бабушкин, 2005, с. 30*).

Для людей с «нормальной» этнической идентичностью свойственно отдавать предпочтение собственной культуре и ценностям. Это как бы начальная ступень этноцентризма, когда стремление к позитивной этнической идентичности является необходимым условием сохранения целостности и неповторимости этнической общности в этнокультурном многообразии мира (*Калмыкова, 2008, с. 14*).

Большинство спортсменов, особенно высокой квалификации, уважительно относятся к представителям других национальностей, уважает собственную культуру и этническую группу. Возможно, это связано с наличием у испытуемых интенсивных межэтнических контактов в реальной жизни.

В полиэтнической среде межэтническое взаимодействие – это повседневная реалья, поэтому этническая принадлежность партнера по общению перестает быть доминирующей. На первый план выходят социальные и эмоциональные аспекты. Для такого типа идентичности характерна высокая толерантность и готовность к межэтническим контактам. При

этом, стремясь к позитивной этнической идентичности, индивид повышает свою самооценку, и стремится повысить престиж и статус своей группы (Калмыкова, 2008, с. 14).

В целом же, констатируя, следует отметить, что, несмотря на достаточную разработанность теории и методологии национально-психологических исследований, изучение этнопсихологических особенностей спортсменов и определение их влияния на тактику соревновательной деятельности в настоящее время практически не ведутся. Этим объясняется то, что в процессе спортивной подготовки, как правило, недостаточно принимается во внимание своеобразие национальной психологии занимающихся, что, по нашему мнению, в определенной мере негативно сказывается на результативности их соревновательной деятельности.

Список литературы

Асмолов А.Г. Психология личности: принцип общепсихологического анализа / А.Г. Асмолов. – М., 2001.

Бабушкин Г.Д. Психологическая совместимость и срабатываемость в спортивной деятельности / Г.Д. Бабушкин, Е.В. Кулагина // Теория и практика физической культуры. – 2005. – № 10. – С. 26-32.

Калмыков С.В. Актуальность исследования спорта как модели деятельности человека в экстремальных условиях в контексте дихотомии «Восток-Запад» / С.В. Калмыков // Теория и практика физической культуры. – 2000. - № 10. – С. 28-34.

Калмыкова Е.М. Этнопсихологические особенности самоактуализации личности студентов: дис. канд. психол. наук / Е.М. Калмыкова. – Улан-Удэ, 2008. – 207с.

Крысько В.Г. Этническая психология / В.Г.Крысько. – М.: Академия, 2002. – 320с.

А.И. Белкин

Самара, Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия

ТЕНДЕНЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ГРАФФИТИ

A.I. Belkin

Samara, Volga region state socially-humanitarian academy

Tendencies of formation of symbolical identity on an example graffiti

Given article is devoted definition and the analysis of a new identification phenomenon – symbolical identity on a material uninstitushional to graphic activity. The concept of identity, a condition of formation of identity of a new global information field are considered and the phenomenon of symbolical identity is described.

Данная статья посвящена определению и анализу нового идентификационного феномена – символической идентичности на материале неинституциональной изобразительной деятельности. Проблематика идентичности остается одной из самых актуальных и традиционных психологических тем, так как именно идентичность становится источником психологического здоровья или нездоровья личности, ее самоощущения и успехов в деятельности.

Идентичность никогда не является или не являлась ранее универсальной, она всегда привязана к определенной системе – этнической, социально-групповой, личностно-психологической. Так, М. Фуко считает, что идентичность формируется дисциплинарной властью, которая появилась в результате нового крупномасштабного регулирования институтов позднего модерна. Техники дисциплинарной власти включают в себя такое применение власти и знания, которое продолжает индивидуализировать субъект, более интенсивно влияя на его тело (Фуко, 1993).

Идентичность в общем плане есть горизонт, в котором некоторая личность существует и действует как целое: «идентичность – характеристика отношения индивида к себе самому, его «самопринадлежность», тогда как в другом контексте идентичность характеризует принадлежность индивида к некоторому коллективу» (Малахов, 1998, с. 161).

Согласимся с точкой зрения ученого, так как идентичность как психологическое явление всегда подразумевает достижение целостности, ощущение самоидентичности своего существования, которое может достигаться через отождествление с различными персональными характеристиками или социальными и культурными феноменами.

В психологической науке под идентичностью часто понимается «чувство непрерывности своего бытия как сущности, отличной от всех других» (Райкрофт, 1995 с.51). Наиболее авторитетная концепция идентичности принадлежит известному американскому психологу Э. Эриксону. По его мнению, идентичность можно определить скорее как «*субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности*» (Эриксон, 1996, с. 28).

Идентичность, что особенно важно, является процессом, локализованным в ядре не только индивидуальной, но и общественной культуры.

Основным средством достижения идентичности ранее служило приобщение к традиционным ценностям. Однако в современном мире происходят процессы “технологической экспансии”, влекущие за собой переоценку ценностей и идеалов, принятых в традиционном обществе. На смену традиционализму приходит постсовременная эпоха, которая диктует новые векторы развития человечества. Отдельным направлением психологических исследований становится изучение особенностей конструирования психосоциальной идентичности человека, существующего в условиях информационного общества, тотальной знаковой информационной среды, создаваемой СМИ и Интернетом.

В настоящее время происходит процесс информатизации и текстуализации жизненного пространства личности и общества. Традиционные идентичности сталкиваются с влиянием информационной культуры, что приводит к различным последствиям, прежде всего – к необходимости идентификации человека в информационном пространстве. Этот процесс может протекать двояко: как противопоставление себя характеру влияния информационной среды либо как принятие этого воздействия, что порождает попытки интегрироваться в информационную среду, достичь устойчивой личностной информационной идентификации, сформировать символическую идентичность, кодирующую человека в новой тотальной знаковой информационной среде.

Одним из следствий такой идентификационной практики является возникновение среди молодежных групп и их представителей специфических барьеров общения, которые определяются не столько возрастными, половыми, культурными факторами, а индивидуальными характеристиками.

По нашему мнению, в настоящее время психосоциальная идентификация упрощается и носит нестандартный характер. Особенностью новой идентификации является не противопоставление себя взрослой культуре с помощью антагонистических ей форм, что является характерным признаком криминальной субкультуры, а выбор новой плоскости противопоставления, протеста, который не учитывается механизмами господствующей культуры.

Кризисные условия обостряют стремление к групповой защите, солидарности, поиску стабильности, поддержанию самоуважения. Живя в нескольких социальных пространствах, более или менее близких к повседневной жизни, человек, прежде всего, идентифицируется с ближайшим окружением.

В настоящее время возникают новые проблемы, важнейшей из которых является обретение человеком собственной идентичности. В условиях возможности выбора большого числа идентичностей человек оказывается в ситуации неопределенности, над ним нависает опасность потерять себя, ощущение своей самотождественности, личностной целостности. В социально-психологическом плане исследовательский акцент смещается с макросоциального анализа на изучение микросоциальных явлений. Происходят процессы универсализации, стирания индивидуальности человека, национальности, этнических и профессиональных черт. Так, даже в рамках одной профессии предполагается выбор одной из альтернативных сфер деятельности. Возрастает неопределенность индивидуальной и общественной жизни. Эти процессы приводят к тому, что человеку в постсовременную эпоху все сложнее обрести идентичность.

В условиях глобализации человек стремится сохранить свою индивидуальность, неповторимость своей личности, мироощущения, бытия. Поэтому возникают новые формы человеческого самовыражения, а старые формы получают стремительное развитие. Граффити относятся к известным с древности формам личностного и группового самовыражения, представляя собой сферу, открытую для проявлений человеческой индивидуальности. Их распространение в постсовременном мире связано с возрастающими потребностями человека в преодолении отчуждения от себя, другого человека и мира, в обретении собственной идентичности.

Мы считаем, что в настоящее время можно говорить о появлении нового вида идентичности, связанного с экспансией влияния информационной культуры и глокальной ситуацией метанарративов в культуре – символической идентичности. *Символическая идентичность* – это идентичность, возникающая на основе идентификации человека с определенными элементами информационной среды, отражающая стремление человека адаптироваться в новых условиях существования, в условиях тотальной знаковой среды, имеющей виртуальный характер. Любая идентификация носит символический характер, однако только при символической идентификации человек отождествляет себя не с реальными людьми, вычленимыми референтными личностными чертами или социальными группами, а с информационной средой или ее отдельными компонентами, имеющими текстуальную знаково-символическую природу. Символическая идентич-

ность представляет собой сформированное чувство самоидентичности и интегрированности с информационной культурой.

По своему характеру символическая идентичность кардинально отличается от традиционной персональной и психосоциальной идентичности, так как ее цель – одновременно зафиксировать интегрированность с виртуальной реальностью и подчеркнуть значимость различий, неопределимости существования с помощью традиционных культурных категорий и средств формирования идентичности. Сформированная символическая идентичность позволяет почувствовать индивидууму свою интегрированность и слияние с информационной культурой. В граффити в непосредственной форме осуществляется процесс конституирования символической идентичности, который реализуется в основном с помощью наиболее распространенной формы неинституциональных надписей и рисунков – информационной подписи.

Список литературы

Малахов В.С. Идентичность / Малахов В.С. // Современная западная философия. – М.: ТОН-Остожье, **1998**. – С. **160-161**.

Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. / Ч. Райкрофт. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, **1995**. – **288** с.

Фуко М. Рождение клиники / Фуко М. – М.: Смысл, **1998**. – **320** с.

Эриксон Э. Детство и общество. / Эриксон Э. – СПб.: Ленато, **1996**. – **592** с.

В.А. Блажко

Кишинев, Институт Европейской интеграции
и политических наук Академии наук Республики Молдова

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В САМОИДЕНТИФИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ
(на материалах социологических исследований
в Республике Молдова)

V. A. Blazhko

*Chisinau, Institute of European Integration and Political Sciences
Academy of Sciences of Moldova*

The role of the social value in the self identification of the young

In the material of the sociological researches which were made in the Republic of Moldova, the author show the transformation and the influence of the social value over the self identification and the socialization of the young generation of the state.

В период коренных социально-экономических и политических реформ, которые переживают многие страны постсоветского пространства, особо остро встают проблемы духовного переустройства общества. В общественном сознании, основу которого составляют традиционные ценности и идеалы, нормы и правила поведения, сложно и весьма противоречиво формируется новая система ценностей и ценностных ориентаций людей. В транзитивном обществе она сегодня определяет среду самоидентификации и социализации молодого поколения и подвержена влиянию глобализации (особенно в сфере культуры), с одной стороны, и социально-экономических реформ во внутренней политике стран, с другой.

Многие зарубежные исследователи отмечают, что глобализация в социально-культурном пространстве не означает уничтожение наций и национальных культур. Ведь она не смогла заставить исчезнуть национализм или преобразовать коренным образом национальные культуры народов. Более того, по мнению М. Уотерса, глобализация - это социальный процесс, «в котором ограничения, налагаемые географией на социальное и культурное устройство, ослабевают, и в котором люди это ослабление все больше осознают» (**Waters, 1995, с. 3**). Мнение многих зарубежных исследователей по этим проблемам весьма идентично: да, глобализация стирает межнациональные барьеры, и хотя приводит к утрате самобытности национальных культур, все же создает новую «геокультурную субъектность». По поводу таких выводов нам хотелось бы сделать два важных замечания.

Во-первых, глобализация в сфере культуры лишает народы их идентичности и самобытности, разрушает традиционные ценности, формируя на «идеалах вестернизированной культуры» некий геокультурный бездуховный суррогат. Это – факт.

Во-вторых, да, глобализация не уничтожает национализм, но она его порождает. Парадокс? Нет. Как справедливо отмечают российские ученые В.А.Лисичкин и Л.А.Шелепин: «Чтобы осуществить глобальную власть над людьми, необходимо предварительно разрушить установившиеся взаимосвязи, традиции, нормы морали, стереотипы. Общественное сознание переходит в состояние неустойчивости, и люди не оказывают организованного сопротивления. Человеком, оказавшимся одиноким в обществе, могут эффективно управлять СМИ. Он постепенно становится их рабом и может действовать против своих собственных интересов. Ему навязывают лозунги индивидуализма, личной предприимчивости, «прав человека». На переднем плане – личность, находящаяся как бы вне общества, живущая только для себя, для удовлетворения своих желаний. Разрешено все, что не запрещено. Существует общечеловек, гражданин мира, имеющий целью только свои личные интересы. Поэтому высшая ценность – деньги. Деньги решают все, а подлинный бог – Мамона» (Лисичкин, Шелепин, 2001, с. 33). А ведь национализм в определенной степени и есть проявление и утверждение надобщественного негативно трансформированного «сверх я».

Эти влияния глобализирующей культуры в нашей стране особенно ярко проявляются в молодежной субкультуре. Ценности национальной культуры, как классической, так и народной, уже много лет вытесняются схематизированными стереотипами – образцами массовой культуры «американского образа жизни». Однако вестернизация культурных интересов имеет и более широкую сферу приложения: художественные образы возводятся на уровень форм группового и индивидуального поведения молодых людей и проявляются в таких чертах личности, как прагматизм, жестокость, неумеренное стремление к материальному благополучию. Наши социологические исследования показывают, что многие социальные ориентации молодежи формируются идеалами именно «вестернизированной» американской культуры. В качестве жизненных целей молодые люди назвали: «жизнь полная удовольствий», «жить в кайф», «иметь деньги и реализовать все свои возможности» и др. (Данные... 2004–2009, с. 5).

Вместе с тем, проведенные социологические исследования в молодежной среде, показали, что именно такие моральные императивы внедряются всеми возможными средствами (СМИ, искусство, литература, кино)

в сознание современных поколений, причем на всем постсоветском пространстве. Так, например, за последние 15 лет социологические опросы россиян показывают, что 54% опрошенных считают, что люди стали более циничными, менее честными – 66%, менее душевными – 62%. (Белкин, 2008, с.45). А в Молдове, молодежь отмечает, что люди стали менее альтруистическими – 24,7%, менее дружелюбными – 39,5%, менее целеустремленными – 21,5% и т.д. (Данные... 2004–2009, с. 7).

С другой стороны, качественно и количественно перестраивается не только ценностная система общества, но и ее потребители, т.е. люди. В современном обществе духовные ценности становятся товаром, приносящим прибыль его владельцам. Ценности утрачивают свою главную и естественную функцию – быть средством удовлетворения духовных потребностей не только одного человека, но и общества в целом. А сами люди, в массе своей, перестают быть активными участниками духовного производства. В результате таких процессов в обществе все интенсивнее развивается система манипулирования общественным сознанием, навязывание ценностей и ориентаций личности конформистского и приспособленческого характера. И как следствие у значительной части социума формируется престижно-потребительское «ритуальное» поведение. В его основу кладутся принципы «потребительской морали» неогедонизма - с присущей ему мотивацией поведения, средств самоконтроля, оправдания и обоснования максимальных наслаждений, независимых от моральных последствий. Такое поведение расширяет свои границы до социальных практик общества, т.е. «пронизывает» все социальные структуры, формируя на всех уровнях социума упрощение «версий жизни», образцы конкретно-социального, стандартизированного поведения. Все это приводит к тому, что моральные императивы, лежащие в основе социальных духовных ценностей, приобретают релятивистский характер, а сама мораль становится «ситуативной», способствуя мимикрии поведения человека.

Изменяется не только рейтинговая шкала ценностей, но и их смысловое значение. Например, в Молдове семья всегда числилась в самых приоритетных ценностях людей. Сегодня ее значимость отодвинулась на 4-5 место в ценностных ориентациях молодежи, а более 24% респондентов считают, что «брак – устаревший способ организации семьи». «Труд» - как ценность, также переместился на периферию рейтинговой шкалы и в значительной мере потерял характеристику «содержательная и интересная работа», которую заменила «любая высокооплачиваемая работа, удовлетворяющая материальные потребности» (52,3%). (Данные... 2004–2009, с. 10).

Кризис ценностей является особым дестабилизирующим фактором в обществе. Он высвобождает самые низменные помыслы и страсти, ведет к быстрому росту в обществе потенциала зависти, эгоизма, злобы, ненависти, жестокости, агрессивности. Ведь все социальные конфликты начинаются в умах и душах людей, а их психический потенциал, как показали недавние события в Кишиневе, имеет свою «критическую массу».

Социально-экономические преобразования, которые происходят в Молдове, приобрели всеохватывающий характер, т.е. коснулись всех сфер жизнедеятельности людей. Мы переживаем время великого перелома не только в экономике и политике, но и в образе жизни людей, их психологии, в деятельности всех социальных институтов.

Любое общество на определенном этапе развития диктует своим гражданам определенную динамику сознания и поведения, которые в той или иной степени адаптируются согласно общему фону общественной жизни. И основную роль в этом процессе играет идеология, характер политических и социальных отношений. В переломные кризисные времена общественное массовое сознание приобретает неустойчивый, мимикрирующий характер, т.к. в обществе нет основополагающей объединяющей идеи, обнажается разложение общественных нравов и устоев, переосмысливаются социальные ценности и ориентации людей (старое отвергается, новое не определено, аморфно). Социальные институты перестают в полной мере выполнять свои функции или изменяют их характер, что ведет к дезинтеграции социальных отношений.

Сложившиеся условия становления подрастающего поколения приводят к политизации, коммерциализации, выхода «из поля моральных оценок» социальных ценностей значительной части молодежи. Социологические исследования, проведенные нами в последние пять лет **2004-2009** гг. показывают наиболее общие тенденции влияния глобализирующей культуры на молодежь. В экономической сфере, например, значительно снизился рейтинг – высоких профессиональных знаний и умений (с **54,7%** до **34,1%**), упал престиж мастера своего дела, хорошего профессионала (**49,1%** до **30,6%**), путь к профессиональному успеху стал определяться через «умение легко приспособливаться к жизни» (число ответов возросло с **36,5%** до **58,5%**) и «наличие необходимых знакомств и связей» (с **21,3%** до **45%**) и т.д. Идеал для развития личности «быть образованным, духовно-богатым человеком» постоянно теряет престижность (число ответов снизилось с **20,1%** до **12,5%**) и т.п. (Данные... **2004-2009**, с. 13).

Важно также отметить, что среди проблем, которые беспокоят молодежь появились ранее не актуализированные: (беспокоят и очень беспокоят) возможность потерять работу (**66%**), деньги и материальная обеспе-

ченность (76%), карьера, продвижение по службе (77%), жилищные проблемы (56%), материальная зависимость от родителей (59%) и т.д. Менее всего стали беспокоить молодежь проблемы нравственного характера (34%), проблемы религиозного характера (23%), взаимоотношения с родителями и родственниками (36%) и т.д.

В транзитивном обществе социальные изменения очень быстротечны, и самоидентификация личности часто испытывает «давление условий». Так, например, у «молодых взрослых» (возраст 25-30 лет) в социальных ориентациях и в структуре жизненных ценностей начинают преобладать доминантные традиционные ценности: «стать профессионалом в своем деле», (80%), «человеком, у которого крепкая семья и хорошие дети» (78%), «быть здоровым и физически сильным» (62%), образованным, духовно богатым человеком (47%) и т.д. (Данные... 2004-2009, с. 8).

В заключение хотим отметить, что в современном обществе молодежь сильно стратифицирована и браздофицирована. Отсюда вытекают различные потребности и возможности в самореализации, получении образования, профессии и т.п. «Размытость» политических ориентаций в социальных реформах страны заставляет новое поколение искать ценностные ориентации в образцах вестернизированной глобальной культуры и на ее основе экспериментировать, формировать свой стиль жизни. Отсюда у молодежи появляется аномия, понижение «порога чувствительности» к социальным бедам, нарцизм, эгоцентризм и т.д. В транзитивном обществе идет сложный процесс создания альтернативной, часто суррогатной системы ценностей молодежи, ориентированной далеко не на лучшие образцы западной культуры. Молодежь как «неустойчивая» формирующаяся страта общества наиболее сильно подвержена этим влияниям. Защитить ее от негативных последствий такого воздействия глобализации – значит сохранить будущее своего народа, нации, государства.

Список литературы

Белкин С. Общественная нравственность сегодня: куда и почему движутся нормы? // Политический класс. – 2008. – №№ 5-6.

Waters M. Globalization. – London: Routledge, 1995. – P. 3.

Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Глобальная империя Зла. – М., 2001, – с. 33.

Данные социологических опросов молодежи в Молдове по темам: «Развитие малого бизнеса и предпринимательства» (№ 600, 2001 г.), «Социализация молодежи в транзитивном обществе» (№ 600, 2004 г.), «Изменение ценностных ориентаций молодежи в процессе евроинтеграции Молдовы» (№ 600, 2009 г.).

Л.И. Брага
Кишинев, Институт Европейской интеграции
и политических наук Академии наук Республики Молдова

МОЛДАВСКИЙ СОЦИУМ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

L.I. Bragaa
*Chisinau, Institute of European Integration and Political Sciences
Academy of Sciences of Moldova*

Cultural- political aspects through democratically transformation:
Moldovan case study

In this article the author analysed the specific of political culture in the Moldovan society, according to the democratically transformations. Its demonstrate how the «genetically culture» dominate the people's mentality, reduce their political implication and concerned the patriarchal character of political culture into moldovan society.

Политическая культура являет собой некий качественный срез политической сферы, выступая своеобразным критерием и индикатором ее зрелости. В этой связи, проблема формирования политической культуры, соответствующей потребностям эффективного функционирования демократической политической системы, является одной из наиболее злободневных.

Международные эксперты отмечают, что общая тенденция развития последнего десятилетия в большинстве стран молодой демократии заключается в постепенном угасании свободы, в усилении неупорядоченности, в росте нарушений прав человека, неэффективности законодательной и судебной властей, коррупции, увеличении привилегий правящих политических кругов и т. п. (Земба, 2008, с. 96-100). К этому ряду стран относят, в том числе, и Республику Молдова.

Важным для понимания сути происходящих в нашей стране политических процессов представляется указание российских исследователей на то, что политико-культурные факторы модернизации политических систем во многом обусловлены воздействиями культурной генетики, хотя и не отождествимы с ней полностью. Поэтому все социально-политические изменения в той или иной степени неизбежно оказываются опосредованными специфической национальной культуры и менталитета (Карнова, 2009, с. 11).

Идеалы и ценности демократии получили всеобщую поддержку молдавского общества еще в самом начале кардинальных перемен. Однако сегодня можно наблюдать, как углубляются процессы свертывания

демократических прав и свобод, и крепнут тенденции авторитаризма в политической жизни страны. Складывающаяся в настоящее время в Молдове политическая культура, обладает целым рядом качеств, характерных для культуры переходного типа, и в этом смысле в общих чертах повторяет наиболее типические черты, свойственные сегодня большинству стран демократического транзита.

Будучи культурой переходного типа, современная политическая культура Молдовы состоит из разнородных политических ценностей, установок и стандартов политической деятельности, которые относятся к различным политическим системам: авторитарной и демократической. Взаимодействуя между собой и противоборствуя друг с другом, указанные политические ценности и поведенческие стандарты придают переходной политической культуре дуалистический, расколотый характер.

При общей декларативной приверженности современного молдавского общества ценностям демократии, таким как свобода, индивидуализм, права человека, плюрализм и т.п., большинство населения, тем не менее, в большей мере продолжает ориентироваться на ценности коллективизма, справедливости и равенства, проявляя приверженность патриархально-подданическим традициям, для которых характерны отношения односторонней зависимости от власти, привычка ей подчиняться, потребность в руководстве, надежда на получение от власти различных благ.

Укоренившееся в современном молдавском обществе индифферентное отношение к политике, является не только результатом “синдрома усталости” простых людей от политических дрязгов, провоцируемых „верхами”, но и своеобразным отражением некоего крестьянского индивидуализма, доминирующего в молдавской ментальности, плодом бытующих в крестьянской среде специфических эмоционально-психологических реакций, выраженных в стремлении к социальной стабильности. Господство крестьянского менталитета, характерного для общественного сознания Молдовы как, в большей мере, аграрной страны, диктует для большинства населения свое особое отношение к политике не только как к отчужденной от жизни простого человека сфере общественной жизни, но и как к абсолютно бесполезному для его практической деятельности занятию. Не более 20% населения страны полагает, что такие люди, как они, могут повлиять на принятие важных решений в стране (**Barometrul opiniei publice, 2001-2009**).

Специфика крестьянского труда и определяемого им образа жизни формирует совершенно специфические ментальные формы „маленького”, но, вместе с тем, в значительной мере независимого человека, вынуждающие людей полагаться, прежде всего, на собственные силы, самостоятельно искать выход из сложнейших жизненных ситуаций, мало расчи-

тывая на изменения в политической сфере. Эту мысль подтверждает уже тот факт, что Молдова сегодня входит в число стран самой высокой трудовой миграции населения, большинство населения которой ищет решения своих насущных проблем менее всего в политической сфере (*Pascaru, 2009, с. 10-11*).

Свойственный подавляющей части молдавского общества крестьянский менталитет с характерными для него специфическими эмоционально-психологическими реакциями, выраженными в осторожности, сдержанности, нацеленности на мирное разрешение конфликтов, на укрепление социальной стабильности, становится определяющим и в отношении масс к различным структурам государственной власти и к ее отдельным представителям. В целом он, с одной стороны – отличается высокой степенью скептицизма и отстраненности по отношению к политической системе, с другой – характеризуется лояльностью и конформизмом, обнажая подданническую суть политико-культурных ориентаций современного молдавского общества.

Складывающийся сегодня в Молдове тип политической культуры с необходимостью приобретает фрагментарный характер. Современная политическая культура представляет собой плод эклектического соединения разнородных элементов, демонстрирующих отсутствие согласия между носителями различных субкультур относительно базовых ценностей и идеалов общественного развития. Основной линией идеологического раскола общества является различное видение политическими акторами конечных целей государственного развития и путей продвижения к ним.

В настоящее время в политическом менталитете страны выделяются два основных подхода к решению проблем государственно-политического строительства: «молдовенизм» и «панромынизм» (*King, 2005, с. 149-171*). Первый, ратуя за дальнейшее укрепление молдавской государственности, независимости и суверенитета страны, призывает изыскивать внутренние резервы развития, при этом не порывая связи с традиционными партнерами страны на востоке. Второй – в большей мере полагается на помощь институтов Евросоюза и МВФ, допуская в своем желании ускорить достижение желаемого результата, в том числе, и вариант объединения с Румынией - членом Евросоюза. Отсутствие согласия ведет к тому, что в политическом сознании большинства населения страны преобладают ориентации на местные или региональные интересы, проявляющиеся в форме местного патриотизма, клановости, семейственности.

Противоположные представления и образы желаемого социально-государственного устройства, складывающиеся у различных социальных групп, постоянно сталкиваются, образуя основу острой политической борьбы.

Это порождает повышенную конфликтность и социальную напряженность, обуславливая, в конечном итоге, состояние конфронтационности как в отношениях между представителями различных политических субкультур (и, в первую очередь, таких как властные структуры и электорат), так и внутри них.

Укорененность в современном молдавском обществе фрагментарной, поляризованной, конфронтационной политической культуры продолжает подпитывать ее этатистский характер, выраженный в главенствующей роли государственных институтов в организации политической жизни и определении условий участия в ней индивидов. Поэтому тенденции к укреплению авторитаризма в стране представляются вполне закономерными, тем более, что широкие слои населения по-прежнему слишком большие надежды возлагают на сильное государство, способное в условиях затяжного общественно-политического и экономического кризиса предоставить населению хоть какие-то социальные гарантии, обуздать рост преступности и коррупции.

Думая о будущем, представляется, что в Молдове ни одна из политических партий или политических альянсов, претендующих на руководство страной, не сможет рассчитывать на продолжительный успех, независимо от прокламируемых ими ценностей, если устанавливаемый ими политический режим будет носить жесткий, подавляющий человеческое достоинство и свободу характер. Крестьянский менталитет, составляющий “генетический код” молдавского народа, делающий его миролюбивым, терпеливым, толерантным, но, вместе с тем, уверенным в себе, свободолюбивым и патриотичным, не позволит пустить корни в стране ни одной человеконенавистнической идеологии, ориентирующейся на насилие, руководствующейся чувствами неприязни и ненависти.

Список литературы

Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova, 2001–2009.

Земба, Т. Эксперты о вызовах и проблемах демократии // **Bioetica, Filosofia, Economia si Medicina in strategia de asigurare a securitatii umane.** – Chisinau: CEP “Medicina”, 2008.

Карпова, Н.В. Политико-культурный контекст российских реформ (историко-социологический сравнительный анализ) // Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации. – М., 2009.

King, Charles. *Moldovenii (Romania, Rusia si politica culturala).* – Chisinau: Editura ARC, 2002.

Pascaru, A. *Valorile la confluenta spatiilor culturale in societate* // *Revista de filozofie, sociologie si stiinte politice.* – 2009. – № 1.

С.Д. Будаева

Улан-Удэ, Бурятский государственный университет

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНТЕЛЛЕКТА С ЛИЧНОСТНЫМИ
ХАРАКТЕРИСТИКАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ДЕВОЧЕК-БУРЯТОК)**

S.D. Budaeva

Ulan-Ude, Buryat State University

**Relationship of intelligence with the personal characteristics
(the material of the study girls buryatok)**

The article dwells upon on features of interconnection of personal and intellectual peculiarities of Buryat girls. In published work it used data Cattell and Raven tests. The author underlines the role intellect in personal structure of girls. In computing we applied analysis of factors.

Этнопсихологические феномены – предмет изучения многих психологов нашего региона. Так, например, этнопсихологические аспекты формирования и развития этнического самосознания, феномены национального характера и этнических стереотипов, этнические особенности взаимодействия народов отражены в работах Карнышева А.Д., Санжаевой Р.Д., Тудуповой Т. Ц., Дугаровой Т. Ц., Трофимовой Е.Л., Степановой О.К., Монсоновой А.Р., Эрхигуевой А.Р. и др. Некоторые из исследований носят комплексный характер, осуществляются в рамках целевых программ, а также в составе совместных международных проектов. Одной из таких программ является международный научно-исследовательский проект «Психофизиологические особенности детей монгольских народов», руководителем которого является доцент, кандидат психологических наук Дугарова Т.Ц. Данное исследование проведено в рамках реализации проекта.

Объектом исследования выбраны подростки, поскольку многообразие происходящих в них психологических изменений заостряет проблему взаимосвязанности многих частных линий развития (Мухина, 2002, с.15). В исследовании мы попытались реализовать один из вариантов эмпирического изучения проблемы, задавшись целью выявить структуру взаимосвязи между ключевыми показателями развития в конкретном возрасте: уровнем интеллекта по тесту Равена и личностными характеристиками, полученными по опроснику Кеттелла. Гипотезой послужила мысль, что интеллект выполняет регулирующие функции по отношению к разноуровневым личностным свойствам человека.

В исследовании приняли участие девочки-бурятки в возрасте 14 лет. Общее количество респондентов 42 человека. Для исследования приме-

нялись многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (HSPQ) и тест возрастающей трудности «Прогрессивные матрицы Равена» (Многофакторные..., 2004; Дружинин, 1994). Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с использованием статпакета SPSS 12.0.

Результаты и обсуждение. Наибольшее стандартное отклонение наблюдается по фактору IQ Равена (5,61), тогда как по факторам теста Кеттелла значения стандартного отклонения примерно одинаковы (1,72–2,41). Из этого следует, что выборка имеет наибольшую степень дифференциации относительно IQ.

Следующим шагом мы рассмотрели взаимодействие факторов между собой. Проведённый корреляционный анализ показал наличие высокой взаимосвязи между показателями фактора «А» и факторами «F», «O», «Q2», то есть с ростом циклотимии наблюдается в данной выборке повышение беспечности, спокойствия и самодостаточности. Подростки бурятки жизнерадостны, социально приспособлены, спокойны, уверены в себе и несколько беспечны. Оперативность мышления («B») коррелирует с беззаботностью «F» и спокойствием «O». Чем выше значения оперативности мышления, тем выше в данной выборке беззаботность, уверенность в себе, энергичность, «умение управлять своими неудачами». «Эго-сила» («A») взаимосвязана с активностью («D»), смелостью («C»), спокойствием («O»), самоконтролем («Q3») и напряжённостью базальных потребностей («Q4»), т.е. с возрастанием показателей «эго-силы» наблюдается уравновешенность, решительность, спокойствие, организованность, хорошая социальная приспособленность снижение потребностей. Обнаружена связь между показателями фактора «D» и факторов «G», «H», «O», «Q4». Чем выше значения активности, тем выше в выборке девочек корыстность, слабый интерес к общественным нормам, сдержанность, напряженность, тревожность и возрастание потребностей.

Анализ взаимосвязей между показателями фактора «Доминирование» («E») показал наличие связей с беззаботностью («F»), коллективизмом («I»), социабельностью («Q2»). Отсюда вытекает то, что девочки склонны к доминированию, к участию в общественных делах, находчивы, остроумны, но в то же время зависимы от коллектива, нуждаются в опоре. Совестьливость («G») взаимосвязана со спокойствием («O») и самоконтролем («Q3»). Рост совестливости, ответственности, обязательности способствует повышению смелости, общительности, спокойствия, самоуверенности, активности и самоконтроля. По мере развития ответственности, совестливости, «моральности» возрастает уверенность в себе, чувство безопасности и самоконтроль. Подобные люди хорошо осознают социальные требования и заботятся о своей репутации. Существует высокая корреляция между по-

казателями фактора «Н» и факторами «J», «О» и «Q4». В данной выборке рост смелости приводит к повышению индивидуализма, независимости от группы, невозмутимости, спокойствию, удовлетворению и устойчивости в неудачах. Фактор «О» (спокойствие-тревожность) имеет связь с фактором «Q3» (0,43). Чем выше значения тревожности, тем выше в данной выборке самоконтроль, мотивация достичь успеха в деятельности, усвоить признанные нравственные нормы.

В результате факторного анализа в выборке девочек-буряток было выделено пять значимых факторов ($n=42$), в совокупности они объясняют **65,09%** дисперсии.

Наиболее мощную информативную нагрузку несет первый фактор, который условно назван фактором «Уверенности в себе» (**22,15%** дисперсии). Высокие значения фактора «Уверенности в себе» соответствуют высоким значениям, эго-силы, смелости, самоконтроля и высоким показателям активности, жесткости, коллективизма, спокойствия, социабельности, низкой напряженности базальных потребностей. Для подростков буряток характерно сочетание высокой степени эмоциональной устойчивости, уверенности в своих возможностях, стабильности интересов, импульсивности и неорганизованности. Возможно, это есть проявления особенностей подросткового возраста и воспитания, так как в целом для бурят характерны сдержанность, излишняя скрытность, а для подростков - демонстративность, стремление к самовыражению. Для большинства респондентов данной выборки огромное значение имеет независимость, самоутверждение, лидерство и самостоятельность (фактор «Независимости» (**13,95%**)). Сообразительность, быстрота усвоения нового, оперативность мышления, бодрость, беспечность, легкость восприятия жизни, способность ради выгоды на обман характеризует обобщенный третий фактор «Оптимизма» (**11,61%**). Наибольшее число статистически значимых корреляционных связей выявлено по фактору «Умственной энергии» (**9,75%**) с высокими значениями интеллекта, с высокой оперативностью мышления, флегматичностью, мягкосердечностью, самоконтролем и высокими значениями корыстности. Соответственно, можно заключить, что подростки-бурятки демонстрируют высокий уровень интеллектуального развития, развитое воображение, уравновешенность, спокойствие, утонченность, мягкость, умение подчинять себя правилам, но и в то же время способность на обман и нечестность. Пятый проявившийся фактор – фактор «Самоорганизации» (**7,63 %**), включает в себя следующие характеристики – чувствительность, коллективизм, низкий самоконтроль поведения, неорганизованность, импульсивность и высокий уровень интеллекта.

Таким образом, обработка данных тестов Кеттелла и Равена в выборке девочек - буряток позволила выделить пять общих факторов – фактор «Уверенности в себе», фактор «Независимости», фактор «Оптимизма», фактор «Умственной энергичности», фактор «Самоорганизации». Для большинства девочек-буряток в возрасте 14 лет, проживающих в городе, характерны уверенность в своих возможностях, спокойствие, стремление к независимости, самоутверждению, оптимизм, высокий уровень интеллектуального развития, развитое воображение, утонченность, мягкость, умение подчинять себя правилам, но наряду с этим они способны на обман и нечестность для реализации своих целей. Обращает на себя внимание, что показатели интеллекта вошли в состав фактора «Умственной энергичности» и фактора «Самоорганизации». Наличие в выделенных факторах показателей интеллекта указывает на его роль в личности подростков-буряток. Кроме того, существует высокая взаимосвязь между показателями IQ и факторами С, J, O, Q4. Чем выше значения оперативности мышления, тем выше в данной выборке индивидуализм, независимость от группы, невозмутимость, спокойствие, удовлетворение и устойчивость в неудачах. Низкие значения интеллектуального развития связаны с такими свойствами как эмоциональная неустойчивость, невыдержанность, неуверенность, потребность в помощи, зависимость и подверженность чужому влиянию.

Список литературы

Дружинин В.Н. Психология и психодиагностика общих способностей/Дружинин В.Н. – М.: Наука, 1994. – 210 с.

Многофакторные личностные опросники Р. Кеттела (HSPQ). – Руководство. – Челябинск, 2004. – С. 7-106.

Мухина В.С. Личность в условиях этнического возрождения и столкновения цивилизаций: XXI век / Мухина В.С. // Развитие личности. – 2002. – №1. – С. 16-39.

А.А. Бучек

Петропавловск-Камчатский, КамГУ имени Витуса Беринга

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИЭТНИЧНОГО МИРА

A.A. Buchek

Kamchatka State University named after Vitus Bering

To a problem of research of ethnic consciousness in ethnically various world

Opportunities of an explanation of objectively existing mutual relations of the person with world around through research of ethnic consciousness reveal. The assumption that the ethnic sense in a modern situation of ethnically various world is born on the basis of designing an image of the ethnic generality that generates new senses of an existing ethnic reality proves.

Современный этап обсуждения проблемы этнического самосознания обусловлен принципиально новой ролью этнической образующей в процессе социальной эволюции, связанной с глобальными изменениями, произошедшими в мире, глубоким цивилизационным и мировоззренческим кризисом эпохи, а также усиливающейся неустойчивостью многих сфер современного мирового сообщества.

Это состояние сопровождается активным развитием системы взаимодействия в мире, открывающей новые границы общения, изменяющей картину мира человека в целом, процессы идентификации и самоидентификации и прежде всего этнического самоопределения, что неизбежно рождает новый всплеск интереса к изучению этнического самосознания. Характер реальных межэтнических взаимоотношений в ситуации четко осознаваемой полиэтничности социума диктует новый уровень осмысления прошлого, настоящего и будущего своего этноса, а активно развивающиеся интегративные процессы отражают настоятельную потребность поиска иных форм организации и функционирования компонентов этнического самосознания, необходимых для осмысленного бытия личности в контексте неразрывной связи этого бытия с историческим наследием этнической культуры.

В условиях вызова глобальной цивилизации этническое самосознание, являясь, по словам ученых, одним из признаков, без которых не может существовать ни один человек, ни одна общность, приобретает новые качества, по-иному функционирует под давлением происходящих изменений во множестве культур, народов, религиозных миров, исторических традиций. Сложившееся в этнопсихологии представление о системе структурирования этнического самосознания уже не может эффективно

выполнять основную функцию – способствовать формированию более четкой и индивидуализированной идентичности через принадлежность к этнической группе, поскольку сам этнос, прежде всего, как психологическая общность в современном поликультурном пространстве значительно расширил свои очертания. Развитие реальности привело к признанию того, что ни один из признаков системы этнодифференцирующих символов и представлений этнической общности не является уже маркером определенной этнокультурной группы. Тем не менее и в современном мире, люди продолжают пользоваться «древнейшей системой категоризации, основанной на принципе биполярности», в соответствии с которым «происходит категоризация этнических общностей, членами которых они себя воспринимают («Мы»), и тех, которых они не воспринимают своими («Они»)» (Мухина, 2008, с. 65). Таким образом, по отношению к личности в современных этнических группах можно сказать, что, несмотря на отсутствие (нивелирование) явных этнических маркеров, внутреннее глубинное ощущение причастности к своему этносу остается и продолжает развиваться, находя для своего воплощения новые формы, прежде всего, в сознании и самосознании.

Этническое самосознание, как известно, защищает личность от неопределенности, являя собой устойчивую конструкцию, связанную с социализацией и усвоением культурного опыта. Однако в изменяющемся мире, где правила и нормы разных культур наслаиваются и усваиваются одновременно, а этнос выступает в качестве носителя многих и разных этнокультурных традиций, человек приобретает опыт разрушения, утраты своей исконной этнической идентичности и созидания новой, более подходящей в сложившихся условиях. В многочисленных исследованиях доказано, что этнический смысл порождается в пространстве сознания (самосознания), поскольку для обретения смысла личность обращается непосредственно не к объектам этнического мира, а к их значениям, представлениям о них (Хотинцев, 2000). Исходя из этого, мы предполагаем, что этнический смысл в современной ситуации полиэтничности рождается на основе преобразования в сознании, конструирования образа своей этнической общности, что порождает новые смыслы существующей этнической реальности. Дж. Брунер писал, что, понимая мир, человек имеет дело не с определенной формой его репрезентации, а со специфическим способом конструирования и установления реальности (Bruner, 1986). В результате «мир оказывается таким, каким субъект его видит, какие методы познания он применяет, какие вопросы ставит» (Знаков, 2005, с.119).

Переход к конструированию в сознании человека образа этнического мира (и себя в этом мире) в ходе реализации потребности в чувстве прича-

стности к этнической группе (как к чему-то незыблемому, настоящему, своему «дому») объясняется еще и тем, что «если мы уверены в возможности перестроить, переконструировать ситуацию и на этой основе выстроить будущее, снимается неопределенность этого будущего и те тревоги и опасения, которое оно несет с собой» (Марцинковская, 2007, с. 41). Мы предполагаем, что в основе конструирования этнической реальности могут лежать неодинаковые компоненты этнического самосознания в зависимости от исторического контекста взаимоотношений культур в полиэтничном пространстве и реализации потребности в чувстве причастности к этнической группе. Так, проведенные нами ранее исследования этнической идентичности у коренных малочисленных народов Севера выявили особенности ее формирования на разных этапах онтогенеза в сравнении с представителями доминирующей русской культуры (Бучек, 2004). Однако, какими бы специфичными не были бы эти компоненты, они призваны помочь человеку сохранить возможность самоактуализации в многокультурном пространстве, где этнические значения объектов мира все более размываются, быть свободным от внутренних конфликтов и сомнений в принадлежности своей этнической группе и миру в целом.

Таким образом, исследование этнического самосознания в настоящее время скрывает в себе новые возможности объяснения объективно существующих взаимоотношений личности с окружающим миром. Ведь именно этничность в условиях современного кризиса признается учеными исторически актуальной «точкой отсчета» поведения человека, а этнология – базовой наукой в методологии анализа и прогноза этого поведения (Сухарев, 2009). Итак, если в конце XX столетия ученые констатировали необходимость «серьезных этнопсихологических, методологических, теоретических, экспериментальных и эмпирических» исследований «природы, сущности, структуры и уровней становления, механизмов проявления и функционирования, закономерностей развития, основных функций этнического самосознания» (Хотиница, 2000, с. 24), то спустя десятилетие необходимо признать, что пришло время глобальной переоценки данного сложного психологического феномена в связи с осознанием реальной полиэтничности мира, связанной со всемирными процессами взаимопроникновения культур, стиранием обособленности народов и традиций отдельных этнических общностей, унификацией образа жизни людей в различных регионах планеты, наконец, с идеей формирования универсальной картины мира и планетарного мышления. Все эти обстоятельства приводят к возрастанию необходимости осмысления происходящих изменений в этническом самосознании личности в поликультурном мире.

Все вышесказанное по-новому высвечивает проблему этнического самосознания, приобретающую в эпоху нарастания процесса смешения народов и культур новые смыслы и значения, актуализирует ее изучение в многоцветной палитре культурных различий и человеческой исключительности.

Список литературы

Бучек, А.А. Социально-психологические особенности формирования этнической идентичности коренных народов Камчатки / А.А. Бучек // Камчат. гос. пед. ун-т. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГПУ, **2004**. – **173** с.

Знаков, В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы / В.В. Знаков. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», **2005**. – **448** с.

Марцинковская, Т.Д. Психология в современном мире / Т.Д. Марцинковская // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», **2007**. – С. **33–44**.

Мухина, В.С. Качественные методы исследования этнического самосознания / В.С. Мухина, Т.Ц. Дугарова // Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона : сб. науч. статей междунар. науч.-практ. конф. 23-25 мая **2008** г. В 2 т. / Под ред. Р.Д. Санжаевой. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, **2008**. – Т. 1. – С. **64–68**.

Сухарев, А.В. Опыт преодоления методологического кризиса: принцип исторической актуальности и этнофункциональная парадигма в психологии / А.В. Сухарев // Мир психологии – **2009**. – № **3**. – С. **123–132**.

Хотинец, В.Ю. Этническое самосознание / В.Ю. Хотинец. – СПб.: Алетейя, **2000**. – **240** с.

Bruner, J. *Two Modes of Thought* / J. Bruner // *Actual Minds, Possible Worlds*. London: Harvard University Press, **1986**. – P. **11–43**.

Л.И. Вассерман, Т.В. Чередникова
Санкт-Петербург, Научно-исследовательский
психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗРАСТНЫХ
НОРМАТИВОВ К БОСТОНСКОЙ ВЕРСИИ НЕЙРОКОГНИТИВНОГО
ТЕСТА «КОМПЛЕКСНАЯ ФИГУРА» РЕЯ

L.J. Wasserman, T.V. Cherednikova
St. Petersburg, VM Bechterew Research neuropsychiatric Institute

Cross-cultural studies of age norms for the Boston version
of neurocognitive test «Rey Complex Figure»

Cross-Cultural comparison of standards for the test «CF»-Rey-BQSS in Russia's sample (aged 18 to 64 years) reveals higher neurocognitive performance on most of the parameters of the test, with the accelerated dynamics of their age decline, especially in the elderly (older than 64 years), as well as different gender-educational effects than in the North American population. The results confirm the need to study the causes and mechanisms of cross-cultural cognitive differences.

Современные нейропсихологические исследования выявляют достоверные культурно-этнические различия не только на уровне функционирования когнитивных процессов (Chiu, 1972; Ji, Zhang, Nisbett, 2004; Nisbett, Miyamoto, 2005), но и на уровне их мозговой организации (Goh, Chee, Tan, Venkatraman et al., 2007). Сравнительное изучение сложного взаимодействия возрастно-половых и культурных влияний на отдельные нейрокогнитивные функции является при этом все еще мало изученным, но необходимым для выявления эффектов и механизмов био-психо-социальной детерминации психической деятельности (Лебедева, 1998; Triandis, 1994; Lezak, Howieson, Loring, 2004).

Цель. Материалы и методы. Целью нашего исследования было кросс-культурное изучение возрастных нормативов к нейрокогнитивному тесту «Комплексная Фигура» (КФ) Рея, широко известному за рубежом (Rey, 1941; Osterreith, 1944; Rapport, Farchione, Dutra et al., 1996; Spreen, Strauss, 1998; Шерешевский, 2007), в процессе адаптации к российской популяции его Бостонской психометрической версии (Бостонской Системы Качественной Оценки к «КФ» Рея-Остерриса – Boston Qualitative Scoring System for the Rey-Osterreith complex figure – BQSS) (Stern, et al., 1990). Нормативную выборку настоящего исследования, соответствующую по основным демографическим показателям характеристикам российской популяции, составили 340 здоровых испытуемых, в возрасте от 18 до 80 лет (Вассерман, Чередникова, 2009).

Результаты. По сравнению с североамериканскими нормативами БСКО, в отечественной выборке все Суммарные оценки теста (и большинство качественных) оказались выше, что может быть обусловлено как различными культурными факторами, так и неэквивалентным представительством жителей столичных городов в сравниваемых выборках. При этом в американской выборке отмечался больший разброс оценок и выше процент крайних значений параметров (*Stern, et al., 1998*), что указывает на большую разнородность когнитивных характеристик этой группы, возможно, в связи: а) с лучшей представительностью выборки; б) с более высокой разнородностью самой североамериканской популяции, по сравнению с российской. Известны культурно-исторические детерминанты формирования различий в составе населения разных стран: молодость нации, ее изначально пионерский и неоднородный состав, свобода миграции и эмиграции населения – в США, и ряд прямо противоположных факторов народонаселения в России.

Только для группы ≥ 65 лет в отечественном исследовании пять качественных и две суммарные оценки (Объем Отставленного и Немедленного Сохранения) были ниже (на **1, 1** и **3** балла) и три – на одном уровне с американскими нормативами. Сравнительное снижение российских нормативов в старшей возрастной группе выявляет тенденцию к более выраженным инволюционным изменениям ряда когнитивных функций у пожилых людей в России, возможно, в связи с известными негативными социо-культурно-экономическими влияниями на их жизнь.

Было отмечено также несовпадение возрастных градаций в отечественной и американской выборках (соответственно, **18-34, 35-44, 45-64, 65** лет – против **18-39, 40-59, 60-69, 70-79, ≥ 80** лет), выделенных на основании дисперсионного анализа достоверных тестовых различий между возрастными секциями. Эти результаты показывают, что в российской выборке возрастное снижение нейрокогнитивных показателей более динамично и отчетливо выражено в продуктивном возрасте (**18-64** года): три группы с разницей в **16, 9** и **9** лет. Ряд причин социально-экономической и политической нестабильности жизни в стране, хронические стрессы для работающего населения могут быть причиной такого быстрого функционального снижения. В американской выборке тестовые показатели в этом диапазоне снижаются градуально и медленнее (только **2** возрастных сдвига, с периодом в **21** год и **19** лет). При этом возрастная динамика снижения когнитивных функций более дифференцирована и продолжительна у пожилых американцев: после **60** лет выделяются **3** группы, с разницей в **9** лет (на фоне одной и менее успешной отечественной выборки старше **65** лет).

Кросс-культурный анализ суммарных возрастных нормативов также показал, что с возрастом в отечественной выборке снижается величина средневозрастных суммарных оценок, но расширяется диапазон их вариативности. В североамериканской выборке выраженная вариативность оценок отмечалась во всех возрастных группах (**Stern, et al., 1998**). При этом в российской группе быстрее и значительно опускаются нижние границы оценок, чем потолок достижений, который существенно снижается только после **64** лет (чего, в пользу нашей гипотезы о социо-культурной детерминанте этого снижения, не отмечено в зарубежном исследовании). Менее всего возраст влияет на показатель Организации. Больше других, как и в зарубежной выборке, с возрастом ухудшаются оценки за Объём Немедленного Сохранения (у людей старше **64** лет – **36%** потери информации против **22%** – у молодых).

Оценки по качественным параметрам, как и в американской выборке, большей частью, тоже отрицательно коррелировали с возрастом, указывая на возрастную дефицит памяти, снижение метакогнитивного контроля и зрительно-пространственных функций. Эти тенденции были сходными в обеих культурных выборках, отражая общебиологические детерминанты возрастного снижения когнитивных функций.

Кросс-культурное сравнение влияний факторов пола, образования, социально-экономического статуса. Дисперсионный анализ не выявил каких-либо значимых гендерных, образовательных или социально-экономических различий ни по одному из параметров теста Рея-Осттерриса-БСКО в отечественной выборке. Как и по данным **Stern et. all. (1998)** в нашем исследовании влияние образования на результаты теста было, положительным, хотя и незначительным. Так, повышение образовательного статуса улучшало результаты не более чем на **3%**.

Однако в зарубежном исследовании было выявлено, что у женщин достоверно ниже четыре суммарные оценки: *Наличия и Точности при Немедленном и Отставленном Воспоминании, а также Объема Немедленного Воспоминания и Организации.* В нашем исследовании отмечалось лишь достоверное влияние взаимодействия факторов образования и пола на некоторые показатели теста, при отсутствии общих эффектов пола. Так, при слабом образовательном влиянии (в группах среднего технического и ниже среднего образования) превалировали оценки у мужчин, соответственно по двум и пяти параметрам ($p = 0,01$). Следовательно, биологические различия по полу выявляются в обеих сравниваемых выборках в пользу мужчин при слабых социо-культурных влияниях. При повышении образовательного статуса снижались различия по качественным параметрам «КФ» между женской и мужской выборками. А женщины с высшим образова-

нием по некоторым показателям (Точности Кластеров и Аккуратности при Копировании, Объема Немедленного воспоминания) даже опережали мужчин ($\rho = 0,025$). Таким образом, образовательное влияние более значительно улучшает нейрокогнитивные показатели российских женщин, чем русских мужчин или американских женщин. В кросс-культурном сравнении эти данные, возможно, отражают влияние более высокой гендерной активности в новых социально-экономических условиях у российских женщин, в сравнении с женщинами Западной культуры, которые уже пережили пик этой активности.

Выявленные кросс-культурные различия по возрасту и полу для нейрокогнитивных нормативов к тесту «КФ» Рея указывают на возможность культурно-исторических, социально-экономических и социо-культурных эффектов их детерминации и требуют своего научного объяснения в рамках био-психо-социальной парадигмы.

Список литературы

Вассерман Л.И., Черднюкова Т.В. Психологическая диагностика нейрокогнитивного дефицита: рестандартизация и апробация методики «Комплексная Фигура» Рея-Остерриса. Методические рекомендации. – СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2009.

Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М.: Academia, 1998.

Шерешевский Г. Транскультуральный анализ развития детской нейропсихологической диагностики. Автореферат дисс...канд. психол. наук. – СПб., 2007.

Chiu, L. H. (1972). A cross-cultural comparison of cognitive styles in Chinese and American children // *International Journal of Psychology*, 1972. V.7. P. 235-242.

Hedden T., Ketay S., Aron A., Markus H.R., Gabrieli J. Cultural Influences on Neural Substrates of Attentional Control // *Psychological Science*, 2008. V.19 (1). P. 17-23.

Ji, L.-J., Zhang, Z., & Nisbett, R. E. Is it culture or is it language? Examination of language effects in cross-cultural research on categorization // *Journal of Personality & Social Psychology*, 2004. V. 87. P. 57-65.

Goh O., Chee M.W., Tan J.C., Venkatraman V. Age and culture modulate object processing and object-scene binding in the ventral visual area // *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*, 2007. V. 7 (1). P. 44-52.

Lezak, M. D., Howieson, D. B., & Loring, D. W. *Neuropsychological assessment* (4th ed.). New York, NY: Oxford University Press, 2004

Nisbett, R. & Miyamoto, Y. The influence of culture: Holistic versus analytic perception // *Trends in Cognitive Sciences*, 2005. V. 9. P. 467-73.

Rey, A. (1941). L'examen psychologique dans les cas d'encephalopathie traumatique // *Archives de Psychologie*, 1941. V.28. P. 286-340.

Spreen, O., Strauss, E. *A compendium of neuropsychological tests: Administration, norms, and commentary* (2nd ed.). New York, NY: Oxford University Press, 1998.

Stern, R. A., Javorsky, D. J., Singer, E. A., Harris N. G., Sommerville J. A., Duke L. M., Thompson, J. A., Kaplan, E. The Boston Qualitative Scoring System for the Rey-Osterreith complex figure: Professional manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1994.

Triandis H.C. Culture and social behavior. – N.Y., 1994.

В.А. Васютинский

*Киев, Киевский национальный
университет имени Тараса Шевченко*

О СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНОЙ «НЕРУССКОСТИ» РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

V.A. Vasiutynskyi

Kyiv Taras Shevchenko National University

**On social perceptual «non-Russianity» of Russian-speaking residents
of Ukraine**

Russian-speaking residents of Ukraine are inclined to attribute positive features to Ukrainians and negative ones to Russians. Such position reflects their double Russian-Ukrainian identity. Russian identity is more symbolical for them, and Ukrainian – more practical. Protective avoidance way of adaptation to the social environment seems to be the most comfortable for Russian-speaking citizens.

На одном из этапов изучения процесса коллективного самоопределения русскоязычной общности на Украине в октябре-ноябре 2009 г. был проведен опрос в преимущественно русскоговорящих юго-восточных регионах страны. Опрос проходил в местностях, где наибольшую часть населения составляют лица русского этнического происхождения и носители русского языка.

По специально разработанной анкете были опрошены **516** жителей Крыма, Донецкой, Николаевской и Харьковской областей. Выборка была структурирована по признакам возраста, пола, величины и статуса населенных пунктов. Среди респондентов оказалось **476 (92,2%)** лиц, предпочитающих использовать в личном общении русский язык (которые были определены как «русскоязычные»). Данная выборка не соответствует строгим социологическим критериям, но задачи опроса заключались в определении психологического содержания исследуемых явлений.

В одном из вопросов анкеты респондентам предлагалось сравнить черты, по которым, возможно, различаются украинцы и русские.

Набор качеств был разработан по результатам опроса **42** студентов-политологов **2** курса Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Они оценивали **190** личностных черт по признаку их большей характерности для украинцев или русских. Перечень черт был составлен на основе методик Ч. Остуда, Р. Кеттелла, С. Будасси, В. Петренко.

По результатам опроса было отобрано **18** черт: пять черт, чаще приписываемых украинцам (вежливость, гостеприимство, искренность, отзывчивость, свободолюбие); пять – чаще приписываемых русским (агрессивность, властность, грубость, суровость, хладнокровие); четыре положительные черты, по которым имело место относительное равновесие выборов (гордость, ответственность, смелость, уравновешенность); четыре отрицательные черты, выборы которых также уравновесились (жадность, завистливость, навязчивость, обидчивость).

Факт более положительного оценивания киевскими студентами украинцев не имел на данном этапе особого значения, поскольку речь шла о выявлении наиболее дифференцирующих черт, имеющих отчетливую эмоциональную нагрузку, которым в исследовании предназначалась роль инструмента для получения дальнейшей информации.

Данные качества, перечисленные в алфавитном порядке, были предложены русскоязычным респондентам для сравнительной оценки украинцев и русских. Количество выборов не ограничивалось. Предусматривалась возможность отрицать наличие различий. Предполагалось, что русскоязычные жители Украины, идентичность которых подвергается испытанию на приверженность русскому либо украинскому дискурсу самоопределения, наиболее охотно отрицают наличие значимых отличий между двумя национальностями. Тем самым они как бы защищаются от необходимости отдавать явные предпочтения. Однако в опросе подобной позиции последовательно придерживались лишь **17** респондентов (**3,6%**), которые не смогли или не захотели отметить хотя бы одно различие. Подавляющее же большинство такие различия усмотрело в одном или большем количестве случаев.

Среди хотя бы однажды ответивших на вопрос доля респондентов, настаивающих на отсутствии существенных отличий между украинцами и русскими, составила по тем или иным качествам от **32** до **48%** (т. е. ни в одном случае не превысила половины). Наиболее похожими чертами представителей двух национальностей, по мнению респондентов, оказались хладнокровие (**48%**), уравновешенность (**44,9**), суровость (**43,5**), навязчивость (**43**), вежливость (**40,2%**). А в качестве наименее общей черты оказалось гостеприимство, отмеченное **32,2%** опрошенных.

Гостеприимство наиболее часто приписывалось украинцам (52,3%) по сравнению с русскими (15,5). Далее следуют свободолюбие (в 44,6% отмечаемое в украинцах и 18,7 – в русских) и отзывчивость (41,9 и 20,3%).

В качестве более характерных для русских были отмечены хладнокровие (42,7% считают его присущим русским, 9,3 – украинцам), грубость (45,3 и 18,5), уравновешенность (40,7 и 14,3) и агрессивность (41,9 и 18,6% соответственно). (Во всех перечисленных случаях уровень значимости различий не превышал 1%).

В целом сравнение черт, приписываемых русскоязычными респондентами украинцам и русским, дает основания полагать, что психологические особенности украинцев вызывают у них более благоприятные впечатления: украинцы значимо чаще характеризуются положительными качествами, тогда как в видении русских на первый план выступают нейтральные и отрицательные черты.

С целью уточнить психологическую структуру оценок полученные данные были подвергнуты процедуре факторного анализа, в результате которой выделились три значимых фактора, совокупно объясняющих 60,5% общей дисперсии.

На противоположных полюсах первого фактора (28% дисперсии) оказались гостеприимство (украинцев) и грубость (русских). В содержании второго фактора (18%) противопоставились отзывчивость (украинцев), с одной стороны, и хладнокровие и уравновешенность (русских) – с другой. Третий фактор (13,5%) образовало свободолюбие (украинцев), умеренную оппозицию которому составила агрессивность (русских).

Проявившееся в описанных показателях более благосклонное отношение русскоязычных респондентов к украинцам по сравнению с русскими вступило в определенное противоречие с их отчетливо демонстрируемым стремлением ко всему русскому и российскому – языку, культурному, ментальному и политическому пространству. Так, подавляющее большинство опрошенных отдадут предпочтение русскому языку в официальном общении (91,7%) и средствах массовой информации (87,1), настаивают на придании русскому языку статуса государственного в той или иной форме (93,7), видят политическое будущее Украины в присоединении к Союзу Беларуси и России (63,5), предлагают продлить пребывание Черноморского флота России в Севастополе после окончания срока договора в 2017 г. (69,7%).

Для уточнения психологического смысла полученных оценок они были сопоставлены с категориями социальной идентичности, по которым респонденты оценивали сами себя, отвечая на вопрос о том, кем они себя ощущают прежде всего. Категории распределились следующим образом

(в порядке уменьшения): гражданин Украины (39,9%), русскоязычный житель Украины (37,6), обычный человек (20,8), житель своего региона (18,7), член своей семьи (18,3), русский (9,5), человек своего возраста (8,8), украинец (8,2), украинец и русский (7,8), славянин (7,6), представитель современного поколения (6,7%). (Остальные категории получили малое количество выборов. Общая сумма превышает 100%, поскольку предоставлялась возможность сделать несколько выборов).

Данное сопоставление показало, что единственную категорию, представители которой последовательно приписывают украинцам более положительные (гостеприимство и отзывчивость), а русским – более отрицательные (агрессивность и грубость) черты, составили респонденты, определившие себя собственно «украинцами». Во всех остальных категориях преобладают два варианта распределения: оно либо близко к полученному по всей выборке, либо отличается преобладанием нейтральных ответов. Последнее особенно свойственно респондентам, назвавшим себя «русскими», и тяготеющим к ним «украинцам и русским» и «славянам», а также представителям категории «член своей семьи».

Поскольку неблагоприятные к русским «украинцы» составили лишь небольшую часть выборки, то обнаружившиеся связи, по всей видимости, отражают некие общие закономерности, характеризующие «не вполне русскую» идентичность русскоязычных жителей Украины.

Таким образом, идентичность русскоязычных жителей Украины является весьма сложной и противоречивой. Если на уровне социально-политического самоопределения они ориентируются на сохранение и укрепление связей со всем русским и российским – государством, языком, культурой, то на уровне социально-психологическом их предпочтения сдвигаются в сторону принятия украинских атрибутов. Видимо, и украинское, и русское является для них «своим», но русское – в более символическом смысле, тогда как украинское – в более практическом. Для большинства русскоязычных жителей Украины главным символом сохранения их идентичности является язык, доминирующий в их пророссийских устремлениях. По остальным проблемам украинско-русских взаимодействий они занимают более компромиссные позиции.

Определяющим образом на содержание коммуникативных предпочтений русскоязычных жителей Украины влияет сформировавшийся у них вариант идентичности, определяемый по шкале «украинец – русский». Преимущественное осознание себя украинцем (хоть и русскоязычным) подталкивает к более «проукраинской» позиции, более положительному оцениванию «своих». В то же время тяготение к русской идентичности обуславливает выбор нейтральных оценок, избегание явных пред-

почтений между украинскими и русскими ценностями. Данная позиция оказывается наиболее комфортной и воплощает избегающе-защитный способ адаптации русскоязычных граждан к условиям их этнополитического самоопределения.

В. Вьюшина

*Москва, Государственный университет –
Высшая Школа Экономики*

КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ: ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ*

V. Vyushina

Moscow, National Research University – Higher School of Economics

Cultural differences in value priorities: gender analysis

Gender analysis of cultural differences is presented. Value priorities based on Schwarz's theory were measured for samples of Russians and Caucasians. Value priorities of Russian men and Russian women, Caucasian men and Caucasian women, Russian men and Caucasian men, Russian women and Caucasian women were compared. Conducted analysis discovers gender aspects of cultural differences for values of Tradition, Achievement and Power.

Вслед за исследователями, не обнаружившими гендерных различий в ценностных предпочтениях (**Levey, Silver, 2006; Schwarz, Prince-Gibson, 1998**), научное сообщество все чаще исключает из рассмотрения гендерные различия при кросс-культурном анализе ценностей. Однако вероятно, что гендерный срез поможет глубже исследовать культурные различия.

Целью настоящего исследования являлось раскрытие гендерных аспектов традиционно изучаемых культурных различий в ценностных предпочтениях индивидуального уровня по Ш.Шварцу (**Schwartz, 1992**) на примере русских и кавказцев.

Исследование. Численность выборки – 424 респондента. 34,2% из них составили мужчины (145); 65,6% – женщины (278). 89,7% (366 человек) являются представителями русской национальности и 9,9% (42) – представителями народностей Кавказа. Ценностные ориентации респондентов измерялись на основе методики исследования ценностей индивидуального уровня Ш. Шварца (**Schwartz, 2000**). 9-балльная шкала использо-

* Статья подготовлена при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ» в рамках конкурса «Учитель-Ученики» 2010–2011 гг. (проект 10-04-0014).

Ценностные предпочтения: средние значения

Ценностные ориентации	Русские		Кавказцы	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
	М	М	М	М
Безопасность	4,04	4,05	3,85	4,08
	0,66	0,68	0,86	0,57
Конформность	3,99	3,89	3,81	3,77
	0,65	0,64	0,58	0,78
Традиционализм	2,86	3,02	4,04	3,47
	1,10	1,03	1,29	0,91
Благожелательность	4,45	4,41	4,12	4,55
	0,56	0,58	0,80	0,54
Универсализм	3,67	3,70	3,68	3,82
	0,64	0,57	0,56	0,63
Самостоятельность	4,57	4,50	4,43	4,33
	0,69	0,66	0,65	0,54
Стимуляция	3,87	3,62	3,78	3,76
	1,13	1,05	0,90	1,00
Гедонизм	3,75	3,86	4,00	4,12
	1,07	1,00	1,13	0,92
Достижение	4,27	4,08	4,15	3,70
	0,67	0,61	0,79	0,55
Власть	3,54	3,32	4,23	3,99
	1,08	0,94	1,06	1,27

Таблица 4

Структуры ценностных предпочтений исследуемых групп (от наиболее важных ценностей к наименее важным)

	Русские мужчины	Русские женщины	Кавказские мужчины	Кавказские женщины
1	Самостоят.	Самостоят.	Самостоят.	Благожелат.
2	Благожелат.	Благожелат.	Власть	Самостоят.
3	Достижение	Достижение	Достижение	Гедонизм
4	Безопасность	Безопасность	Благожелат.	Безопасность
5	Конформность	Конформность	Традиция	Власть
6	Стимуляция	Гедонизм	Гедонизм	Универсализм
7	Гедонизм	Универсализм	Безопасность	Конформность
8	Универсализм	Стимуляция	Конформность	Стимуляция
9	Власть	Власть	Стимуляция	Достижение
10	Традиция	Традиция	Универсализм	Традиция

влась для оценки респондентом важности для него 57 ценностей, что позволяло рассчитать балл по каждой из 10 ценностей индивидуального уровня по Ш.Шварцу: Безопасность, Конформность, Традиция, Благожелательность, Универсализм, Самостоятельность, Стимуляция, Гедонизм, Достижение, Власть. Сравнение средних для ценностных предпочтений проводилось на основе U-критерия Манна-Уитни.

Результаты. Табл. 3 содержит результаты сравнений средних для ценностных предпочтений: русских мужчин и женщин; кавказских мужчин и женщин; русских и кавказских мужчин; русских и кавказских женщин.

Русские мужчины показали значимо большее, чем женщины, предпочтение ценностей Достижения ($p < .01$), Стимуляции, Власти и Конформности ($p < .05$). Кавказские мужчины придали большую, чем кавказские женщины, важность ценностям Достижения и Традиционализма ($p < .05$). Кавказские мужчины значимо больше, чем русские мужчины, предпочитают ценности Власти ($p < .05$) и Традиции ($p < .01$). Аналогично, кавказские женщины показали большее, чем русские женщины, предпочтение ценностей Власти ($p < .05$) и Традиции ($p < .01$) и меньшее предпочтение ценностей Достижения ($p < .01$).

В табл. 4 находятся структуры ценностных предпочтений русских и кавказских мужчин и женщин, где ценностные ориентации расположены в порядке их предпочтения каждой из групп от наиболее важной к наименее важной.

Обсуждение и выводы. Представители четырех исследуемых групп одинаково оценили свои предпочтения относительно ценностей Безопасности, Благожелательности, Универсализма, Самостоятельности и Гедонизма. При этом ценности Самостоятельности и Благожелательности находятся среди наиболее важных ценностей для респондентов независимо от их пола и национальности, Универсализм же - среди наименее важных. Так проявляется противоречивая структура ценностного блока Самопреодоления респондентов, состоящего из ценностей Благожелательности и Универсализма: важны забота и участие для близких, однако толерантность и принятие более широкого круга людей становятся менее значимыми.

Кавказские женщины продемонстрировали большее предпочтение ценностей Традиции, чем русские женщины; тем не менее Традиционализм является наименее важной ценностью как для первых, так и для вторых, а также для русских мужчин. При этом кавказские мужчины относят ценности Традиции к группе наиболее предпочтительных. Так, вопреки представлениям о роли женщины как хранительницы тради-

ций, возможно, именно мужчины на Кавказе представляются носителями традиционных ценностей.

Как кавказские, так и русские мужчины одинаково высоко оценили важность ценностей Достижения. Предпочтение этой ценностной ориентации у русских и кавказских женщин значимо ниже, чем у русских и кавказских мужчин соответственно. Однако стоит отметить, что для кавказских женщин ценности Достижения являются предпоследними по важности, в то время как для трех других групп эти ценности входят в тройку наиболее важных. Ценности Власти относятся к числу наименее важных для русских мужчин и женщин, являясь, тем не менее, значимо более предпочтительными для первых, чем для вторых. Одновременно с этим, кавказские мужчины и женщины одинаково высоко оценивают важность ценностей Власти. Так, проявляется структура культурных и гендерных различий ценностного блока Самоутверждение: кавказские женщины, ценя престиж и социальный статус, вероятно, менее ориентированы на их приобретение через личный успех, в отличие от кавказских мужчин. Возможно, это связано с тем, что социальная роль женщины на Кавказе ближе к традиционной, чем социальная роль женщины в русской этнической среде.

Таким образом, проведенный гендерный анализ позволил раскрыть некоторые кросс-культурные различия.

Список литературы

Levey T., Silver C.B. Gender and Value Orientations: What's the difference? The Case of Japan and the United States // *Sociological Forum*, 2006. Vol.21, No.4, pp. 659–691.

Schwartz, S. H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. In M. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 25) (pp. 1-65). New York: Academic Press, 1992.

Schwartz S.H., Prince-Gibson E. Value Priorities and Gender // *Social Psychology Quarterly*, 1998. Vol. 61, No.1. pp. 49-67.

Schwartz S. H., Sagie G. Value Consensus and Importance: A Cross-National Study // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2000. Vol. 31, No. 4. Pp. 465-497.

Т.А. Гаврилова

Уссурийск, Уссурийский государственный педагогический институт

**КУЛЬТУРНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ТРЕВОГА СМЕРТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛЕМИКИ)***

Т.А. GavriloVA

Ussurisk, State Pedagogical Institution

Culture worldviews and death anxiety (The review of foreign polemic)

The short review of discussion about the functions of the culture worldview and its relation with death anxiety by J.Greenberg, T.Pyszczynski, S.Solomon «terror management theory» and «coalition psychology» C.D. Navarett is presented.

В последние годы в зарубежной научной периодике идет оживленная полемика по поводу роли тревоги смерти в детерминации различных социально-психологических феноменов, среди которых наиболее часто упоминается культурное мировоззрение. Начало полемике положила группа американских психологов J.Greenberg, T.Pyszczynski и S.Solomon, которые в рамках своей «теории управления ужасом» (**Terror Management Theory** - ТМТ) связали культурное мировоззрение с тревогой индивида по поводу неизбежной конечности его существования (тревогой смерти).

Развивая идеи известного антрополога E.Becker (Becker, 1973) о культуре как средстве массовой защиты от «терроризирующей» человека тревоги смерти и о генеративном потенциале этой тревоги, создатели ТМТ предлагают экспериментально-психологическое обоснование этих идей. Для этого ими была разработана оригинальная экспериментальная методология (см. обзор в Landau et al., 2007), в которой тревога смерти впервые в истории ее эмпирических исследований выступает в качестве независимой переменной¹. В этих целях при помощи разнообразных манипуляций² у испытуемых актуализировалось осознание их неизбежной смертности, которое, как предполагалось, возбуждало у них потенциал³ для развития тревоги. Такая манипуляция была названа «очевидностью смертности» (**mortality salience**, в дальнейшем – **MS**), что по-русски может быть лучше выражено как «напоминание о смертности». Все последующие после **MS** реакции и поступки испытуемых в рамках методологии ТМТ рассматриваются как порожденные тревогой смерти и, поскольку предполагается, что эта тревога может вызывать только защитные реакции, то зависимыми переменными в исследованиях выступают такие особеннос-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 02-06-00184а

ти поведения, которые трактуются как защищающие человека от «парализующей» тревоги смерти. В ТМТ-экспериментах такими особенностями выступают, прежде всего, особенности поведения, связанные с участием в культуре.

Центральная гипотеза ТМТ состоит в том, что вера в то или иное принятое в данной культуре мировоззрение служит предохранением от потенциальной тревоги по поводу смерти и что напоминания о смерти должны увеличивать усилия по поддержанию этой веры, усиливать ее защиту. Для проверки этой гипотезы после MS испытуемым предлагалось, например, оценить мнения и действия людей с противоположным культурным мировоззрением. Так, в одном из первых исследований (**Rosenblatt et al., 1989**) группе муниципальных судей после напоминаний о смертности предлагалось прочитать описание правонарушения проститутки и назначить размер залога (от 100 до 999\$), достаточного для того, чтобы выпустить ее на свободу. Так вот, если в контрольной группе, которой не напоминали о смерти, средний размер залога был около 50\$, то в экспериментальной группе он оказался в среднем 455\$. Таким образом, осуждение проститутки как нарушительницы принятых культурным норм было более сильным после напоминания людям об их смертности. Такая же тенденция проявлялась и тогда, когда испытуемым предлагалось установить размер вознаграждения для женщины, которая задержала преступника (средний размер вознаграждения в группе, подвергнутой MS, составил 3476\$, в то время, как в контрольной он был в значимо ниже – 1112\$).

Большая часть подобных исследований, – а их было проведено около трехсот за последние 15 лет в США, Канаде, Германии, Италии, Израиле, Нидерландах, Японии, Австралии, Иране и др. – подтверждают центральную гипотезу ТМТ (**Landau et al., 2007**). Доказывается также, что напоминание людям об их смертности вообще усиливает их просоциальное поведение (правда, только внутри своей культуры): после таких напоминаний увеличивается приверженность культурным нормам и увеличивается оценка роли социального согласия (**Pyszczynski et al., 1996**).

ТМТ вызвала самую разностороннюю критику. Больше всего с ней не согласны приверженцы эволюционной психологии. Так, **C.D. Navarrete** с коллегами (**Navarrete et al., 2004, 2005**) приводит данные о том, что имеется большое количество культур, основанных на мировоззрении, которое не только не уменьшает тревогу смерти у своих членов, но даже и увеличивает ее (например, кальвинизм или католицизм). Он также сообщает, что не обнаружил реакций защиты культурного мировоззрения в ответ на напоминания о смерти у коста-риканских испытуемых, но обнаружил его у

них в ответ на напоминания о других угрозах (воровства личного имущества, социальной изоляции и т.п.). В связи с этим и для альтернативного объяснения других эмпирических данных, полученных в рамках ТМТ, была выдвинута концепция коалиционной психологии (**coalitional psychology – CP**). Согласно этой концепции, системы защиты про-групповых норм закрепились в естественном отборе исключительно для облегчения формирования коалиций, полезных для получения поддержки в проблемных ситуациях, адаптация в которых в одиночку затруднительна, но становится более эффективной за счет поддержки со стороны коалиции, к которой принадлежит индивид.

Сторонники ТМТ в ответ на эти замечания приводят множество аргументов в пользу своей позиции. Прежде всего, они замечают, что не считают защиту от тревоги смерти единственной функцией культурного мировоззрения и что не отрицают, что оно способствует формированию и обслуживанию определенных социальных отношений (**Landau et al., 2007, с.493**). Но они не могут согласиться с теорией коалиционной психологии потому, что с ее позиций невозможно объяснить полученные в ТМТ-исследованиях данные и некоторые факты, которые удается объяснить с позиций ТМТ. Так, например, как можно объяснить тот факт, что в мировоззрениях всех существовавших и существующих культур всегда присутствует сверхъестественное измерение и что люди выражают свою про-групповую аффилиацию символическими способами, вовлекающими сложные системы веры. Например, если в какой-то местности поедание свинины чревато опасностью из-за большой вероятности ее заражения вредными бактериями, то зачем для предупреждения об этом необходимо вовлекать некий духовный смысл, а не объявить об этом прямо? И если функцией коалиций является облегчение генной репликации, то почему так часто во главе этих коалиций утверждаются пронационалистические лидеры, вовлекающие эти коалиции в изнурительные войны, и проигрывают лидеры, обладающие хорошими практическими навыками для выживания и воспроизводства? Почему также, если основной эволюционной функцией коалиций является предоставление групповой поддержки, то почему в истории культур так часты различного рода культы лидера?

Что касается отсутствия **MS**-эффектов у коста-риканских испытуемых, то, по мнению сторонников ТМТ, прежде всего – единственный нулевой эффект по сравнению с сотнями противоположных данных еще ничего не означает. К тому же они считают, что группа **Navarrete** не полно воспроизвела алгоритм экспериментальной схемы ТМТ и потому именно из-за этого могла получить результаты, не стыкующиеся с основными положениями ТМТ (там же, с. **504**).

Приведенный выше обзор, на мой взгляд, открывает широкую перспективу для новых осмыслений роли знания индивида о конечности своего существования и связанной с этим обстоятельностью тревоги в детерминации целого ряда социально-психологических феноменов. А «теория управления ужасом», несмотря на уязвимые для критики аспекты, может стать основанием для продолжения полемики о функциях культурного мировоззрения в российской психологии.

Список литературы

Becker, E. The denial of death / E. Becker. – N.Y.: Free Press, 1973.

Landau, M.J. On the compatibility of Terror Management Theory and perspectives on human evolution / M.J. Landau, S. Solomon, T.Pyszczynski // *Evolution.Psychol.* – 2007. – vol. 5(3). – P. 476–519. URL: <http://www.epjournal.net> (дата обращения 19.03.2008).

Pyszczynski, T. Whistling in the dark: Exaggerated estimates of social consensus in response to incidental reminders of mortality / T.Pyszczynski, R.A.Wicklund, S.Floresky, G.Gauch, S.Koch, S.Solomon, J.Greenberg // *Psychol. Science.* – 1996. – V. 7. – P. 332–336.

Navarrete, C.D. Anxiety and intergroup bias: Terror Management or Coalitional Psychology? / C.D.Navarrete, L.A.Kirkpatrick // *Group process & intergroup relations.* – 2004. – V.7(4). – P. 370–397.

Navarrete C.D. Death concerns and adaptive chalanges: The effect of coalition-relevant chalanges on worldview defense in US and Costa Rica // *Group process & intergroup relations.* – 2005. – V. 8(4). – P. 411–427.

Navarrete, C.D. Normative bias and adaptive challenges: a relational approach to Coalitional Psychology and a critique of Terror Management Theory / C.D.Navarrete, M.T.Fessler // *Evolution. Psychol.* – 2005. – Vol. 3. – P. 297–325. URL: <http://www.epjournal.net> (дата обращения 09.01.2006).

Rosenblatt, A. Evidence for terror management theory I: The effects of mortality salience on reactions to those who violate or uphold cultural values / A.Rosenblatt, J.Greenberg, S.Solomon, T.Pyszczynski, D.Lyon // *J. Pers. Soc. Psychol.* – 1989. – V. 57. – P. 681–690.

Примечания

¹ До этого тревога смерти традиционно исследовалась исключительно как зависимая, – от пола, возраста, личностных и социальных характеристик, – величина.

² Например, просмотр документальных видеоклипов о натуралистических сценах смерти, пребывание около похоронных процессий, заполнение опросников об отношении к смерти, мини-сочинения о наиболее вероятных особенностях собственной смерти и т.п.

³ Именно «потенциал» для развития тревоги, а не само по себе состояние тревоги. Это принципиальная посылка ТМТ, связанная с дуальной моделью защиты человека от осознания своей неизбежной смертности.

Г.В. Гатальская, Н.М. Ткач
Гомель, Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АВТО- И ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПОВ БЕЛОРУСОВ

H.V. Gatalaska, N.M. Tkach
Gomel State University named after F.Skorina

Psychological analysis of auto- and hetero-stereotypes of the Belarusians

The article presents the results of the research of auto- and hetero- stereotypes among the Belarusians, the realization of the comparison between auto- and hetero- stereotypes, which means the evaluation of the intensity of neighbours' character traits (the Russians, the Ukrainians, the Lithuanians, the Poles) by the Belarusians.

Этнические стереотипы выполняют важную функцию, определяя поведение человека в различных социальных ситуациях, составляя непреходящий атрибут этнокультурной социализации, влияя на этнические симпатии – антипатии, на национальные установки, определяющие межэтническое взаимодействие людей.

Нами было проведено исследование авто- и гетеростереотипов белорусов. Выборочную совокупность составили 511 человек (241 мужчин и 270 женщин), она является равновзвешенной по возрастному признаку, её респонденты относятся к различным возрастным группам от 18 до 70 лет. 69,9% респондентов - горожане, 30,1% - сельские жители. 93,15% респондентов, отмечая свою национальную принадлежность, указали, что они белорусы, 5,68% - русские, 0,78% - украинцы. Любопытен тот факт, что большая часть респондентов-выходцев из смешанных семей по национальному признаку, относят себя к белорусам.

Методы исследования: модифицированная методика этнических стереотипов Д. Катца и К. Брели; модифицированный семантический дифференциал, позволяющий выявлять выраженность определённого набора качеств у себя, своей этнической группы и иноэтнических групп соседей; анализ демографических данных респондентов; интерпретационные методы.

Результаты исследования. Оценивая этнические стереотипы, мы с помощью семантического дифференциала определяли выраженность тех или иных качеств у представителей своей этнической группы, иноэтнических групп-соседей по шкале от 0 до 5 баллов (0 – отсутствие качества, 5 – максимальная его выраженность). Помимо реальных этнических групп респондентам также предлагалось оценить гипотетические группы:

«народ, которым я восхищаюсь», «народ, который мне неприятен», «Я сам» (оценка выраженности тех или других характерных черт у самого респондента как представителя этнической группы). На основе анализа автостереотипов нами был построен профиль национального характера белорусов по следующим качествам: **1** – сильный, **2** – трудолюбивый, **3** – агрессивный, **4** – умный, **5** – религиозный, **6** – свобододолюбивый, **7** – верный традициям, **8** – аккуратный, **9** – индивидуалист, **10** – коллективист, **11** – патриотичный, **12** – обязательный, **13** – предприимчивый, **14** – духовный, **15** – добрый, сердечный. Данные представлены на рисунке 1.

На основе анализа автостереотипов можно утверждать, что белорусы видят себя *добрыми, сердечными; трудолюбивыми; сильными; умными; аккуратными; обязательными; патриотичными; свобододолюбивыми; коллективистичными*. Причём, по мнению белорусов, выраженность таких качеств в собственном национальном характере, как доброта, сердечность, трудолюбие, коллективизм, аккуратность, обязательность сильнее, чем в идеальном характере, «вызывающем восхищение» (различия являются статистически значимыми). Таким образом, это позволяет сделать вывод, что белорусы позитивно оценивают свой характер.

Среди черт национального характера белорусов, которые, на взгляд респондентов, практически совпадают с чертами идеального национального характера, выделяются: сила, свобододолюбие, ум. Интерес представляет взгляд белорусов на собственную духовность: она не так сильно представлена в характере, как выше названные черты, однако степень её выраженности выше, чем в «идеальном характере». Белорусы, по их оценке, в меру религиозны, при этом, данный показатель соответствует их идеальным представлениям.

Белорусы считают, что для них характерен традиционализм. Уровень его выраженности является близким к идеальным представлениям. По оценкам респондентов, предприимчивость довольно-таки выражена в национальном характере белорусов, однако «не дотягивает» до идеала (различия являются статистически значимыми). В силу высокого уровня коллективистичности белорусов, по их оценкам соответственно индивидуализм в национальном характере представлен весьма умеренно, его уровень ниже «идеального» (различия также являются статистически значимыми). Белорусы, по собственным оценкам, не агрессивны. Уровень выраженности данной черты в национальном характере – самый низкий, он также ниже идеального (различия являются статистически значимыми).

Нами было осуществлено сравнение автостереотипов белорусов с гетеростереотипами, т.е. оценкой белорусами выраженности тех или дру-

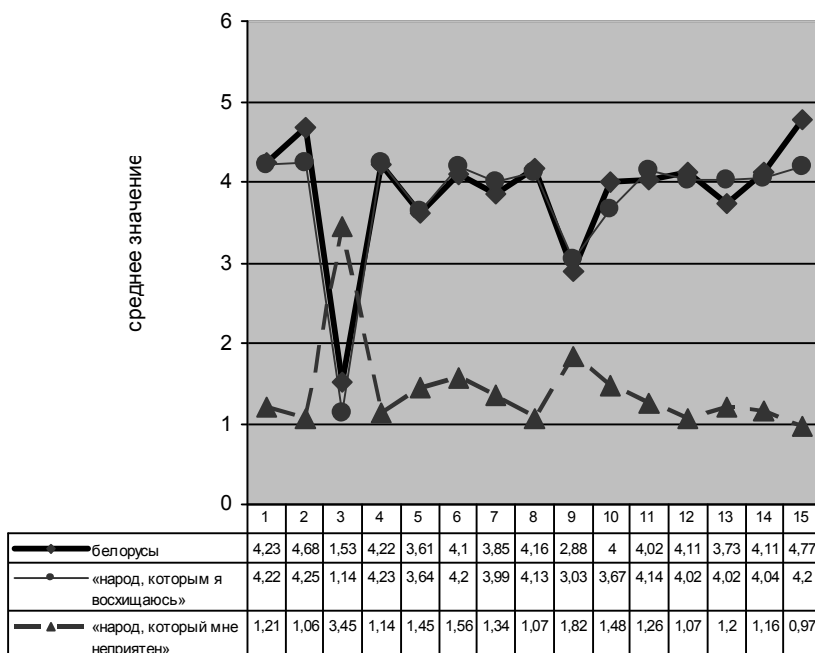

Рис. 1. Профиль национального характера белорусов в соответствии с автостереотипами

гих черт в национальном характере соседей (русских, украинцев, литовцев, поляков). Интерес представляет тот факт, что, по оценке белорусов, ряд черт в характере белорусов выражен ярче, чем у соседей (русских, украинцев, литовцев, поляков). К ним относятся: трудолюбие, аккуратность, коллективизм, обязательность, духовность, доброта и сердечность. Вместе с тем, уровень выраженности агрессивности и индивидуализма у белорусов самый низкий в сравнении с представителями выше названных этносов.

В национальном характере белорусов, по их оценкам, выраженность трудолюбия, доброты и сердечности, духовности, обязательности, коллективизма, аккуратности, религиозности сильнее, чем в национальном характере русских. Сила, ум, свободолобие, патриотизм, предприимчивость, традиционализм, индивидуализм, агрессивность, по оценкам белорусов, ярче выражены в национальном характере русских. По всем вышеназванным критериям различия являются статистически значимыми.

Полученные данные подтверждают также результаты контент-анализа свободного описания сходства и различия белорусского национального характера и русского. Многие респонденты обращают внимание на значительное сходство белорусского и русского характеров.

По оценкам белорусов, выраженность таких черт как духовность, обязательность, коллективизм, аккуратность, религиозность, ум, трудолюбие, сила, доброта и сердечность у белорусов сильнее, чем у украинцев. Предприимчивость, индивидуализм, свободолюбие и агрессивность ярче выражены в национальном характере украинцев, по мнению белорусов. При этом различия также являются статистически значимыми. Это подтверждают результаты контент-анализа свободного описания респондентами отличий белорусского национального характера от украинского. Респонденты отметили также, что белорусов в большей степени отличает щедрость, искренность, бесхитростность. В сравнении с поляками и литовцами, у белорусов такие черты, как сила, трудолюбие, ум, свободолюбие, аккуратность, выражены сильнее. Однако, по оценкам белорусов, поляки и литовцы религиознее, предприимчивее, агрессивнее и в большей степени индивидуалисты (по всем выше названным характеристикам различия являются статистически значимыми).

Анализируя свободное описание респондентами национального характера собственной и вышеназванных этнических групп, можно констатировать тот факт, что позитивные черты белорусы склонны в большей степени приписывать себе, русским, украинцам.

Исследование позволяет сделать вывод, что у белорусов прослеживается доминирование позитивных автостереотипов, связанных с чертами национального характера. Анализ автостереотипов позволяет утверждать, что белорусы считают себя *добрыми, сердечными; трудолюбивыми; сильными; умными; аккуратными; обязательными; патриотичными; свободолюбивыми; коллективистичными.*

Анализ гетеростереотипов белорусов позволяет говорить об их позитивном отношении к своим соседям (русским, украинцам, полякам, литовцам). А это, в свою очередь, способствует развитию оптимального межкультурного взаимодействия.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные данные могут быть использованы при разработке лекций по этнопсихологическим проблемам для различных групп населения, работы с молодёжью в направлении развития и укрепления национального самосознания.

С.Ю. Головина

Тобольск, Тобольская государственная
социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕРОЯ-ТРИКСТЕРА
В ФОЛЬКЛОРЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА (ХАНТЫ, МАНСИ, НЕНЦЫ)

S. Golovina

Tobolsk, Tobolsk state socio-pedagogical academy named after D.I. Mendeleev

Ethnic features of hero-trikster in the folklore of Khanty, Mansi and Nenets

Behaviour of northerner's antihero and story-teller's attitude to him exactly point at their mentality: unwillingness to resign themselves to greedness, verbiage, weakness, cowardice. But in spite of all his shortcomings, northerners like their antihero, because he personifies all nation. People's irony is irony to themselves and desire to improve own life.

Образ трикстера как антигероя довольно сложен и разными исследователями трактуется по-разному. Однако все сходятся во мнении, что данный архетип воплощает в себе те пороки, которые не приемлет общество. Другое дело: как он их воплощает. Природа трикстера двояка. С одной стороны, он может выполнять функции демиурга, праотца. С другой – выступать рядом с «культурным героем» в качестве его брата-близнеца или даже его собственной «второй природы», иной ипостаси (*Мелетинский, 1958, с. 26*). В этом случае он наделяется чертами шута, веселого плута, который или неудачно подражает деяниям брата в делах создания элементов Космоса, введения обычаев и культурных навыков либо нарочно порождает «дурные» элементы природы и культуры.

У коренных малочисленных народов Тюменского Севера, как и у других этносов, прослеживается двойственное отношение к трикстеру: поощряется, когда герой использует свою хитрость, чтобы обмануть жадных и глупых людей или даже прокормить себя в суровых условиях тундры, но, когда дело касается принципов народа, его заветов, плут высмеивается беспощадно.

Среди обских утров очень популярен эпический герой Эква-пырысь (букв. «Женщины сынок»), выступающий то как Золотой Богатырь, За Народом Смотрящий Человек, Много Странствовавший, Много Блуждавший Муж, то как весёлый плут Альвали, Ими-хиты, Ича. Народ создал множество сказочных сюжетов, где отважный трикстер при помощи различных уловок побеждает злого и глупого чёрта или жадных купцов (*Лукина, 1990, с. 15*). Однако порой мы встречаем эпизоды, в которых герой

смотрится не очень выгодно. Так, в хантыйской сказке «Бабушка Сяси-ми и внук Имихилы» Имихилы отправляется ловить рыбу, находит подходящее место и думает: «Вот здесь и поставлю свою маленькую сеть». Однако когда начал рыбак сеть разворачивать, «разворачивал её, разворачивал» – очень длинной оказалась «маленькая сеть». Дальше с героем происходит следующее: «Сложил рыбу в лодку, поехал обратно. Стал тащить лодку с рыбой по волоку. Тащил легко. Но лодка вдруг отяжелела – не сдвинуть с места. Имихилы оглянулся – в лодке сидит лесной дух Менгк, улыбается». На следующий день, проанализировав случай, Имихилы приходит к правильному, с точки зрения нравственных принципов народа, выводу: «Хватит! Возьму столько рыбы, чтобы моя старая бабушка Сяси-ми могла справиться» (*Санги, 1989, с. 66*). Жадность не поощряется Менгком, как и всем хантыйским народом, и поэтому лесной дух насмехается над излишне старательным рыбаком, удерживая его лодку.

У ненцев большой популярностью пользуется Иванушка-Дурачок. Образ Дурачка, младшего сына, несомненно, пришедший на Крайний Север из русского фольклора, усвоен ими весьма своеобразно. В ненецкой сказке «Дурачок-рыбак» главный герой «всё на печке сидит, только тараканов считает». Подобное начало чем-то напоминает русскую народную сказку «Емеля-Дурак». Но ненцы, руководствуясь своей моралью, не могут допустить, чтобы основной, положительный в данном случае герой оставался лентяем и восторжествовал в такой ипостаси. Когда рыба перестаёт идти в сети отцу и наступает голод, Дурачок принимается за работу. Обманывая всех, будто он пригоняет рыбу со дна реки, плут отправляет в воду вместо себя малицу (верхняя одежда ненцев мехом внутрь – прим. автора), набитую травой, а сам идёт на рыбалку. Когда, однако, братья, сестра и отец с матерью, поддавшись на обман, сами решаются опуститься на дно за рыбой, Дурачок останавливает их. В данном случае смешным выступает уже не Дурак, а его доверчивая родня. Очевидно, что рыбу со дна озера не пригонишь, но можно её добыть только своим трудом. Таким образом, в конце концов, всё ставится на место, и сказка заканчивается словами: «Хорошо стали жить. Дурных и глупых не стало» (*Щербакова, 1984, с. 147*).

В другой ненецкой сказке «Ехэна Хоба» также действуют два сына – старший, умный, и младший, дурачок. Но здесь дурень оправдывает своё название, а умный действительно оказывается умным. В этом тексте очень много сатирических моментов, связанных с поведением младшего брата. Народ беспощадно высмеивает такую черту характера, неприемлемую на Крайнем Севере, как болтливость. Также как обские

угры, ненцы дорожили словом, ценили его, поэтому так откровенно смеются они над длинным языком Дурачка. Ехэна-Хоба, старший брат, следуя за Лыжником-остяком молча проделывает все его трюки. У младшего же брата ничего не получается, зато он комментирует всё, что видит. Эти нелепые комментарии и комические попытки повторить фокусы Лыжника и вызывают смех:

Лыжник-остяк ногу оставил. Дурачок сказал:

– Ой, нога осталась!

Он достал свой нож:

– Я тоже отрежу!

Дурачок стал резать свою ногу, кричит:

– Больно, больно!

В ненецком сказании «Старик Ёмбо» Ёмбо предстаёт то как «дурак», то как герой, выручающий своих близких. И опять же, с иронией показаны лишь те эпизоды, в которых старик ведёт себя недопустимо с точки зрения ненцев. Так, проверяя сети, поставленные посередине реки, Ёмбо не выдерживает и «мочится» в воду. Приводит это к тому, что от старика со старухой и живущего с ними «человека с собачьим задом» уходит весь улов, даже высушенная уже рыба «падает на землю и идёт в сторону речки». Наступил голод, и хитрый Ёмбо, прикинувшись больным, на смертном одре просит похоронить его, не закапывая и подложив ему под голову последнюю баночку с рыбьим жиром. После похорон семья «покойника» продолжает мучиться от голода, а живой и невредимый плут каждый день лакомится жиром. Узнав об этой проделке, сородичи решают проучить Ёмбо. Эпизод этот полон иронии и назидания. Бежит «человек с собачьим задом» в сторону могилы старика и кричит: «Старуха, беги быстрее. За нами гонится волосатый чёрт. Добежать бы до могилы Ёмбо, там будем спасены. Пусть чёрт мёртвого Ёмбо кушает. Какая разница старому Ёмбо, всё равно мёртвый». Услышав эти слова, «мертвец» быстро выскакивает из своей могилы и мчится следом за старухой с криками: «Где чёрт? Какой чёрт? Помогите!» (*Лар*, 2001, с. 274). Но, если в вышеприведённых эпизодах Ёмбо наказывается за жадность и непочтительное отношение к реке, то далее, заслужив расположение богатого оленевода своим умением рассказывать сказки, герой получает много оленей и красивую невесту и все эти добытые им сокровища раздаёт родным людям, демонстрируя тем самым доброту и щедрость.

В ненецких фольклорных текстах «Хитрый Остяк» и «Как убили смерть» через проделки трикстеров выражается народная идея, мечты и

стремления этноса. В первой сказке приветствуются физическое здоровье и жажда жизни старика, который три раза смерть обманывал. Первый раз он обмазался мозгами коров и притворился сильно больным, исходящим гнойными язвами, так что даже смерть побрезговала им; второй раз Остяк саму смерть напоил до полусмерти и замуровал в железную бочку; третий раз старик обратился в мелкого гуся и улетел со стаей в тёплые края (Щербакова, 1984, с. 150). Таким образом, народ смеётся над весёлыми трюками героя и поощряет его жизнелюбие, противостоящее воле самого бога (ведь это он посылал Смерть за стариком).

Вторая сказка повествует о том, как старик со старухой убили собственную смерть, обманом заманив её в табакерку и закрыв там. Этот текст заканчивается весьма оптимистично и многообещающе, выражая, возможно, мечту ненцев: «Через тысячу лет будет человек, который сможет старых людей превращать в молодых» (Щербакова, 1984, с. 141). Слабость и немощь – это главные враги на Севере, требующем от людей духовных и физических сил, поэтому с этим злом тоже борются в фольклоре и также успешно его побеждают.

Таким образом, поведение трикстера и отношение к нему рассказчика очень точно отражают менталитет коренных малочисленных народов Тюменского Севера: неприятие таких качеств, как жадность, пустословие, слабость, трусость. Но, несмотря на все его недостатки, северяне любят своего антигероя, потому что он и есть народ. Образ его находится в постоянном развитии: он может быть жаден в одном эпизоде, но столь же щедр в другом, болтлив и неловок, но с ярко выраженным стремлением к совершенству и желанием бороться со злом, которое в фольклоре народов Тюменского Севера тоже имеет своё лицо.

Список литературы

Антология фольклора народностей Сибири, Севера и Дальнего Востока [Текст] / сост. В. Санги. – Красноярск: Книжное изд-во, 1989. – 493 с.

Мелетинский, Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М.: Изд. вост. лит-ры, 1958. – 264 с.

Мифы и предания ненцев Ямала [Текст] / авт.-сост. Л. А.Лар. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – 294 с.

Мифы, предания, сказки хантов и манси [Текст] / сост. Н.В.Лукина; под общ.ред. Е. С.Новик. – М.: Наука, 1990. – 568 с.

Ненецкие сказки [Текст] / сост. А.М. Щербакова. – Архангельск: Северо-Западное книж. изд-во, 1984. – 159 с.

В.С. Гончаров

Калининград, Калининградский государственный
технический университет

КУЛЬТУРНЫЕ КОНСТАНТЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ КОГНИТИВНОГО РАЗВИТИЯ

V.S. Goncharov

City of Kaliningrad, Kaliningrad State Technical University

Cultural constants as cognitive development determinants

It is asserted that formal logic acts as a cognitive constant for Western European culture. It is noted that Europocentrism in cross-cultural research leads to erroneous conclusions concerning assessment of intellectual development of the representatives of traditional cultures.

Исследуя этническое своеобразие культурных моделей поведения человека, С. В. Лурье вводит понятие «культурные константы» (Лурье, 2003). Они представляют собой устойчивые формы операционального опыта этноса, способы связи его культурных элементов. Культурные константы составляют основу культурной традиции данного народа. В них закрепляются адаптивные модели, совокупность которых характеризует культуру этноса. Этнические константы остаются неизменными культурными формами при изменении социокультурного или природного окружения этноса. С этнологической точки зрения культура выполняет адаптивную функцию в жизни индивида (Б. Малиновский). Но и сама культура вынуждена приспосабливаться к изменяющейся по отношению к ней среде. Культурные константы при этом выступают механизмом сохранения культурной идентичности этноса. Они обеспечивают ассимиляцию внешней реальности в действующие культурные схемы и их аккомодацию к новым культурно-политическим и природным условиям. Культурными константами являются не конкретно-содержательные признаки предметов, а общие приписываемые им функциональные характеристики. Конкретное наполнение этих моделей может меняться, и тогда возникают новые конфигурации образа мира. Но общие характеристики этих образов, их диспозиция, представления о модусе действия останутся неизменными.

Культурные константы определяют качественное своеобразие когнитивного развития индивида. Анализируя творчество Пиаже и Выготского, Дж. Брунер приходит к выводу, что ученые реализуют два несопоставимых подхода к развитию: «...один подход изучает мысль в ее номотетическом и объяснительном проявлении, другой — в идеографическом и интерпретативном» (Брунер, 2001, с.10). У Пиаже знание универсально,

валидно и проверяемо. У Выготского знание частное, конкретное и определяемое контекстом. Различие исследовательских парадигм, педагогический оптимизм Выготского и педагогический реализм Пиаже, Брунер связывает с особенностями культурной среды, в которой проходило формирование научного мировоззрения выдающихся ученых. Когнитивное развитие Пиаже проходило под воздействием протестантской теологии, которая определила его стремление к систематическому порядку и интеллектуальный стоицизм. Научное мировоззрение Выготского формировалось в атмосфере революционных преобразований, в мире многообещающих перспектив.

Следует признать, что формальная логика, являясь общецивилизационной культурной константой, наибольший вес приобрела в западноевропейской культуре. Она составила одно из оснований европоцентризма как постулата классического рационального мышления в психологии. А.Г. Асмолов утверждает: «В действительности же формальная логика представляет собой культурно-историческое изобретение, т. е. она не дана человеку, а задана культурой» (Асмолов, 2002, с. 441). Критикуя односторонний эволюционизм, автор также подчеркивает, что культуры предшествующих поколений не примитивнее или ниже, они иные, строящиеся по иным логикам.

Дж. Брунер тоже убежден в том, что выбор формальной логики в качестве модели мыслительных операций служит свидетельством приверженности Ж. Пиаже методологическому, антикультурному индивидуализму, который отдаляет его от культурно-исторической сферы (Брунер, 2001). В другой своей работе Дж. Брунер подчеркивает, что Пиаже признает важную роль среды лишь для очистки совести, и все остроумие его экспериментов тратится на изучение исключительно детей Западной Европы, причем детей среднего класса (Брунер, 1971). Для многих культур не западноевропейского типа формальная логика не выступает в качестве когнитивной константы, а входит в вариативную часть культуры этноса.

На наш взгляд, первичными детерминантами когнитивного развития выступают культурные константы как культурно-исторически заданные образцы познавательной деятельности человека. Культурные константы присущи когнитивному опыту любого стабильного сообщества, имеющего свою генетическую историю. Но наиболее укорененными и древними они являются в культуре этноса. Культурные константы делятся на те, которые жестко детерминируют когнитивное развитие, что затрудняет впоследствии его изменение, т. е. его «регенезис». И на те, которые не жестко задают рамки когнитивного развития. Это обстоятельство позво-

ляет впоследствии при необходимости произвести регенезис когнитивного развития вполне успешно (Гончаров, 2008).

Как констатируют кросс-культурные исследования, у представителей земледельческих, скотоводческих или ремесленных культур в когнитивном развитии преобладают наглядно-действенные и конкретно-образные компоненты. Культурные константы, входящие в эти культуры, не затрагивают правил и законов пропозициональной логики. В констатирующих исследованиях установлено, что у жителей африканских племен может совершенно не обнаруживаться способности к логическому выводу (Коул, Скрибнер, 1977; Коул, 1997). Но если такого жителя поместить в культурную среду, «начиненную» культурными константами формально-логического типа, то пробелы пропозиционального развития у него довольно быстро ликвидируются. Это может говорить о принципиальном сходстве культурных констант, ответственных за выполнение логических операций и операций анализа и синтеза реальных объектов как основы практического интеллекта и конкретного мышления. Последние операции Ж. Пиаже назвал инфралогическими и обосновал их соответствие операциям формального интеллекта.

Но в кросс-культурных исследованиях когнитивного развития их авторам бывает трудно избежать влияния линейного эволюционизма и европоцентризма. Так случилось со знаменитым исследованием интеллектуального развития населения советской Средней Азии, проведенным с участием А. Р. Лурии в начале 30-х гг. XX в. Характеризуя его работу, М. Коул пишет, что «А. Р. Лурия использовал термин “культура” в значении, принятом в традициях европейской, особенно немецкой науки в XIX столетии. Это было романтическое понимание культуры как последовательного накопления лучших достижений в науке, искусстве и технике — всего, в чем выражалось господство человека над природой и его освобождение от власти рефлекса, инстинкта и слепого следования обычаям. Такое до сих пор существующее понимание культуры расставляет все человеческие сообщества в определенном порядке на шкале эволюции. Общества, обладающие письмом и передовыми технологиями, считаются более культурными и более передовыми, чем общества, не обладающие подобными инструментами» (Коул, 2002, с. 38).

Жесткую европоцентристскую позицию занимает Р. Солсо. Комментируя результаты опытов с силлогизмами, полученные М. Коулом в Либерии и А. Р. Лурией в Узбекистане, он делает такое заключение: «В высокоиндустриальных западных обществах люди приучены подтверждать высказывания, касающиеся реальности, при помощи пропозициональных репрезентаций. В менее индустриальных обществах, где многие люди

живут “ближе к земле”, форма доказательства больше связана с непосредственным чувственным восприятием» (Солсо, 1996, с. 452).

В своей монографии М. Коул дает детальный и критический анализ кросс-культурных исследований когнитивного развития (Коул, 1997). Исходя из посылок культурно-исторического подхода, он настаивает на том, что при проведении кросс-культурных исследований необходимо знать и использовать повседневную практическую деятельность испытуемых. Эта деятельность задает контекст и выступает основой для проводимых экспериментов. М. Коул убежден, что без знания конкретной культуры, в которой живут и действуют испытуемые, невозможно проводить изучение тех или иных общностей людей. Нет достаточных данных о связи культурного опыта и результатов теста. Становится большой проблемой добиться эквивалентности между тестами, созданными в разных культурах. М. Коул приходит к такому выводу: «...единственный способ получить культурно-независимый тест - это разработка заданий, в равной мере являющихся частью жизненного опыта во всех культурах... До сих пор никто не выполнил такой исследовательской программы» (Коул, 1997, с. 74).

Список литературы

Асмолов, А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии / А.Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2002. – 480 с.

Брунер, Дж. О познавательном развитии / Дж. Брунер // Исследования развития познавательной деятельности. – М.: Педагогика, 1971. – С. 25-98.

Брунер, Дж. Торжество разнообразия: Пиаже и Выготский / Дж. Брунер // Вопросы психологии. – 2001. – № 4. – С. 3-13.

Гончаров, В.С. Основы культурно-генетической психологии: Монография / В.С. Гончаров. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – 334 с.

Коул, М., Скрибнер, С. Культура и мышление / М. Коул, С. Скрибнер. – М.: Прогресс, 1977. – 196 с.

Коул, М. Культурно-историческая психология: наука будущего / М. Коул. – М.: Когито-Центр; Изд-во ин-та психологии РАН, 1997. – 432 с.

Коул, М. Размышления над портретом А.Р. Лурия / М. Коул // Вопросы психологии. – 2002. – № 4. – С. 25-43.

Лурье, С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы / С.В. Лурье. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 624 с.

Солсо, Р. Л. Когнитивная психология / Р. Солсо. – М.: Тривола, 1996. – 600 с.

И.В. Грищенко

Киев, Национальный университет биоресурсов
и природоиспользования Украины

ПРОТИБОБОРСТВО РЕГИОНАЛЬНЫХ ТОТЕМОВ
ЗА ЛОКУС В УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ
«МЕДВЕДЬ И МЫШЬ-КУМА»

I.V. Hryshenko

Kyiv, National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine

The struggle of regional totems for the locus in the Ukrainian folk tale
“The Bear and the Mouse—godmother”

The article is devoted to the struggle of the totems. The Bear uphold his locus and food from the Mouse, which wanted to seize them. That original theme is reflected destruction of one totem and other is firmly established in the world view of the people.

Нынешний период развития человечества характеризуется возрождением этнической истории, культуры, традиций, языка; со стороны представителей разных народов прикладываются усилия для сохранения этнической и национально-психологической самобытности.

Многие проявления психической активности этноса, результаты мыслительной жизнедеятельности закрепились в его фольклоре. По мнению А.Налчаджяна, именно в культуре – историографии, народном творчестве и др. – наиболее тонко и глубоко закреплён образ мышления и мировосприятия этноса (Налчаджян, 2004, с.138). Полевые фольклорные материалы представляют большую ценность для исследования традиционной народной культуры как формы этнического сознания. Фольклор является неисчерпаемым источником для исследования множества скрытых механизмов, которые смогут помочь при разрешении современных этнонациональных, этнопсихологических, этнолингвистических и религиозных проблем.

Материалом для нашего исследования является украинская народная сказка «Медведь и Мышь-кума», зафиксированная на территории Купянского уезда Харьковской губернии конца XIX ст. талантливым исследователем Петром Ивановым и вошедшая в его рукописный сборник «Сказки». При составлении своего рукописного сборника П.Иванов подал ссылки на подобные сказочные сюжеты в сборниках А.Афанасьева, А. Эрленвейна, Д. Садовникова, И.Манжуры, П.Кулиша и П.Чубинского. Анализ собранных сказок Купянщины демонстрирует наличие среди них оригинальных текстов, которые не имеют аналогов в опубликован-

ных сборниках сказок XIX в. и отсутствие сюжетов в «Сравнительном указателе сюжетов», а именно, «Медведь и Мышь-кума», «Заяц-работник», «Баба-Яга», «Елена Прекрасная и козленок», «Галагаша», «Гомула» и другие. Такие сказочные сюжеты бытуют лишь в немногих регионах (например, сопоставление записей П.Иванова и записей П.Мартовича свидетельствуют, что в опубликованных сборниках второй половины XIX – начала XX вв. мотив сказки «Коржик» вне территории Слобожанщины не встречается).

В предисловии к изданию «Казки про тварин» И. Березовский указывал, что с исторической точки зрения, сказки о животных относятся к наиболее давним. Эти произведения имеют определенные особенности образной системы, характера изображения событий и идейно-художественной направленности. Генетические истоки художественных образов, сюжетов и мотивов сказок о животных демонстрируют основы мировоззрения давнего человека. Животный эпос хранит в себе остатки тотемных и антропоморфических представлений людей об окружающем мире. Предпосылкой развития жанра является десакрализация тотемных персонажей, при этом сохраняется их зооморфность. По мере отмирания тотемных верований сказки о животных обогащали бытовые мотивы. Наблюдения за привычками животных объединяются с изображением семейных и социальных отношений. Объединение внешности, характера животного, способности говорить, и ситуации из жизни людей придают сказкам о животных комического, юмористического, а иногда – поучительного отображения. Таким образом, рядом с тотемистическими и антропоморфными представлениями, сказки о животных поднимают общественные, социальные и бытовые проблемы, подавая их в аллегорической, поучительной форме.

Сказочный материал Купянщины отображает полную систему украинской сюжетики, персонажного состава и традиционных мотивов. Поэтический стиль купянских сказок о животных обуславливается социальным содержанием или социальными элементами, сатирической направленностью и поучительно-развлекательной функцией. Бесспорно, все эти оттенки в стиле могут проявляться довольно четко в одной сказке, но в той или иной степени один из них будет выступать ярче, влияя не только на идею сказочного повествования, но и содержательно-поэтическую целостность сказки, то есть на ее форму.

В то же время, П.Иванов зафиксировал множество сказочных произведений, которые демонстрируют остатки давних верований в сказочном эпосе и своеобразные эволюционные процессы художественной традиции системы жанра. Такие явления зафиксированы в сказках «Медвель и

Мышь-кума», в которой отображено противостояние региональных тотемов за локус.

В украинской сказке Мышь постепенно пытается завладеть имуществом и территорией Медведя. Сказка «Медведь и Мышь-кума», принадлежит к сказкам с трикстерским началом. Мышь – главный герой-трикстер, который пытается получить желанный объект – мед и чужой локус. Медведь же охраняет эти объекты. Если сравнивать со схожими сюжетами украинского сказочного эпоса («Лисиця-Кума», «Лисиця на зимівлі у Вовка та Ведмедя» (*Березовський, 1986, с.101*)), важно, что Мышь, хоть и съела мед, но все же поплатилась жизнью, т.е. зло наказано.

Рассмотрим персонажи нашей сказки. Медведь, как свидетельствуют фольклорные записи XIX–XX вв., является популярным образом всей восточнославянской сказки, в которых прослеживается связь с мифами, древним культом медведя. За палеоазиатским мифом, Вселенная образована Медведем и Вороном. В народных представлениях о животных Медведю отводится главенствующая роль. «Сербы Хомолья относят медведя к особо *чистым* животным. С чистотой медведя связано, в частности, отмеченное у русских убеждение, что нечистая сила не может принимать облик медведя» (*Гура, 1997, с.159*). Мышь – нечистое животное, персонаж хтонического происхождения, она является символом нижнего царства, священным животным подземного божества. Мышь наделена дьявольскими свойствами. Согласно кашубской легенде, дьявол сотворил мышь, а Господь Бог снял рукавицу, бросил ее, и из нее появилась на свет кошка (*Гура, 1997, с.404*). Исследования Т.Максимовой показывают, что «в Греции, начиная с гомеровской эпохи, был распространен культ Аполлона Сминфейского, атрибутом, символом и священным животным которого была самая обыкновенная мышь» (*Максимова, 2001, с.120*). Также мышь считалась священным животным египетского солнца Ра. Таким образом, мы видим, что эта пара представляет оппозиции: чистый / не чистый.

Важно, что территория юго-востока Украины, в частности, территория Слобожанщины (как известно, в состав входила и Харьковская губерния), которая располагается на перекрестке оседлого и кочевого типа жизни, испокон вечное соседство с Россией, Речью Посполитой и Крымским ханством сделали этот край территорией взаимовлияния разных цивилизаций и культур. История края складывалась таким образом, что в этногенезе местного народа принимали участие представители многих этносов. Но все же, по авторитетному мнению Д. Багаля, с XVII в. основными для культуры этого края стали отношения между Украиной и Россией, что и сказалось на кантоминании об-

разов и сюжетов. Культ медведя существует у разных народов (у обских хантов, айнов, бурят, финнов, киргизов), особенно почитаемым можно считать у русских. Мышь же – священное животное, но не у славян. Таким образом, здесь вырисовывается оппозиция свой / чужой: Медведь – свой региональный тотем, Мышь – чужой, пришлый. Каждая этническая группа с начала своего возникновения стремится к отделению от других этнических групп и, соответственно, разделение тотемов на «своих» и «чужих».

В народных сказках часто указываются отношения между родственниками, фиксируются и внесемейные отношения. Родственность зверей в сказке обозначает единомышленников героя, которые помогают ему, иногда выступают в роли добротворцев. Но в нашей сказке кумование Мыши с Медведем является обманом, прикрытием для своей задумки. Упросившись в кумы, Мышь съедает весь мед и, ко всему прочему, залезла на печь. В народной традиции печь является центральным местом дома. Медведь «взял нож, тарелку и пошел ковырять мед. Пришел, а там и улья поточены. Миша пришел в хату, поставил тарелку на стол, тогда взял макогон да как хлыснет Мышку – и убил ее насмерть» (Нейло, 2003, с. 52). Такой оригинальный мотив символически отображает оборону своего локуса через борьбу двух тотемов, один из которых гибнет, а второй утверждает в процессе художественной эволюции народного мировоззрения, а также изменений в сознании народа.

Таким образом, в украинской сказке «Медведь и Мышь-кума» утверждается о готовности регионального тотема защищать свои владения и не допустить захват территории и имущества.

Список литературы

- Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997. – 912 с.
- Казки про тварин / Упор. і передмова І.П.Березовського. – К., 1986. – 237 с.
- Максимова Т.А. Животные в мифах и легендах античного мира. – Абакан, 2001. – 132 с.
- Налчаджян А.А. Этнопсихология. 2-е изд. – СПб., 2004. – 381 с.
- Народні казки, зібрані П. Івановим / Упоряд., підгот. текстів, вступ. стаття, приміт. та словник І.В. Нейло. – К., 2003. – 512 с.

Л.К. Григорян

Москва, Государственный Университет – Высшая Школа Экономики

ЦЕННОСТИ И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ

L.K. Grigoryan

Moscow, State University – Higher School of Economics

Values and personality characteristics as predictors of ethnic intolerance

State University – Higher School of Economics work is devoted to the study of ethnic intolerance predictors. The research is referred to the cross-cultural relations problem area. In the following article a review of studies in the field will be presented and the methodology of investigation will be described, which is purposed to examine the correlations between values, personality factors and ethnic intolerance.

В современном мире идёт очень активный процесс миграции. По данным начала 21-го века около 190 миллионов людей живут не в тех странах, в которых родились – группы, которые обозначаются как «мигранты». По количеству мигрантов Россия среди стран занимает второе место после США (The Cambridge..., 2006). Практически любое государство в современном мире можно назвать многонациональным. Таким образом, эффективное межэтническое взаимодействие является принципиальной задачей для современного общества.

Вопрос о природе этнической интолерантности не нов в социальной психологии. Эта тематика разрабатывалась в трудах многих исследователей. Так, ключевое понятие «этноцентризма» было введено в 1906 году В. Самнером. В дальнейшем эта проблема разрабатывалась в трудах Ле-Вайна, Кемпбелла, Бревера и других исследователей. Также для объяснения этнических предубеждений в психологии используются понятия «этнической границы» (Ф. Барт), «культурной дистанции» (Фарнхем и Бочнер), «этнического статуса» (М. Савва). В современной науке особое место занимает теория социальной категоризации и социальной идентичности Тэшфела и Тернера, а этническая идентичность является одной из форм социальной идентичности (Межкультурный диалог..., 2003).

Что касается исследований, посвящённых личностным предикторам этнических предубеждений, то здесь следует назвать, прежде всего, исследование авторитарной личности Т. Адорно. В этом исследовании были выделены такие группы факторов, как конвенционализм, авторитарное раболепие, авторитарная агрессия, анти-интрацепция, суеверность и стереотипизм, силовое мышление и культ силы, деструктивность и цинизм,

проективность и сексуальность (Адорно, 2001). П. Смит отмечал, что «национальная и культурная идентификация укрепляет людей в системе смыслов, которая обеспечивает порядок и способствует обретению личного достоинства» (цит. по Лебедева, Татарко, 2007, с. 235). Скотт говорил об этноцентризме, агрессивности и неуверенности как причинах этнической интолерантности. Риерман отмечал, что предрасположенность к открытости является условием толерантности (Лебедева, Татарко, 2007). По мнению Г. Олпорта межгрупповые предубеждения – это проекция вины (Лебедева, Татарко, 2007). По результатам своего исследования С.В. Рыжова говорит о том, что «ощущение эмоциональной уязвимости, ограниченная зона комфортных внутриличностных переживаний и отношений, комплекс потребности в защите» (цит. по Лебедева, Татарко, 2007, с. 236) могут быть связаны с этнической интолерантностью.

К. Клакхон и Ф. Стродбек, первые изучившие ценности в кросскультурной психологии, определили ценностные ориентации как «сложные, определённым образом сгруппированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общих человеческих проблем» (цит. по Лебедева, Татарко, 2007, с. 34).

В исследование ценностей на индивидуальном уровне большой вклад внёс М. Рокич, который определил это понятие и создал инструментарий для его изучения. Рокич выделял «ценности-цели» и «ценности-средства», которые будучи способами поведения, вели к достижению первых (Лебедева, Татарко, 2007).

В конце 1980-х годов Ш. Шварцем была создана Международная программа сравнительного (кросскультурного) изучения ценностей [3]. Он выделяет 10 групп ценностей, с определённой мотивационной направленностью. Он назвал их следующим образом: власть (**Power**), достижение (**Achievement**), гедонизм (**Hedonism**), стимуляция (**Stimulation**), самостоятельность (**Self-Direction**), универсализм (**Universalism**), доброта (**Benevolence**), традиция (**Tradition**), конформность (**Conformity**), безопасность (**Security**) (Schwartz, 2006). В исследовании предполагается корреляция ценностей сохранения (безопасность, конформность, традиция) с показателем интолерантности. Такое предположение сделано на основе того утверждения, что открытость изменениям является основой для толерантности (Triandis, 1994), следовательно, обратное – направленность на консерватизм будет связано с интолерантностью. По другой линии – «самопреодоление – самовозвышение» связь с интолерантностью предполагается во второй группе ценностей – самовозвышения (власть, достижение, гедонизм). Это объясняется многими теориями, в том числе иссле-

дованием авторитарной личности Адорно, исследованиями этноцентризма, ядром которого является самовозвышение, и предположениями о стремлении к власти как причине предубеждений.

Цель исследования: выявить характер связей между ценностями и личностными характеристиками человека и показателем этнической интолерантности.

Основная гипотеза: определённые ценности и личностные характеристики имеют взаимосвязь с показателем этнической интолерантности.

Гипотезы-следствия: Такие личностные черты, как эмоциональная нестабильность, высокая нормативность поведения, когнитивная простота, подозрительность, тревожность и конформизм положительно коррелируют с уровнем этнической интолерантности. Такие ценности, как безопасность, конформность, традиция, власть, достижение и гедонизм положительно коррелируют с уровнем этнической интолерантности.

Выборка: Российские студенты в возрасте от 18 до 26 лет. Объем выборки: 100 человек.

В исследовании применяется метод опроса. Опросник состоит из трёх частей, каждая из которых представляет собой одну из методик, отобранных для выявления необходимых показателей. I часть – методика Шварца для выявления ценностей личности на индивидуальном уровне; II часть – методика Берри для выявления показателя этнической толерантности; III часть – методика Кеттелла для выявления устойчивых черт личности.

Собранные данные будут обработаны с помощью статистического пакета SPSS: будет проведён корреляционный анализ, по итогам которого будут сделаны выводы о взаимосвязи показателя этнической интолерантности с определёнными личностными характеристиками и ценностными блоками.

Список литературы

Адорно Т. Исследование авторитарной личности. Под общей редакцией д. филос. Н. В.П. Култыгина. – М.: Серебряные нити, 2001.

Межкультурный диалог: лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. – М.: Изд-во РУДН, 2003.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2007.

The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology. Edited by David L. Sam, John W. Berry. Cambridge University press 2006.

Schwartz H. Shalom. Basic Human Values: Theory, Measurement, and Applications // The Hebrew University of Jerusalem. Appeared in Revue française de sociologie, 47/4, 2006.

Triandis C. Harry. Culture and social behavior. University of Illinois, Urbana-Champaign. 1994.

Ю.В. Доноева

*Улан-Удэ, Бурятский государственный университет***ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ФАКТОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ**

J.V. Donoeva

*Ulan-Ude, Buryat State University***The ethnic-psychological and ethnic confessions factors in forming
of healthy lifestyle**

The through analysis of ethnic confessions factor in forming of healthy lifestyle is held. The role and potential of ethnic confessions traditions in forming of healthy lifestyle are shown.

В последнее время интерес к здоровому образу жизни привлекает все более пристальное внимание специалистов и широкий круг населения. И это, на наш взгляд, обусловлено осознанием истинности и серьезности древнего изречения: «искусство продлить жизнь – это искусство не укорачивать ее!».

Во все времена у всех народов мира непреходящей ценностью человека и общества являлось и является физическое и психическое здоровье. Еще в древности оно понималось врачами и философами как главное условие свободной деятельности человека, его совершенства.

Но, несмотря на большую ценность, придаваемую здоровью, понятие “здоровье” с давних пор не имело конкретного научного определения. И в настоящее время существуют разные подходы к его определению. При этом, большинство авторов: философов, медиков, психологов (*Александровский, 1976; Василенко, 1985; Казначеев, 1975; Николаева, 1991; Воробьев, 1995*) в отношении этого явления согласны друг с другом лишь в одном, что сейчас отсутствует единое, общепринятое, научно обоснованное понятие «здоровье индивида» (*Яковлева, 1998, с. 364–366*).

Самое раннее из определений здоровья — определение Алкмеона, имеет своих сторонников вплоть до сегодняшнего дня: «Здоровье есть гармония противоположно направленных сил». Цицерон охарактеризовал здоровье как правильное соотношение различных душевных состояний. Эпикурейцы считали, что здоровье — это полное довольство при условии полного удовлетворения всех потребностей. Согласно К.Ясперсу, психиатры рассматривают здоровье как способность реализовать «естественный врожденный потенциал человеческого призвания» (*Васильева, 1997, с. 406–411*). К.Роджерс также воспринимает здорового человека как подвижного, от-

крытого, а не постоянно использующего защитные реакции, независимого от внешних влияний и опирающегося на себя (Роджерс, 1994.).

Для сохранения и восстановления здоровья недостаточно пассивного ожидания, когда природа организма раньше или позже сделает свое дело. Человеку самому необходимо совершать определенную работу в данном направлении. Но, к сожалению, большинством людей ценность здоровья осознается только тогда, когда возникает серьезная угроза для здоровья или оно в значительной степени утрачено, вследствие чего возникает мотивация вылечить болезнь, вернуть здоровье. А вот положительной мотивации к совершенствованию здоровья у здоровых людей явно недостаточно (Брехман, 1987).

Как отмечает Ю. П. Лисицын, здоровый образ жизни - это не просто все то, что благотворно влияет на здоровье людей. «Здоровый образ жизни - это, прежде всего деятельность, активность личности, группы людей, общества, использующих материальные и духовные условия и возможности в интересах здоровья, гармонического физического и духовного развития человека» (Лисицын, 1982, с. 35).

Мы придерживаемся точки зрения Васильевой О.С., в том что, понятие здорового образа жизни гораздо шире, чем отсутствие вредных привычек, режим труда и отдыха, система питания, различные закаливающие и развивающие упражнения; в него также входит система отношений к себе, к другому человеку, к жизни в целом, а также осмысленность бытия, жизненные цели и ценности и формирование установки на здоровый образ жизни (Васильева, 1997, с. 406–411).

Жизнедеятельность человека во многом детерминирована сложившимися в течение длительного времени культурными традициями общности, в котором растет и воспитывается индивид, в котором жили старшие поколения. Комплекс культурных традиций общества на практике представлен национальной, этической и религиозной спецификой народности. Эти традиции формировались, развивались и изменялись в течение всего исторического процесса под действием различных эндогенных и экзогенных факторов. В результате образовались многообразные по форме и функциям культурные нормативы, выраженные в виде традиций, обычаев, ритуалов и др., которые оказывают влияние практически на все сферы человеческой жизнедеятельности (Ильин, 2003).

Здоровый индивидум и здоровое общество – это синонимы. Поэтому важно с детства привить человеку привычку к здоровому образу жизни, который напрямую связан с его здоровьем, в том числе и здоровьем нравственным. Так что же такое «здоровый образ жизни»? На наш взгляд, здоровый образ жизни – это индивидуальная система разумного поведе-

ния человека на фундаменте культурно-исторических, нравственно-религиозных и национальных традиций, присущих нашей цивилизации: оптимальный двигательный режим, закаливание, рациональное питание, рациональный режим жизни, отсутствие болезней и вредных привычек, что обеспечивает человеку физическое, душевное, духовное и социальное благополучие (здоровье) в реальной окружающей среде (природной, техногенной и социальной) и активное долголетие.

Для перехода к здоровому образу жизни полезно переориентирование сознания и психики человека с болезни на здоровье, ибо болезнь – это итог не столько физической, сколько духовной несостоятельности человека.

С точки зрения современной науки существуют несколько основных условий правильного, здорового образа жизни (ЗОЖ) и это, прежде всего социальная зрелость личности (духовность) – высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, когда основными ориентирами ее жизнедеятельности становятся непреходящие человеческие ценности, базирующиеся на религиозной этике и мировосприятии (Дубова, 2000).

Несмотря на кажущееся различие и противоборство всех мировых религий между собой, бесспорным остается факт, что все они направлены на формирование у человека установок на ведение здорового образа жизни и содержат схожие императивы об этических и медицинских нормах жизнедеятельности. Анализируя нормы, устанавливаемые религиозными организациями, относительно следующих основных угроз здоровью, очевидны общие черты:

1. Аборт резко осуждается и признается как неблагоприятный фактор, ухудшающий состояние здоровья нации;

2. Употребление психоактивных веществ неприемлемо, причем это утверждается не только современными священнослужителями, но также подробно рассматривается в древнейших религиозных книгах с позиции максимального ограничения;

3. Личная гигиена как барьер для распространения инфекционных заболеваний. У мусульман, например, личная гигиена сакрализована, что имело определенные исторические предпосылки: бытовые условия кочевых племен в засушливой климатической зоне затрудняли поддержание чистоты тела при сопутствующем риске развития инфекционных заболеваний.

4. Любая религия расставляет приоритеты в значении пищи для жизни человека, строго определяя качественный и количественный состав продуктового рациона (Психология здоровья, 2003).

Таким образом, здоровый образ жизни в настоящее время понимается в качестве самой оптимальной формы поведения граждан, в связи с чем возникает острая необходимость изучения его основных принципов и техноло-

гий пропаганды. На наш взгляд, структура здорового образа жизни должна представлять собой принципиальное единство всех сторон материально-бытового, природного, социокультурного и духовного бытия человека.

В процессе социализации посредством богатейшего духовного наследия народа, а именно, пословиц, поговорок, сказок, мифов, большинство людей усваивают основные морально-этические нормы, правила поведения в обществе, обычаи и традиции. Пословицы и поговорки, сформировавшись в далеком прошлом, бытуют на протяжении всего исторического развития общества, фиксируя изменения, происходящие в повседневной жизни, принципах, обычаях, мировоззрении людей. Известно, что пословицы, как мудрые и меткие изречения, употребляются в обычном речевом обиходе людей и еще с детства воспитывают отношение к здоровому образу жизни. Примером могут служить следующие русские пословицы: «Деньги – медь, одежда – тлен, а здоровье всего дороже»; «Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле!»; «Больному и золотая кровать не поможет»; «Береги платье снову, а здоровье смолоду»; «Здоровому всё здорово»; «Здоров буду – и денег добуду»; «Здоровье – всему голова, всего дороже» (*Даль В.И. Напутное // Даль В.И. Пословицы русского народа. - М., 1957*). А так же бурятские пословицы: Арьбалһан аминда туһатай, хооһон угэ туһагуй (Бережливость для жизни полезна, а бережность – для организма); Үбдэхэ - зоболон, элууур ябаха – жаргалан (Быть больным мучение, а быть здоровым - блаженство); Сархаг шэлээ, сабын эзэн мунхэ болог (Вино кончилось, пусть хозяин дома долго живет); Үригуй болбол баян гээшэ, убшэгуй болбол жаргал гээшэ (Нет долгов – богатство, а нет болезни - блаженство); Мэдэхэһээ улуу эрдэм угы, мэндэ ябахаһаа улуу жаргал угы (нет дороже знаний, нет дороже здоровья) (*Шагдаров Л.Д., Хамонов М.П. Буряад, ород оньһон, хошоо угэнууд, 1996 г.*).

Таким образом, налицо колоссальный потенциал этноконфессиональных организаций и национальных традиций в формировании здорового образа жизни.

Список литературы

- Брехман И.И. Введение в валеологию - науку о здоровье. – Л., 1987. – 125 с.
 Васильева О.С. Валеология - актуальное направление современной психологии // Психологический вестник РГУ. – Ростов-на-Дону, 1997, Вып. 3. – С. 406-411.
 Даль В.И. Напутное // В.И. Даль. Пословицы русского народа. – М., 1957.
 Дубова Е.Т. Духовный кризис в современной России и практическая психология // Журнал прикладной психологии. – 2000. – №1. – С. 29-39. №2. С. 37-45.
 Ильин И.А. Религиозный смысл философии / И.А. Ильин. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 560–566.
 Психология здоровья / Г.С. Никифоров, В.А. Ананьев, И.Н. Гуревич и др. / Под. ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 504 с.

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М., 1994.

Шагдаров Л.Д., Хамонов М.П. Буряад, ород оньһон, хошоо угэнууд. (Бурятские, русские пословицы и поговорки). – Улан-Удэ: Изд-во Бэлгит, 1996.

Яковлева Н.В. Анализ подходов к изучению здоровья в психологии // Психология и практика. Ежегодник Российского психологического общества. – Ярославль, 1998. – Т. 4. – Вып.2. – С. 364–366.

О.А. Екимчик

*Кострома, Костромской государственной
университет им. Н.А. Некрасова*

ФЕНОМЕН ЛЮБВИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ И КРОСС-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТАХ

О.А. Ekimtchik

Kostroma State University named after N.A. Nekrasov

The Phenomenon of Love in an Inter-disciplinary and a Cross-cultural Aspects

The paper views the problem of love in cross-cultural and inter-disciplinary approaches, that is in philosophy, sociology, psychotherapy and psychology. The author's definition of love is given. The main attention is drawn to a cognitive-behavioral component of love and its cross-cultural research.

Любовь интересует людей с древнейших времён: это отражено в мифах и литературных памятниках культуры. Проблема любви является междисциплинарной: ее изучением занимаются философия, социология, психотерапия и психология.

В философии рассматривается, в основном, духовный аспект любви и её ценностно-смысловое значение в жизни человека (В.С. Соловьев, Ж.П. Сартр, Э. Фромм).

Социология акцентирует внимание на культурно-историческом аспекте развития любви и ее роли в обществе (П. Сорокин, В. Паниотто, Дж.А. Ли, С.И. Голод, С.В. Климова). С точки зрения С.И. Голода, любовь является культурно-историческим феноменом. В связи с этим каждая эпоха имеет свои формы любовных отношений, регулируемые при помощи обычаев, традиций, системы ценностей и идеалов. Он выделяет три формы любовной культуры: *романтическая* предполагает спонтанность, публичность и чувственность, возникла в средние века во Франции; *прагматическая* – телесно-маскулинная с мерцающим эротическим фоном, направлена на релаксацию и деторождение, руководствуется рациональными соображениями, сопутству-

ет буржуазной культуре; *славянская* – характеризуется интимностью и глубокими душевными переживаниями. Он отмечает, что в настоящее время происходит активное взаимопроникновение культур, в частности прагматической и славянской, это проявляется в сексуальной раскрепощенности и публичности отношений интимных отношений современных молодых людей.

Социология изучает роль любви в жизни общества в целом, акцентируя внимание на ее универсальности для большинства людей. Социологические исследования проблемы описывают феномен в общих чертах, не затрагивая механизмы его возникновения и протекания, не учитывая особенности развития человеческой личности и конкретных любовных отношений, что приводит к его упрощению и диффузии с сексуальными отношениями. В связи с этим социологические исследования любви не дают четкого представления о любви, ее особенностях и роли в жизни каждого конкретного человека, не раскрывают ее сущности, и практически не эффективны в решении трудностей, возникающих у влюбленных людей.

В психотерапии любовь рассматривается как психологическая реальность, в рамках психоаналитического подхода, экзистенциального и системного (З. Фрейд, К.Г. Юнг, К. Хорни, О. фон Кернберг, П. Куттер, В. Франкл, В. Сатир). Психоанализ делает акцент на том, что любовь проявляется в потребности строить особые отношения с ее объектом. Однако концепции любви в психотерапии не имеют под собой эмпирически проверенных данных, они основываются на теоретических положениях и ограниченном клиническом опыте.

Согласно экзистенциальному подходу В. Франкла (1956), для понимания сущности любви необходим глубокий феноменологический анализ данного явления. Он рассматривает любовь как «переживание человека во всей его единственности и неповторимости... Для любящего человека она придает миру дополнительную ценность. Любовь повышает у любящего восприятие всей шкалы ценностей. Она раскрывает человеку мир во всей его ценностной полноте» (С. 45). При этом он выделяет три установки отношения любящего человека к личности любимого: сексуальная, эротическая и «подлинная любовь».

В психологии любовь рассматривается как один из факторов личностного развития человека (А. Маслоу, С.Л. Рубинштейн, М. Клейн, И.С. - Кон; С.В. Несына), как способ установления эмоциональных отношений с окружающими (Дж. Боулби, М. Эйнсворт, М.И. Лисина, Т.Д. Марцинковская, Ф. Шейвер), как основа института брака (Э. Эриксон, М. Селигман, А. Кинзи, В.В. Бусаров). В связи с этим в современном обществе особую важность и актуальность приобретает изучение психологических

особенностей проявления и переживания любви у людей в юности и взрослом возрасте.

На основе анализа взглядов на проблему любви в отечественной и зарубежной психологии, мы понимаем любовь как потребность строить особые отношения с партнером. Любовь – это интимное, интенсивное, напряженное и относительно устойчивое чувство субъекта, сопряженное с сексуальным влечением. Оно испытывается по отношению к другому человеку (партнеру), вызывает желание быть с ним, озабоченность его благополучием, детерминирует поведение по отношению к нему (Екимчик, 2009).

Опираясь на онтологическую концепцию С.Л. Рубинштейна (1973, 1997) о том, что переживание человека – это соединение двух уровней бытия: эмоционального и когнитивного, что делает жизнь полнее и осмысленней, мы в нашем исследовании изучаем эмоционально-поведенческий и когнитивно-поведенческий компоненты чувства любви.

Эмоционально-поведенческий компонент чувства любви проявляется в романтической привязанности у взрослых, а когнитивно-поведенческий – в стиле любви к партнеру, представлениях о нем.

В данной статье мы остановимся на анализе когнитивно-поведенческого компонента феномена любви в кросс-культурном аспекте в контексте проблемы выбора романтического партнера.

Согласно зарубежным исследованиям, преимущественно американским, физическая привлекательность романтического партнера играет важную роль в развитии гетеросексуальных отношений. Р. Лернер и соавторы (1976) выявили, какие части тела являются наиболее важными для оценки своей привлекательности юношами и девушками. У юношей таковыми оказались рост, телосложение, бедра, ширина плеч и рот; у девушек – лицо, талия, грудь, рот и зубы. Это подтверждается также работами российского антрополога М.Л. Бутовской (2004), она выделяет в качестве критерия женской привлекательности соотношение талии и бедер, что имеет биологический смысл.

К. Део и Р. Ханна (1984), напротив, утверждают, что женщины, в основном, интересуются психологическими характеристиками потенциального партнера, а мужчины внешними и физическими. Гетеросексуальные женщины придают значение финансовой стабильности, профессиональным качествам и искренности, гомосексуальные – обращают меньше внимания на физические характеристики и более подробно сообщают о своих интересах и хобби.

Р. Крюгер и А. Каспи (1993) отмечают роль психологической привлекательности партнера. Они выявили, что женщинам нравились мужчины, наиболее похожие на них самих по личностным характеристикам, и

не нравились наиболее непохожие. Выявлено, что женщины, принадлежащие к фемининной культуре общества, считают одни и те же характеристики желательными как для «бойфренда», так и для мужа. В более маскулинных культурах между желательными характеристиками того и другого у женщин имеются различия. Они предпочитали, чтобы «бойфренд» имел чувство юмора, был умным и проявлял свою любовь. Предпочтительными качествами мужа оказались хорошее здоровье, материальное благосостояние и способность понять жену.

Отечественные исследования феномена любви и выбора партнера проводятся в контексте семейной психологии. И.Б. Котова, А.М. Бережная (2007) отмечают, что представления студенток о брачном партнере структурируются по трем группам: личные качества («любящий», «понимающий», «добрый», «нежный»), проявляющиеся в супружеских взаимоотношениях; деловые личные качества и внешние физические данные. В данном случае мы видим, что предпочтение девушками отдается исключительно личностным характеристикам партнера, а не внешней привлекательности.

В кросс-культурном исследовании Т.В. Андреева (2007) указывает, что ведущими потребностями у белорусских женщин 30-40 лет в брачно-семейных отношениях являются искренность и открытость, посвященность семье (забота отца семейства о детях), а в 40-50 лет добавляется еще и помощь по дому. У российских женщин (25-45 лет), отмечает она, ведущими оказались потребности в общении, моральной и финансовой поддержке. С возрастом потребности женщин становятся более реалистичными. Несколько снижается роль эмоционально-аффилиативных потребностей – в муже как друге, в доверии и принятии. У мужчин 25-33 года лидирует потребность в домашней поддержке жены, принятии, доверии и моральной поддержке.

Подводя итог выше сказанному, хотелось бы отметить, что представления о романтическом и брачном партнере обусловлены, с одной стороны, половой принадлежностью человека, а с другой – тем культурным контекстом, в котором он живет. На наш взгляд, одной из перспектив изучения когнитивно-поведенческого компонента феномена любви в дальнейшем может стать его междисциплинарное и кросс-культурное исследование, которое поможет подойти ближе к раскрытию этого сложного и многогранного явления в целом.

Список литературы

Екимчик О.А. Когнитивный и эмоциональный компоненты любви у людей разного возраста: дисс. к. психол. н./ Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2009. – 156 с.

О.А. Екимчик, Т.Л. Крюкова
Кострома, Костромской государственный
университет им. Н.А. Некрасова

РЕЗУЛЬТАТЫ АДАПТАЦИИ МЕТОДИКИ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ СТИЛЕЙ ЛЮБВИ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ*

О.А. Ekimtchik, T.L. Kryukova
Kostroma State University named after N.A. Nekrasov

The Results of the Adaptation of Styles of Love Scale: cross-cultural aspect

The aim of this study was to develop a Russian inventory for assessing styles of love – cognitive-behavioral patterns that people use when they are in love with a partner. As a basis the well-known inventory Attitudes About Love and Sex (“Colors of Love”) by C. Hendrick and S. Hendrick (1984) was used. The translated inventory underwent checking (using alfa Cronbach) and then the authors compared the results of the original version of AALS (American sample) with the translated Russian version of this inventory in an empirical study. The differences obtained are interpreted by taking into account different sociocultural conditions in Russia and USA.

Казалось бы, очевидный и непрекращающийся кризис современного общества, проявляется, в том числе, и в проблеме «угасания» романтических чувств к партнеру и потере интимных отношений с ним, в том числе, в семье. По данным психотерапевтов и социологов, лишь в немногих парах сохраняются любовные отношения, включающие секс с партнером, на долгое время. Р. Скиннер и Д. Клииз (1995) называют 4% пар / браков – против 40% у оптимиста М. Селигмана (2008).

Нас интересует проблема когнитивных представлений/проявлений любви к партнеру в контексте межкультурного сравнения. Мы считаем задачу кросс-культурного изучения установок на любовь и секс актуальной и малоисследованной сферой в отечественной психологии.

Мы понимаем *любовь* как интимное, интенсивное, напряженное и относительно устойчивое чувство субъекта, сопряженное с сексуальным влечением. Оно испытывается по отношению к другому человеку (партнеру), вызывает желание быть с ним, озабоченность его благополучием, детерминирует поведение по отношению к нему (Екимчик, 2009). *Стиль любви* – это индивидуальные когнитивно-поведенческие проявления любви, то есть когнитивные оценки себя, своего состояния и своего партнера,

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-06-00679а

осознанные установки на отношения с партнером и поведенческие проявления по отношению к партнеру.

Проведено сравнение русскоязычных и американских респондентов по когнитивно-поведенческим показателям любви или *стилям любви*. Мы использовали адаптированную нами методику «Установки на любовь и секс» («Цвета любви») - ***Attitudes About Love and Sex (“Colors of Love”)*** американских авторов **C. Hendrick и S. Hendrick, 1984**. Данная методика основывается на теоретической модели любви американского социолога Дж. А. Ли (1983). Методика «Установки на любовь и секс» широко используется в зарубежных исследованиях любви. Она состоит из 42 прямых утверждений, которые образуют 6 шкал или стилей любви и охватывают различные когнитивно-поведенческие проявления любви к партнеру. К методике прилагается следующая *инструкция*: «Некоторые приведенные ниже утверждения относятся к особым любовным отношениям, а другие отражают общепринятые взгляды на любовь и романтические отношения. Отметьте, пожалуйста, степень своего согласия с данными утверждениями, зачеркнув соответствующую цифру. Думайте о Вашем настоящем любимом. Если Вы ни с кем не встречаетесь в настоящее время, думайте о Вашем последнем партнере». Подсчет средних значений по каждой шкале позволяет определить доминирующий стиль любви у респондента.

Представленные в методике шкалы образуют 6 стилей любви:

Эрос – это пылкий, страстный стиль любви с преобладанием сексуального начала (пример утверждений «Между моей любимой и мной существует физическое влечение («химия» любви)). *Людус* – этот стиль характеризуется поверхностным отношением и стремлением избежать интимности с партнером (пример утверждений: «Я стараюсь, чтобы моя любимая была несколько не уверена во мне, моих обещаниях»). *Сторгэ* – этот стиль описывает доверительные спокойные отношения, стабильные, страсть отсутствует (пример утверждений: «Наиболее удовлетворяющие меня любовные отношения начинались у меня из хорошей дружбы»). *Прагма* – это прагматичный стиль любви, с ярко выраженным рациональным началом; отличается стабильностью и слабо выраженными чувствами (пример утверждений: «Я учитываю то, кем человек собирается стать в жизни, прежде чем связать себя с ним»). *Мания* – этот стиль любви характеризуется повышенной одержимостью отношениями, их нестабильностью и противоречивостью чувств (пример утверждений: «Когда влюблен, я так волнуюсь, что не могу спать»). *Аганэ* – для этого стиля характерны глубокие, страстные чувства, центрация на партнере и его потребностях и самоограничение в пользу любимого (пример утверждений: «Я вынесу все ради моего любимого»).

Процедура адаптации заключалась в прямом и обратном переводе утверждений опросника, редакции формулировок утверждений в соответствии с семантикой и грамматикой русского языка, проверке шкал на надежность психометрическими методами. Были получены собственные эмпирические нормы всем шкалам (эрос, людус, сторгэ, прага, мания и агапэ), которые в дальнейшем соотносились с эмпирическими нормами, полученными на больших выборках испытуемых в США. Мы проверили психометрическую проверку надежности методики *Установки на любовь и секс* - (**Attitudes About Love and Sex**). Был вычислен коэффициент внутренней согласованности шкал или альфа Кронбаха. Для всего опросника в целом были получены высокие значения надежности и внутренней согласованности вопросов – коэффициент альфа Кронбаха (α)=0,77.

По шкале *эрос* (α =0,57), измеряющей стиль любви эрос с ярко выраженным сексуальным влечением, мы получили средние значения внутренней согласованности и надежности. Шкала *людус*, направленная на измерение стиля любви, характеризующегося игрой, флиртом, нестабильными и поверхностными отношениями имеет средние значения по надежности и внутренней согласованности вопросов между собой (α =0,58). По шкале *сторгэ* (стиль любовь-дружба, характеризующийся заботливыми отношениями с отсутствием страсти) мы получили средние результаты внутренней согласованности вопросов и ее надежности (α =0,54). Шкала *прага* (α =0,70) показала хорошие результаты надежности и внутренней согласованности вопросов между собой. Данная шкала измеряет стиль любви, характеризующийся слабой выраженностью эмоционального аспекта и рациональностью. Шкала *мания* измеряет стиль любви, характеризующийся страстной влюбленностью, нестабильными отношениями, противоречивыми чувствами и поступками по отношению к любимому человеку. Получены средние результаты надежности и внутренней согласованности по этой шкале (α =0,66).

По шкале *агапэ* (α =0,81) нами получены высокие результаты внутренней согласованности вопросов и надежности измерения. Шкала *агапэ* измеряет стиль любви, характеризующийся высокой эмоциональностью и самоотверженностью. Как видим, из всех шести шкал данной методики она оказалась наиболее чувствительной среди наших респондентов.

Внутренняя согласованность по шкалам при адаптации методики получилась несколько ниже, чем у авторов при ее создании, однако в пределах допустимых значений. Полученные расхождения, несомненно, могут свидетельствовать о культурных различиях в когнитивных представлениях о любви.

Анализируя в общей выборке (всего 257 чел., возраст испытуемых от 18 до 54 лет, средний возраст 25,9 года) показатели шкал, измеряющих выраженность стилей любви, мы пришли к таким выводам. Российским респондентам наиболее свойственны установки на эротическую любовь, самоотверженную любовь и любовь-одержимость, и менее – установки на любовь-флирт и прагматичную любовь. При этом наибольшим разбросом обладают шкалы: *прагма*, *мания* и *агапэ*. Это свидетельствует о том, что среди наших респондентов данные установки выражены полярно и образуют своего рода континуум, то есть присутствуют люди, у которых данные стили любви явно доминируют, так и те, которым подобное поведение вообще не свойственно. Стиль любви *эрос* имеет наибольшее среднее значение и наименьшее стандартное отклонение, это отражает явное доминирование эротической любви у большинства респондентов. Доминирование установок на сексуальные отношения в любви свидетельствует о важности внешней привлекательности любимого человека и сексуального влечения к нему.

Для мужчин в целом характерны эротическая и самоотверженная любовь и в меньшей степени выражены установки на любовь-игру и прагматичную любовь. Доминирующую роль у женщин занимают установки на эротическую любовь и сексуальные отношения, на самоотверженную любовь и любовь-одержимость.

Наибольший разброс значений у женщин, как и у мужчин по шкале *агапэ* и наименьший по шкале *эрос*, то есть сексуальные отношения занимают важное место в отношении любви и у женщин тоже, а самоотверженная и альтруистичная любовь может либо быть интенсивно выражена, либо практически отсутствовать.

Мы сравнили степень выраженности стилей любви у американской и русскоязычной выборок. Оказалось, что стили любви *эрос*, *мания* и *агапэ* в равной мере характерны и для русскоязычной выборки, и для американской: в средних значениях расхождений практически не обнаружено. Стиль любви *людоус / игра* у русскоязычных женщин выражен сильнее, чем у американских ($p=0.01$). У американцев выше, чем у русских значения таких стилей любви как *прагма* и *сторгэ* ($p=0.01$). Мы получили, таким образом, значимые различия в когнитивных представлениях о любви и установках на любовь и секс к партнеру. По мнению большинства русскоязычных респондентов, любовь-дружба и рациональная любовь не относятся к проявлениям любви к партнеру. Мерой сходства/различия когнитивно-поведенческих паттернов в переживании и проявлении любви (стилей любви) выступает, по нашему мнению, сходство/различие культур, к которым принадлежат испытуемые. Данные различия можно считать следствием влия-

ния культуры, понимая под *культурой*, прежде всего, социальные различия между людьми, а именно, социальное восприятие, установки, обычаи и особенности поведения, общие для большой группы людей и передающиеся от поколения к поколению (Майерс, 1996). Придерживаясь определения культуры как «характерного образа жизни, разделяемого группой людей» (J. Berry и др., 1992, 2006), становится понятно, что нормы, ценности, усвоенные роли, регулирующие поведение индивидов, с очевидностью детерминируют и принятые у людей из разных культур паттернов любовного и сексуального поведения.

С.А. Исаакян

*Москва, Москва, государственный университет –
Высшая Школа Экономики*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА РУССКИМИ И АРМЯНАМИ*

S.A. Isaakyan

Moscow, State University – High School of Economics

Socio-psychological Peculiarities in Perception of Financial Crisis by Russian and Armenian People

The present paper describes a study devoted to the comparative analysis of socio-psychological peculiarities in perception of financial crisis by Russian and Armenian people living in the Russian Federation. According to the results of the study, it can be concluded that there are certain differences in the way these two ethnical groups perceive the financial crisis and its consequences.

Сегодня, в период участившихся финансовых кризисов как локального, так и глобального характера, особенно актуальным становится изучение социально-психологических факторов, влияющих на особенности восприятия экономических перемен.

Современный финансовый кризис непосредственно связан с ситуацией всеобщего риска и неопределенности. Любые экономико-политические изменения ведут к глобальным переменам и преобразованиям в социальной сфере. Еще Дж. Катона в своих трудах предостерегал экономистов о невозможности глубокого изучения и анализа экономических явлений без учета психологических факторов.

* Статья подготовлена при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ» в рамках конкурса «Учитель–Ученики» 2010–2011 гг. (проект № 10-04-0014)

В настоящей статье подробно описывается исследование, посвященное изучению социально-психологических особенностей восприятия финансового кризиса русскими и армянами. Данное исследование является особенно актуальным, поскольку на сегодняшний день существует мало изысканий, касающихся проблемы кросскультурного восприятия финансового кризиса.

Целью исследования является сравнительный анализ социально-психологических особенностей восприятия финансового кризиса у русских и армян, проживающих на территории Российской Федерации.

Теоретическая гипотеза исследования следующая: восприятие финансового кризиса и его последствий различно у русских и у армян, проживающих на территории Российской Федерации.

Методика. В качестве методики исследования использовались авторская методика измерения восприятия финансового кризиса и модифицированный семантический дифференциал для оценки восприятия экономических и политических лидеров, стран и социальных институтов.

После обработки данных, полученных в результате заполнения закрытого опросника респондентами, были выявлены значимые различия между ответами русских и армянских респондентов, а также был произведен корреляционный анализ ответов у русской и у армянской выборки.

На основе данных, полученных с помощью модифицированного семантического дифференциала, осуществлялось построение субъективных семантических пространств, характеризующих восприятие экономических и политических лидеров, стран и социальных институтов. Психосемантический подход был предложен группой американских психологов во главе с Ч. Осгудом (*Osgood, 1952*), «как метод измерения прагматического значения или коннотативного значения». Метод семантического дифференциала часто используется при исследовании группового сознания в определенной области, а именно при исследовании восприятия и поведения человека, анализа его личностных смыслов и социальных установок (*Петренко, 1997*). При использовании семантического дифференциала применяется факторный анализ (*Келли, 2000*) к исследованию значений.

Респондентам предлагалось вначале заполнить закрытый опросник, выбирая один из предложенных вариантов ответа, а затем оценить переменные по приведенным в столбцах характеристикам.

В графе демографические характеристики респондентов просили указать собственный пол, возраст, место работы/учебы, национальность.

Участники исследования. В исследовании приняли участие **80** человек. Из них **40** русских и **40** армян. В русской выборке медиана возраста

составила **31** год (**min=17, max=62**). Из них **24** представителя женского пола и **16** представителей мужского пола. В армянской выборке медиана возраста составила **27** лет (**min=18, max=55**). Из них **22** представителя женского пола и **18** представителей мужского пола.

Исследование позволило сделать следующие **выводы**.

1. Исходя из результатов и сделанных выводов, общая гипотеза о том, что восприятие финансового кризиса и его последствий различно у русских и у армян, проживающих на территории Российской Федерации, подтвердилась.

2. Рост субъективного ощущения финансового кризиса влечет за собой рост представлений о силе негативных последствий, как у русских, так и у армян. Однако у армян, в отличие от русских, существует обратная связь между оценкой ресурсов РФ для борьбы с кризисом и представлениями о негативных последствиях финансового кризиса.

3. У русских наблюдается более длинная временная перспектива, чем у армян. Как результат, русские оценивают последствия финансового кризиса более негативно. Результатом можно считать и тот факт, что русские рассматривают многие объекты с точки зрения перспектив на будущее, в то время как для армян более свойственно оценивать объекты по реальным сегодняшним результатам.

4. Интерес к экономическим событиям у русских возникает лишь при увеличении субъективной значимости финансового кризиса. Армяне же начинают подробно следить за развитием экономических событий уже при наличии ощущения финансового кризиса, даже если они не воспринимают его субъективно значимым.

5. Ни русские, ни армяне не доверяют СМИ, однако активно следят за развитием экономических событий. И с увеличением интереса к этим событиям у армян снижается оценка надежности российской валюты, это не наблюдается у русских, что, скорее всего, связано с большей эмоциональной привязанностью к России.

6. Негативное эмоциональное отношение русских к США переносится и на восприятие Б.Обамы, у армян же такой связи не наблюдается, и, кроме этого, они оценивают американскую валюту как более надежную, в отличие от русских.

7. И русские, и армяне положительно относятся к В.В.Путину, однако авторитетным русские считают президента Д.А.Медведева, в то время как для армян наибольший авторитет продолжает сохранять В.В.Путин.

На основании вышеизложенного, можно с уверенностью утверждать о наличии межэтнических различий в восприятии финансового кризиса и его последствий. И, учитывая новизну явления финансового кризиса, данная проблема требует дальнейшего детального изучения.

Список литературы

Келли Дж. Психология личности: психология личностных конструктов. – СПб, 2000.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики: Учеб. пособие. – М: Изд-во МГУ, 1997.

Osgood Ch. The nature and measurement of meaning, *Psychological Bulletin*, 49, 1952. – p. 197–237.

А.В. Капцов

Самара, Самарская гуманитарная академия

А.Н. Тесленко

Астана, Евразийский гуманитарный институт

**ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ
МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА**

A.V. Kapstov

Samara Academy of Humanities

A.N. Teslenko

Astana, Euroasian Humanitarian Academy

Features of value-semantic sphere of youth of Kazakhstan

In article it is shown that representatives of Russian nationality endure crisis of identity equally in Russia and Kazakhstan, and graduates of schools have essential distinctions in intelligence of the future and the present

Молодежь всегда была особой социально-демографической группой общества, занимающей специфическую позицию в процессе воспроизводства социальной структуры. Поэтому противоречия, возникающие внутри этого процесса, тесно взаимосвязаны с целым комплексом, характерных только для молодежи, проблем.

На сегодняшний день казахская молодежь является одной из наиболее крупных социальных групп в социально-демографической структуре общества и составляет треть от численности всего населения страны, причем прирост численности населения в целом по стране стал возможным благодаря увеличению числа сельской молодежи.

Социально-экономические преобразования в Казахстане и развитие рыночных отношений привело к экономическому росту с одной стороны и расслоению общества по уровню дохода, – с другой. Социологические исследования показали, что на социальное настроение молодежи влияет в первую очередь материальное положение молодежи и экономическая

ситуация в стране. Новое поколение, современная молодежь, воспитываемая «советским» поколением родителей, пытается реализовать свои цели, задачи и ценности, адекватные данной, современной среде. Большая часть современной молодежи стремится к получению в той или иной форме высшего образования. Социокультурная среда образовательного учреждения оказывает комплексное воздействие на личность, на профессиональные качества, социально-психологические характеристики, личностные ценности и осмысленность жизни.

Другой, не менее важной особенностью казахской молодежи, является многонациональность. В последнее время эмпирическому исследованию подвергается тенденция к «размыванию» этнической идентичности, являющейся ядром этнического самосознания, в кризисные или переходные периоды развития социокультурных систем (Татарко, 2007, с.42). Под этнической идентичностью понимается степень субъективного осознания индивидом себя в качестве представителя своей этнокультурной общности, которая может быть представлена континуумом, на одном полюсе которого находится определенность этнической идентичности, а на другом полюсе – неопределенность этнической идентичности. Поскольку этническая идентичность взаимосвязана со структурой ценностно - смысловой сферы личности, то можно предположить, что представители различных этнических групп молодежи должны иметь особенности ценностно-смысловой сферы.

В эмпирическом исследовании участвовали 440 студентов вузов и учащихся элитного лицея г.Астаны. В качестве диагностического инструментария использовались методики: СЖО (Д.А.Леонтьева) и тест аксиологической направленности личности (А.В.Капцова, Л.В.Карпушиной). В тесте СЖО использовались три шкалы, образующие смысложизненные ориентации: цели в жизни (будущее), насыщенность жизни (настоящее) и удовлетворенность самореализацией (прошлое), которые затем коррелировались со шкалами личностных ценностей (Капцов, 2008), что позволило описать ценностно-смысловую сферу личности в терминах системного подхода и с учетом структурированности, как критерия личностной зрелости. Такой подход обладает большей дифференцирующей способностью по сравнению с предложенным типологическим подходом (Серый, 2004).

Результаты исследования аксиологической сферы студентов и учащихся показали, что имеются статистически значимые различия выраженности ряда ценностей между представителями русской и казахской молодежи (Тесленко, 2009). Если рассматривать структуру ценностно-смысловой сферы, то установлено, что у русских студентов 3 курса, находящихся в сложном ценностном кризисном состоянии, осмысленность настоящего взаи-

мосвязана только с ценностями образования, в то время как у казахских однокурсников настоящее взаимосвязано с ценностью достижения успеха и физической активности. Осмысленность будущего у русских юношей не имеет взаимосвязей с личностными ценностями, тогда как у казахских ровесников осмысленность будущего взаимосвязана с ценностями активности, что говорит либо о намечающемся более раннем выходе из ценностного кризиса молодых людей казахского этноса, либо о менее глубоком его переживании. Для сравнения аналогичное исследование было проведено на студентах трех вузов г.Самары (240 чел.), в котором подтвердилось наличие взаимосвязи осмысленности настоящего с ценностями образования и профессиональной деятельностью, и отсутствием взаимосвязей с осмысленностью будущего. Следовательно, русские студенты в г.Самаре и г.Астане кризис идентичности переживают одинаково.

Совсем иная картина структуры ценностно-смысловой сферы оказалась у выпускников лицей. Юноши казахской национальности имеют ярко выраженную структуру взаимосвязей осмысленности будущего с ценностями будущей профессии, образования и саморазвития, в то время как русские одноклассники не имеют четкой структуры осмысленности, как настоящего, так и будущего. Только осмысленность прошлого представлена духовными ценностями и ценностями общественной жизни. При сравнении со структурой ценностно-смысловой сферы выпускников школы г.Самары русской национальности как и следовало ожидать были выявлены плеяды в осмысленности прежде всего будущего и настоящего, что вполне соответствует возрастным особенностям испытуемых.

Таким образом, проведенные исследования структуры ценностно-смысловой сферы молодежи, обучающейся в городах Самара и Астана, показали, что кризис идентичности представители русской национальности переживают одинаково в двух странах, а выпускники школ имеют существенные различия в осмысленности будущего и настоящего.

Список литературы

Капцов А.В. Оценка степени сформированности самоопределения молодежи //Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в период социально-экономической стабилизации России: матер. второй Всеросс. научно-практической конф. – Самара, 2008. – С. 152–156.

Серый А.В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. – Кемерово: Кузбасвузиздат, 2004. – 272 с.

Тесленко А.Н., Карпушина Л.В., Капцов А.В. Условия социализации столичной учащейся молодежи Казахстана //Доклады Казахской Академии образования. – 2009. – № 3. – С. 31–40.

Татарко А.Н., Козлова М.А., Лебедева Н.М. Психологические исследования социокультурной модернизации. – М.: РУДН, 2007. – 167 с.

Н.Г. Каунова

Кишинёв, Институт Культурного наследия
Академии Наук Молдовы

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЁЖИ МОЛДОВЫ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЕ ЦЫГАН

N.G. Caunova

Chisinau, Institute of Cultural Heritage,
Academy of Science of the Republic of Moldova

Representations of youth of Moldova about an ethnic group of gypsies

Article is devoted empirical research of representations of youth of Moldova about an ethnic group of gypsies. The data about is presented what relation is present among students concerning gypsies on the basis of what they have sized up them and what experience of dialogue with gypsies have.

Современное общество Молдовы является полиэтничным и поликультурным. Сегодня в Молдове наряду с титульным этносом – молдаванами, проживают представители таких национальностей, как украинцы, русские, болгары, гагаузы, поляки, евреи, цыгане и другие. Наименее изученным этносом являются цыгане. Несмотря на то, что есть работы историков, социологов, этнологов, посвященные цыганскому этносу, их крайне мало, а психологические исследования и вовсе практически отсутствуют. Исключение составляет эмпирическое исследование Л.М. Сосниной (2005), которое направлено на изучение социальных представлений о справедливости в различных этнических общностях, на примере русских, молдаван и цыган.

Анализ исследований в области психологии межэтнических отношений, показал, что по сравнению с другими этническими группами, именно о цыганах имеются слабые представления и наиболее сильные предубеждения и предрассудки. Так, можно обратиться к эмпирическому исследованию И.И. Кауненко (2007), которое было направлено на изучение этнической идентичности титульного этноса и этнических меньшинств (болгар, гагаузов, русских и украинцев). Исследуя иерархию этнических предпочтений, т.е. субъективного статуса этнических групп Молдовы было выявлено, что наиболее низкий уровень в иерархии исследуемых групп, занимает группа цыган. Этот результат отчасти может быть связан с тем, что о данной группе мало знают, но вместе с тем, именно этот результат показывает, что требуется отдельное эмпирическое исследование.

Цыгане («рома») – это потомки выходцев из древней Индии (треть общей лексики с современными индусами). Сегодня цыгане проживают практически во всех странах мира. Этот многочисленный народ не имеет ни письменности, ни территории, но сохраняет свои традиции, язык и уникальную культуру. При этом цыгане являются довольно закрытой группой с жесткой иерархичностью, подчиняющейся своим законам, правилам. Согласно последней проведенной переписи населения (2004г.) в Республике Молдова проживают более **12** тысяч (**12 275**) цыган. Однако, по неофициальным данным, в республике проживает около **100** тысяч ромов (Думиника, 2008, с.175). Местом наиболее компактного проживания цыган на территории Молдовы является г.Сороки. Из **30** тысяч жителей этого города около **10** тысяч – это цыгане.

В данной статье мы ограничимся представлением и анализом данных, полученных с помощью анкеты и методики Г.У Солдатовой «Диагностический тест отношений» (ДТО). В исследовании приняли участие **38** студентов 2-го и 3-го курсов ВУЗов г.Кишинёва Республики Молдова.

При помощи анкеты мы пытались выяснить, как молодежь относиться к представителям цыганского этноса, на основе чего они составили о них свое мнение и какой опыт общения с цыганами имеют. Обратимся к полученным данным. Более одной трети респондентов (**39,5%**) относятся к цыганам «недоверчиво, с подозрением»; **15,8%** – «игнорируют», а **26,3%** опрошенных относятся «нейтрально». Положительное отношение к цыганам демонстрирует лишь небольшая часть студентов – «уважают» **5,2%**, «симпатизируют» **5,2%** и «относятся с интересом, любопытством» **7,9%**.

Чаще всего представления молодёжи о цыганах складывается на основе «личного опыта общения» **47,6%** и на основе «рассказов друзей, родственников, знакомых» **52,6%**. Судят о цыганах по «сообщениям СМИ» и по «кинофильмам и художественной литературе», соответственно **23,7%** и **34,2%** респондентов; «имеют друзей, родственников, знакомых среди цыган» **15,8%**, «затрудняются ответить» **13,2%** и «не имеют представления о цыганах» **2,6%**.

Более половины студентов характеризуют свой опыт общения с цыганами одновременно и как положительный, и как отрицательный **52,6%**, «не имеют опыта общения с цыганами» **28,9%**, «имеют только отрицательный опыт» **13,2%**. Лишь **2,6%** молодежи имеют «исключительно положительный опыт общения» и **2,6%** затрудняются ответить.

Исследование эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа выявило, что такие показатели, как выраженность (S) и направленность (D) слабо отрицательны – (**-0,005**) и (**-0,003**). Коэффициент амбивалентности (A) достаточно высок (**0,723**), что говорит о высокой неопре-

деленности образа цыган у молодежи. Таким образом, можно сказать, что у молодёжи стереотип относительно цыган достаточно противоречив и слабо отрицателен.

Если обратиться к содержательному аспекту этнического стереотипа студентов относительно цыган, то можно отметить следующее. У типичного представителя этнической группы цыган студенты выделяют такие качества как хитрый (3,71), навязчивый (3,68), настойчивый (3,63), гордый (3,47), темпераментный (3,45), активный (3,39). Наименее выраженными качествами у цыган, по мнению молодежи, являются такие качества, как бесхарактерный (1,5), педантичный (1,61), дипломатичный (1,61), покладистый (1,66), аккуратный (1,71), трусливый (1,74).

Итак, изучение представлений молодёжи о цыганах выявило их противоречивость в связи с бедным опытом взаимодействия, слабыми знаниями о данной группе – всё это может стать основой для формирования предубеждений. Эмпирическое изучение особенностей представлений о цыганах у молодёжи, даст возможность разработки адекватных молодёжных программ по поликультурной компетентности, профилактики ксенофобии, а так же даст возможность познать лучше этот удивительный народ, сохранивший свою самобытность, несмотря на все тяготы их жизненного пути.

Список литературы

Думиника И. Ромы Республики Молдова // Материалы международной научно-практической конференции по цыгановедению «Ромы Украины: из прошлого в будущее» 10–11 июня 2008. – Киев, «Юстиниан», 2008. – С. 175–178.

Кауненко И.И. Проблемы этнической идентичности или Свой путь // Перекрёстки. – 2007. – № 3–4. – Вильнюс, С. 123–151.

Соснина Л.М. Сравнительное исследование социальных представлений о справедливости в различных этнических общностях (на примере русских, молдаван и цыган). Дисс. канд. психол. наук. – Москва, 2005.

В.В. Кириенко

*Гомель, Гомельский государственный технический
университет имени П.О. Сухого*

ЭТНОИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX СТОЛЕТИЙ

V.V. Kirienko

Gomel State Technical University named after P.O. Sukhoy

**Ethnic identificational process in Belarus at the turn
of the XIX-XX centuries**

The process of ethnic and national identification of the Belarusians at the turn of the XIX – XX centuries is considered in the article. As it is shown, the complexity of national self-concept and confidence of the Belarusians was determined by both geopolitical and sociocultural conditions of the fact that Belarus is located between Poland and Russia.

Специфика этнонациональной идентификации белорусов определялась тем, что, находясь между Польшей и Россией, входя в состав то одного, то другого государства, Беларусь была обречена быть «усходнімі крэсамі» для Речи Посполитой и Западным краем для Российской империи.

Особенность процесса этнонационального самоощущения белорусов в значительной степени была предопределена тем, что интерес к определению собственной национально-этнической идентичности был актуализирован не столько белорусским населением, сколько восточными и западными соседями – Польшей и Россией. Исследователи белорусских земель сходились во мнении, что простой народ этнонациональную идентификацию осуществляет с трудом. На западных границах расселения белорусов самоидентификация населения происходила по признаку вероисповедания. В книге «Белорусы. Введение в изучение языка и народной словесности», изданной в Варшаве в 1903 году, отмечается, что «народ с трудом различает народность, но никогда не смешивает православного с католиком; всякого католика он обыкновенно и называет поляком. Если простолюдина белоруса, здешнего из католиков, спросить, почему он не говорит по-польски, если, по его словам, он поляк, то он ответит, что он человек простой и по-пански, т. е. по-польски, говорить не научился» (Карский, 2006, с. 577). И в других местах, где сферы влияния католической и православной конфессий не были четко разграничены, наблюдалась аналогичная ситуация. «На вопрос: кто ты? простолюдин отвечает – русский, а если он католик, то называет себя либо католиком, либо поля-

ком; иногда свою родину называет Литвой, а то и просто скажет, что он «тутэйшій (*tutejszy*) – здешний, конечно, противопологая себя лицу, говорящему по-великорусски, как пришлому в западном крае» (*Карский, 2006, с. 114*). В стихотворении с характерным названием «Тутэйшы» Янка Купала следующим образом осуществляет свою идентификацию:

Я не чыноўнік і не граф, не князь,
 Таксама – я не турак і не грэк,
 І нават не паляк і не маскаль,
 А проста я тутэйшы чалавек! (*Купала, 1972, т. 3, с. 215*)

Отметим, что самоощущение «тутэйшасці» у белорусов не вызывало комплекса неполноценности. В стихотворении «Кажух і вата» на спор, кто из них более значим, поэт отвечает:

Вата кажа: «Што ты значыш
 Мне, кажух касматы?
 Я чужыя знаю землі –
 Ты ж – сяло да хату!»
 «Праўда, праўда, – тут гаворыць
 Ёй кажух-маруда, –
 Я жыхар зусім тутэйшы,
 Ты ж адно – прыблуда!» (*Купала, 1972, т. 3, с. 231*) (выделено мною. – В. К.)

Таким образом, Я.Купала через отрицание принадлежности к чиновникам, графам, князьям, туркам, грекам, и вообще пришлым людям – *приблудам*, методом “от обратного” произвел и социальную, и этнонациональную идентификации белоруса как *тутэйшага* человека.

Процесс этнонациональной идентификации белорусского народа был затруднен и тем, что по различным причинам формирование национальной интеллигенции во второй половине XIX столетия все еще находилось в зачаточном состоянии. С одной стороны, опасаясь новых национальных волнений и восстаний, класс городских чиновников и специалистов Российской государство пополняло за счет выходцев из великорусских губерний. С другой стороны, и местные жители, получившие образование, в поисках лучшего места стремились уехать в более обжитые края. «...О местной белорусской интеллигенции, подобной, например, малорусской, речи быть не может, так как ее не существует. Независимо от того, к какому классу общества принадлежит образованный белорус, прошедший среднюю или высшую школу, он охотно оставляет свой родной край и

ищет места на чужбине» (Россия, 1905, с. 136). Я. Колас в стихотворении «Песня над калыскай» ситуацию «грамотного» отходчества описал в обращении матери к своему сыну:

А мо ў школку пойдзеш ты,
 Будзеш чалавекам, –
 Без навукі цяжка жыць
 Гэтым трудным векам.
 Кінеш матку, па чужых
 Ты па людзях пойдзеш,
 І на шчасце нападзеш,
 Долю сваю знойдзеш (Колас, 1976, с. 37–38).

Переехав в город или местечко, сельские жители осваивали либо польский язык и поступали в Варшавский или Виленский университеты, либо русский язык. А учитывая, что большую часть городского населения Беларуси составляли евреи, то городскими языками были польский, русский и еврейский. Но чаще всего это был симбиоз польского с белорусским или великорусского с белорусским с примесью еврейского. «В городах среди местного мещанства слышится или польская речь, или великорусская с сильной примесью белорусской фонетики... Горожанин уже гнушается богатым запасом белорусских песен и сказок, жадно усваивая солдатскую, фабричную песню или какой-нибудь романс в безобразной переделке» (Россия, 1905, с. 136).

Говоря о языке, на котором говорят его земляки, Я. Купала констатирует:

«А вось якой я мовай гавару,
 Хоць пры, каб сцяміць, к знахару па лек...
 Ну што? скажу: *тутэйшая* яна,
 Як я і сам *тутэйшы чалавек!* (Купала, 1972, т.3, с.216) (выделено мною. – В. К.)

В восточной и западной частях Белоруссии языковая ситуация была различной. Если в городах и местечках Витебской и Могилевской губерний уже получили распространение русская культура и русский язык, то в Виленской, Гродненской и Минской губерниях по-прежнему доминирующей культурой была польская, а бытовым языком – польский. Особенно рельефной полонизации были подвергнуты города западной и центральной части Беларуси, большую часть населения которых составляли евреи, поляки и полонизированные белорусы. «Хотя в Минске большинство жителей из низших сословий православного исповедания, – об-

ший народный характер города чисто польский... В западных губерниях мерилом национальности могут служить евреи. В Витебске, в Могилеве, где русский язык господствующий, – евреи по-польски почти совсем не говорят; в Минске же, так же как в Вильно, Гродно и Ковно, все евреи очень хорошо говорят по-польски» (Живописная Россия..., 1993, с. 361).

Таким образом, языковая ситуация на территории Беларуси на рубеже XIX – XX столетий была сложной. Носителями народного, *тутэйшага* языка были сельские жители, из века в век общавшиеся между собой на языке своих отцов и дедов. При этом коренные жители юго-западной, центральной и северо-восточной частей Беларуси говорили на отличающихся друг от друга наречиях. В отличие от общерусского и украинского литературных языков, «отшлифованных» А. С. Пушкиным и Т. Г. Шевченко, *литературный* белорусский язык к концу XIX столетия не был создан.

Ситуацию с формированием национального литературного языка в полном отчаяния ключе описывает и М. Богданович. Находясь вдали от Отчизны, в 1913 году в своем обращении к землякам он пишет:

Народ, Беларускі Народ!

Ты – цёмны, сляпы, быццам крот.

Табою ўсягды пагарджалі,

Цябе не пушчалі з ярма

І душу тваю абакралі, –

У ёй нават мовы няма! (Багдановіч, 1994, с. 181) (выделено мною. – В. К.)

Из всех национальных окраин Российской империи Беларусь в XX столетие входила с самой сложной языковой ситуацией. При установлении Советской власти только в Белорусской ССР в качестве государственных были установлены сразу четыре языка: белорусский, русский, польский и еврейский.

Список литературы

Багдановіч, М. Вянок: Вершы. Паэмы / М. Багдановіч. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 206 с.

Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье. – Минск : БелЭн, 1993. – 550 с. : ил. (репринт. воспр. изд. 1882 г.).

Карский, Е.Ф. Белорусы : в 3 т. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности / Е. Ф. Карский ; уступны арт. М. Г. Булахавы, прадмова да першага тома і каментарыі В. М. Курцовай, А. У. Унучака, І. У. Чаквіна. – Минск : БелЭн, 2006. – 656 с. : 2 карты (репринт. воспр. изд. 1903 г.).

Кириенко, В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы / В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. – 319 с.

Колас, Я. Збор твораў : у 14 т. / Я. Колас – Мінск : Маст. літ., 1976. – Т. 1. – 562 с. ; Т. 12. – 528 с.

Купала, Я. Збор твораў : у 7 т. / Я. Купала. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – Т. 1. – 536 с. ; Т. 3. – 432 с.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества : в 19 т. Т. 9. Верхнее Поднъпровье и Бълоруссія / под общ. ред. П. П. Семенова. – Санкт-Петербург : Изд. А. Ф. Девриена, 1905. – 620 с.

А.И. Комарова

Волгоград, Волгоградская академия государственной службы

ИЗУЧЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАМКАХ МОДЕЛИ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ Г.ХОФСТЕДЕ

A.I. Komarova

Volgograd Academy of Public Administration

Study of emotional intelligence in the G. Hofstede's model of cross-cultural research

The paper presents the results of the study of emotional intelligence of Russian and Chinese students. The analysis of the results obtained in the «collectivist cultures» G.Hofstede. Shown that culture with the same «cultural dimension» are characterized by specific features, which are caused by the level of development components of emotional intelligence.

В связи с расширением международных связей в условиях глобализации, вопросы изучения культурной специфики индивидуального поведения приобретают особую актуальность. Попытка охарактеризовать культуру в зависимости от особенностей поведения индивида была предпринята голландским ученым Г.Хофстеде, чья теория является одной из наиболее распространенных в современных кросс-культурных исследованиях.

По Г.Хофстеде, одну культуру от другой отличают пять «культурных измерений»: индивидуализм - коллективизм, дистанция власти, избегание неопределенности, мужественность - женственность, краткосрочная - долгосрочная ориентация на будущее. Однако, нам представляется, что культуры стран со сходными параметрами «культурных измерений» также имеют свои специфические отличия, что проявляется в использовании разных моделей взаимодействия, преобладании различных систем ценностей (**Hofstede**, электронный ресурс).

В данной статье представлены результаты исследования одного из измерений Г.Хофстеде – «индивидуализм –коллективизм». «Коллективистские» общества характеризуются крепкими связями между индивидуу-

мами, преобладанием групповых интересов над интересами личности, где мнения и убеждения каждого индивидуума совпадают с мнениями и убеждениями своей группы. В ответ на это группа защищает своих членов в различных ситуациях угрозы. В «коллективистских» странах люди с самого рождения включены в сплоченные группы. Нам представляется, что в «коллективистских» культурах для успешной коммуникации необходимо более глубокое понимание эмоционального состояния окружающих, чем это требуется в «индивидуалистических» культурах.

Эффективному межличностному взаимодействию способствует высокий уровень эмоционального интеллекта (*Андреева, 2004, с.24*). Эмоциональный интеллект представляет собой совокупность эмоциональных и социальных способностей, таких как способность к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей, к управлению эмоциональной сферой и самомотивации. Все структурные компоненты эмоционального интеллекта взаимосвязаны.

В рамках исследовательского подхода Д.В.Люсина (*Люсин, 2004, с.31*) рассматривается внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ) и межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ), автор считает, что эмоциональный интеллект (ЭМИн) формируется в ходе всей жизни человека. В «индивидуалистических» культурах, где связи между индивидуумами очень слабы, показатели внутриличностного эмоционального интеллекта (понимание и управление своими эмоциями, контроль экспрессии) должны преобладать над показателями межличностного эмоционального интеллекта (понимание и управление чужими эмоциями), в «коллективистских» культурах должна быть выражена обратная тенденция.

В качестве примера «коллективистских» стран, чьи культуры исторически складывались как «коллективистские», можно привести Россию и Китай, рейтинг индивидуализма этих стран в рамках исследования Г.Хофстеде составляет, соответственно, **39** и **20**.

Изучение обозначенной проблемы проводилось с использованием «Опросника ЭМИн» (*Люсин, 2006, с. 3*). В качестве объекта исследования выступили **60** русских и **60** китайских студентов в возрасте **20-22** года. Для китайских студентов «Опросник ЭМИн» был переведен на китайский язык с последующей проверкой, которая осуществлялась путем обратного перевода.

Обработка полученных результатов проводилась при помощи пакета **SPSS 13.0**, в результате которой были выявлены различия по следующим показателям:

– у русских испытуемых выявлены идентичные показатели по шкалам МЭИ и ВЭИ;

- у китайских испытуемых выявлено преобладание показателей ВЭИ над МЭИ ($p < 0,001$);

- при равнозначных значениях показателей ВЭИ у русских и китайских студентов, показатели МЭИ у русских испытуемых выше, чем у китайских испытуемых ($p < 0,001$).

Таким образом, выявлено, что культуры со сходными «культурными измерениями» характеризуются своими специфическими особенностями, которые обусловлены уровнем развития компонентов эмоционально-интеллекта.

Полученные результаты имеют большое значение для межкультурного взаимодействия, они должны учитываться в процедурных моментах организации и проведения переговорного процесса, в исследовании и оценке организационных культур, в развитии кросс-культурной компетенции современных менеджеров.

Список литературы

Андреева, И.Н. Понятие и структура эмоционального интеллекта [Текст] / И.Н.Андреева // Социально-психологические проблемы ментальности. – Ч. 1. – Смоленск, 2004. – С. 21–32.

Люсин, Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте [Текст] / Д.В. Люсин // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Ушакова, Д.В. Люсина. – М., 2000. – С. 29–39.

Люсин, Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн [Текст] / Д.В. Люсин // Психологическая диагностика. – 2006. – №4. – С. 3-22.

Hofstede, G. Cultural Dimensions [Электронный ресурс] / G. Hofstede.- URL: http://www.geert-hofstede.com/hofstede_dimensions.php.

Е.Д. Короткина

Тверь, Тверской государственный университет

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖЕНСКИХ ОБРАЗАХ В ПЕЧАТНОЙ
РЕКЛАМЕ У РАЗНЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ГРУПП

E.D. Korotkina

Tver State University

Ethno cultural representations of publicity female printing images

This paper is devoted to comparative analyses of advertising female image in Russian and Chechen groups of students. The author analyses the results of empirical study. Distinctive and common psychological features of publicity female printing images in Russian and Chechen cultural groups are submitted.

В последние годы все большее внимание уделяется анализу гендерной тематики в материалах массовой коммуникации. Понятие гендер используется для обозначения социальных характеристик пола в отличие от биологических, связанных с особенностями мужской и женской анатомии. В определение гендерных особенностей мужчин и женщин включают и набор социальных ролей, «предписанных» им обществом. Различия социальных ролей мужчин и женщин зачастую связывается с наличием гендерных стереотипов, которые отражают и закрепляют эти различия в распределении гендерных ролей в обществе. Распространенные гендерные стереотипы СМИ представляют мужчин активными, агрессивными и эффективно действующими, то есть наделенными типично маскулинными качествами, а женщин – пассивными, зависимыми и эмоциональными, т.е. наделенными типично феминными качествами (Богомолова, 2008, с.119).

Представляется актуальным рассмотрение вопроса о том, какие представления о женщине внедряются в массовое сознание с помощью современной российской печатной рекламы; есть ли какие-либо отличия в этих складывающихся представлениях у разных этнических молодежных групп, каково их мнение о данном феномене.

Современное состояние системы отношений между полами, отход от политики конфронтации, кризис маскулинности и феминности нашел свое отражение в рекламных образах. По мнению исследователей, типичный современный женский образ в печатной рекламе включает ряд черт, связанных с пассивностью, излишней эмоциональностью, с социальными и коммуникационными умениями, с меньшим когнитивным уровнем, притязаниями, чем у мужских образов. Образы женщин предстают перед нами как эталоны, и большинство людей в эти образам верит (Джонс, 2005).

Расширение и обогащение картины мира образами и сложными ответственными стимулами, не свойственными родной культуре человека, требует от него определенной адаптации к ценностным структурам и знаковому коду, содержащимся в коммуникативном сообщении. При этом для огромного числа мигрантов российская реклама вносит в их привычную форму кодирования информации много новшеств, которые, с одной стороны должны вписаться в определенные категориальные схемы, с другой – сами отчасти видоизменяют их (Данилова и др., 2000, с.98). Лишь после этого рекламное содержание может быть понято людьми другой национальности. Находясь в другой стране, либо на территории проживания другого этноса, человек всякий раз сталкивается с проблемой правильной оценки демонстрируемых СМИ сюжетов, сцен, изображений людей. Это связано с различными культурными толкованиями одних и тех же явлений окружающего мира.

В эмпирической части исследования мы изучали характеристики образа женщины в российской печатной рекламе в представлениях русских и чеченских студентов. Данное исследование проводилось на выборке **60** человек студенческой молодежи в возрасте **19-23** лет, обучающейся в высших учебных заведениях г. Твери. Двум группам испытуемых – русским и чеченским студентам было предложено ответить на вопросы проективной методики «Незаконченные предложения», теста «Культурно-ценностные ориентации» и для чеченских студентов - методики Л.В. Янковского «Адаптация личности к новой социокультурной среде» (Почебут, 2005). Среди незаконченных предложений были варианты: «Самый распространенный, на мой взгляд, женский образ в печатной рекламе это...»; «Чаще всего в печатной рекламе изображают женщину, которая...»; «Идеальный женский образ в печатной рекламе должен быть...» и др.

Результаты контент анализа позволили выявить наиболее значимые и часто встречающиеся категории и подкатегории – женские характеристики рекламного образа, которые отмечаются русскими и чеченскими студентами. Сравнительный анализ специфики представлений разных национальных групп с помощью критерия Пирсона показал, что между русскими и чеченскими студентами существуют следующие статистически значимые различия в частоте упоминания следующих подкатегорий. «Соблазнительность/сексуальность» (при $p < 0,05$) чаще упоминается русскими студентами как необходимая составляющая рекламного образа. Чеченские студенты связывали эту характеристику с распушенностью, легкомыслием и доступностью. «Самостоятельность/независимость» (при $p < 0,05$) чаще встречается у русских студентов. Респонденты подчеркивают такие характеристики как «свободная», «раскрепощенная», «уверен-

ная в себе», «успешная и независимая от мужчин» как очень популярный женский образ в современной рекламе. «Привлекательность/внешний вид» (при $p < 0,05$) чаще упоминается русскими студентами. В качестве индикаторов упоминались такие характеристики, как ухоженность, молодость, красота, модель, знаменитость, хорошая фигура и т.д. «Успешность/деловитость» (при $p < 0,05$) встречается в ответах русских студентов. Причем одна третья часть студентов назвала его самым распространенным образом женщины в российской рекламе. Среди ответов преобладали такие: карьера, стремление к успеху, бизнес-леди, босс и др. Чеченские студенты не упоминали данную категорию как значимую в женском рекламном образе. Категория «беззаботность/легкомысленность» (при $p < 0,05$) чаще упоминается чеченскими студентами. Студенты отметили, что современный женский рекламный образ ассоциируется у них с доступностью и легкомыслием, что вызывает негативизм и критичность в оценивании. «Религиозность» (при $p < 0,05$) встречается только в ответах чеченских студентов, которые считают необходимым использовать в рекламе образ более ориентированный на нормы и запреты религии. Только в этом случае он может стать идеальным для чеченских респондентов. «Романтичность/женственность» (при $p < 0,05$) чаще упоминается русскими студентами как необходимая характеристика идеального рекламного образа. Она ассоциируется с легкими, радостными, нежными чувствами и гармоничными, романтическими отношениями. Интересно, что данная характеристика упоминается одинаково часто и девушками и юношами. При оценке чувств, которые вызывает современный женский рекламный образ, статистические различия обнаружены только по категории «неприязнь/протест» (при $p < 0,05$). Чеченские студенты указывают на негативные эмоции, отрицание, нетерпимость при оценке женского рекламного образа в российской печати. При сравнении категорий по другим проявлениям эмоций, таким как воодушевление, наслаждение, радость, стыд, уважение, безразличие статистически значимых различий не обнаружено.

Интересно, что отсутствуют статистически значимые различия в этнокультурных группах в частоте упоминания следующих характеристик женского рекламного образа. «Материнство» как вызывающее чувство доброты и уважения; «гедонистичность», указывающая на то, что визуальный образ связан с умиротворением, удовольствием от жизни, довольством собой и т.д. Обе группы респондентов указали на то, что именно загадочности (подкатегории – «интригующий», «яркий», «красочный») не хватает современному женскому образу в российской печатной рекламе.

Категория «реалистичность/естественность» женского образа в печатной рекламе оценивается многими респондентами независимо от их

национальности, как важная и актуальная характеристика. Она одинаково часто упоминается чеченскими и русскими студентами как значимая характеристика в идеальном рекламном образе. Больше половины респондентов считают необходимым изменение распространяемого образа в сторону естественности, сдержанности, жизненности, меньшей идеализированности.

Итак, для русской молодежи свойственно описывать женский рекламный образ, ссылаясь на такие характеристики как соблазнительность, независимость/самодостаточность, успешность/деловитость, романтичность/женственность. Полученная закономерность свидетельствует о наметившейся в современном российском обществе тенденции к росту независимости и самостоятельности женщины. Это подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что чеченским студентам не свойственно рассматривать независимость, самостоятельность и успешность в качестве значимых характеристик женских образов. Негативно оценивая современную рекламу (по сравнению с русскими студентами), чеченские студенты используют такие характеристики женского образа, как легкомысленность, удаленность от норм и правил, предъявляемых религией. В целом не существует статистически значимых различий между двумя группами респондентов по таким характеристикам женского образа, как материнство и реалистичность. Респонденты указывают на необходимость подчеркивания социально-значимых ролей матери, жены, сестры, невесты в женских рекламных образах, а также о необходимости изменения некоторых женских образов в сторону естественности и реалистичности.

В настоящее время рекламная деятельность рассматривается как явление культурной жизни людей, как один из механизмов формирования культуры. Для правильного планирования и проведения рекламных компаний важно учитывать этнокультурные особенности восприятия, мышления и поведения.

Список литературы

Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 191 с.

Данилова А.Г., Матвеева Л. В. Особенности восприятия телевизионной рекламы, выполненной в различных культурных традициях // Психол. журнал. – 2000. – Т. 21. – № 4. – С. 98–106.

Джонс Д.Ф. Мифы, небывлицы и факты о рекламе. – М.: Омега-Л, 2005. – 336 с.

Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур. Методология и методы этнической и кросскультурной психологии. Психология межэтнической толерантности. – СПб.: Изд-во С-Пб ун-та. 2005. – 279 с.

А.И. Крючкова
Набережные Челны, Камская государственная
инженерно-экономическая академия

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ НА СПРАВЕДЛИВОСТЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

A.I. Kryuchkova
Naberezhnye Chelny, Kama State Academy for Engineering and Economics

The influence of culture on distributive justice

This article presents the dependence of distributive justice on the main rules of distribution: equivalence, equality, necessity and honesty. Attention is paid to the influence of the level of individualism/collectivism and power distance on the making decision about the distributive justice in different cultures.

Философы от Аристотеля до Ролза изучали объективные принципы справедливости. Они попытались идентифицировать принципы социального поведения, которые являются справедливыми в соответствии с внешними логическими стандартами. Социальные психологи изучают субъективные принципы справедливости, т.е. обращаются к вопросу о том, какие принципы определяют восприятие социальной ситуации справедливой или несправедливой. К.Лейнг и У.Дж.Стефан со ссылкой на более ранние исследования отмечают, что вынесение суждений, касающихся справедливости, связано с выбором принципов справедливости и с выбором критериев их применимости, однако существуют специфические установки, связанные с культурой, которые определяют применение норм права и справедливости (Лейнг, Стефан, 2003, с. 610–611).

По мнению некоторых авторов, представления о справедливости сформированы во всех культурах и служат для регуляции поведения членов общества. Некоторые нормы справедливости должны быть признаны в любой культуре, прежде всего, для предотвращения конфликтов, которые возникают при распределении ресурсов и приводят к его дезинтеграции. Согласно Линду, «Правила справедливости точно устанавливаются, каким должно быть отношение к людям, как должны приниматься решения и распределяться доходы. Эти правила ограничивают возможности для использования доходов группы в своих интересах и позволяют людям вкладывать свою идентичность и усилия в группу с уверенностью, что они будут использованы в благих целях» (Lind, 1994, p. 24-36).

Считается, что основные принципы справедливости разделяются людьми в любом обществе. В этой связи необходимо разграничить абстрактные принципы справедливости и определенные взгляды людей на связь

этих принципов с определенными социальными ситуациями. Например, такой абстрактный принцип справедливости, как правило эквивалентности, т.е. пропорциональность вкладов, должен присутствовать в любом обществе. Тем не менее, даже если это правило эквивалентности признается, оно может применяться по-разному в разных сообществах. В одном сообществе может учитываться производительность труда, в другом – выслуга лет. То есть, основные принципы признаются везде, а определенные взгляды на их использование довольно разные.

Справедливость распределения зависит от решения трех проблем. Прежде всего, необходимо определить с кем себя сравнивать, т.к. процессы социального сравнения являются центральными при вынесении суждения о справедливости распределения (**Adams, 1965**). Теория социального сравнения Фестингера (**Festinger, 1954**) описывала изучаемые группы как людей со схожими характеристиками или находящихся в одинаковой ситуации. Предположим, имеются две группы, одна доминантная с более высоким социально-экономическим статусом, другая второстепенная, с более низким социальным статусом. Согласно теории эквивалентности при оценке своих доходов члены второстепенной группы скорее будут сравнивать себя с членами своей группы. Процесс социального сравнения с доминантной группой, которая обычно в более выгодном финансовом положении, приводит к чувству несправедливости, независимо от характеристик вкладов и результатов членов группы. Кажется вполне вероятным, что чувство несправедливости при сравнении с доминантной группой будет сильнее у представителей культуры с более низкой дистанцией по отношению к власти. Культуры с высокой дистанцией по отношению к власти обосновывают законодательно неравенство и привилегии, которые в некоторых случаях предоставляют большую власть доминантной социальной группе (**Leung, Morris, 2000, p.352**).

Вторая проблема заключается в релевантности вкладов и вознаграждений. Размер вклада является основным при определении размера вознаграждения. Люди могут быть единогласны в отношении использования норм распределения, но придерживаться разных взглядов в отношении вклада. Эта проблема особенно важна в кросскультурном аспекте, т.к. обязательная доля вклада может быть различной в разных культурах. Коморита и Лейнг (**Komorita, Leung, 1985**) отметили различие между вкладом, имеющим непосредственное отношение к работе, например время, затраченное на ее выполнение, и вкладом, не имеющем прямого отношения к работе, например трудовой стаж. Соотношение вклада, не относящегося непосредственно к работе, и вознаграждения существенно различается в разных культурах. На это соотношение могут оказывать влияние

такие культурные характеристики, как уровень индивидуализма-коллективизма и дистанция по отношению к власти.

И, наконец, справедливость распределения зависит от использования норм распределения. Исследователи выделяют следующие основные правила, лежащие в основе распределения: эквивалентность, равенство, необходимость, честность. В работе Лейнга и Бонда (**Leung, Bond, 1984**) исследовалось влияние групповой принадлежности реципиентов в коллективистических культурах на выбор правил распределения. Коллективисты принимают правило честности при распределении с членами своей группы, правило равенства, когда их собственный вклад высокий и правило эквивалентности, когда их вклад низкий. При распределении с членами чужой группы коллективисты действуют как индивидуалисты и используют правило эквивалентности.

Были проведены многочисленные кросскультурные исследования, чтобы определить, как культура может повлиять на предпочтение тех или иных норм распределения. В результате, исследователи пришли к выводу, что правилу эквивалентности отдают предпочтение в индивидуалистических культурах, правилам равенства и необходимости – в коллективистских культурах, правило честности поддерживается представителями феминистских или коллективистских культур (**Sama, Papamarcos, 2000**). Таким образом, от культуры к культуре нормы справедливости очень сильно варьируют и то, что является справедливым в одной культуре, может оказаться не таковым в другой.

Список литературы

- Лейнг, К., Стефан, У.Дж. Социальная справедливость с точки зрения культуры // Психология и культура/Под ред.Д.Мацумото.СПб., 2003. С.598-655.
- Adams, J.S.** Inequity in Social Exchange. In L.Berkowitz (Ed.) //Advances in Experimental Social Psychology. New York: Academic Press, 1965. P.267-299.
- Festinger, L.A.** Theory of Social Comparison Processes // Human Relations, 1954. Vol. 7. P.117-140.
- Komorita, S.S, Leung, K.** Toward a Synthesis of Power and Justice in Reward Allocation /In E.J.Lawler (Ed.) //Advances in Group Processes.Vol.2. Greenwich, CT: JAI Press, 1985. P.169-196.
- Leung, K., & Bond, M. H.** The impact of Cultural Collectivism on Reward Allocation // Journal of Personality and Social Psychology, 1984. Vol. 47. P.793-804.
- Leung, K., & Morris, M.W.** Justice through the lens of culture and ethnicity/ In J.Sanders&V.L.Hamilton(Eds.) //Handbook of Justice Research in Law. New York: Kluwer Academic/Plenum, 2000. P.343-378.
- Lind, E.A.** Procedural Justice and Culture: Evidence for Ubiquitous Process Concerns/ Zeitschrift fur Rechtssoziologie, 1994. Vol. 15. P.24-36.
- Sama, L.M. & Papamarcos, S.D.** Hofstede's I-C dimension as predictive of allocative behaviors: A meta-analysis // International Journal of Value-Based Management, 2000. Vol. 13(2). P.173-188.

А.М. Кузнецов

Владивосток, Дальневосточный государственный университет

КОНЦЕПЦИЯ ПСИХОМЕНТАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА
В ТЕОРИИ ЭТНОСА С.М. ШИРОКОГОРОВА

А.М. Kuznetsov

Vladivostok, Far Eastern State University

Idea of psychomental complex in the ethnos theory of S.M. Shirokogoroff

Problems of ethnic psychology are considered in a context of the concept of psychomental complex by S.M. Shirokogoroff. Being a component of the theory of ethnos of this author, the given concept pays our attention to formation in each ethnic community of own representations about the world, the person and a society, ideas forming an interconnected complex.

Этническая психология (психологическая антропология) со времени Ф. Боаса и других своих основоположников прошла длительную эволюцию. Однако вплоть до настоящего времени как для этой дисциплины, так и для всего блока социально-гуманитарных наук, одной из наиболее актуальных проблем остается определение явления этноса (этничности). Доминирующий подход в данной области исследований основывается на принципе конструктивизма и гипертрофированном внимании к концепту этнической идентичности. В своем наиболее радикальном воплощении подобный подход логически приводит к отрицанию реальности не только собственно этнического феномена, но и соответственно какой-то этнической психологии. Более эвристичным следует признать один из альтернативных вариантов понимания рассматриваемого явления, разработанный в 1930-е гг. С.М. Широкогоровым (1887-1939). В рамках его теории этническая психология была представлена как важное достояние этнической общности, связанное с формированием характерного для нее психоментального комплекса. Российский ученый уже давно получил широкую известность за рубежом как исследователь тунгусо-маньчжурских общностей Восточной Сибири и Дальнего Востока и один из авторитетнейших специалистов по изучению шаманизма. В последнее время все больший интерес вызывают общетеоретические идеи С.М. Широкогорова (Йохансен, 2002; Scalnik 1988).

Собственно концепция рассматриваемого феномена получила развернутое выражение в фундаментальной монографии «Психоментальный комплекс тунгусов» (Shirokogoroff, 1935), которая уже давно была оценена, но лишь как классический труд по изучению шаманизма (Johansen, 2001). Однако значение данного исследования далеко выходит за столь ограниченные рамки. Дело в том, что именно глубокое осмысле-

ние шаманистского мировоззрения, отличного от собственно религиозного, а уж тем более рационального его варианта привело российского исследователя к созданию концепции психоментального комплекса. Конечно, как и некоторые другие этнографы/антропологи его времени, Широкогоров получил уникальную возможность непосредственно наблюдать шаманские камлания. Кроме того, знание одного из языков тунгусо-маньчжурской семьи позволило ему непосредственно общаться с шаманами и другими участниками камланий. Но именно этот исследователь смог преломить полученные во время экспедиций 1912 и 1915-1917 гг. данные через свой опыт учебы в 1905-1910 гг. в Парижском университете, а затем проживания с 1922 по 1939 гг. в Китае и кратких поездок в Корею и Японию в обобщающую концепцию столь высокого уровня. Сделать же это он смог потому, что рассматривал все явления подобного рода в русле своей теории этноса (*Широкогоров, 1923*).

Этнография/антропология конца XIX - начала XX вв. уже достаточно хорошо представляла себе явление анимизма, в рамках которого существовал шаманизм. Поэтому и С.М. Широкогоров отмечал: «Основным признаком шаманства является признание за некоторыми людьми способности вмещать в себя духов по своему желанию и усмотрению и познавать явления особым таинственным путем при посредстве знаний и особых способностей вмещенных духов... Признаком, отличающим его от указанных других способов общения, является установленные ритуал, костюм и особое социальное положение шаманов и составляет шаманство» (*Широкогоров, 1919, с. 184*). Но только российский исследователь смог верно оценить роль и значение шаманов и шаманства для своих коллективов: «Шаману известны приемы, укладываемые в шаманский ритуал, которыми они доводят себя до экстаза и произвольно поддерживают это состояние. Шаман, обладая особой повышенной нервной чувствительностью и способностью владеть своим телом в более высокой степени по сравнению со средними людьми, для выполнения своих функций должен быть **физически, нервно и психически здоровым человеком**... Таким образом, шаман является, так сказать, предохранительным клапаном от психических заболеваний» (там же, с. 185). При всей неоднозначности шаманизма совершенно очевидна его связь с определенной мировоззренческой системой представлений о мире, человеке и обществе и поэтому в контексте данной теории оно было переосмыслено как один из вариантов психоментального комплекса.

Предложив идею психоментального комплекса, Широкогоров отказался от использования общего концепта «культура», редуцировав его к категории материальная культура. В целом же для него «... феномены материальной культуры, социальной организации и психоментальный

комплекс формируют определенную систему, хорошо сбалансированный комплекс, в котором все элементы более или менее связаны и поэтому они не могут трактоваться независимо друг от друга». Подобная система или комплекс являются не чем иным, как этнической общностью. Собственно психоментальный комплекс, как его понимал автор – это **«культурные элементы, которые состоят из психических и умственных реакций как на целое, так и его элементы, они могут быть изменяемыми или стабильными, динамическими или статическими»**. Далее эти элементы были распределены по 2 группам: 1) комплекс реакций устойчивого и определенного характера и 2) комплекс мыслей, которые определяют некоторые умственные установки и которые могут быть рассмотрены как **теоретическая система данного объединения (индивида)**. Значение психоментального комплекса С.М. Широкогорова видел в том, что он не только выполняет функции адаптации коллектива к окружающей среде, но и формирует **представления о реальности** членов данной общности. В силу указанной причины, представители разных этнических общностей могут по-разному воспринимать явления окружающей их действительности (**Shirokogoroff, 1935**). Из этого положения следует важный вывод о **различии восприятия и осмысления** этнических явлений не только **представителей конкретных общностей и исследователей**, зачастую являющихся носителями своего особого психоментального комплекса, оказывавшего определяющее влияние на результаты их деятельности. В таком случае, в свете теории Широкогорова, изучить и понять другую этническую общность значит, прежде всего, вникнуть в основные положения ее психоментального комплекса.

Список литературы

Йохансен У. Влияние Сергея Михайловича Широкогорова на немецкую этнологию // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 1. – С. 139–143.

Широкогорov С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. – Владивосток, 1919.

Широкогорov С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Известия Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета LXVII. (Shanghai) Шанхай. 1923. – 134 с.

Johansen U. Sergei Mikhailovich Shirokogoroff (1.7. 1887, Suzdal: 19.10.1939, Beijing). Psychomental Complex of the Tungus (engl.; Der psychomentale Komplex der Tungusen), EA London | Shanghai 1935 – Hauptwerke der ethnologie. Alfred Kroner verlag Stuttgart 2001.

Scalnik P. Union sovietique – Afrique du Sud: les ‘theories’ de l’ethnos // Cahiers d’Etudes Africaines, 1988 No. 110, vol. XXVIII-2, pp. 157-176.

Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. London: Kegan? Paul, Trench. Trubner & Co. 1935. Reprinted by AMS Press. New York. 1982. 469 p.

В.А. Лабунская

*Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет***ЭТНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ВЫРАЖЕННОСТИ
«ОБЕСПОКОЕННОСТИ СВОИ ВНЕШНИ ОБЛИКОМ»**

V.A. Labunskaja

*Rostov-on-Don, Southern Federal University***Etno-cultural factors of expressiveness «of concern by the external appearance»**

Expressiveness degree «concern by the external appearance» depending on an accessibility of girls to various ethno-cultural groups (Armenians, Georgians, Ingushs, Chechens, Russian) is studied. Degree «concern by the external appearance» is defined on the basis of a combination of self-estimations of various components of external appearance, the general satisfaction by it and attraction for the opposite sex partner.

Внешний облик человека, состоящий из различных компонентов, все чаще становится предметом эмпирических исследований в области этнической и кросс-культурной психологии. Известно, что конструирование внешнего облика в соответствии с требованиями этнической группы является одной из самых распространенных обыденных практик демонстрации своей этнической идентичности. Не менее важным является и тот факт, что отчуждение от этнической группы также сопровождается, прежде всего, изменением своего внешнего облика. Вместе с этим, западными психологами (*Рамси, Харкот, 2009, с.15*) отмечается, что в современном обществе «обеспокоенность своей внешностью достигла размеров эпидемии». Переживания, связанные со своим внешним обликом, охватывают различные слои общества, что еще четверть века назад привело к выводу о существовании феномена «нормативной неудовлетворенности внешним обликом», к выделению уровней неудовлетворенности внешностью, к поиску тех параметров внешнего облика, которые чаще всего фиксируются человеком и фрустрируют его (*Rodin, Silberstein, Streigel, 1985*). Вместе с этим, отмечается, что значимость внешнего облика в человеческой культуре обуславливает «нормальность некоторой обеспокоенности по поводу своего внешнего облика». Соглашаясь с этой точкой зрения, необходимо отметить, что степень выраженности «обеспокоенности своим внешним обликом» может быть обусловлена ценностью внешнего облика в социальных контактах определенных этнических групп, тем насколько внешний облик становится предметом рефлексии в зависимости от этно-культурных традиций, подчеркивающих значимость определенных свойств и качеств личности женщин и девушек.

Особый интерес для изучения степени выраженности «обеспокоенности своим внешним обликом» представляют девушки из традиционных семей, проживавших до недавнего времени, на Северном Кавказе и в Закавказье, а в настоящее время являющиеся студентками российских вузов. Известно, что на Северном Кавказе и в Закавказье особую ценность представляет такая черта женщин и девушек, как «внешняя и внутренняя скромность». К этому необходимо добавить, что влиянию этно-культурных факторов также подвержена презентация самооценки своего внешнего облика другим людям. Данный вывод подтверждают результаты нашего пилотажного исследования оценок своего внешнего облика девушками чеченками и ингушками, которые в большинстве случаев отказывались принимать участие в исследовании, ссылаясь на то, что «не принято» говорить другим как они оценивают свой внешний облик.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы определить степень выраженности «обеспокоенности своим внешним обликом», в зависимости от принадлежности девушек к различным этно-культурным группам. Степень «обеспокоенности своим внешним обликом» рассматривалась как производная от сочетания самооценок различных компонентов внешнего облика (оценка своего лица; оценка своего телосложения; оценка оформления своего внешнего облика; оценка выразительного поведения) и позитивности-негативности принятия своего отраженного внешнего облика; соответствия возрасту, гендеру; оценок привлекательности внешнего облика для партнера противоположного пола и степени сексуальности своего внешнего облика. В конструкт «обеспокоенность своим внешним обликом» была также включена оценка удовлетворенности им.

С целью изучения степени «обеспокоенности своим внешним обликом» в соответствии с выше перечисленной совокупностью показателей применялась методика «Оценочно-содержательной интерпретации своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» (Лабунская, 2009).

В исследовании приняли участие 50 девушек в возрасте от 17 до 24 лет, которые в соответствии с их этнической идентичностью были разбиты на пять этно-культурных групп: армяне, грузины, ингуши, чеченцы, русские. В каждой группе по 10 девушек. С целью определения значимых различий в степени «обеспокоенности своим внешним обликом» девушками из различных этно-культурных групп использовался Т-критерий Стьюдента. В проведении эмпирической части исследования принимала участие К. Падалка.

Результаты исследования и выводы. Сравнительное изучение феномена «обеспокоенности своим внешним обликом» показало, что участники исследования можно разделить на три подгруппы в соответствии с оценками различных компонентов внешнего облика, позитивности-негативности принятия своего отраженного внешнего облика; соответствия возрасту, гендеру; оценок привлекательности внешнего облика для партнера противоположного пола и степени сексуальности своего внешнего облика; общей удовлетворенности им.

Самые низкие показатели по всем выше перечисленным критериям наблюдаются у девушек из Ингушетии и Чеченской республики. Они значительно ниже оценивают эстетические, физические параметры своего лица, телосложения, считают их неухоженными, непривлекательными для противоположного пола, несексуальными. У них значительно ниже общая удовлетворенность внешним обликом и достаточно негативное отношение к своему отраженному внешнему облику.

Девушки – армянки значительно выше, чем представительницы из других этно-культурных групп оценивают отдельные параметры внешнего облика, но не отличаются значительно от девушек – грузинок степенью удовлетворенности внешним обликом. Девушки – грузинки, в свою очередь, значительно выше, чем русские девушки, оценивают эстетические, физические параметры своего внешнего облика. Для них является привлекательным их отраженный внешний облик, они считают себя привлекательными для противоположного пола. Эти данные позволили объединить девушек грузинок и армянок в одну группу в соответствии с их оценками своего внешнего облика.

Русские девушки отличаются тем, что значительно ниже оценивают свой внешний облик, чем девушки грузинки и армянки, но значительно выше, чем девушки, принадлежащие к этническим группам: ингуши и чеченцы.

Если исходить из заданных показателей «обеспокоенности своим внешним обликом», то напрашивается вывод о том, что девушки, принадлежащие к этническим группам: ингуши и чеченцы, в большей степени, чем девушки из других изучаемых нами этнических групп обеспокоены своим внешним обликом. Однако мы полагаем, что низкие оценки девушками из Ингушетии и Чечни своего внешнего облика, удовлетворенности им не являются прямыми показателями высокой степени «обеспокоенности свои внешним обликом». Приверженность низким оценкам эстетических, физических параметров своего внешнего облика, его привлекательности для противоположного пола, удовлетворенности отраженным внешним обликом является, с нашей точки зрения, проявлением культурных традиций, связанных с презента-

цией девушками оценок и самооценок любого типа, проявлением «этнокультурных табу», функционирующих в сфере отношений между мужчинами и женщинами. Учитывая давление этнокультурных традиций на оценку девушками из Ингушетии и Чечни своего внешнего облика, весьма трудно сделать заключение о степени «обеспокоенности ими своим внешним обликом».

Из всех изучаемых этнических групп, наибольшую степень «обеспокоенности своим внешним обликом» демонстрируют русские девушки. Эти данные можно объяснить влиянием западных традиций, проникающих с помощью визуальных средств информации. Они пропагандируют не только «идеальные образцы внешности», но и отношение к внешнему облику, несоответствующему им.

Таким образом, можно заключить, что «нормальность некоторой обеспокоенности по поводу своего внешнего облика» является кросс-культурным феноменом. Заниженная оценка своего внешнего облика не является прямым показателем «обеспокоенности своим внешним обликом», особенно, тогда, когда девушки являются представительницами тех этнических групп, в которых четко регламентированы способы презентации себя и демонстрации самооценок. Принадлежность к определенной этнической группе диктует выбор диапазона оценок своего внешнего облика, и способы репрезентации «обеспокоенности своим внешним обликом». Культурные традиции предписывают скрывать социальное чувство неловкости и сексуальное, физическое чувство неловкости, порожденные внешним обликом.

Список литературы

Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2009.

Рамси Н., Харкот Д. Психология внешности. – М.-Спб.: Изд-во «Питер», 2009.

Rodin J., Silberstein L., Streigel M. Women and weight: a normative discontent// *Nebraska Symposium on Motivation*, 32: *Psychology and Gender*. 1985. pp. 267–308.

Н.М. Лебедева

Москва, Государственный университет – Высшая Школа Экономики

ЦЕННОСТИ И ОТНОШЕНИЕ К ИННОВАЦИЯМ СТУДЕНТОВ РОССИИ И КИТАЯ*

N.M. Lebedeva

Moscow, State University – High School of Economics

Values and attitudes to innovation Russian and Chinese students

The results of study of relationships between values (SVS method) and attitudes to innovations of Russian and Chinese students are presented. Multiple regressions revealed universal as well as culturally specific relationships between values and attitudes to innovations, promoted positive attitudes to innovations among Russian and Chinese youth.

В настоящее время для ученых и политиков многих стран становится очевидным тот факт, что необходимым условием экономического роста и процветания является переход экономики в инновационную фазу развития.

Странам «догоняющего» развития, среди которых – Россия и Китай, по мнению специалистов, предстоит преодолеть так называемый «культурный барьер», чтобы развить инновационную экономику. Этот культурный барьер во многом сходен в обеих странах: бюрократия, отношения собственности, слабость правовой системы, родственные и личные связи, авторитаризм, коррупция и др. В современную эпоху, отвечая на вызовы времени и стремясь достичь успеха в международном соревновании, Китай и Россия демонстрируют высокие темпы экономического роста. При этом Китай занимает второе место (после США) в динамике затрат на инновации, а в России сохраняется непозволительно низкий для мировой державы уровень инновационной активности (Инновационное развитие..., 2008), несмотря на то, что интеллектуальный и креативный потенциал российской молодежи очень высок в сравнении с другими странами (Лебедева, 2008; Kharkurin & Motallebi, 2008).

Эмпирическое исследование влияния культуры на отношение к инновациям российских и китайских студентов.

Основная цель исследования – сравнительный анализ влияния характеристик культуры на отношение российских и китайских студентов к инновациям.

* Индивидуальный исследовательский проект № 09-01-0069 «Влияние культуры на отношение к инновациям в России и Китае» выполнен при поддержке Программы «Научный Фонд ГУ-ВШЭ»

Участники исследования: 293 респондента; них - 193 русских студента НИУ-ВШЭ (Москва, Россия), 100 китайских студентов Харбинского педагогического университета (Харбин, Китай).

Основные результаты исследования. В исследовании обнаружены межкультурные различия в индивидуальных ценностях русских и китайских студентов, а именно – российские студенты больше предпочитают ценности, выражающие интересы индивида (Открытость к изменениям и Самоутверждение), а китайские студенты – ценности, выражающие интересы группы (Сохранение и Самопреодоление). Выявленные межкультурные различия в ценностных приоритетах, на наш взгляд, отражают различия по линии «традиционализм – модернизм», где китайская культура располагается ближе к полюсу традиционализма (выше ценности, выражающие интересы группы: Сохранения и Самопреодоления, а российская культура на этом континууме ближе к полюсу модернизированности (выше ценности, выражающие интересы индивида: Самоутверждения и Открытости к изменениям). Межгрупповое сравнение установок по отношению к инновациям показало наличие значимых различий между русскими и китайскими студентами: такие показатели отношения к инновациям как креативность, риск ради успеха и общий Индекс инновативности личности значимо выше у российских студентов, чем у китайских.

Результаты множественного регрессионного анализа взаимосвязей ценностей и инновативных установок с контролем по полу и возрасту показали, что ценности Открытости к изменениям способствуют позитивным установкам по отношению к инновациям, а ценности Сохранения – препятствуют (на общей, российской и китайской выборках). Эти результаты согласуются с данными предыдущих исследований (Dollinger, Burke & Gump, 2007; Лебедева, 2009) и свидетельствуют о близком к универсальности характере этой взаимосвязи.

Культурная специфика взаимосвязей ценностей и отношения к инновациям проявилась в российской и китайской группах. В российской выборке ценности Самостоятельности значимо более выражены, чем в китайской и позитивно связаны с такими показателями отношения к инновациям, как креативность, риск ради успеха и индекс инновативности личности. Ценности Самостоятельности, наиболее предпочитаемые русскими студентами, – источник креативности, побуждают к инновациям и способствуют продуцированию новых решений в условиях кризисов, с которыми сталкиваются общества. Поведение, основанное на этих ценностях, внутренне мотивировано, оно способствует удовлетворению индивидуальных потребностей без ущемления интересов других людей и редко несет угрозу социальной гармонии. Индивидуаль-

ные ценности российских студентов, препятствующие инновациям, это ценности **традиции, конформности, гедонизма и власти**, т.е. ценности Сохранения и Самоутверждения. В китайской выборке ценности Самостоятельности выражены намного слабее и не связаны с инновативными установками студентов, позитивная связь есть только с ценностями Стимуляции (ценности **разнообразия, ощущения полноты жизни**). Негативные связи с отношением к инновациям показали ценности **безопасности, конформности и гедонизма**.

На наш взгляд, эти различные взаимосвязи ценностей и отношения к инновациям могут свидетельствовать о том, что мотивация инновационной деятельности в разных культурах может опираться на разные ценностные приоритеты. Так, в более модернизированной культуре (русской) мотивировать людей к инновациям могут ценности, отражающие самостоятельность и активность индивида, в более традиционной китайской культуре эти ценности менее выражены и не могут служить основой мотивации инновационной деятельности. В обеих культурах мощной мотивационной силой стремления к инновациям являются ценности **Стимуляции** (потребность в разнообразии, новизне). Препятствуют инновационной деятельности в обеих культурах ценности **Сохранения** (Традиция, Конформность, Безопасность) и **Самоутверждения** (Власть, Гедонизм). Здесь также есть культурная специфика: для россиян, у которых более выражено «личностное» начало, сильнее выражено и негативное влияние ценностей **Самоутверждения** (Власти и Гедонизма) на отношение к инновациям, чем для китайцев.

В заключение следует отметить, что ценности индивидов, несомненно, взаимосвязаны с инновативными установками личности, и эта взаимосвязь опосредована культурной социализацией. На сегодняшний день, как показывает наше исследование, отношение российских студентов к инновациям более позитивно, чем отношение китайских студентов (при том, что инновационная активность Китая на государственном уровне в разы превышает аналогичную активность России). Следовательно, китайскому правительству лучше удастся мотивировать и стимулировать инновационную активность в своей стране, чем российскому. Возможно, при разработке соответствующих программ не учитывается культурная специфика России и меры, стимулирующие инновационную деятельность, не учитывают ценностных приоритетов граждан современной России. Согласно нашим данным, мотивация инновационной деятельности в России нуждается в большем развитии и поощрении самостоятельности и активности личности, что опирается на выявленные ценностные приоритеты российской молодежи.

Список литературы

Инновационное развитие — основа модернизации экономики России: Национальный доклад. — М.: ИМЭМО РАН, ГУ-ВШЭ, 2008.

Лебедева Н.М. Ценности культуры, экономические установки и отношение к инновациям в России // Журнал ГУ-ВШЭ «Психология». — 2008. — Т. 5. — № 2. — С. 68–88.

Лебедева Н.М. Ценности и отношение к инновациям российских и канадских студентов. // Психологический журнал. — 2009. — Т. 30. — № 6. — С. 81–92.

Dollinger S.J., Burke Ph.A. & Gump N.W. Creativity and Values // Creativity Research Journal. — 2007. — Vol. 19. — Nos. 2–3. — pp. 91–103.

Kharkhurin, A., Motallebi, S.N.S. The Impact of the Creative Potential of American, Russian, and Iranian College Students // Creativity Research Journal. — 20 (4). — 2008. — pp. 404–411.

М.И. Лечиева

Грозный, Чеченский государственный педагогический институт

ЛИЧНОСТЬ В ЭТНОКУЛЬТУРЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

M.I. Lechieva

Grozny, Chechen State Pedagogical Institute

Personality in ethnoculture: problems of development

It is supposed to consider a personality development in the context of specific for its culture directivity and the contents of human relations to each other. Together with the European and Oriental cultures the Caucasian peoples culture and the Chechen culture in particular is distinguished with its characteristic specific status of communication and relations with other people.

Рассматривая социальный контекст развития человека, его личности, необходимо принимать во внимание, прежде всего, этнический компонент. Это особенно важно в тех случаях, когда среда развития личности является по сути моноэтнической. Здесь возможно противоречие между человеком как родовым существом и характеристиками этносреды, ее спецификой, либо способствующей, либо препятствующей, блокирующей раскрытие сущности человека.

Любая культура уникальна и в силу этого обстоятельства обогащает человеческую культуру и цивилизацию в целом самим фактом своего существования. Тем не менее, можно говорить об особой уникальности этнокультуры чеченцев, так как таких по интенсивности, насыщенности, накалу и драматичности событий, которые происходили в судьбе чеченского народа, едва можно найти в жизни других людей. Речь идет о собы-

тийной стороне жизни чеченского народа, безотносительно к тому, как и кем и эта судьба и сам народ воспринимаются и оцениваются. Всякая оценка, как известно, субъективна, а следовательно – искажена.

Обращаясь к истории развития различных обществ на Кавказе в XVI-XVIII веках, известный этнолог Ян Чеснов пишет, что в Чечне была одержана полная победа «крестьянской революции». Горская демократия «повысила у труженика чувство личного достоинства, которое создало своеобразный кавказский менталитет, когда у простых земледельцев и пастухов мы обнаруживаем этикетно-аристократические нормы поведения. Этот «крестьянский аристократизм» лежит в основе широко бытующих понятий «кавказец», «кавказство...» (Чеснов, 2004, с. 295-296).

Оставив за историками право исследовать и рассуждать о том, когда и как развивались общества, населяющие Кавказ, и какие именно процессы в них происходили, отметим тот неоспоримый факт, что именно в Чечне упомянутого периода, пожалуй, впервые в истории человеческой цивилизации, было создано общество, в котором утверждалось реальное «равенство всех перед всеми». Благодаря последнему обстоятельству возникают по сути идеальные социально-психологические предпосылки для реализации личностного потенциала людей, представляющих данное общество. Критериями позитивного восприятия и оценки друг друга у чеченцев выступали такие качества, как мужество, верность данному слову, справедливость, милосердие, готовность прийти на помощь, трудолюбие, честность, порядочность. Таким образом, каждый, следуя путем воплощения в себе перечисленных качеств, заслуженно пользовался среди чеченцев уважением, имел высокий социальный статус, при этом ни материально-экономическое положение, ни прочие факторы не имели столь существенного значения, как честь и «доброе имя» человека. Чеченское общество последовательно реализовывало право человека на социальную защиту, признание, уважение, формируя тем самым высокую внутреннюю мотивацию к реализации своих лучших человеческих качеств. Чеченцы сумели создать для своих детей такое социально-психологическое пространство, в котором они могли приобретать уверенность в себе, в своей способности эффективно функционировать в реальном мире, развивать чувство собственной значимости и достоинства, благодаря своим знаниям, компетентности, определенным личностным качествам, а не социально-экономическому положению семьи или иным критериям. Самым верным средством, обеспечивающим чеченцу достойное место среди других людей, было соблюдение норм и правил общественной морали, нравственных законов. Самым лучшим наследием, которое только могли оставить у чеченцев

предки своим потомкам – это «доброе имя» в общепринятом смысле этого определения.

Особенностью системы социализации в чеченской культуре было понимание необходимости учета индивидуальной природы ребенка, направленность на формирование личности, основой которой являлись чувство собственного достоинства, благородство («обздангалла»), «гилкх», как форма внешнего проявления благородства и, наконец, терпение, выдержка («собар»). «Чеченцы – люди большого человеческого достоинства. Сохраняя духовные и нравственные достижения древних народов Передней Азии, обогатив их сокровищами мировых религий, традиционная народная культура создала специфическую, с характерными для кавказцев чертами, систему. В ранг абсолюта возведены честь и достоинство личности, гостеприимство, культ предков и потомков, культ женщины и очага, искренней любви и милосердия ко всему сущему» (Чеченцев..., 2005, с. 5).

Обращаясь к анализу в психологии проблемы сущностной стороны человека, Б.С. Братусь отмечает, что Сергей Леонидович Рубинштейн в своей работе «Человек и мир» высказал с удивительной точностью мысль о том, что основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину составляет отношение к другому человеку, к людям. «Первейшее из первых условий жизни человека – это другой человек ... «Сердце» человека все соткано из его человеческих отношений к другим людям; то, чего оно стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится, какие отношения к другим людям, к другому человеку он способен устанавливать» (Братусь, 1999, с. 38). Центральной, системообразующей характеристикой человека, таким образом, признается его способ отношения к другому человеку.

Если взять последний тезис в качестве отправной точки наших дальнейших рассуждений и распространить его на более широкие системы – этносы, следует отметить очевидное, а именно – наличие существенных различий в направленности и содержании человеческих отношений друг к другу, обусловленных, кроме прочих факторов, этнокультурными различиями.

Можно, к примеру, выделить направленность на себя, на реализацию своего «Я», «Эго», порождающую особый способ взаимодействия с другими, часто базирующийся на различных манипулятивных стратегиях (характерна в основном для западной культуры). Направленность «внутри себя», на постижение своего сущностного, духовного через самопогружение, уединение, утверждающая созерцательный тип отношений с другими (присуща в целом культуре Востока). И, наконец, направленность на другого человека, на развитие отношений, общения, когда последние приобретают статус особой ценности (просоциальная направленность,

более всего характерная для народов Кавказа). Исходя из этого, можно говорить и о специфических, наиболее характерных для разных культур и народов механизмах психологической защиты. Если воспользоваться классификацией К. Хорни, то, например, в западной культуре – это «устремленность против людей» (агрессивный тип), в восточной – «устремленность от людей» (отстраненный тип), а в культуре народов Кавказа – «устремленность к людям» (уступчивый тип).

Итак, пользуясь терминологией С.Л. Рубинштейна, «сердце» того или иного народа может быть понято, охарактеризовано через анализ системы взаимоотношений его членов, как между собой, так и с другими народами. С этой точки зрения можно говорить о том, что психологическая направленность народов Кавказа на ценность общения, установления и развития с другими отношений принятия и поддержки наиболее адекватно выражала самую родовую сущность человека. В этом контексте становится более понятным феномен «кавказского здоровья», «кавказского долголетия», так как последние были также следствием того, что народы, населяющие Кавказ, умели создать такую жизненную среду в ее социально-психологическом аспекте, которая позволяла наиболее эффективно и полно реализовывать людям, прежде всего, свою человеческую сущность, развиваться в гармонии с самими собой и другими людьми. Особенную ценность представляла жизнь Души, Духа. Обычаи, традиции, весь жизненный уклад пытались выстроить таким образом, чтобы в этом пространстве комфортно было всем: начиная от самого малого и заканчивая старцами. Поэтому в отношениях поколений было взаимопонимание, преемственность, взаимное уважение, забота, ответственность, огромная привязанность.

Однако правомерен вопрос о том, насколько последовательно реализуется культурное наследие народов Кавказа, а также западная и восточная культуры в реальном поведении, образе жизни их конкретных представителей в современном мире. Естественно, что в этом смысле нельзя ожидать идеального воплощения любой из них в индивидуальной жизни даже самого благодарного потомка; это практически невозможно. Речь идет лишь об общих тенденциях, которые имеют место в той или иной культуре и тем самым влияют на ее представителей.

На наш взгляд, в идеале желательно, чтобы перечисленные выше основные три направленности, дополняя друг друга, сочетались вместе. Ведь для того, чтобы реализовать себя, человек должен быть в состоянии диалога с самим собой, со своей глубинной сущностью, а для познания последней, кроме того, важны также диалогические отношения с другими людьми. Наконец, самореализация не должна являться самоцелью; она приобретает свой истинный смысл лишь в контексте совместного бытия с дру-

гими людьми, в служении ими друг другу. В реальной жизни мы наблюдаем чаще грубую разорванность этой связи, которая могла бы быть преодолена в случае определенной интеграции на первый взгляд столь различных культур Кавказа, Востока и Запада.

Список литературы

Братусь Б.С. Нравственная психология возможна // Психология и этика: опыт построения дискуссии – Самара: Издательский Дом «Бахрах», 1999. – 128 с.

Чеснов Ян. Трудно быть чеченцем // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня: Хрестоматия/Сост. К. Сельченко. – Мн.: Харвест, 2004. – 496 с. / 269–301 с. / С. 295–296.

Чеченцев древняя земля. Составитель Саид-Магомед Хасиев. Изд-во «Седа-С». (Printed in Finland), 2005. – 100 с.

О.Г. Лопухова

Казань, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

**ТРАДИЦИОННАЯ ГЕНДЕРНАЯ СЕМАНТИКА
КАК ОСНОВАНИЕ САМООЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ**

O.G. Lopukhova

Kazan, Tatar state university of humanities and education

Gender traditional semantic as the basis of personality self-certification

The article is presenting data supporting hypothesis of the substantial role of gender traditional semantic in the modern self-consciousness. The data have been collected in comparative gender traditional semantic study of Tatar and Russian cultures. The peculiarities of traditional gender semantic have been explored on basis of fairy tales text analysis, modern gender semantic have been explored on basis of psycho semantic study factors of the Tatars and the Russians youths and girls self-certification.

Рассмотрение внутреннего мира личности в гендерном аспекте требует проведения гендеро-ориентированного семантического анализа на разных уровнях отношения субъекта с миром: внутреннего мира индивидуального и группового субъекта, уровня межсубъектного общения и уровня связи субъекта с культурой. На всех уровнях гендерная семантика представляет собой динамично развивающуюся систему. Даже анализ древних мифов вскрывает динамику гендерной семантики: гендерные образы в мифологических системах трансформируются в зависимости от структуры общества и от господствующих общественных отношений (*Наговицин,*

2005). В то же время, гендерные семантические конструкторы в содержательном аспекте представляют собой культурно-специфичный феномен, который, эволюционируя в соответствии с общественным развитием и межкультурным взаимодействием, тем не менее, сохраняет свои культурно-исторические особенности (Петренко, 1997; Sugihara, Katsurada, 2002).

Учитывая, что современные гендерные исследования ориентированы в основном на исследование тенденций унификации гендерной семантики в результате глобализации и стирания полоролевых различий, нам представляется целесообразным обратить внимание на этнокультурные особенности трансформирующихся гендерных систем. На основании теоретического анализа и на результатах проведенных исследований, можно предположить, что традиционные этнокультурные гендерные модели должны занимать базовые позиции в гендерном семантическом пространстве молодых людей, несмотря на современные тенденции этнической деидентификации и межкультурного взаимопроникновения ценностей.

Данная гипотеза проверялась в сравнительном исследовании на материале гендерной семантики этнических культур народов Поволжья (в этом докладе будут приведены данные только на примере русского и татарского народов). Для выявления традиционных особенностей содержания гендерной семантики применялся семантический анализ гендерных моделей на материале волшебных сказок разных народов. Для выявления этнокультурной специфики в содержании современных гендерных представлений применялись психосемантические методы, в частности, результаты, приведенные здесь, получены на материале диагностики 100 испытуемых татарской и русской национальности с применением «Опросника национального характера» (по типу личностного дифференциала) и последующим выявлением факторов самооценки с применением программы **Statistica 6.0**.

Для выявления традиционных особенностей содержания гендерной семантики разработан метод, состоящий в разделении текстов волшебных сказок на разные типы «древности» в зависимости от насыщенности текста символикой древнего мировоззрения. В результате было установлено, что в волшебных сказках гендерные модели трансформируются: в «древних текстах» женские образы занимают более активные и значимые позиции, а в «поздних текстах» их позиции и значение сводятся до минимума, активная роль переходит к мужским персонажам.

При сравнительном анализе содержания гендерных моделей в татарских и русских волшебных сказках выявлено, что в «древних текстах» сказок разных народов содержание гендерных моделей отличается довольно сильно. В русских сказках гендерная модель представлена активным, инициативным, влиятельным, занимающим более высокую социальную позицию

женским образом. Женскому образу могут быть свойственны, помимо красоты, богатырская сила, воинская мощь, волшебное могущество, смелость и решительность, власть, внутренняя мотивация, покровительственное и опекающее отношение к мужскому персонажу. Мужской образ занимает социально более низкую позицию, ситуативно действует, не информирован, не имеет собственной мотивации, его действия определяются внешними факторами, он зависит от покровительственного отношения, внешней помощи, руководства, но при этом неисполнителен. Эмоциональная сфера (чувства, переживания) мужского образа прописаны довольно детально, часто это негативные пессимистичные состояния отчаяния, печали, растерянности, раскаяния. Жизненный успех мужского персонажа связан с готовностью устанавливать разнообразные социальные контакты и в результате получать неожиданную помощь. Установлению же социальных контактов способствует «доброта» героя, проявляющаяся в бескорыстной помощи (мотивация – «пожалел»).

В татарских сказках и мужской и женский образ имеют активные позиции. Женский образ представлен как занимающий более высокую социальную позицию, самостоятельный в принятии решения, прогнозирующий и направляющий жизненную ситуацию. Важным качеством является красота, эмоциональные проявления не описываются. В отличие от русских сказок, для героини совершенно нехарактерно проявление силы, власти, доминирования, покровительственного отношения. Мужской образ представлен как «человек, который делает себя сам», то есть сначала он имеет низкий социальный статус и зависим, но посредством своей активности, способностей, упорства, смелости, трудолюбия, изменяет кардинально свое социальное положение. Мужскому образу свойственна разнообразная гамма чувств при реагировании на разные ситуации, но при этом проявляется решительность, инициативность, оптимизм, тенденция к независимости, исполнительность, ответственность.

В «поздних текстах» гендерные модели в татарских и русских сказках довольно сходны: мужской образ – активный, принимающий решения, инициативный и информированный, самостоятельный, не склонный к демонстрации эмоциональных проявлений; женский образ – пассивный, не описанный с точки зрения личностных особенностей. Совпадение гендерных моделей в «поздних текстах» татарских и русских сказок связано с длительным историческим периодом этноконтактного взаимодействия татарского и русского народов и их активного включения в общеевропейскую культуру в последние два столетия.

Анализ содержания оснований самооценки у юношей и девушек татарской и русской национальности также выявил как сходства, так и кросс-

культурные особенности. У юношей, как татарской, так и русской национальности, первый фактор в самооценке был назван «активность жизненной позиции», что вполне соотносится с современным пониманием маскулинности. Однако, если обратить внимание на структуру взаимосвязей отдельных параметров самооценки, то у юношей татарской национальности ключевыми параметрами выступают характеристики активности, организованности, старательности и упорства, а у юношей русской национальности – характеристики любознательности, интереса к красоте, к другим людям. Различия также проявляются и по второму фактору самооценки: у юношей русской национальности – это характеристики активности в деятельности в сочетании с отношением к другим (фактор был назван «эгоистичная пассивность / подвижническая активность»), а у юношей татарской национальности – эмоциональные особенности в деятельности и взаимодействии (фактор «эмоциональная открытость»).

У девушек татарской и русской национальности по сравнению с юношами, выявлено меньше сходств в содержании оснований оценки «образа Я». Для самооценки девушек обеих национальностей одинаково важны показатели компетентности (умения) и, связанных с этим, оптимизма/пессимизма и уверенности/беспомощности в трудных ситуациях. Различия проявляются в том, что у девушек татарской национальности в содержание первого основания самооценки включены проявления целеустремленности, организованности, аккуратности, старательности, самообладания (фактор был назван «целеустремленная организованность / бесцельная неорганизованность»). У девушек русской национальности похожий фактор был назван «уверенность в себе, основанная на компетентности / неуверенность в связи с некомпетентностью», поскольку активность и уверенность в себе основана на знаниях, способности, компетентности.

Второй фактор самооценки у девушек татарской национальности был связан со степенью эмоциональной открытости во взаимодействии с другими, а у девушек русской национальности второй фактор самооценки основан на степени проявления предусмотрительности, заботливости, доброжелательности и доверия во взаимодействии с другими (фактор «опекающая / черствая позиция в отношениях»).

Таким образом, видно, что содержание выделенных факторов самооценки юношей и девушек татарской и русской национальностей соотносится с семантикой гендерных моделей, установленной на материале древнего типа текстов волшебных сказок соответствующего народа, что приводит к выводу о том, что гендерная семантика традиционной культуры сохраняет свою значимость в современном самосознании.

Список литературы

Наговицын А.Е. Трансформация гендерных ролей в мифологических системах / А.Е. Наговицын. – М.: МПСИ: Флинта, 2005.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1997.

Sugihara Y., Katsurada E. Gender role development in Japanese culture: diminishing gender role differences in a contemporary society // Sex roles, 2002, Vol. 47. 443-452.

В.К. Малькова

Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ
БРЕНДОВ ТЕРРИТОРИЙ

V.K. Malkova

Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

The Research of historic-cultural Brands of Territories

This paper was based on the results of the author's research and was prepared within the bounds of a concept of a creation of brands of territories. The author tried to study - what historic-cultural values and characteristics of the territories and regions can be the more important in the process of forming and construction of their mass images. In the results of the analysis of the characteristics of the Northern Caucasus' republics (which had been called by the respondents) the author concludes that the lists of the more important for mass conciseness values and characteristics are individual for every region, dynamic and may be not only positive, but also negative.

В настоящее время в России (как и в других странах) активно развивается новое бизнес-направление – «брендинг» или «брендирование», то есть, создание бренда, марки, формирование имиджа или образа предметов и явлений. Бренды, разрабатываемые во многих сферах жизни, используются для презентации этих предметов и явлений в общественном пространстве с целью их успешного продвижения на рынке. Они информируют людей о предметах потребления, промышленно-сырьевых кампаниях, холдингах, средствах массовой информации, политических партиях и общественных объединениях... А в последние десятилетия создание брендов напрямую касается и регионов, городов, других территорий и мест.

Важно отметить, что бренды, образы, имиджи территорий формировались и создавались всегда, причем эти процессы шли как стихийно, так и направленно. В их создании принимали и принимают участие обычные

люди, в основном это очевидцы, и специалисты – журналисты, политики, бизнесмены, авторы школьных учебников и справочников, деятели литературы и искусства (писатели, поэты, особенно песенники, певцы, художники), а также туристические агентства. Но в настоящее время появился ряд специалистов (пиар-менеджеры, имиджмейкеры, маркетологи и др.), направленно формируют образы – бренды явлений и спрос на них, определяют перспективы сбыта и конкуренции. Это происходит и в сфере формирования брендов или образов, имиджей территорий, городов, регионов и других мест. Причем здесь особенно выделяется и подчеркивается уникальность и успешность конкретного пространства или его отдельных частей.

Заметим, что целью создания брендов территорий в современных условиях становится серьезная, хотя зачастую и незримая конкурентная борьба регионов, городов и стран за привлечение к себе инвестиций, за успешное и доходное развитие туристического бизнеса, за привлечение квалифицированной рабочей силы. Кроме того, цель создания брендов территорий – это не только создание образа региона или другого места, но и стремление распространить этот образ в пространстве для получения максимальной пользы и выгоды для себя. При этом очень важным является и проведение в регионах и городах значимых общественных мероприятий, например, за звание и статус – «первый», «лучший», «самый большой», за размещение крупных производств, финансовых потоков, за трудовые ресурсы. И в этой связи, кроме экономических, большое значение приобретают историко-культурные бренды территорий и мест, включающие в себя большое число ярких и важных для восприятия и запоминания компонентов. И они важны не только для привлечения в регион так называемых «внешних пользователей», но имеют большое значение и для постоянных жителей этих территорий, формируя у них гордость, патриотизм и этнорегиональную идентичность. Поэтому историко-культурные бренды регионов можно также рассматривать в качестве одного из важных ресурсов инновационного развития регионов.

При создании брендов территорий важна целевая аудитория, для которой выделяется или подчеркивается та или иная характеристика места. Например, для серьезных инвесторов, бизнесменов и предпринимателей интересно и важно наличие в регионах определенных сырьевых ресурсов и полезной для них промышленной инфраструктуры, наличие удобного транспорта и недорогих трудовых ресурсов. Для людей, ищущих работу, важна информация о наличии лучших, чем в других местах, условий трудоустройства и разнообразных социальных возможностей. Молодежи важны определенные условия для получения образования, для трудоустройства, создания семьи и интересного досуга... Для туристов и

путешественников интересны необычные природные достопримечательности, специальные туристические маршруты, оригинальные музеи и их коллекции, места жизни известных людей, места памятных исторических событий и т.д. Необычность и уникальность места, предмета и явления – важная составляющая привлекательной характеристики региона. Но вместе с этим имеют значение и такие характеристики места как криминальная обстановка в регионе, условия для получения образования, быстрая связь с Главным городом и другое.

Рассматривая бренды территорий, важно подчеркнуть, что они бывают **текущими и желаемыми**. Поэтому при формировании желаемых или направленных брендов – имиджей территории необходимо сначала объективно оценить ее текущий имидж, выявить его слабые и сильные стороны, а также - восприятие территории гостями, инвесторами, жителями. Это можно сделать с помощью мониторингов средств массовой информации, с помощью опросов экспертов и общественного мнения.

С этой целью в ИЭА РАН в сентябре–октябре **2009г.** был проведен экспертный опрос. Нами было опрошено **87** респондентов из Москвы, Екатеринбурга, Сургута, Казани, Омска, а также из Киргизии и Приднестровья. Среди них – научные работники, журналисты, чиновники региональных и муниципальных администраций, студенты старших курсов вузов. Все это – люди, широко представляющие себе российское и мировое пространство и способные более-менее осознанно оценивать реальную действительность.

Основная цель нашего анкетного опроса состояла в выявлении впечатлений, представлений и ассоциаций, связанных у опрошиваемых с названиями регионов Южного Федерального округа России. В него, как известно, входят республики Северного Кавказа, которые в данном исследовании нас интересовали особенно, а также Краснодарский и Ставропольский края и три области. Для сравнения респондентам было предложено вспомнить и о таких местах как Париж, Лондон, Москва, Екатеринбург и город их детства. В процессе опросов мы считали необходимым выяснить – какие ценности, характеристики мест и их особенности производят на людей наибольшее впечатление, и что чаще всего запоминается ими и упоминается в их рассказах об этих местах.

Представлю коротко некоторые результаты и выводы нашего исследования. Итак, среди самостоятельно названных респондентами **1857** брендовых характеристик, можно выделить следующие блоки:

1) Воспоминания, представления и ассоциации, связанные с географией и природными условиями конкретных регионов (это чуть больше **30%** характеристик). Ответы наших респондентов (напомним, что среди них не

было местных жителей) показали хорошее знание ими *общих образов места*, в первую очередь - именно природно-географических особенностей территорий ЮФО. Значимыми для современного массового сознания в этом блоке оказались практически все составляющие – и *географическое расположение региона*, и наличие на этой территории запомнившихся *городов и селений*, и *теплый климат*, и наличие естественных *природных достопримечательностей* – гор и долин, рек, озер и морей и других природных объектов. Особо отмечались *горные красоты, красивый ландшафт, просторы, магия степи, ее размах, вольность...*

2) Второй блок по частоте упоминаний характеристик территорий связан с *местным населением*, с его этнокультурными особенностями и образом жизни. Их доля в общем объеме брендовых характеристик превышает **24%**. В этом списке особенно заметно выделяются упоминания и представления о *полиэтничности и многолюдности* южных регионов России, о проживающих на каждой территории *региональных сообществах* (казаки, кавказцы, горцы), а также – о конкретных национальностях. В анкетах неоднократно упоминались элементы местной духовной и материальной культуры - *дома-крепости, аксакалы, джигиты с кинжалами, девушки с кубшинами, ... национальные традиции, обычаи, обряды, национальные танцы, поэзия...* И воспоминания о *вкусной местной пище*. Определенное место в представлениях людей о регионах ЮФО занимает и религиозный фактор. В представлениях наших респондентов Северо-Кавказские республики и другие области ЮФО чаще всего связываются с исламом, шариатом, мечетями, с ваххабизмом и религиозный фанатизмом. Разумеется, кроме этого, не забыты и православие, и буддизм Калмыкии.

Значимыми составляющими в образах территорий оказались и *этнопсихологические особенности* жителей этих мест. Наши респонденты выделяют и подчеркивают такие качества местных народов как: *доброжелательность и открытость людей, их доброту, удачу, ум, талант, внешнюю красоту, достоинство...* При этом у горцев, отмечают их *яркую ментальность, страстный характер, порой - гипертрофированную гордость, воинственность, доброту до поры- до времени, жестокость...* Некоторые респонденты с сожалением выделили и такие особенности жизни как: *первобытность населения, традиции средневековья; кровная месть и другие...* Что здесь реальность, а что мифология – это массовое сознание не фиксирует и не разделяет.

3) Следующий по частоте упоминаний блок брендовых характеристик территорий и субъектов ЮФО – это *негативные впечатления*, воспоминания и представления о Северо-Кавказских республиках. Их доля также сравнительно высока – почти **22%**. Признаться, мы не ожидали такого всплеска информации и эмоций по этому поводу. Наряду с массой позитивных впе-

чатлений о красотах и других достоинствах южных регионов России, наши респонденты не могли не отметить и вопиющие их недостатки. В массовых представлениях они действительно широко распространены.

Прежде всего – это *социальные проблемы: Бедность*, с одной стороны, и чаще всего *необъяснимое богатство* – с другой, *разруха, безработица, криминал, беззаконие, коррупция, кумовство и клановость, полная безысходность* и даже *туник...* И конечно, масса негативных впечатлений и далеко выплеснувшихся эмоций связывалось у наших респондентов с *военными действиями на территориях Северо-Кавказских республик*. Речь шла о неблагоустроенности местного быта и местных дорог, *где даже танки с трудом могут пройти*. В список негативных брендовых характеристик этих территорий добавились эмоции *тревожности, опасности, страха, нестабильности, беспокойства...* В перечень негатива включились и ассоциации, *связанные с трагедией Буденновска и Беслана, с болью и горем людей, переживших и переживающих бесконечные теракты и убийства, вооруженные столкновения, непонятные военные конфликты, трагедии с заложниками и прочее, и прочее...* Нам представляется, при направленном формировании историко-культурных брендов территорий и регионов ЮФО эту тему обойти будет невозможно.

4) Однако, возвращаясь к другим позитивным впечатлениям, которые в количественном отношении оказались не столь значимыми, но очень важными для формирования целостного образа территорий, их историко-культурных брендов, перечислим и их:

– *Это экскурсионно-туристическая и курортно-лечебная привлекательность территорий с их прекрасным ландшафтом, с минеральными источниками и обилием фруктов и овощей*. Об этом с большой симпатией упоминали наши респонденты.

– *Это и богатая событиями история края, которая, как оказалось, привлекает внимание не только известными достопримечательностями прошлого, но и местами, связанными с жизнью или пребыванием здесь публичных персон, причем, не только исторических, но и современных (политики, артисты и др. персонажи);*

– *Это и такие составляющие как спорт, особенно лыжный и альпинизм, отдельно выделялся и интерес к будущей Олимпиаде в Сочи;*

Но, кроме того, респондентами упоминались и местные команды КВН, которые в последнее время стали известны на всю Россию... А воспоминания и представления о местных музеях на территориях ЮФО оказались очень редкими. Хотя, заметим к слову, что в других местах, например, в Москве, Лондоне, Париже, о которых мы также спрашивали, музеи выделяются особо.

Таким образом, наше небольшое исследование позволило наметить некоторые направления в изучении новой для этнопсихологической и этносоциологической науки и российской практики проблемы – использование историко-культурных и этно-культурных особенностей территорий в качестве важного ресурса их инновационного развития. Исследование позволило выявить и акцентировать некоторые наиболее значимые составляющие текущих историко-культурных брендов в конкретных районах южной России и их иерархию в общественном сознании. В процессе исследования выяснилось, что в общественных представлениях набор брендовых историко-культурных характеристик на каждой территории свой, и он во многом уникален, достаточно динамичен и включает в себя как позитивные, так и негативные элементы. Научное знание этих особенностей дает возможность сделать более успешной необходимую коррекцию текущих брендов территорий, идеологически и практически усилить или смягчить желаемые или негативные составляющие их образов.

Ї. Мардоса

Вильнюсский педагогический университет

**РОЛЬ СИМВОЛОВ В СТАНОВЛЕНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ
ПОЛЯКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЛИТВЫ:
НА ПРИМЕРЕ ОБРЯДНОСТИ СТРАСТНОЙ НЕДЕЛИ**

J. Mardosa

Vilnius Pedagogical University

**The Significance of Symbols in the Identity Formation of Southeastern
Lithuania's Poles: According to the Rituals of Holy Week**

This presentation examines the symbols of Holy Week found amongst the Poles of southeastern Lithuania, which are significant in the contemporary creation of Polish national identity. Data collected during field research shows that the majority of such symbols are connected with food, which has a ritual meaning over the holidays. A part of the particular dishes are of local origin, while others are taken from traditional slavic culture. These symbols highlight the particularities of the religious culture of Lithuanian Poles and at the same time they become an identity forming factor.

Этнологи обратили внимание на значимость символов в период самоопределения народов и в процессе формирования их идентичности. В конце XX века такого рода вопросы стали актуальными жителям юговосточной

Литвы. На пограничной с Беларусью территории юго-восточной Литвы большинство сельских жителей и значительную часть городского населения составляют поляки (об этноконфессиональном составе региона шире: *Мардоса, 2008, с. 383–384*). Во второй половине и особенно в конце XX века возросла политическая и этнокультурная активность поляков и тем самым становится актуальной научной проблемой изучать влияющих на данные процессы факторов. Разумеется это многогранный и сложный вопрос, поэтому в сообщении обратим внимание на один аспект проблемы – встречаемые в обрядности Страстной недели символы. Полевые материалы по данной теме автором сообщения собраны в 2007–2008 гг., изучая весенние календарные праздники поляков Литвы. Цикл пасхальных обычаев, имеющий многообразие вариантов как на этническом, так и на личностном уровне, составляют сложную ритуальную структуру. В ней, как показывает полевой материал, каркас, на котором держится сама обрядность, занимают символическую значимость выражающие различные элементы традиционной культуры. Установлено, что одним из символов этничности для поляков становятся в течении Страстной недели изготавливаемые некоторые обрядовые блюда, изучение которых составит стержень сообщения.

По материалам исследования в условиях современности на первое место в обрядовом поведении выходит подчеркивание сакральности действий и функционирование единой для сельских и городских жителей религиозной модели обрядности Страстной недели. В то же время основные обрядовые символы в современной народной практике больше всего выражены в обычаях Великой субботы. Изучая обрядовые блюда замечаем, что их символика как традиция и знак праздника в наши дни объединяет верующих и секуляризированных людей. В этой связи отдельные традиционные блюда стают в один ряд с другими, имеющими влияние на самоопределение поляков постсоветского периода, символами.

Особенности этнического состава жителей и географического положения юговосточной Литвы отражаются при изготовлении практически не употребляемых литовцами праздничных блюд. В первую очередь такими становятся блюда с использованием молочных продуктов. Обрядовую значимость имеет изготовление *паски* (пасхи) из свежего творога, а современная черта – применение сладких сырков. Употребляемое поляками Литвы блюдо имеет прямую связь со славянской культурой. *Паску* украинцы делали из творога, а русские использовали творог и изюм, а также другие ингредиенты. Интересно, что и в Беларуси данный продукт подразумевается как русский (*Котович, Крук, 2005, с. 259; Соколова, 1979, с. 111*). Для праздничного стола поляки в Страстную неделю готовят творожный сыр, который делают сами или покупают.

Особые требования ставятся хозяйкам, которые до настоящей поры среди других блюд на Великую субботу обязательно изготавливают пасхальный хлеб *бабу*, которую также называют *паской* (пасха). Истоки обрядового хлеба также уходят в соседние славянские народы, где верили, что если будет красиво испеченный пасхальный хлеб, весь год для семьи будет удачным. По мнению В.К. Соколовой белорусы и украинцы *паской* называли высокий круглый хлеб, на верху которого часто накладывали из теста четырехконечный крест или другие украшения. Такого рода куличное изделие известно в пограничных с Белоруссией районах Литвы. Русские как известно, такой хлеб называют куличом (Соколова, 1979, с. 111). Кулич для православных – высокая буханка хлеба, по православной традиции символизирует божье тело. В Польше также имели называемый *колач* обрядовый овальный хлеб (Ганцкая, 1977, с. 211). А мазуры пекли специальный пирог, украшенный цветочным сахарной глазурью и украшенный различными из теста орнаментами (Pisarzyk, 1981, s. 241). В современной Беларуси куличи в предпасхальное время продают в магазинах, на ярмарках, в то время как в Литве поляки ритуальный символ изготавливают в домашней обстановке.

Мясные продукты в пасхальной трапезе свойственные всем христианским народам. Однако поляки Литвы имеют особенности в отношении к подготовке свинины к ритуальному столу. В течении Страстной недели традиционно убивали свиньи и поляки Литвы готовят специальное блюдо из сало и теста похожее на батон. Испеченный продукт даже называют *парасенком* (Narkowicz, 1998, p. 87). Такие изделия прямым образом опираются на традицию. Известно, что в прошлом, некоторые поляки юго-восточной Литвы для праздника коптили поросенка. Черта, несвойственна для других частей Литвы, поэтому очевидно, что традиция перешла от соседних народов. По утверждению В.К. Соколовой, украинцами и белорусами в число пасхальных блюд входит освященный в церкви поросенок, которого на блюдо клали ногами в верх и в рот втыкали кусок хрена (Соколова, 1979, с. 111). В то время как в Польше важной обрядовой пищей являлась свиная голова, колбасы (Ганцкая, 1977, с. 211). Как видим, поляки Литвы в число обрядовых изделий активно включают символические блюда славянской народной культуры, которые в контексте Литвы становятся выражением этничности. Специфическим локальным блюдом поляков юго-восточной Литвы является красный мясной борщ с кровью, семантика которого также в Пасхальный период имеет символическое значение.

Локальные особенности в юго-восточной Литве имеет и традиция освящения пасхальной еды. Католический обряд истоками уходит в начало XVII века, когда папа Павел V (1605–1621) установил литургию освя-

щения пищи (*Merkiem, 1999, p. 200*). Традиционно на большей части Литвы еду освящали в воскресенье утром, когда в костел несли в корзинках кусочки разных продуктов, крашенные яйца. Однако в юго-восточной Литве существует традиция освящать пищу в страстную Субботу. Такой образ обряда, вероятно, пришел из Польши, где уже в XVIII–XIX веках Страстную субботу называли днем освящения пищи (*Szymanderska, 1990, p. 29–30*). Истоками традиции освящения ритуальных продуктов в субботу в юго-восточной Литве уходит в первую половину XX века, хотя польский этнограф Оскар Кольберг в середине XIX века писал, что пирог и пару яиц освящали как в субботу, так и в воскресенье (*Kolberg, 1966, p. 147*).

Важно отметить, что в Литве обряд освящения пищи до настоящего времени сохранился именно на юго-восточной ее части, где обряд традиционно осуществляется в субботу вечером. Такой образ обряда сформировался в первой половине XX века, когда в субботу люди работали до обеда, а позднее начинали готовиться к празднику и в первую очередь, посетить костел и благословить пищу. Освящали соль, большой сыр, хлеб, масло, колбасу, пасхальный пирог (*бабу*), окорок и яйца. Сыр также включали в состав освящаемой пасхальной еды. Полевые материалы показывают, что освящение сыра рассматривалось и в контексте народной религиозности. Чтобы надоить больше молока и избегать сглаза коров, изготавливали большой сыр. Для увеличения надоя в пасхальные дни специально кормили коров большим количеством фуража, чтобы те не смогли все съесть (Вильнюсский район).

Состав блюд однообразен, разница в возможностях людей. Освященной пищи было необходимо иметь на весь праздничный период. Некоторыми полагалось, что необходимо освящать столько продуктов, чтобы хватало на всю неделю. Поэтому бедные в корзинку купленную во время ярмарки *Казюкаса* (4 марта) в Вильнюсе, клали маленькие куски, а зажиточные целые продукты в специальный сундук. Было даже не престижно ехать телегой с полупустым ящиком. Сундуки изготавливались специальные, похожие на свадебные, предназначенные для хранения приданного, но меньше по размерам. Сундуки так и называли – пасхальный *куффарочек*, и он не использовался для других целей. Кроме того в Вильнюсском крае существовал и специфический плетенный из соломы *куфферчик*, который был четырехугольный с крышей и двумя рукоятками для пояса, чтобы было легче нести. Также в первой половине XX века при освящении пищи в корзинку клали белую скатерть, на которую клали кусок колбасы, окорока, ломтик хлеба, соль и хрен (который символизировал муки Христа), масло и маленький пирог, а также испеченного из теста маленького ягненка, который символизировал жертву Христа во имя спасения человечества.

Те, кто жили поблизости костела, приглашали ксендза освящать домашний стол и это было престижно как для семьи, так и для священника. В первой половине XX века иногда ксендз освящал пищу на площади городка перед костелом. Так как субботняя месса продолжалась до позднего времени, по мнению респондентов это была впечатляющая картина (*Kalendarz, 1994, p. 33*). В некоторых местах Вильнюсских окрестностей еду освящали в течении торжественного богослужения (*Sidicki, 1998, p. 102*). Таким образом в окрестностях Вильнюса своеобразность обряда освящения пищи имеет глубокие корни и современный образ обряда наследован как традиция. Однако традиция трансформировалась и ее суть сконцентрирована на отдельные символы. Например место сундука, в вечернее время, обычно после богослужения в начале XXI века еда освящается в плетенных из лозы корзинках. Освящается в основном яйца и пирог. Субботнее освящение в костелах ритуальной пищи существует и в современной Белоруси. Следует отметить, что поляки оказывают воздействие и на религиозное поведение литовцев. Субботнее освящение ритуальной еды в современности находит место также и среди литовцев изучаемого региона.

Таким образом в обрядовой жизни прослеживается актуализация отдельных традиционных ритуальных символов, которые вносят своеобразие в обрядовый код Страстной недели жителей изучаемой территории. Каркас обрядности составляет религиозная основа и единые с литовцами и другими народами символы. Важной тенденцией является привлечение символов народной религиозной культуры восточных славян. В число использованных пасхальных символов соседних народов акцент ставится на различного содержания *паски*, специальный хлеб. Часть символов происходили в среде поляков Литвы. Локальный характер имеют некоторые мясные блюда, субботнее освящение пасхальной еды. Таким образом привлечение различного содержания и семантики символов в условиях современности придают обрядности Страстной недели поляков юго-восточной Литвы региональный характер и рассмотренные символы выступают в качестве формирующих этнический идентитет факторов.

Список литературы

Ганцкая О.А. Поляки // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: весенние праздники. – М., 1977. – С. 202–220.

Котович А., Крук Я. Веснавья святы. Книга 1. – Минск, 2005.

Мардоса Й. Символ и вопросы религиозной идентичности в полиэтнокультурной среде: вербы в современной Западной Беларуси и Восточной Литве // Теоретические проблемы этнической и крос-культурной психологии. Материалы Международной научной конференции 29–30 мая 2008 г. – Т. 1. – Смоленск. 2008. – С. 383–390.

Соколова В.К. Весенние-летние календарные обряды русских, украинцев и белоруссов. – М., 1979.

Kalendarz Obyczajow Wilenskich. – Vilnius, 1994.

Kolberg O. Dziela wszystkie. – Litwa. Wroclaw, 1966. T. 53.

Merkiene I.R. Velykiniai pavasario ženkla. Baltijos regiono kultūra XX amžiuje // Etnine kultūra ir tapatumo išraiška. – Vilnius, 1999. p. 197-207.

Narkowicz L. Alleluja biją dzwony... // Tradycje i obyczaje Wilenszczyzny w pracy pozalekcyjnej. – Vilnius, 1998. – P. 85–87.

Pisarzak M. Pokarmy wielkanocne w Polsce. – Warszawa, 1981.

Sielicki F. Wierzenia i obyczaje na Wilejszczyźnie w okresie międzywojennym. Wroclaw, 1998.

Szymanderska H. Polska Wielkanoc. – Warszawa, 1990.

М.С. Мартынова, В.В. Константинов

Пенза, Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского

ОБРАЗЫ СЧАСТЬЯ В МЕНТАЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЭТНОСОВ

M.S. Martynova, V.V. Konstantinov
Penza State pedagogic University named after V.G. Belinskij

Towards images of happiness in the Russians' and the Tartars' mentality

The problem of happiness as a phenomenon of mentality is analyzed in the article. The most important results of empiric research concerning the Russians' and the Tartars' image of happiness are presented.

В культуре любого этноса присутствует опыт многих поколений, закрепленный в традициях, архетипах, обычаях и символах. Психологические особенности этноса проявляются в специфике речевого общения, стереотипов, интересов, взглядов, вкусов, черт характера, норм нравственности и художественных ценностей, даже в особенностях отношения к природе, людям и их поступкам, в этнорелигиозных представлениях и настроениях, т.е. ментальности.

В современной научной литературе ментальность трактуется широко: и как умственный строй, мироощущение, мировосприятие и, в тоже время, как интегральная характеристика культуры этноса, отражающая глубинный и устойчивый тип поведения. Существенно, что в большинстве определений в качестве необходимой национальной, этнической специфики ментальности отмечается роль ее природно-биологической, а также исторической составляющих. В частности, Г.Д. Гачев в содержании

ментальности включает «национальные образы» - представления о национальной целостности, как единство местной природы, быта, языка и истории (культуры), национального характера (психики) (Гачев, 2007).

Джидарьян И.А. отмечает, что ментальность играет определяющую роль в представлениях о счастье: «Счастье и этничность как особые конструкты социума и культуры глубоко связаны между собой...» (Джидарьян, 2001).

В науке нет единого мнения о содержательной стороне понятия счастья. Философы, психологи, социологи рассматривали счастье с разных позиций и в различных научных категориях.

В толковом словаре В.И. Даля дается следующее определение счастья - случайность, желанная неожиданность, удача, успех, спорина в деле, благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насыщенная жизнь без горя, смут, тревоги; покой и довольство, вообще все желанное, все то, что покоит и доволит человека по убеждениям, вкусам и привычкам его (Даль, 1982, с. 371).

В толковом словаре С.И. Ожегова счастье - это чувство и состояние полного, высшего удовлетворения, успех, удача (Ожегов, 1985 с.680).

Однако, научное осмысление категории «счастья» имеет обширный диапазон и включает в себя комплексное, системное решение целого ряда религиозных, морально-этических, психологических, социально-экономических и философских аспектов. Категория счастья широко представлена в различных философских и религиозных учениях, начиная с древнейших времен до наших дней.

Наиболее содержательное описание проблемы счастья представлено в работах американского психолога М. Аргайла, который попытался представить максимально полную феноменологию данной категории. Ряд отечественных психологов (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.И. Додонов), в своих трудах обращались к понятию счастья. Но, несмотря на множество точек зрения, до сих пор не устоялся концептуальный аппарат описания феномена счастья, представления о нем, не определены содержание и объем данного понятия, отсутствует методический инструментарий для его фиксации и количественного измерения.

Кроме того, в современной отечественной социальной психологии практически отсутствуют эмпирические исследования этой психологической категории.

На наш взгляд, изучение складывающихся в этнокультурной среде представлений об образе счастья, как желаемом результате своей жизнедеятельности, даст возможность понять, объяснить и спрогнозировать динамику изменения образной сферы личности. Эти изменения будут зависеть от принадлежности субъектов к определенным социально-демог-

рафическим группам; от эмоциональной направленности представителей различных этносов; от представлений о средствах достижения счастья у представителей русского и татарского этносов.

С целью изучения социально-психологических особенностей ментальности представителей русского и татарского этносов Пензенского региона об образе счастья как феномене нами было проведено эмпирическое исследование. Исследование проводилось на базе ПГПУ им. В.Г. Белинского. В эксперименте приняло участие 42 испытуемых – студентов ПГПУ им. В.Г. Белинского (русские и татары), в возрасте от 18 до 21 года. В ходе исследования была выдвинута гипотеза о том, что образ счастья у представителей русского и татарского этносов обусловлен их ментальностью. В качестве основного метода получения эмпирических данных применялась специально разработанная С.В. Журабкиным анкета, состоящая из восьми блоков вопросов, выявляющих: представления о счастливом человеке, терминальные содержательные представления о счастливой жизни, динамические характеристики счастья, значение межличностного окружения для достижения состояния счастья, территориальный фактор достижения счастья, предпочитаемые способы достижения счастья, удовлетворенность личности в различных сферах бытия, социально - демографические характеристики респондентов.

В зависимости от избранного ракурса, смысловое наполнение содержания феномена счастья может существенным образом видоизменяться. Так, рассмотрение категории счастья в плоскости социально-экономических отношений влечет за собой анализ степени удовлетворения потребностей объективированных, прежде всего, материально: материального достатка, степени удовлетворенности социальным положением. Рассмотрение в духовно-нравственном аспекте требует анализа, нравственных идеалов, морально-этических норм. Для раскрытия феномена счастья в этнопсихологическом аспекте, необходимо выявить представления субъектов о значении межличностного окружения для достижения состояния счастья, о национальной культуре, этнорелигиозных представлениях и настроениях. Результаты исследования, представленные в нашей работе, отражают этнопсихологический аспект представлений о феномене счастья.

В ходе исследования заявленная гипотеза, о том, что образ счастья у представителей русского и татарского этносов обусловлен их ментальностью, подтвердилась, о чем свидетельствуют полученные данные, которые были подвергнуты математико-статистическому анализу с помощью критерия φ^* Фишера ($\varphi^*_{эм}=2,34, p \leq 0,01$). Таким образом, респонденты в подавляющем большинстве верят в возможность существования феномена счастья (94% опрошенных респондентов). Каждый четвертый опро-

шенный идентифицирует состояние счастья с принадлежностью к своему этносу (50% представителей, как представителей русского, так и татарского этносов), это обусловлено конфессиональной принадлежностью ($F^*_{эм}=2,45, p \leq 0,01$), культурными традициями респондентов ($F^*_{эм}=2,38, p \leq 0,01$), что было выявлено с помощью метода этнофункционального интервью. При сравнении с ответом на вопрос «можно ли быть счастливым в России?» необходимо отметить, что такая возможность полностью или частично составляет 75% от общего числа опрошенных респондентов (44% русских респондента, и 36% татарских респондента). Представления респондентов об образе счастливого человека (необходимо было указать национальность) у представителей русского и татарского этносов различны (из 100% опрошенных русских респондентов 71% ответили, что национальность счастливого человека – русский, из 100% татарских респондентов 80% – считают, что национальность счастливого человека – татарин). Представления респондентов об образе счастливой семейной жизни так же являются различными: 63% русских респондентов считают, что приоритетный тип семьи – нуклеарная; в семье должны преобладать равно ответственные отношения, т.е. указывали на отсутствие явного лидера (главы семьи); 86% представителей татарского этноса считают, что отношения в семье должны строиться на патриархальной основе; главой семейства должен быть мужчина. С помощью метода этнофункционального интервью было выявлено, что представления о возможности существования феномена счастья; возможности счастливой жизни в России; об образе счастливого человека и счастливой семейной жизни складываются из конфессиональных и культурных традиций, которые проявляются в специфике речевого общения, стереотипов, интересов, взглядов, вкусов, черт характера, норм нравственности и художественных ценностей, в особенностях отношения к природе, людям и их поступкам, в этнорелигиозных представлениях и настроениях, т.е. ментальности. (Сухарев, 2008; Гачев, 2007). Таким образом, выявленные представления образа счастья в ментальности представителей русского и татарского этносов могут быть учтены при разработке региональных программ, направленных на организацию межкультурного диалога в Пензенском регионе.

Список литературы

- Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. [Текст] / М. Аргайл. – СПб.: Питер, 2003. – 272 с.
- Гачев Г.Д. Космопсихологос – национальные образы мира. [Текст] / Г.Д. Гачев – М.: Академический проект, 2007. – 510 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Текст] / В.И. Даль –Калинин: «Русский язык», 1982. – 683 с.

Джидарьян И.А. Представления о счастье в российском менталитет. [Текст] / И.А. Джидарьян. – СПб.: Алетея, 2001. – 242 с.

Журабкин С.В. Представления провинциальной молодежи о счастье в контексте эмоционально-мотивационной направленности. [Текст] / С.В. Журабкин: дисс. ... канд.психол. наук: 19.00.05. – Иваново, 2006. – 213 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: «Русский язык», 1985. – 796 с.

Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии [Текст] / А.В. Сухарев. – М.:РАН, 2008. – 576 с.

Н.В. Марьясова

*Хабаровск, Дальневосточный государственный
университет путей сообщения*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЧАСТЛИВОЙ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ КИТАЙЦЕВ И РУССКИХ

N.V. Mariyassova

Khabarovsk, Institution of the state general formation high professional

Particularities ethnic of the culture chinese and russian lucky spiritual life

The Belief about happiness Chinese reflects their ethnic to particularities, formed in process of the histories and cultures China. The Belief about lucky spiritual life россиян shows value of the manifestation itself as personalities, which through independence and liberty of the choice action possible.

Интерес психологов к изучению счастливой духовной жизни появился сравнительно недавно. В конце 1990-х годов XX века американский психолог М. Селигман предвосхитил новую ветвь психологического знания – позитивную психологию, основным направлением исследования которой стало счастье. Отечественная психология рассматривает счастье как ценность и аффективное состояние (Джидарьян, 2004, с. 25). Нет единого, принятого всеми определения счастливой духовной жизни. Исследование детерминант счастливой духовной жизни осложняется специфичностью этого понятия. Отражение действительности является обобщенным, нормативно-культурным, обусловленным рамками той деятельности, в которую вовлечен человек как представитель данной культуры. Представления о счастливой духовной жизни, существующие на уровне обыденного сознания, детерминируются этими этнокультурными особенностями, которые начинают проявляться уже в юности.

Культура китайского этноса многогранна и имеет свои специфические черты. Это касается и представлений о счастливой духовной жизни. Китайцы одни из немногих сохранили свою этническую особенность и самобытную культуру, насчитывающую более 5000 лет, за которые практически не изменились основы общества и основные духовные ценности. Россия граничит с Китаем и знание национальных особенностей, представлений о счастливой духовной жизни будет способствовать развитию взаимопонимания и решению различных вопросов. Психологический аспект счастливой духовной жизни практически не изучен, особенно у восточных этносов. Современный этап развития Китая, его экономические реформы, влияние западной культуры отражаются в сознании китайцев. Однако умелый синтез западной культуры и восточных духовных ценностей определяет сущность нового этапа развития китайской цивилизации. В настоящее время в России также ощущается насаждение западных ценностей. По мнению известного российского ученого М.И. Воловиковой существуют три ценности, лишившись которых русские перестают быть «русскими» в полном смысле этого слова: это братское принятие других народов, способность прощать и любовь к святости. Этнопсихологические особенности россиян являются основой представлений о счастливой духовной жизни.

Исследование счастливой духовной жизни связано с решением задач: выявлением и интерпретацией различий представлений о счастливой духовной жизни; ее проявлением в образе мира и времени. Счастливую духовную жизнь как психологический феномен можно рассматривать с трех сторон: как удовлетворенность жизнью, как ценность и как позитивное аффективное состояние. На раннем этапе изучения проблемы счастливой духовной жизни доминировали социологические исследования удовлетворенности жизнью, которые складывались в общесоциологическую концепцию качества жизни, где важность придавалась понятию субъективного благополучия личности, которое имело четко выраженный психологический смысл, связанный с понятиями счастливой духовной жизни и удовлетворенностью. Качество жизни – это восприятие людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей и системы ценностей, и в связи с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами. В понимании счастливой духовной жизни как ценности можно выделить основной аспект: счастливая духовная жизнь как жизненная цель и объект устремлений в результатах деятельности человека. Счастливая духовная жизнь как феномен культуры связана с миром ценностных отношений и приоритетов. С позиции эвдемонизма считается оправданным устремление к счастью при условии, что оно понимается в широком

жизненном контексте категории смысла. Смысл рассматривается как значимый фактор счастливой духовной жизни. Счастливая духовная жизнь способна одновременно выступать в двух различных ролях: в роли оценок, отмечающих предмет деятельности и регулирующих ее ход, и в роли самодовлеющих ценностей, обогащающихся и превращающихся в дополнительный мотив процесса деятельности. Многими людьми счастливая духовная жизнь воспринимается как эмоциональное чувство. Но это не есть какое-то «одноцветное переживание» (Додонов, 1978, с. 88). Многогранность понятия счастливой духовной жизни выражается в том, что нет ее четкого общепринятого определения. Основными детерминантами счастливой духовной жизни являются радость, удовлетворенность, работа, досуг, социальные взаимоотношения, личность, религия. Эти факторы относятся к разным уровням и направленности, и каждая вносит свой вклад в счастливую духовную жизнь. Счастливая духовная жизнь имеет категориальную структуру в индивидуальном сознании, проявляясь в образе мира. При этом духовность приобретает свой смысл только в соотношении с масштабом человеческой жизни – в единстве ее прошлого, настоящего и будущего.

Поэтому изучение счастливой духовной жизни как психологического феномена через пространственно-временную перспективу позволяет раскрыть его неосознаваемые компоненты и критерии, а представление о счастливой духовной жизни выводит нас на осознаваемый уровень. Полученная универсалия показывает, что и сейчас культ семьи в представлениях современных китайцев занимает первостепенное место. Ведь социально-семейный строй традиционного Китая всегда был ориентирован на нормы общепризнанного и общепочитаемого культа предков. Родители заботятся о детях, и дети обязаны заботиться о родителях в старости. Для современных китайцев очень важно образование и планы на будущее; гордость за Родину и уважение; уверенность в завтрашнем дне; вкусная еда и удовлетворение базовых потребностей; душевный покой и личное здоровье; здоровье близких и взаимопонимание в семье. Все это и выражают их этнические особенности, которые сформированы в процессе многовековой истории, культуры и философии Китая. Конфуций считает, что основой человеческого счастья является нравственность личности, где личность помещена в систему межличностных и социальных связей. Конфуцианская теория благородного мужа и категория долга, выражена в пяти добродетелях: гуманность, благопристойность, справедливость, мудрость и верность. В Восточной Азии индивидуализм и рационализм рассматривались как неустойчивые явления, в то время как взаимоотношения и эмоциональные привязанности считались неизменными. Сво-

образии исторического, политико-экономического и культурного развития Китая оказало большое влияние на формирование психологии людей: конкретность мышления, склонность к детализации, уточнению, прагматизм, неприхотливость, умеренность, приспособляемость, смирение, культ предков, чувство долга и умение радоваться жизни. Образ мышления китайцев можно назвать практическим, чуждым ненужным сложностям. Китайцы считают, что счастливая духовная жизнь зависит не от внешних обстоятельств, а от них самих. Но это совсем не означает что мышление китайца упрощено. За этой естественной простотой стоит сложное содержание, которое выражается, с одной стороны в довольствовании малым, а с другой стороны, важности глобального человеческого благополучия как необходимого условия для достижения гармонии. И каждый из них, являясь частицей общества, создает свою счастливую духовную жизнь в этом обществе. Сочетание индивидуального и общественно-государственного является специфичным в этносе китайцев.

Россиянин может в полной мере ощутить счастливую духовную жизнь, только будучи свободным. При ощущении внутренней свободы россиянин, обладающий особым чувственным восприятием жизни, крайне нуждается в близком окружении. Для русского человека смысл жизни – один из важнейших компонентов счастливой духовной жизни. По результатам социологических исследований счастливой духовной жизни Россия по удовлетворенности жизнью и гедонистическому балансу значительно уступает Китаю. Основным различием представлений о счастливой духовной жизни китайцев и россиян является ее разнонаправленность: коллективистская у китайцев и индивидуалистская у россиян. Проблема этнопсихологических исследований счастливой духовной жизни заключается в том, что вербальные методики сложно поддаются культурной адаптации. Вопросы, задаваемые в кросс-культурных исследованиях искажают истинную картину понимания и уровня счастливой духовной жизни. Представление о счастье китайцев отражает их этнические особенности, сформированные в процессе истории, культуры и философии Китая: проявление себя в обществе через признание и уважение, которое достигается образованием, творческой самореализацией и почитанием родителей. Это счастье, которое связано с благополучием коллектива, где каждый чувствует себя личностью, значимым звеном. Для китайцев нет проблемы поиска смысла жизни как у русских, потому что основы жизнеустройства сформированы много веков назад и существенно не менялись на протяжении истории. Представление же о счастливой духовной жизни россиян показывает значимость проявления себя как личности, которое возможно через независимость, свободу выбора действий. В настоящее

время запрос на изучение проблемы счастливой духовной жизни связан с ростом числа стрессовых ситуаций, усложнением конструирования человеком собственной жизни, выбора жизненных ориентиров, трудностями социализации, вследствие радикальных изменений структуры социальных норм и ценностей, одной из причин которых является межкультурное взаимодействие.

О.В. Маслова

Москва, Российский университет дружбы народов

**ОПТИМИЗМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ
В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ
СТРАХОВЫХ АГЕНТОВ США И РОССИИ)**

O.V. Maslova

Moscow, People Friendship University of Russia

Optimism and professional success in the different cultures (on the material of the insurance agents of the USA and Russia)

In the article are reflected the results of investigating the author, directed toward testing of the hypothesis of M.Seligman about the connection of the level of optimism and success of professional activity on the Russian sample. Obtained data are compared with the data of M.Seligman on the American sample.

На протяжении всех лет существования психологии как науки в ней наблюдался перекоп в сторону изучения негативных сторон и явлений. Однако в последние годы произошло осознание необходимости переноса акцента с изучения негативных на позитивные и сильные стороны психики и бытия человека. Это определило возникновение позитивной психологии.

Одной из первых концепций, возникших в рамках данного научного направления, является теория выученного оптимизма М. Селигмана, в которой автор рассматривает оптимизм и пессимизм как когнитивно-атрибутивные стили (Маслова, 2008). Базовые положения этой теории автор успешно применяет на практике: в медицине, политике, учебной деятельности, страховом бизнесе.

Страховой агент – это одна из тех профессий, где очень важно проявлять настойчивость и идти дальше, несмотря на постоянные отказы и неудачи. Практика показывает, что из каждых десяти потенциальных клиентов, девять отказывают страховому агенту в оформлении полиса. Это не может не обескуражить любого человека. В такой ситуации человек всё ос-

тнее и болезненнее начинает воспринимать каждый последующий отказ и ему становится всё труднее заставить себя сделать очередной звонок или визит, и он начинает их оттягивать. Успеха добиваются лишь те, кто продолжает упорно наносить визиты клиентам и делать звонки, не фиксируясь на очередном отказе. В соответствии со своей теорией, М. Селигман предположил, что оптимистический стиль должен влиять на то, как агент объясняет причины отказов. Пессимист будет рассматривать причины неудач как имеющие постоянный характер и станет винить в этом себя («Я никуда не погужу» или «Никто не хочет у меня страховаться»). Это, несомненно, вызовет желание всё бросить и затруднит сделать следующий звонок. Напротив, агент-оптимист в этой ситуации станет говорить себе более конструктивные вещи: «Наверное, клиент слишком занят» и т.п. Возможно, он вообще ничего не скажет себе, а просто будет набирать следующий номер до тех пор, пока не доберётся до того, десятого, с которым договорится о встрече. Это придаст агенту энергии, он сделает ещё десять звонков и договорится ещё с одним клиентом. М. Селигман предположил, что агенты-оптимисты должны быть более успешными в профессии.

С целью проверки своей гипотезы, ученый провёл исследование в американской страховой компании «Метрополитен Лайф». Это исследование показало, что агенты-оптимисты показывают гораздо лучшие результаты в своей профессиональной деятельности, чем агенты-пессимисты. И в дальнейшем разработанный им тест на оптимизм даже стал применяться для отбора на работу в страховую компанию. По результатам исследований М. Селигмана, агенты страхования жизни как социальная группа, более оптимистично настроены, чем представители любой другой группы.

Цель эмпирического исследования, проведенного О.Хавезон под нашим руководством, – проверить данную гипотезу М.Селигмана на российской выборке страховых агентов и выявить связи между уровнем оптимизма и успешностью деятельности российских страховых агентов. Мы предположили, что успешные агенты более оптимистичны, чем неуспешные. Исследование проводилось в Компании «Альянс РОСНО Жизнь». Из числа работников с одинаковым стажем работы в этой компании были сформированы две экспериментальные группы: «Успешные агенты» («У») и «Неуспешные агенты» («Н») в зависимости от числа заключенных ими договоров за определенный промежуток времени. В группе «Успешные агенты» оказалось 15 человек, с количеством продаж страховок не менее шести, во второй группе «Неуспешные агенты» – 16 человек, с количеством продаж не более двух. Группы были сопоставимы по половозрастному составу. Всем агентам был предложен тест на оптимизм М.Селигмана (Селигман, 1997).

Остановимся на сравнительном анализе средних значений по всем параметрам оптимизма в обеих группах. Первый параметр – *постоянство* – указывает на степень постоянства причин, которые приписываются респондентами плохим (**PmB**) и хорошим (**PmG**) событиям в своей жизни. В отношении неприятных событий (**PmB**) обе группы показали себя «умеренно оптимистичными», поскольку воспринимают их причины как имеющие временный характер. Однако, группа «Неуспешные агенты» несколько более оптимистична, чем группа «Успешные агенты» (**3,07** и **3,44** балла соответственно, **max=0**). По второму показателю – (**PmG**) обе группы «умеренно пессимистичны», так как считают свои удачи случайными и временными («Мне сегодня просто повезло»). Но и в этом случае «Неуспешные агенты» более оптимистичны, чем группа «Успешные агенты» (**5,53** и **4,69** балла соответственно, **max=8**). Второй параметр – *широта*, т.е. насколько распространены плохие (**PvB**) и хорошие (**PvG**) события. Объяснение *широты* распространения причин плохих событий может быть конкретным, узким (оптимистичным) или универсальным, широким (пессимистичным).

По нашим данным по показателю (**PvB**) обе группы оцениваются как «умеренно оптимистичные», т.е. плохим событиям они приписывают конкретные причины, и стараются не переносить неудачи в одной сфере на другие. Только по этому показателю «неуспешные агенты» менее оптимистичны, чем «успешные агенты» (**3** и **2,75** соответственно, **max=0**). Что касается широты распространения хороших событий (**PvG**), то группа «успешных агентов» показывает «умеренно пессимистичные» значения (**3,75** балла, **max=8**). Это говорит о том, что агенты данной группы считают, что хорошие события вызываются также конкретными факторами («У моего клиента было хорошее настроение»), согласно взглядам Селигмана, это является признаком пессимистичного стиля объяснения. Группа «неуспешных агентов» показывает более оптимистичный результат (**4,13**), что свидетельствует об универсальном объяснении причин хороших событий («Я умею общаться с людьми»).

По интегральному итоговому показателю – *коэффициенту надежды* по отношению к неудачам обе группы имеют незначительные различия (**6,07** и **6,19** балла соответственно, **max=0**), т.е. причины своих неудач видят скорее временными и конкретными.

Последний параметр – *персонализация* указывает на то, кому – себе или другим людям – приписываются причины плохих (**PsB**) и хороших (**PsG**) событий. Этот параметр имеет много общего с *локусом контроля*. В соответствии с теорией М.Селигмана для оптимиста характерно приписывать себе причины хороших событий, а причины плохих событий – внешним обстоятельствам. По параметру «персонализация плохих со-

бьтий» (*PsB*) обе группы имеют «умеренно низкую самооценку», т.е. причины неприятностей видят в себе, особенно успешные агенты (4,87 и 5 соответственно, $\max=0$). По параметру «персонализация хороших событий» (*PsG*) «Неуспешные агенты» также являются более оптимистичными, чем «Успешные агенты» (4,2 и 3,63 соответственно, $\max=8$), т.к. склонны приписывать самим себе причины успехов. «Успешные агенты» чаще воспринимают хорошие события как следствия случайного стечения обстоятельств, от них не зависящие.

Общий итог по неблагоприятным событиям (В) у обеих групп имеет «промежуточные значения», однако «неуспешные агенты» показывают более оптимистичный результат, чем «успешные агенты». Общий итог по благоприятным событиям (G) говорит о вполне оптимистичном суждении членов обеих групп, хотя «неуспешные агенты» опять показывают более оптимистичный взгляд.

Итоговые показатели, на основе которых происходит отнесение когнитивно-атрибутивного стиля либо к оптимистическому (>8), либо к пессимистическому (<0), для обеих групп являются промежуточными, однако, они отражают существующую разницу между двумя группами. «Неуспешные агенты» более оптимистичны, чем «успешные агенты» (3 и 0,88 баллов соответственно).

Отметим, что хотя все описанные различия в показателях оптимизма между группами статистически не значимы, наша гипотеза не подтвердилась: мы не выявили большей оптимистичности успешных агентов. Более того, на уровне тенденций можно говорить о большей оптимистичности неуспешных.

Таким образом, наши данные не совпали с результатами М.Селигмана: российские успешные страховые агенты не оказались более выраженными оптимистами, чем неуспешные агенты. Более того, на уровне тенденций можно говорить о большей оптимистичности неуспешных агентов. Кроме того, общий уровень оптимизма у агентов обеих групп достаточно низкий, что также не согласуется с выводами М.Селигмана, который утверждает, что страховые агенты, как социальная группа, более оптимистично настроены, чем представители любой другой группы. Основной причиной несовпадения результатов, на наш взгляд, являются существующие различия в американском и российском менталитете, в российской и американской культурах.

Список литературы

- Маслова О.В. Оптимизм как предмет психологического изучения // Личность в межкультурном пространстве. – М.: РУДН, 2008. – С.221–227.
- Селигман М. Как научиться оптимизму. – М.: Вече, 1997.

Л.В. Матвеева

Москва, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА РОССИИ В МЕНТАЛИТЕТЕ
РОССИЯН И ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССИИ

L. V. Matveeva

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

**Ethnocultural peculiarities of Russia's image perception in the mentality
of Russians and Byelorussians**

This work presents comparative analysis of image of Russia as a country, as a state, the Media's image in the view of Russians and Byelorussians.

1. В современном информационном обществе, тяготеющем к глобализации разных сторон общественной и частной жизни, наибольшую ценность как для отдельного индивида, так и для социума в целом приобретают представления, понятия и образы, имеющие свойство выступать в качестве базы для сохранения идентичности. Одним из важнейших образов является образ страны, родины, дающей чувство тождественности, целостности, устойчивости, безопасности и значимости. Механизмом формирования образа страны являются многоуровневый процесс коммуникаций, начиная с межличностного диалога и кончая социальными коммуникациями в СМИ. На протяжении последних 50 лет роль СМИ в организации общественных коммуникаций резко возросла. Научно-технические достижения последних лет позволили сделать процесс общения в СМИ более демократичным, доступным для большинства членов общества и значительно более разнообразным по контенту и формам предъявления медиапродуктов. Медиаобраз России, существующий в пространстве СМИ, выполняет ряд важных функций в обществе, таких как консолидация общества, поддержка оптимизма в общественном развитии, формирование и сохранение социокультурной матрицы российского народа, формирование конструктивного диалога народ-власть, власть-элита, межпоколенческого диалога, гендерного диалога и диалога различного вида властей (исполнительной, законодательной, судебной и медийной). Субъектами формирования и функционирования образа России в СМИ является журналистское сообщество.

2. В течение 2007–2009 гг. коллективом лаборатории «Психология массовых коммуникаций» факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

исследовался образ России в СМИ в менталитете россиян и жителей соседнего государства Белоруссии методами интервью, анкетирования и семантического дифференциала. Образ России в менталитете россиян и жителей Белоруссии рассматривался в трех аспектах: Россия-страна, Россия-государство и Россия будущего. Результаты показали, что основными категориями, описывающими образ России в СМИ и в менталитете различных групп россиян, оказались следующие: богатая–бедная; сильная–слабая; родная–чужая; щедрая–скупая; образованная–невежественная; духовная–материальная; теплая–холодная; восточная–западная; демократичная–тоталитарная; обустроенная–неустроенная; патриотичная–космополитичная; хитрая–простодушная; общинная–индивидуалистичная; мирная–воинственная. Таким образом, в менталитете россиян Россия представляется, прежде всего, со стороны своей государственной мощи, оценивается ее духовный потенциал, этнокультурная идентичность, общественный уклад, характер внутренней и внешней коммуникации.

3. Образ России в СМИ представляется, по мнению большинства жителей России более бедный, чужой, невежественный, слабый, прозападный, холодный и зависимый, чем реальный образ России–страны и России–государства. Образ России будущего представляется жителям страны как процветающий, сильный, родной, восточный, теплый, независимый, богатый и образованный.

4. Категориальная структура образа России в менталитете жителей Белоруссии включает такие категории, как сильная–слабая, воинственная–мирная, грязная–чистая, прекрасная–уродливая, целомудренная–развратная, родная–чужая, скупая–щедрая, общинная–эгоистичная, тоталитарная–демократичная. При этом образ России как страны, как государства, образ в СМИ и образ будущей России и образ США входят в один кластер, а образ объединенной Европы, Казахстана, Турции, Китая, Израиля и Японии – в другой. Интересно, что образ Украины не включен ни в один кластер.

5. По мнению жителей Ханты–Мансийска, Россия – одна из самых успешных стран наряду с такими странами, как Япония и Китай. По мнению жителей Перми, Россия, наоборот, находится в аутсайдерах вместе с такими странами, как Казахстан и Украина. Журналисты Москвы наделяют образ России качествами: родной, сильный, холодный, индивидуалистичный и в меру патриотичный. Образ России у журналистов наиболее близок к образу Объединенной Европы.

6. Образ России в СМИ в коллективном сознании журналистов Москвы полностью совпадает с образом России–страны, и при этом образ Рос-

сии-государства оценивается ими значительно ниже, чем образ России-страны. Образ России будущего похож на образ сказочной страны «Эльдорадо», т.е. он – обустроенный, родной, мирный, сильный, теплый, общинный и патриотичный.

7. Образ России в СМИ у жителей Новосибирска фактически идентичен образу России-государства. А образ России-страны ближе к образу будущей России. Такую же тенденцию мы наблюдаем и у студенческой молодежи Москвы. Образ России в СМИ и образ России-государства по всем категориям практически совпадают. А образ России-страны приближается к образу будущей России. Можно констатировать некоторое дистанцирование жителей Сибири и московского студенчества от образа России в СМИ и образа России-государства. Образ России-страны и образ будущей России – это как раз то, что является основой идентичности жителей России этих областей.

8. Обращает на себя внимание тот факт, что образ будущей России в подавляющем числе групп респондентов носит сказочный, метафорический характер и воплощает образ недостижимого идеала, нечто похожее на фразу из детской песни – «прекрасное далеко». Таким образом, журналисты глубоко убеждены, что они создают в СМИ адекватный образ реальности в России как стране, а жители России полагают, что образ России в СМИ значительно хуже, чем реальный образ России. Мы снова встречаемся с феноменом «разорванной коммуникации» в общественном диалоге Автора и Зрителя, где зрители не узнают себя и своей страны в зеркале СМИ. Образ России как страны и государства у зрителей близок к образу США и идентичен образу России в СМИ. Таким образом, жители даже союзного государства, близки нам по менталитету, строят свой образ России, основываясь на информации из СМИ. Видимо, образ России в наших СМИ действительно близок к образу США.

И.А. Мелихова, Е.Д. Кузин
Одесса, Южноукраинский национальный педагогический университет

ОТНОШЕНИЕ К ЛЮБВИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА ОСНОВНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ
У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНОГО ЭТНОСА

I.A. Melikhova, Y.D. Kuzin
Odessa, South Ukrainian National Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky

The attitude to the love and its influence on the main family values
of the representatives of different ethnic groups

The article presents the research results about the love relationships of different ethnic group. The author shows their influence on the agreement of the family that the Bulgarian ethnic group representatives have the stronger influence that the other groups.

Одесский регион является полиэтническим: здесь издавна проживают люди, которые относятся к представителям разного этноса: украинцы, русские, евреи, болгары, молдаване, греки, гагаузы, немцы. Имеются албанцы, чехи, поляки. Со времен образования Одессы в жилы многих одеситов влилась греческая, итальянская, а также французская кровь. Сегодня регион пополнился представителями кавказских национальностей – армян, грузин, азербайджанцев, осетин и др. Все это, естественно, приводило как в прошлые времена, так и сегодня к образованию большого числа межэтнических браков.

В то же время в Одессе и Одесской области проживают рядом, в одних и тех же селах, районных центрах, в самих городах семьи, которые относятся к разному этносу. Система ценностей и традиций в таких семьях различна. Наблюдения показывают, что эти семьи отличаются по характеру взаимоотношений между супружескими парами и отношений родителей с детьми.

Как утверждает В.Г. Крысько, этнические корни проявляются и иногда становятся источником человеческих трагедий (Крысько, 2002, с.85). Можно предположить, что конфликтность тех или иных семей связана с этническими особенностями супругов.

Создание семьи начинается со знакомств, встреч, ухаживаний, проявлений первых симпатий, которые в большинстве случаев перерастают в любовь. Юноши и девушки сегодняшнего одесского региона, как правило, являются представителями разных наций. Зачастую, каждый из них является потомком нескольких этнических групп, а, значит, и носителем нескольких национальных культур, что проявляется в системе ценностей.

Мы поставили перед собой цель: изучить отношение к любви, как к ценности, у представителей разного этноса. Для этого мы провели исследование по двум методикам: «Тест о любви» (Диагностика семьи..., 2004, с.375-377). По результатам теста определяется уровень переживания любви, как значимого чувства и отношении к партнеру. Вторая методика была подготовлена нами и представляет собой опросник, разработанный с целью определения значимости любви в сравнении с прагматическими ценностями.

Опросник насчитывает **16** утверждений-вопросов. На каждый вопрос испытуемые должны были ответить – «да» или «нет». При обработке результатов выделялись две шкалы: «любовь» и «прагматические интересы». За каждый положительный ответ испытуемый получал один балл. Количество баллов, полученных по шкалам «любовь» и «прагматические интересы», показывает, какая шкала превалирует.

Исследование было проведено на выборке студентов первого и третьего курсов Института психологии и факультета начальных классов ЮНПУ им. К. Д. Ушинского. Всего в исследовании принимало участие **125** студентов. Из них **105** девушек и **20** юношей. Анализ выборки испытуемых по национальной принадлежности, показывает, что из них **58,06%** – украинцы, **16,10%** – болгары, **6,45%** – туркмены, **4,84%** – русские. По **1,61%** – армяне, молдаване, латыши, а также испытуемые, у которых родители состоят в смешанных браках: **4,84%** – русские и украинцы, **3,22%** – болгары и украинцы, **1,61%** – грузины и украинцы.

В результате проведения исследования по первой методике мы получили следующие данные: **44,8%** испытуемых переживают идеальную любовь к своему избраннику. При этом проявляется большой интерес к его личности, стремление понять его (ее) и разделить всю свою жизнь с ним (с нею). **55,2%** испытуемых увлечены переживанием самого чувства любви, при этом они меньше интересуются личностными особенностями своего избранника (избранницы). Такое преобладание увлеченностью переживанием чувства любви объясняется, на наш взгляд, выборкой испытуемых – **17-20** лет, возраст, в котором потребность любить является одной из самых значимых. Поэтому переживание этого чувства, значимость его является главным предметом, при котором сам объект любви не всегда видим и даже не столь значим.

Сравнивая результаты, полученные на разных этнических выборках, мы видим, что около **36,1%** украинцев, **54%** болгар проявили способность к идеальной любви, то есть у этих испытуемых проявляется принятие любимого человека, интерес к его личности, стремление заботиться о нем. Любовь у них возникла благодаря значимости самого человека. Осталь-

ные испытуемые – украинцы и болгары – проявили увлеченность самим переживанием чувства любви. Среди русских только два человека проявили способность к идеальной любви, а остальные – проявили увлеченность самим переживанием чувства любви.

Как видим, именно у болгар наблюдается ориентация на значимость личности избранника (избранницы) любви в большей степени, чем у представителей других национальностей.

Результаты, полученные по второй методике, показали, что большинство испытуемых способны к высокому проявлению чувства любви, однако определенные прагматические интересы при построении любовных отношений все-таки имеют место. Сопоставляя ответы респондентов-представителей разных национальностей, можно сделать вывод, что испытуемые-болгары дают больше положительных ответов в оценке любви, как значимого чувства, чем испытуемые других национальностей. Разница составляет **27%**, что свидетельствует о том, что любовь и личность самого избранника (избранницы) являются для них более значимыми, по сравнению с представителями других национальностей.

Исходя из полученных результатов исследования, мы выдвинули гипотезу, в которой предполагаем, что семьи болгарского этноса более прочные – в них меньше разводов, меньше неполных семей и меньше конфликтов в семьях.

Для проверки гипотезы мы провели исследование с помощью анкеты и методики РОП (ролевые ожидания и притязания в браке), разработанной А.Н. Волковой (Практикум ..., 2000). Опрос с помощью анкеты был проведен на выборке студентов, методика РОП – среди **48** испытуемых, которые составили **24** пары. Среди этих пар были молодые супружеские пары (**12** пар), **7** пар, проживающих в гражданском браке и **5** пар, которые встречаются. Среди них были представители украинской, болгарской, русской и др. наций.

54% изучаемых пар представляют собой пары, в которых супруги относятся к одной нации, а остальные **46%** – являются представителями разных наций: русские-украинцы, болгары-украинцы, русские-болгары и др.

Анализ полученных результатов по методике РОП показал, что в болгарских парах наблюдается больше согласованности в важнейших семейных ценностях. Так, **84%** из числа исследованных болгарских пар проявили согласованность, в то время как у представителей других наций согласованность важнейших семейных ценностей в парах выразилась у **42%** изученных пар.

Опрос, который мы провели среди студентов и **24** пар, показал, что частота конфликтов в болгарских семьях наблюдается реже, чем у пред-

ставителей других наций. На наш взгляд, это можно объяснить традициями, в которых воспитаны супруги. В болгарских семьях ценность семьи воспитывается у детей с раннего детства, прежде всего на примере родителей. Болгары связаны более крепкими родственными отношениями, у них четко распределены ролевые функции в семье и отец играет решающую роль в воспитании детей.

Результаты были подвергнуты корреляционному анализу, который показал наличие корреляции между данными, полученными по первой, второй и третьей методикам.

Список литературы

Диагностика семьи. Методики и тесты. //Редактор-составитель Д. Я. Райгородский. – Самара: Издательский Дом БАХРАХ-М, 2004. – 736 с.

Крысько В. Г. Этническая психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 320с.

Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии. //Под общей редакцией А. А. Крылова, С. А. Маничева – СПб.: «Питер», 2000. – 560 с.

Ю.В. Мочалова

*Москва, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

СТРУКТУРА СТЕРЕОТИПА ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В МЕНТАЛИТЕТЕ РОССИЯН

J.V. Mochalova

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Stereotypical features in the image of Russian politicians

The analysis of categorical structures of the image of the politicians represents two models of social perception of leadership in politic by electors – the first one – paternalistic, and the second one – so-called democratic.

Восприятие персоны политического лидера и политического деятеля российскими избирателями опирается на смысловые контексты и стереотипы политической культуры российского общества. Т.Э.Гринберг, отталкиваясь от формулировок различных политологических источников, предлагает определять политическую культуру общества как исторически сложившуюся в конкретном обществе совокупность позиций, ценностей и образцов поведения, затрагивающих взаимоотношения вла-

сти и граждан (*Гринберг, 1998*). Американский культурный антрополог британского происхождения Г.Бейтсон описывает т.н. комплементарные и симметричные паттерны ритуальных отношений в обществе, влияющие на формирование национального характера (*Бейтсон, 2000*). Среди комплементарных паттернов для анализа этноспецифического стиля деятельности политического лидера, а также для анализа внутрисемейных стандартов воспитания лидерских качеств детей важны следующие: доминирование/подчинение; оберегание/зависимость; демонстрация/разглядывание. В программе авторитетного российского политического лидера не могут отсутствовать популистские призывы и лозунги, поскольку они помогают ему устанавливать симметричные взаимоотношения с избирателями.

Две культурные традиции властвования и управления – автократическая и демократическая, сосуществуют в Российском государстве со времён царствования Ивана Грозного (*Иловайский, 2008*), взаимопроникая и дополняя друг друга (*Костомаров, 2007*). Так, вдохновляясь революционным пафосом решительного противостояния мировому империализму, И.В.Сталин выстраивал иерархическую структуру государственной власти в СССР, отнюдь не игнорируя опыт организации системы управления Российской империи. Вечевым принципам принятия общеобязательных для города а также традициям выработки определяющих для жизни общины решений сельскими сходами, исключительно важным для исторической памяти русских людей, отдавала должное советская власть, призывая всемерно развивать деятельность профессиональных союзов. В настоящее постсоветское время московское правительство делает попытку отдать должное русским общинным традициям принятия решений, в частности, в ходе кампании по утверждению генерального плана развития Москвы. Традиции западной демократии «либерализма-рационализма-индивидуализма» в терминологии В.С.Соловьева также диктуют российской политической системе, в свою очередь, критерии оценки доброкачественности избирательных процедур и легитимности результатов выборов.

Многолетние исследования, восприятия образа политического лидера жителями российских городов и сел разных сословий, межкафедральной исследовательской группы психологии массовых коммуникаций факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством д.псих.н. Л.В.Матвеевой показывают, что ожидания людей по отношению к личности политического деятеля обнаруживают как минимум две ценностно-стилевые модели авторитетного поведения политика.

В первом случае, категориальная структура восприятия образа политика выявляет патерналистические ожидания избирателей, означающие

готовность людей видеть в политическом лидере «Отца Отечества». Факторизация первичных данных методики семантического дифференциала целевой аудитории избирателей может презентировать сочетание в первом факторе таких ценностно-смысловых категорий, как: **1)** «сила личности политика»; **2)** «хороший хозяин»; **3)** «патернализм». Вторым фактор очень часто характеризует морально-этическую позицию политического деятеля. В зависимости от региона возможны смысловые вариации названия фактора, например «патриотизм, доброта» или «интеллигентность, религиозность». Третий фактор являет категорию «открытости» личности политика, умение выстраивать симметричные отношения с избирателем (Матвеева и др., 2008).

Во втором случае для дифференциации образов идеального и плохого политического лидера принципиально важными могут оказаться два первых фактора – «сила личности, лидерство» а также «нравственно-этическая позиция политика». В качестве третьего фактора может актуализироваться категория харизмы внешнего облика политика, например «привлекательность». Четвертым фактором, как и в первом случае, иногда выступает «дипломатичность».

Таким образом, наши исследования менталитета представителей российских избирателей подтверждают факт предпочтения различными людьми одной из двух стиливых моделей самореализации политического лидера в рамках складывающихся и оформляющихся в настоящее время традиций политической культуры – патерналистической или так называемой демократической.

Список литературы

- Бейтсон Г. Экология разума. – М.: Изд-во «Смысл», 2000.
- Гринберг Т.Э. Политическая реклама: портрет лидера. Изд-е 2-ое, дополненное. – М.: РИП-холдинг, 1998. – С. 38.
- Иловайский Д. Царская Русь. – М.: Эксмо, 2008. – С.123-196.
- Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. – М.: Эксмо, 2007. – С.383-420.
- Матвеева Л.В., Трубецкой А.Ю., Мочалова Ю.В., Петракова Е.Е., Жаркова К.А. Динамика образа политического лидера в менталитете молодежной телеаудитории (1997–2008 гг.) // Информационная и психологическая безопасность в СМИ / под ред. Я.Н. Засурского, Ю.П. Зинченко, Л.В. Матвеевой, Е.Л. Вартановой, А.И. Подольского. – М.: Аспект Пресс, 2008. – Т. 2. – С. 234–250.
- Мочалова Ю.В. Установление контакта с аудиторией в телевизионной коммуникации // Информационная и психологическая безопасность в СМИ / под ред. А.И. Донцова, Я.Н. Засурского, Л.В. Матвеевой, А.И. Подольского. – М.: Аспект Пресс, 2002. – Т. 1. – С. 142–149.

Р.Р. Накохова

Черкесск, Карачаево-Черкесский
государственный университет

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЭТНОФОРОВ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ ЧЕРЕЗ НАРОДНЫЙ ЭПОС «НАРТЫ»

R.R. Nakohova

Cherkessk, Karachaevo-Circassian State University

Research of valuable orientations ethnophors
of Karachaevo-Circassia through the national epos «Narty»

A great number of global social and cultural changes have influenced on the formation of value orientations of the peoples, living in Karachaevo-Cherkessia. But in spite of the changes that took place, the ethnos have kept their ethnic peculiarity, extremely rich in traditions ethnic culture and unique mentality. Epos in the republic carries out an important function in the system. Personality-society. It ensures the process of passing natural values from one generation to another. To check up the hypothesis of the stability in time ethnic values we have made a content-analysis of nart epos texts, using G.Hofsteds method.

Система ценностных ориентаций является одним из важнейших компонентов структуры личности, занимая пограничное положение между ее мотивационно-потребностной сферой и системой личностных смыслов.

Мера соответствия индивидуальных ценностей групповым обеспечивает эффективность адаптации субъекта в конкретной социальной среде, возможность действовать сообща, реализовывать собственные цели в гармонии с групповыми целями. Согласованность индивидуальных и групповых ценностей проявляется в построении индивидуальной идентичности через идентификацию с группой.

Ценности индивида, ценности группы и общечеловеческие ценности представляют собой систему взаимосвязанных и взаимно детерминированных элементов.

Ценностные ориентации этнофоров Северного Кавказа формировалась под влиянием множества глобальных социокультурных изменений, затрагивающих, в том числе, и систему ценностей.

Но при всех происходивших и происходящих изменениях этносы Карачаево-Черкесии сохранили этническое своеобразие, богатую традициями этническую культуру и уникальную ментальность. Сочетание гибкости и стабильности, чувствительности к внешним воздействиям и сохранение внутреннего стержня достигалось за счет верности этническим идеалам и этническим ценностям.

Этноценности у абазин, карачаевцев, черкесов, ногайцев регламентируется в соответствии, во-первых, с их принадлежностью к клановому, родовому или семейному древу, во-вторых, с их статусом, в-третьих, с их возрастом. Эти три момента – иерархия, власть и старшинство – жестко определяют границы одобряемого поведения. Внутренняя иерархия кланово-родовых отношений, свойственная северокавказским культурам, и в наши дни свидетельствует об их авторитетности, опирающейся на традиционный патриархальный менталитет.

Нравственные характеристики связаны со способностью придерживаться твердых правил поведения и не отступать от них. В культурах народов Карачаево-Черкесии со времен Нартов четыре краеугольных камня: геронтофимия – почитание стариков, личная честь, культ гостя и взаимопомощь. Эти ценности отличались не только строгостью их соблюдения, но и радикализмом.

Следует обратить внимание и на психологические механизмы, используемые культурами при осуществлении социального контроля за соблюдением норм. На уровне индивидуального сознания мотивами, реализующими норму, могут выступать: «страх», «стыд», «чувство долга», «ответственность», «честь», «сохранение лица», «совесть», «чувство вины», «чувство собственного достоинства» и т.п.

С эпохи нартов впервые начинает проследиваться в системе ценностных ориентаций народов Карачаево-Черкесии этноценности (сакральные ценности – честь, достоинство, уважение к старшему, гостеприимство, чувство принадлежности к роду, народу, семье и т. д.).

Народный эпос народов Северного Кавказа – это рефлекслируемый срез человеческого опыта, он живет и сохраняется в «текстах культуры», которые фиксируют смыслы, ценности и идеалы человеческого бытия. Развитые формы человеческого самосознания, вырабатывая идеальные представления о сущем и должном, опредмечиваются в эпосах народов Северного Кавказа.

Как форма наиболее устойчивой части самосознания, культуры и средства формирования духовного мира, системы ценностей, народный эпос является неотъемлемой, органической частью общественного производства и воспроизводства жизни, социокультурного организма в целом, является способом индивидуализации культуры (этноса, нации, народа) и важнейшим условием социализации личности (Нарты..., 1975).

Эпос народов Северного Кавказа выполняет важную функцию в системе «личность–общество», обеспечивая процесс наследования, передачи национальных ценностей, социального опыта от одного поколения к другому.

Фиксируя новое социальное состояние личности и общества, он «охраняет» культуру в целом как надличностное явление, задает социальные, этнические ценности и идеалы, способствует транслированию субъектности личности, выступает специфическим средством познания мира и личности и содержит в себе ценностноориентационные доминанты, составляющие основу и специфику национально-культурной ментальности современных этнофоров.

Эпос «Нарты» – моральный кодекс, кодекс норм поведения человека в обществе, кодекс мужества и храбрости, кодекс целей и идеалов, кодекс горцев. Он одинаково значим для всех народов Северного Кавказа, что в известной степени сформировало и направляло характер горцев, их психический уклад жизни, способствовало созданию общекавказской культуры и формированию системы этноценностных ориентаций, которые остаются стабильными и в настоящее время (*Накохова, 2008*)

Для проверки гипотезы о стабильности во времени этноценностных ориентаций мы провели анализ исторических документов, в частности контент-анализ нартского эпоса.

Из анализа текста «Нарты» мы сформировали представление о доминирующих ценностях нартгов. В качестве теоретической основы анализа использовалась концепция Г.Хофстеде о пяти значимых измерениях культур: индивидуализм-коллективизм; неприятие неопределенности (сильное / слабое); дистанция власти (большая/малая); мужественность / женственность; краткосрочная / долгосрочная ориентация на будущее (*Лебедева, 1999*).

Анализ текста показал, что для древней нартской культуры характерен высокий уровень коллективизма и низкий уровень терпимости к неопределенности.

Показатели по шкалам *мужественности–женственности, дистанции от власти и ориентации по времени* находятся на среднем уровне.

По уровню шкалы «*индивидуализм–коллективизм*» нартская культура продемонстрировала высокий коллективизм. В коллективистских культурах приоритет принадлежит целям своей группы (ин-группы), семьи, рода, этноса в целом, а не целям одной личности.

Как видно из таблицы 5 по шкале «*Неприятие неопределенности*» нартская культура получила показатели выше среднего. Избегание неопределённости (неприятие неопределённости) – степень восприятия и реагирования на незнакомые ситуации.

По показателю *дистанции от власти* получены близкие к средним результаты. Присутствует альтернативная принятию неопределенности норма, что акцентирует субъективно-волевою составляющую концепции власти. Возможно, это связано с тем, что индивидуальная власть в нартс-

Таблица 5

**Доминирующие ценности этнофоров Карачаево-Черкесии
(по результатам анализа текстов «Нарты»)**

Измерение	Средняя оценка	Содержание
Индивидуализм-коллективизм	6,25 выраженный коллективизм	Тратовка достижения как результата коллективных усилий; вера преимущественно в групповые решения
Неприятие неопределенности (сильное / слабое)	5,3 преимущественное неприятие неопределенности	Большое количество правил, необходимых для регуляции индивидуальной и социальной жизни; концепция иерархии как экзистенциальной категории или элемента общественного договора
Дистанция власти (сильное слабое)	3,8 незначительно большая дистанция власти	Незначительное предпочтение директивного стиля принятия решения, уважение к авторитету сочетается с опорой на групповые решения и разделенную ответственность; высокая значимость внешних атрибутов статуса и власти
Мужественность/женственность	3,5 средний уровень мужественности-женственности	Отвага, честь, достоинство, храбрость мужского населения, мудрость, скромность, дальновидность, сохранение домашнего очага женским населением
Краткосрочная/долгосрочная ориентация на будущее	3,2 средний уровень ориентации на будущее	Нацеленность на достижение счастья и уверенности в себе сочетается с ориентацией на достижение гармонии с природой и обеспечение счастья потомков

ком обществе приобретала значение во время борьбы с врагом (в противовес народному собранию, Нарт-адгылара или хасе и т.п.).

По показателю *маскулинности* нартская культура характеризуется средними значениями. Существует культурно специфичная норма половых ролей. Высокая степень маскулинности в данном древнем обществе подчеркивается в текстах эпоса. Это выражается в половых ролях, исполнительности, амбициозности, гордости, независимости, что подтверждается психологическими особенностями древних абазин, черкесов, карачаевцев, ногайцев. При этом наблюдается глубокое уважение и почитание женского пола, принятие помощи и советов от нартских женщин.

Общая близость ментальных особенностей определяет характерные черты менталитета народов КЧР (абазин, черкесов, карачаевцев, ногайцев) – это традиционализм, т.е. устойчивость традиционных социальных институтов, сила связи с прошлым, сопротивление переменам.

Изменение социальных условий определяло неизбежные сдвиги мировоззрения и системы ценностных ориентаций этнофоров Карачаево-Черкесии.

Однако эти сдвиги и сегодня не ведут к разрушению этносов, к уничтожению этнических ценностей. В системе ценностных ориентаций народов Карачаево-Черкесии со времен Нартов системообразующим фактором остаются стабильные этноценностные ориентации.

Список литературы

Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М.: Ключ-С, 1999. – 224 с.

Накохова, Р.Р. Психология ценностных ориентаций этносов и этнофоров Северного Кавказа. – М.: Линкор, 2008. – 386 с.

Нарты – Абазинский народный эпос / Под ред. Вл. Меремкулова. – Ставрополь: Ставро. кн. изд-во. К-Ч отд., 1975.

Л.И. Науменко

*Минск, Институт социологии
Национальной Академии Наук Беларуси*

**ОТ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИНДИВИДА
К ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДА.
СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
И СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ
L.I. Naumenko
*Minsk, Institute Sociology Belarus NAS***

From the ethnic identity of an individual to the national identity of a whole people. The specifics of the psychological and sociological research approaches

In the article the author follows up the changes in the research of the phenomenon of Identity in the context of the shifts in Post-Soviet Society. Also, the specifics of the psychological and sociological research approaches are considered.

Идентичность – одна из базовых категорий, в которой находят своё преломление перемены современного общества. И если в начале 90-х гг. 20в. внимание учёных больше привлекали проблемы этнической идентичности, чаще исследовавшиеся в контексте развития обострившихся этнополитических конфликтов. То в последние годы всё большую значимость обретают вопросы конструирования идентичности больших групп и макросоциальных общностей (например, российской, белорусской и др.), изучающиеся в контексте становления государственности, в условиях современных глобализационных процессов и др.

Особую актуальность проблема формирования идентичности больших социальных общностей обрела в пост советском социуме. Фокус исследовательского внимания к феномену идентичности в последние годы сместился с уровня индивида к уровню группы, от личностной к коллективной МЫ-идентичности, к идентичности большой макросоциальной общности, наконец, к идентичности страны. Свидетельством таких изменений является и переход от исследований проблем динамики и характера трансформаций социальной идентичности и её составляющих (этнической, гражданской и др.) на постсоветском пространстве, к изучению региональной, территориальной, локальной, культурной и др. идентичности, а также к проблемам становления общегосударственной макро идентичности.

Наиболее масштабные исследования феномена, прежде всего, этнической идентичности развернулись на постсоветском пространстве в период радикальных социальных изменений. Характер происходящих изменений, резкое обострение межэтнических отношений и этнополитических конфликтов обусловили особый интерес к стремительному росту национального сознания, актуализации проблем этничности, формированию новой гражданской (государственной) идентичности. В итоге эти острые проблемы постперестроечного общества явились предпосылкой многих психологических и этносоциологических исследований феномена этничности в контексте национальной напряжённости; изменений, прежде всего, этнической идентичности и этносоциального статуса представителей различных этносоциальных групп и общностей (вынужденных мигрантов; переселенцев, беженцев и др.); этнической идентичности во взаимосвязи с установками по отношению к родному языку; этнической идентичности в контексте межэтнического восприятия и взаимодействия и мн.др. Актуальность исследований проблематики этнической идентичности была обусловлена относительно однородной культурой советского общества, на фоне которой этнические различия являлись одними из наиболее выразительных.

Сравнение исследований, посвящённых проблематике идентичности с позиций разных дисциплинарных подходов, показывает следующее. Разнообразие ракурсов исследовательского внимания проявляется в широком спектре используемых терминов (нередко относящихся к одним и тем же феноменам), которые исследуются либо через использование универсальных категорий (*этническая, национальная, социальная идентичность*), либо как экземплификаты (*российская, русская, белорусская, евразийская, советская, постсоветская и др. идентичность*). Первое чаще присуще этнопсихологическим исследованиям, второе – социологическим.

В ходе развития исследований феномена идентичности происходило изменение как использования самого термина, так и контекстов его применения. Например, от *идентификации с группой* исследовательский интерес переместился к *идентичности группы*, от социальной идентичности личности к коллективной идентичности группы. От социальной идентичности, как составляющей Я-концепции индивида, к групповой идентичности, как отражению Мы-концепции группы. От представлений о принадлежности к группе, (психологических механизмов включённости в нее, поведения, самовосприятия и самооценки, обусловленной групповой принадлежностью) к представлениям об идентичности группы, к Мы-образу группы, идеям, смыслах, символах, объединяющих её.

Идентичность макросоциальной общности рассматривается как феномен группового самосознания, которой в ходе своего становления предстоит стать коллективной Мы-идентичностью. Представляется важным то, что преобразование в коллективную Мы-идентичность происходит параллельно развитию консолидации общества. Коллективная идентичность общности существует только в преломлении через идентичности индивидов, образующих эту общность. Иными словами, люди становятся общностью в той мере, в какой разделяют представления о ней, присущие ей цели, идеалы, а также представления об её отличиях от других общностей и др. Сущность идентичности макросоциальной общности находит проявление в чувствах принадлежности и приверженности людей своей стране, причастности её жизни; общности с её народом, его культурой и историей.

Содержание идентичности макросоциальной общности составляют разделяемые народом страны общие идеи, идеалы, представления, чувства, цели и образы. Среди них: национальный Мы-Образ, Образ страны, социальные представления об общем прошлом, настоящем и будущем своего народа и его страны, об общих чаяниях, целях, интересах и др.

Анализ психологических работ демонстрирует сфокусированность исследований на том, каким образом, осуществляется единение, уподобление группе (этнической общности), как происходит идентификация с ней, каково соответствие этнической принадлежности, идентификации и идентичности. Как соотносятся между собою феномен идентичности и механизмы идентификации и категоризации. Какова роль представлений и чувств в структурообразующих социальной идентичности. Какова роль социальной идентичности в регуляции группового поведения, в мобилизационных процессах, во внутригрупповой консолидации и межгрупповой поляризации.

В свою очередь, в социологических исследованиях предметом анализа чаще является само содержание коллективной идентичности (идентичности макросоциальных общностей, больших групп и др.), её сущность и суть, наполнение идеями, центрирующими вокруг себя основные идентификации с группой; её связь с доминирующей в обществе идеологией, национальной идеей. А также анализ специфики контекста, в условиях которого анализируется идентичность или её проекты, модели.

Особое значение имеет выделение структуры и структурообразующих составляющих идентичности. Внутренняя структура идентичности исследуется как через связанность (близость) ее составляющих компонентов между собой, так и через их значимость или актуальность. До настоящего времени нет определенности и единства мнений учёных относительно структуры идентичности. Существуют мнения о многокомпонентной, четырёхкомпонентной, трёхкомпонентной и двухкомпонентной структуре. Рядом учёных предлагается двухкомпонентная структура идентичности, включающая когнитивный и аффективный (эмоционально-ценностный) составляющие компоненты (Т.Г. Стефаненко, Барретт, и др.), или трехкомпонентная структура, объединяющая когнитивный, эмоциональный и ценностный (Г.М. Андреева, В.Л. Соснин и др.) или когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты (Л.М. Дробижева, В.Н. Павленко). Обозначенные варианты структуры идентичности относятся в большинстве случаев к ее исследованиям на уровне индивида. В то же время, в рамках проблемы идентичности макросоциальной общности, наибольший интерес представляет структура идентичности, исследуемая на уровне группы.

Анализ работ, посвящённых этой проблеме, показывает, что структура идентичности рассматривается либо через целостную, устойчивую систему множественных идентификаций, центрированных вокруг единой идентичности, либо посредством образующих её систему субидентичностей. Именно такой подход представляется наиболее адекватным для исследования макросоциальной идентичности.

М.С. Нафанаилова

Якутск, Якутский государственный
университет имени М.К. Аммосова

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
Я-КОНЦЕПЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭТНОСА САХА

M.S. Nafanailova

Yakutsk, Yakut State University named after M.K. Ammosov

Socially-psychological features of the Self-conception
of sakha ethnos representatives

The results of the research directed on a decision of important scientific problem of the studying socially-psychological features of structural components of the Self-conception of sakha ethnos representatives, of the revealings of features of the independent and interdependent structures correlation, and also problem of the variability search in the general structure of the Self-conception of sakha ethnos representatives are brought in the article.

Современные социальные условия нашего общества подчеркивают значимость проблем толерантного отношения к представителям иной этнической общности, сохранения этнической идентичности. В связи с этим исследование Я-концепции, выступающей в качестве одного из базовых факторов, опосредующих взаимодействие человека с другими людьми, у представителей этноса саха является особенно актуальным.

Методологической основой исследования являются принцип системного подхода, а также научные работы ученых, в которых заложены принципы анализа сознания и самосознания, Я и Я-концепции (концепция самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантитеева; теория множественности Я-концепции В.А. Иващенко, В.С. Агапова, И.В. Барышниковой; идея о взаимозависимой и независимой Я-концепции Х.Маркуса и Ш.Китаямы).

Целью настоящего исследования было изучение социально-психологических особенностей Я-концепции представителей этноса саха.

Общая гипотеза исследования состояла в том, что Я-концепция представителей этноса саха как сложный социально-психологический феномен обладает спецификой, детерминированной социокультурными, демографическими и личностными факторами. Данная гипотеза конкретизировалась в следующих частных гипотезах: 1) существуют внутриэтнические вариации структурных компонентов Я-концепции представителей этноса саха (когнитивного и аффективного) в зависимости от

социально-демографических характеристик – пола, возраста, места проживания; 2) соотношение независимых и взаимозависимых конструктов в содержании Я-концепции представителей этноса саха в разных социальных группах неодинаково; 3) содержание Я-концепции представителей саха и русской этнических групп обладает специфичностью, которая проявляется в разных категориях самовосприятия и уровнях самооценки, а также общей направленности Я-концепции.

В качестве объекта исследования выступили представители этноса саха в количестве **290** (двести девяносто) человек в возрасте от **18** (восемнадцать) до **55** (пятидесяти пяти) лет. Контрольную группу составили представители русского этноса в количестве **80** (восемьдесят) человек. Всего обследовано **370** (триста семьдесят) человек.

В рамках настоящего исследования использовались шкала измерения независимости и взаимозависимости (модификация Сингелиса); шкала самооознания Фенингштейна, Шейера и Басса; методика исследования самоотношения Пантитеева; методика изучения уровней самооценки Будасси; проективный рисунок «Автопортрет»; интервью. При обработке полученных результатов исследования применялись: контент-анализ; непараметрический критерий «угловое преобразование Фишера»; ранговая корреляция Спирмена; S-критерий тенденций Джонкира.

Первая гипотеза доказывается в экспериментах, посвященных изучению когнитивного компонента Я-концепции представителей этноса саха. Изучение общей структуры образа «Я» показывает, что она в наибольшей степени представлена «Рефлексивным», затем «Социальным» и «Биологическим» образами. Установлено, что «Рефлексивное Я» представлено девятью специфическими конструктами (по степени убываемости): «Я-личностное» (**44,6%**), «Я-желаемое» (**15,5%**), «Я-действие» (**13,2%**), «Я-образное» (**9,4%**), «Я-чувственное» (**9,3%**), «Я-ценностное» (**5,6%**), «Я-должное» (**1,8%**), «Я-проблемное» (**1,8%**) и «Я-возможное» (**1,8%**).

Данные конструкты имеют внутриэтнические вариации. Так, идеальные, образные, чувственные и проблемные самопредставления характерны для молодежной и женской выборки; «возможные Я» встречаются у мужчин респондентов; «должное Я» и самовосприятие через конкретные действия присутствуют больше в сельской и молодежной выборках. Анализ самоотношения свидетельствует о том, что представители саха продемонстрировали большую закрытость, неспособность или нежелание осознавать и выдавать значимую информацию о себе. Также они более интрапунитивны, склонны к самообвинению, сопровождаемого негативными эмоциями в свой адрес (при $p < 0,0$). В целом,

респонденты положительно относятся к своему «Я», заинтересованы в собственных мыслях и чувствах, и следовательно, успешно контролируют свою жизнь. Если говорить о внутриэтнических различиях, то сельские жители демонстрируют большее саморуководство, самопривязанность и внутреннюю конфликтность, чем городские жители; у мужчин чаще встречается низкий уровень саморуководства и самопринятия, также высокий уровень самообвинения, чем у женщин; низкий уровень общего самоуважения и аутосимпатии у молодежи, чем у взрослых (при $p < 0,05$ и $p < 0,001$).

Из этого следует, что общая структура Я-концепции представителей этноса саха характеризуется внутриэтническими вариациями, т.е. представителям разных социальных и демографических групп присущи различные категории самопредставлений: а) когнитивный компонент Я-концепции представителей этноса саха в наибольшей степени определяет рефлексивный образ; б) отличительной характеристикой аффективного компонента Я-концепции представителей этноса саха является закрытость и склонность к самообвинению на фоне общего позитивного отношения к себе. Согласно второй гипотезе, соотношение независимых и взаимозависимых конструкторов в содержании Я-концепции представителей этноса саха неодинаково. Так, по шкале Сингелиса, обнаружено, что сельские жители саха чаще соглашаются с утверждением о взаимной зависимости, чем с утверждениями о независимости ($S=313$; $p \leq 0,01$).

Анализ данных интервью, посвященных исследованию категорий «Я-будущее», «Я-старое» и «Я-цели», свидетельствует о том, что для сельских жителей, женщин и взрослых испытуемых саха характерны утверждения, как «хочу быть хорошей тещей», «помогать своим родным», «обладать тем, что я имею – работа, семья, дети, внуки», «быть среди людей» и т.п., в то время как студенты, мужчины и городские жители саха стремятся «обогащаться новым опытом», «самореализоваться», стремятся к «самостоятельности», обретению «гармонии в себе».

Таким образом, выраженность независимых и взаимозависимых конструкторов в структуре Я-концепции представителей этноса саха характеризуется наличием двух тенденций: независимая Я-концепция, выражающаяся в определении своего «Я» как своих собственных мыслей, чувств и действий, характерна для молодежи, мужчин и горожан; взаимозависимая Я-концепция, для которой свойственно определение своего «Я», исходя из собственных взаимоотношений с другими людьми – для испытуемых среднего и зрелого возраста, женщин и сельчан.

Согласно третьей гипотезе, Я-концепция имеет межкультурные различия. Эта гипотеза доказывается сопоставлением результатов исследования самооценки, части интервью, посвященного анализу «Я-будущего», «Я-старого», внутренних персонажей «Я» и расположения рисунка «Автопортрет». Выявлено, что для представителей этноса саха характерны средняя самооценка (при $p < 0,05$), более позитивное восприятие образа «Я-будущего» и «Я-старого» (при $p \leq 0,02$), более высокий уровень удовлетворенностью жизнью (при $p \leq 0,01$), большая адаптивность и саморегуляция, чем для представителей русской этнической группы (при $p \leq 0,01$). Все это нам дает сделать вывод о том, что Я-концепция представителей этноса саха характеризуется относительной гармоничностью ее содержательных компонентов по сравнению с Я-концепцией представителей русской этнической группы.

Третья гипотеза доказывается также в изучении особенностей самоописания респондентов. Такие качества как «вдумчивость», «понятливость», «точность», «аккуратность», «находчивость», «работоспособность», «открытый», «добрый», «честный», «порядочный» являются для респондентов саха одними из наиболее важных критериев оценки себя и других, в то время как для русской этнической группы характерно определять себя через «фантазерство», «независимость», «гордый», «чувство юмора», «неудовлетворенность жизнью» и т.п. (при $p \leq 0,01$). Данный вывод позволил сформулировать следующее положение: Я-концепция представителей этноса саха в большей степени преломляется через категории общения и деятельности, в то время как у представителей русской этнической группы через личностные самоописания.

Таким образом, Я-концепция представителей этноса саха как сложный социально-психологический феномен обладает спецификой, детерминированной социокультурными, демографическими и личностными факторами.

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что научная новизна результатов исследования заключается в том, что впервые исследована вариативность когнитивных и аффективных компонентов в структуре Я-концепции представителей этнической группы, обоснована дуальность независимых и взаимозависимых Я-конструктов представителей этноса, сделан сравнительный анализ содержания Я-концепции представителей саха и русских этнических групп.

Л.И. Никонова

Саранск, Научно-исследовательский институт
гуманитарных наук при Правительстве РМ

К ТЕОРИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: МЕСТО НАРОДНОЙ
МЕДИЦИНЫ В СИСТЕМЕ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
ВОЗДЕЙСТВИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ МОРДОВСКОЙ ДИАСПОРЫ В СИБИРИ)

L.I. Nikonova

*Scientific Research Institute of the Humanities
by the Government of the Republic of Mordovia*

To the Theory of Ethnic Psychology: the Place of Popular Medicine
in the System of Psychotherapeutic Means of Influence (Based on Materials
of Ethnographical Study of Mordovian Diaspora in Siberia)

Brief analysis of aspects on ethnic psychology is made in the article on basis of materials of 2009 ethnographic expedition to Siberia and the Far East. In private life together with biological means (herbs, for example) the treatment is accompanied with the plots, which can be attributed to one of the psychotherapeutic methods. Various texts of plots are used the present day as well.

Народная медицина есть органическая часть жизни этнокультурной общности, активно участвующая в охране здоровья и связанная с системой ценностей и религиозных верований данного общества. Важнейшей особенностью лечебного процесса в народной медицине является сплав различных уровней ее воздействия на человека: лекарственных средств, физиотерапии, психотерапия. Как правило, в целостную систему средств народной медицины входит в той или иной форме психотерапия. Психотерапия – эта та область, в которой народные целители добились высоких результатов, благодаря многовековому отбору ее форм и приемов проведения. Кроме того, что психотерапия довольно часто выступает интегративной силой в конкретном процессе лечения, она имеет в рамках народной медицины еще ряд существенных функций. Назовем две важнейшие из них. Психотерапевтические приемы направлены не только на лечение больных людей, но и используются в регулярно проводимых ритуалах, охватывающих всех взрослых членов общности. Еще одной фундаментальной функцией психотерапии в форме ритуала является целенаправленное формирование определенных черт характера в связи с потребностями конкретного общества, экологией. Значительный психотерапевтический эффект во многом основывается на вере в целителя. Народные

целители являются хранителями знаний, накопленных за многие века в традиционной культуре. Таким образом, народные целители представляют собой социальную группу, выполняющую в обществе важную культурную функцию, а современная психотерапия своими корнями уходит в многовековой опыт народа. Выдающийся ученый-психоневролог и общественный деятель В.М. Бехтерев писал: «Секрет целительного внушения был известен многим лицам из простого народа, в среде которого он передавался из уст в уста в течение веков под видом знахарства, колдовства, заговоров и т. д.» (*Бехтерев, 1898, с. 19*).

Согласно Всероссийской переписи 2002 года, в Томской области мордвы проживает 1808 человек, Новосибирской – 2608 человек, Омской – 1966 человек, Амурской – 1 258 чел., Магаданской области – 287 чел., в Республике Саха (Якутия) – 2092 чел. (Национальный состав населения, 2002, с. 91-94). В связи с этим в июле 2009 г. профессором, доктором исторических наук, заведующей отделом археологии и этнографии государственного учреждения «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия Людмилой Ивановной Никоновой, кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником Любовью Николаевной Щанкиной была совершена этнографическая экспедиция в эти регионы с целью изучения мордовской диаспоры. Был произведен сбор историко-этнографического материала от жителей исследуемых областей, сбор документации по истории сел, истории заселения, материальной и духовной культуре, в т.ч. по народной медицине. Выявлено, что средства народной медицины издавна пользуются популярностью у мордвы исследуемого региона. Яда Ивановна Тюркина из с. Верх-Тарка Новосибирской обл. издавна запасает много разных лечебных растений. «Много читаю о них разную литературу, но отбираю и сама, испробовав их полезность. Некоторые приготовленные средства помогают сразу, а большинство имеют накопительный характер: их действие может проявиться по истечению некоторого времени, при приёме отваров иногда надо прочитать молитву или просто сказать пожелание. К примеру, «Помоги мне, господи, облегчить своё состояние». Это даёт психологическую установку, что всё будет хорошо» (ПМА, Тюркина). К примеру, папоротник орляк всё более популярным становится в народе. Информаторы с. Верх-Тарка Кыштовского района Новосибирской области говорили о том, что наслышаны о его пользе «якобы он выводит из организма вредные вещества». Но истари отвар из корней пили как противоглистное. Щепотку кладут в кружку, заливают горячей водой и кипятят 5 минут. Как остынет, теплым пьют в 2-4 приема в день, но перед тем как выпить отвар, говорят такие слова: «Отец – небо, земля – мать, а ты трава – помоги боль убраться!» (ПМА, Буторина и

др.). В Томской области широко используются хвойные породы растений. Вениками из пихты парятся в бане и в народе считается, что именно парение таким веником успокаивает нервную систему. С этой же целью отвар хвой используется для ванн при ревматизме и при простудных поражениях суставов (ПМА, *Анисимова* и др.). Шиповник полезен как витаминное средство и средство успокаивающее нервную систему. Компот из свежих плодов шиповника готовится просто. С этой целью берут 4 стакана свежих плодов, 200 г яблок, 150 г сахара, 1 г лимонной кислоты, 1 л воды. Плоды шиповника освободить от семян, промыть водой, варить 5 минут, добавить приготовленные дольки яблок, сахар, лимонную кислоту и продолжать варить до готовности (ПМА, *Аршишкин* и др.). Некоторые дикорастущие травы весной считались самыми незаменимыми при истощении нервной системы или в народе считаются кладовыми витаминов. Поэтому, как только весной они начинают появляться из них старались готовить щи, салаты, супы. Например, срезают надземную часть молодой крапивы, моют, шинкуют, отваривают в воде в течение 3 минут, откидывают в дуршлаг, мелко крошат и тушат на сливочном масле 10–15 минут. В это время мелко нарезанную морковь, петрушку, лук немножко припускают на масле. В кипящую воду кладут крапиву, овощи, зеленый лук и варят 20–25 минут. За 10 минут до готовности добавляют соус, лавровый лист, перец и кислый щавель. С этой же целью полезна и клюква: литр клюквы разминают, отжимают сок, выжимки заливают 4 л воды, процеживают, добавляют 2 стакана сахарного песка, в охлажденный до комнатной температуры настой добавить дрожжи. Оставляют для брожения на 3 дня. Отжатый ранее сок добавляют в перебродивший квас. Готовый квас разливают в посуду и хранят в холодильнике. При истощении нервной системы применяют по стакану 3 раза в день» (ПМА, *Володина* и др.). У Михаила Тюркина его мама – Мария Григорьевна Тюркина из с. Верх-Тарка, Новосибирская обл. лечила молитвами, заговорами зубы, чирьи, рожу, испуг и люди к ней шли со всей округи. К примеру, «Встану, помолясь, выйду, перекрестясь, через дверь. Через ворота в чистое поле на восток. Там Иисус Христос. Скажи мне Иисус Христос, как всем людям любым стать. Посылает Христос к старцу старому, мудрецу премудрому, ты скажи мне, старец старый, как мне всем людям любым стать. По Христову наставлению не заупрямился старец, а сам стал говорить, чтоб полюбил меня, раба Божьего (имя), всякий человек и младенец, и мужи, и девки красные, и молодухи, тем словам наговорным восток-замок. Запад-ключ, ныне, присно и вовеки веков. Аминь» (ПМА, *Тюркин*).

В народе сложились поверья, если отдаете свои старые вещи, своим или чужим, то после того как они уйдут с вашими вещами говорят: «Ангел мой Хранитель, от зла избавитель, спаси, сохрани и оборони от явного и сокры-

того, помыслами укрытого, от языка и урока с моего порога Ключ, замок под мой порог. Аминь, Аминь, Аминь» (ГМА, Назимкина). Чтобы не сглазили и не испортили, когда надеваешь золотое кольцо на руку, нужно сказать: «Еретик пролезет в кольцо, тогда только испортит все, когда еретик пролезет в иголкино ушко. Тогда он меня испортит. Аминь». Чтобы предотвратить несчастье, на Рождество, стоя на пороге лицом к дому, произносят слова: «Отведи, Господи. Девять стрел от меня, от воды, петли, огня, суда, ножа, вора, от наговора. От посягательства на тело и кров и порчи на кровь. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь» (ГМА, Гулина (Аношкина)). Бывает, что на человека болезнь может прийти от ветра (ветер переносит с больного человека на здорового). В этом случае, берут с трёх прорубей или колодцев воду, которой окачивают больного три раза; при черпании воду приговаривают: «Царь речной! Дай воды наболтанной, на леготу, на здоровье рабу Божию (имя). Когда несут воду, стараются ни с кем не говорить и не здоровываются» (ГМА, Тимченко (Абрамова)).

Чтобы не заболеть от порчи, которую могут напустить вредные люди, произносят слова: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. От Богородициной молитвы, от Иисусова креста, от Христовой печати, от святых помощи, от моего слова, отойди бес нечистый, дух проклятый, на сухие древа, на мхи и болоты и там тебе место, житие, пребывание и воля, и там кричи, а не в рабе Божией (имя) самовольничай. Сам Господь, Иисус Христос, сама мать Пресвятая Богородица, вся небесная сила, Михаил архангел и все святые чудотворцы: Нифонт и Мароф, Киприан, Иустиния, Конон, Исаврийский, Димитрий Ростовский, Илия пророк, Николай чудотворец, Георгий победоносец, и царь Давид, Иоанн Креститель и Власий, Истофер и Никита великомученик, и мое слово страшно, и заговор силен; запрещаю тебе бес проклятый, дух нечистый, нигде не живи и не будь в рабе Божьем (имя), выйди вон, сейчас, и сию минуту, со всеми порчами и чарами и отойди от рабы сей прочь и поди в свое место, где был и куда тебе велел жить, в бездну преисподнюю, в землю пустую неделанную, туда и поди, там и живи, а сию рабу остави навсегда, от ныне и до века. Аминь, аминь, аминь» (ГМА, Аношкина).

Другой заговор от порчи состоит в следующем: «Выгоняю я, раб Божий, из рабицы Божией (имя) всякого нечистого духа именем Господним, Духом Святым, крестом животворящим, травую лютой, молитвами Святых; посылаю адского князя; выведи из сей рабицы (имя) своего нечистого духа и дай опять старому хозяину, прибери опять на свои прежние руки, пошли его в морскую глубину, заключи его на веки в морской глубине тремя ключами железными, тремя замками булатными, запечатай его тремя печатями Соломоновыми, заключи его тремя заклятиями Господ-

ними; а ты, нечистой дух, не стани рабинами телесами в правде...» (ПМА, Гулина (Аношкина)).

Уходя из дома, для успокоения произносят такие слова: «Я из дому – Иисус Христос в дом» или так «Господи, дай твои ключи, Матерь Божья, дай свои замки. Дверь мою крепко-накрепко закройте. Воров в мой дом не пустите. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь» (ПМА, Аношкина).

В народе бытует мнение, если сделали свадебную порчу, то она может проявиться через три дня, три месяца, и даже через три года или тридцать лет. Способов свадебных порч много – на фату, платье, на стол, на стул и т. д. Но есть и методы, чтобы защитить молодых. К примеру, если жениху наступят на ногу на свадьбе, то он будет слаб (как мужчина), если такое случилось, то пусть невеста тут же вымоет обувь жениха, не вытирая ее после этого. Нельзя выходить замуж во время месячных, если такое случилось или они у вас начались во время свадьбы, это может плохо отразиться на жизни детей. Нужно идти в курятник, пригнуться под куриным насестом и сказать «Куры замуж шли без крови, а я с кровью. Иди, зло, на цыплят, а не на моих ребят. Чур не я, Аминь». Хлеб, которым встречают из загса, нужно съесть на свадьбе. По поверью, надо проследить, чтобы никто не унес его и еще хуже не отдал свиньям, т.к. по поверью у ваших детей может не быть доли. Если такое случилось, то нужно наотмашь ударить свинью веником и сказать «жри, сало свое, а не счастье мое, Аминь» (ПМА, Аношкина). Для невесты тоже есть определенные правила защиты. К примеру, нельзя надевать цветы на голову (вставлять в прическу) без фаты и венка; надевать платье, начиная с рукавов, – следует вначале просунуть голову в вырез платья (горловину); быть в платье с голой спиной; надевать платье выше колен, чем длиннее платье, тем длиннее супружеская жизнь (ПМА, Гулина (Аношкина)). Если люди вселились и вдруг после этого все у них пошло наперекосяк, тогда нужно принести святой воды, взятой в среду в церкви, и обрызгать углы и окна дома со словами: «Господь всех прощает, всем помогает. Помогите господи, нашему дому и всякому живущему в этом доме. Во имя отца и сына и Святого Духа. Аминь» (ПМА, Гулина (Аношкина)).

Таким образом, исходя из имеющихся сведений собранных во время этнографических экспедиций 2009 г., можно говорить о том, что средства народной медицины бытуют у мордвы, проживающей в Омской, Томской, Новосибирской и Амурской обл., Республики Саха (Якутия), впрочем, как и в других областях Сибири и Дальнего Востока (Мордва юга Сибири, 2007; Никонова, 2009а; Никонова, 2009б; Никонова, 2010). По выражению информаторов «Природа – это кладезь полезностей в сохранении здоровья и профилактики от болезней. Не ленись, познавай и применяй» (ПМА, Кряжева и др.), но часто лечение биологическими (к прим., отвара-

ми из трав, жиров и т.д.) средствами сопровождается и заговорами. Кажется бы, что они не имеют рационального смысла, но вера в них у народа есть и с этим нельзя не считаться. Их можно отнести к психотерапевтических методам лечения.

Список литературы

Бехтерев В.Л. Роль внушения в общественной жизни // Обзорение психиатрии и экспериментальной психологии. – **1898**. – № **1**. – С. **3–19**.

Мордва юга Сибири / Л.И. Никонова [и др.]; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. – Саранск, **2007**. – **312** с.

Национальный состав населения Республики Мордовия. Итоги Всероссийской переписи населения **2002** г. Статистический сборник № **932**. Саранск, **2005**.

Никонова Л.И. Мордва Саратовской области : в 2 ч.. Часть **1**. Петровский район / Л.И. Никонова, Л.Н. Щанкина, Т.Н. Охотина, С.А. Махалов; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова. – Саранск, **2009**. – **200** с.

Никонова Л.И. Мордва Западной Сибири : в 2 ч. Часть **1**. Село Калиновка : сибирская история и мордовские традиции / Л.И. Никонова, Л.Н. Щанкина, Ж.В. Шерстобитова; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова. – Саранск, **2009**. – **112** с.

Никонова Л.И. Мордва Дальнего Востока / Л.И. Никонова, Л.Н. Щанкина, Н.Н. Авдошкина, В.П. Савка; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. – Саранск, **2010**. – **312** с.

Полевой материал автора (ПМА),

собранный в этнографических экспедициях

Аношкина Мария Григорьевна, **1920** года рождения, г. Шимановск Амурской обл., зап. **2009** г.

Анисимова Мария Ивановна, **1934** г.р.; *Антипкин Михаил Михайлович*, **1934** г.р., с. Высокое Зырянского района Томской обл.; *Арпишкин Михаил Васильевич*, **1947** г.р., Бародич (Степанова) Людмила Петровна, **1962** г.р., г. Стрежевой Томской обл.; *Володин Петр Евдокимович*, **1942** г.р., *Володина Галина Алексеевна*, **1948** г.р., с. Мишутино Зырянского района Томской обл., зап. **2009** г.

Гулina (Аношкина) Анна Михайловна, **1924** года рождения, г. Шимановск Амурской обл., зап. **2009** г.

Кряжева (Березина) Валентина Алексеевна, **1930** г.р., с. Нововаршавка Нововаршавского района Омской области, зап. **2009** г.

Назимкина Елена Николаевна, **1940** года рождения, пос. Алексеевск Алданского района Республики Саха (Якутия), зап. **2009** г.

Тимченко (Абрамова) Зинаида Павловна, **1937** года рождения, г. Шимановск Амурской обл., зап. **2009** г.

Тюркина Яда Ивановна, **1935** г.р. с. Верх-Тарка Новосибирской обл., зап. **2009** г.

Тюркин Михаил Иванович, **1932** г.р. с. Верх-Тарка Новосибирской обл., зап. **2009** г.

А.С. Новиков

Березники, Березниковский филиал
Пермского государственного университета

В ПОИСКАХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЙ
ПОНЯТИЯ «ПСИХИЧЕСКАЯ НОРМА»

A.S. Novikov

Berezniki branch of Perm State University

Searching ethnocultural basics of conception «Psychical norm»

Emphases relation between conception of “norm” and ethnocultural context. Performed attempt to consider substantial bases from the system approach viewpoint. Suggests “the person as an element of system” paradigm instead of traditional “the person as system” paradigm. Conclusion: objective needs of social system existance cause substantial base of psychic norm forming.

Содержательная специфика представлений о психической норме является одним из информативных маркеров принадлежности личности к определённом этнокультурному образцу. Это в равной степени справедливо и для обыденного сознания и в случае «профессионального подхода». Конструкт «психическая норма» в явной или неявной форме присутствует в деятельности как критерий оценки поведения окружающих и самого себя. Но источники и основания формирования этого конструкта остаются не вполне ясными не только для «человека с улицы», но и для психолога, врача, юриста, социолога, педагога и др., т.е. для специалистов, прямо использующих его как ориентир и точку отсчёта в своей профессиональной деятельности.

В психологии интерес к определению нормы и осмыслению оснований такого определения никогда не угасал, хотя и не часто становился предметом специальных исследований. Сегодня все основные подходы к формированию представлений о «нормальном» можно свести к следующим:

– Статистическая норма. «Нормально то, что наиболее распространено». Создаёт впечатление объективности. Легко представляется численно ($M \pm 2\sigma$). Однако статистическая норма не даёт представления о содержательных сторонах «нормальности».

– Адаптационная норма. «Быть нормальным – значит быть приспособленным».

– Медицинская норма. Психопатологическая норма. Понимается как отсутствие болезненных проявлений, симптомов.

– Юридическая норма. Нормальным считается всякое поведение, укладывающееся в правовые рамки.

– Этическая норма. Нормальным объявляется поведение в рамках принятых в обществе правил.

– Идеологическая норма. Нормальным признаётся человек, придерживающийся господствующего мировоззрения, картины мира.

– Эстетическая норма. «Ненормальное» ассоциируется и обозначается как «некрасивое», «уродливое», «безобразное».

– Статусная норма. Нормальным считается поведение, соответствующее положению его носителя в обществе (духовенство, судьи, босяки и др.).

– Возрастная норма. Нормальность поведения и состояния определяется актуальным этапом развития личности.

– Норма как идеал.

– Попытка обойтись вообще без нормы, сопоставляя разные переменные в пределах одной личности, например: «какой был – какой стал» (ипсативное оценивание).

Нетрудно заметить, что все эти варианты оснований определения психической нормы (и даже «медицинская норма» не исключение) имеют ярко выраженную культурную и даже этническую «окраску», что даёт возможность некоторым авторам утверждать, что «норма – это не естественная, а искусственная характеристика, не реальная, а конвенциальная, у психической нормы нет природных (объективных) критериев, а лишь социокультурные» (Трунов, 2008, с.4).

Пытаясь привести всё это многообразие хоть к какой-то форме, пригодной для практического применения, одни авторы настаивают на приоритете одного из подходов (Анастаси, 2003, с.64; Братусь, 1988, с.27), другие (Трунов, 2008, с.8) – полагают, что в основе нормы должно лежать принятие её самой личностью, третьи – считают, что норма является «многоуровневым...» образованием и практически предлагают применить все походы одновременно, оценивая по каждому из них и выводя некий интегральный показатель (Штыков, 2001, с.12). Однако разброс оценок одного и того же объекта по разным типам нормы будет колебаться от «абсолютно нормален» до «совершенно ненормален».

Все приведённые подходы имеют одну общую черту: все они соотносят норму поведения личности с качеством существования самой этой личности (её здоровья, адаптивности, успешности и т.д.). Даже если авторами упоминается «системный подход», то за этим всегда стоит рассмотрение интересующего объекта в качестве системы, обсуждение архитектуры подсистем, из которых он состоит, и характера связи между ними. Другими словами, личность традиционно рассматривается как система.

Однако более продуктивным для понимания содержательности критериев «нормальности-ненормальности» может оказаться иная модель: анализ взаимоотношений «система – элемент», где личность – элемент, а культурная или этническая общность – порождающая его система.

Всякая система, в том числе и этнокультурная, задаёт норму поведения (функционирования) своих элементов, обусловленную объективными необходимостями собственного существования. В терминологии системного подхода – системообразующий фактор, определяющий роль, место, функцию элемента в системе. Выход поведения элемента за пределы этой нормы угрожает системе гибелью или качественным перерождением.

Характер нормативных требований к поведению элементов прямо вытекает из необходимостей выживания системы в актуально наличном виде. Отсюда: **конвенциальность** общественных норм отнюдь **не** означает их **произвольность**. Ошибочно определённые нормы поведения элементов неизбежно приводят к разрушению или качественному преобразованию всей системы.

Другими словами, под нормой мы предлагаем понимать совокупность таких состояний элемента, которые не препятствуют (а ещё лучше – способствуют) выживанию системы, в которой он участвует.

Сложность ситуации обусловлена ещё и тем, что всякая конкретная личность одновременно функционирует в качестве элемента во множестве разнородных систем, в том числе и социальных (семейных, производственных, политических и т.д.), каждая из которых, повинувшись собственным необходимостям выживания, формирует специфичные для себя нормы поведения своих элементов. В таком случае, для того чтобы вывести норму чего-либо (поведения, структуры, характера функционирования и т.д.) необходимо прежде определить ту систему, в которой наше «что-либо» участвует как элемент, и относительно которой мы намерены установить норму. Основанием для определения нормы чего-либо должны быть необходимости системы, в которых это «что-либо» функционирует в качестве элемента.

Норма деятельности элемента отражает только потребность системы в сохранении **status quo**, это проявление потребности в воспроизводстве именно актуального устройства и наличного состояния. Соблюдение нормы поведения элементами обеспечивается действием контролирующих механизмов (по принципу отрицательной обратной связи).

Особенно отчётливо проявляются возможности системного подхода при оценке неадаптивного (преадаптивного) поведения. При оценке с любой другой точки зрения, при применении любого другого подхода к

пониманию нормы (статистического, конвенционального и любого другого) такое поведение, конечно же, выходит за рамки этих норм. И только учёт всех интересов надсистемы показывает, что это поведение, являясь необходимым, являясь «заказанным» самой системой, укладывается в понятие нормы.

Эволюционирующие системы испытывают объективную необходимость не только в сохранении, но и в изменении, развитии себя. Возможность саморазвития системы определяется наличием банка вариантов её элементов, т.е. именно тех элементов, которые функционируют, отклоняясь от нормы. Система, состоящая только из «нормальных» элементов, обречена на застой, стагнацию и отставание в эволюционной гонке. С другой стороны, тотальный выход поведения элементов за пределы нормы грозит системе разрушением. Таким образом, эволюционирующая система вынуждена обеспечивать баланс между «нормальной» и «ненормальной» активностью своих элементов (хранителями традиций и новаторами), создавая ограниченную брешь в работе контролирующих механизмов. Для этнокультурных систем – это создание ситуаций неопределённости типа «карнавальная культура» или институтов «шута», «русского дурака», «юродивого» и т.д., и в этих особых зонах функционирования социальной системы именно «ненормальное» и является «нормальным».

Таким образом, содержательным основанием понятия «психическая норма», по нашему мнению, являются объективные необходимости функционирования социальной системы (этнической, культурной). Культурно специфичное представление о психической норме является не только (и не столько) отражением культурного своеобразия социальной системы, сколько средством (инструментом) этой системы сохранения себя в актуально наличном виде.

Список литературы

Анастаси, А. Психологическое тестирование /А.Анастаси, С.Урбина. – СПб.: Питер, 2003 – 688 с.

Братусь, Б.С. Аномалии личности /Б.С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.

Трунов, Д.Г. Об основаниях понятия «психическая норма»/ Д.Г.Трунов // Будущее клинической психологии: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Е.В. Левченко, А.Ю. Бергфельд. – Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. Вып. 2. – С. 3-8.

Штыков, Н. Г. Психическая норма как многомерный критерий оценки отношений личности : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.11 /Штыков Никита Гениевич. – Москва, 2000. – 146 с. РГБ ОД, 61:01-19/157-3.

И.А. Новикова

Москва, Российский университет дружбы народов

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
АГРЕССИВНОСТИ НА ОСНОВЕ
СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА*

I.A. Novikova

Moscow, Russian Peoples' Friendship University

The Cross-Cultural research of Aggressiveness on the basis
of the systemic-functional approach

In the paper are presented the analysis of results of cross-cultural empirical research of Aggressiveness of the students on the basis of the systemic-functional approach (according to A.I. Krupnov).

Как показывают многочисленные исследования, личностные черты являются *значимыми предикторами* социального поведения, обуславливающими от 5 до 50% процентов дисперсии (Фернхем, Хейвен, 2001). Соответственно, ряд проблем межкультурной коммуникации может быть обусловлен личностными особенностями общающихся (например, особенностями общительности, уверенности, тревожности, агрессивности и др.). В зарубежной психологии проблемы личностных различий активно изучаются в так называемых «факторных теориях» или «теориях черт» (Г. Олпорт, Г. Айзенк, Р. Кеттелл и др.).

В последнее время все большую популярность получает пятифакторная модель личности **FFM (Five Factors Model)**, так называемая «Большая пятерка» (Первин, Джон, 2000; Фернхем, Хейвен, 2001 и др.). Несмотря на существование определенной критики в адрес теорий черт вообще и пятифакторной модели, в частности, на их основе выполнено огромное количество эмпирических исследований, в том числе и кросс-культурных. Так, например, в исследованиях межкультурной адаптации было показано, что экстраверсия и открытость новому опыту выступают как предикторы лучшей адаптации мигранта к новой этнокультурной среде (Hannigan, 1990; Littrell et al, 2006 и др.).

* Исследование выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы; Г/К 02.740.11.0377 от 20 июля 2009 г.

В отечественной психологии, на наш взгляд, продуктивной основой для исследования различий выраженности личностных черт как внутри этнических групп, так и для проведения кросс-культурных исследований в контексте межкультурной коммуникации, может служить системно-функциональная концепция А.И. Крупнова (*Крупнов, 2006*). Согласно данной модели, каждая личностная черта включает в себя установочно-целевой, мотивационный, когнитивный, продуктивный, динамический, эмоциональный, регуляторный и рефлексивно-оценочный компоненты. Каждый компонент, в свою очередь, содержит по две переменные. В последние годы на основе данной модели проводятся кросс-культурные исследования любознательности, общительности, ответственности, инициативности, организованности, уверенности (*Комплексные исследования свойств личности, 2009*).

Мы считаем особенно актуальными кросс-культурные исследования агрессивности, так как эта личностная черта может быть одним из факторов межкультурных и межэтнических конфликтов. В зарубежных исследованиях агрессивности было показано, что более высокий уровень ее проявления характерен для индивидуалистических культур по сравнению с коллективистическими (*Bergeron, Schneider, 2005*). Однако в большинстве подобных исследований изучались лишь некоторые аспекты агрессивности (вербальная или физическая, прямая или косвенная) в отличие от системно-функционального подхода, который позволяет выявить и сравнить не только инструментально-динамические (стилевые), но и мотивационно-смысловые (содержательные) компоненты агрессивности. Так, с содержательно-смысловой стороны проявления субъектом агрессивности различаются по направленности целей и мотивации (*социоцентричность – эгоцентричность*), сфере приложения результатов агрессивного поведения (*предметность – субъектность*), степени осознанности понимания такой черты, как агрессивность (*осмысленность – осведомленность*). С инструментально-стилевой стороны эти проявления могут быть охарактеризованы по направленности переживаний по поводу проявления агрессивности (*аффективность – рефлексивность*), по типу волевой регуляции (*интернальность – экстернальность*), по формам проявления агрессии (*физическая – вербальная*), а также по характеру проблемных ситуаций, в которых проявляется агрессивность (*операциональные – личностные трудности*).

Кратко представим результаты кросс-культурных исследований агрессивности, проведенных на основе системно-функциональной модели.

А. Алиайдарай сравнила проявления агрессивности у сербских и российских студентов (*Алиайдарай, 2008*). В результате были выявле-

ны различия по трем переменным агрессивности из четырнадцати (*физическая агрессия, рефлексивность и операциональные трудности*). Содержательно это означает, что сербские студенты, по сравнению с российскими, в большей степени склонны к физической агрессии, при этом они меньше испытывают вину за агрессивное поведение и в большей степени способны контролировать проявления агрессивности по отношению к другим людям. В другом исследовании этого автора сопоставлялась агрессивность сербских и албанских студентов (*Алиаидарай, 2009*). Были обнаружены различия только по двум переменным – *осмысленность* и *рефлексивность* (в обоих случаях показатели выше у албанских студентов). Соответственно, албанские студенты, по сравнению с сербскими, в большей степени склонны к переживанию вины за проявленную агрессивность и имеют более целостные и существенные представления об агрессивности на уровне когнитивных. Автор отмечает, что достаточно схожие показатели агрессивности, полученные в проведенных исследованиях, могут объясняться относительной близостью изучаемых этносов по ряду исторических, культурных, психологических параметров.

Действительно, гораздо больше отличий было обнаружено Д.А. Дишук при сравнении проявлений агрессивности у китайских и российских студентов. У российских студентов выше показатели обеих переменных когнитивного компонента (*осмысленности* и *осведомленности*), что свидетельствует о более развернутых представлениях об агрессивности. На наш взгляд, в данном случае эти различия могут быть связаны с уровнем владения русским языком китайскими студентами. Значимые различия существуют и между обоими переменными продуктивного компонента агрессивности, но у российских студентов выше показатель *предметности*, а у китайских – *субъектности*. Следовательно, российские студенты чаще используют агрессивность для достижения успехов в деятельности, защиты других людей или интересов группы, а китайские – для достижения целей в сфере личных интересов. Эти различия могут объясняться тем, что в китайской культуре более регламентированными являются внешние проявления негативного поведения в общественной жизни. В регуляторном компоненте логичным представляются более высокие показатели *интернальности* у российских студентов, которые в большей степени склонны брать на себя ответственность за проявления агрессии. Интересно отметить, что значимых различий по уровню *экстернальности* между группами не выявлено. Уровень *физической агрессии* гораздо выше у российских студентов, но по *вербальной агрессии* группы не различаются. У китайских сту-

дентов значимо выше показатель *рефлексивности*, им более свойственно переживание вины и тревоги при совершении поступков агрессивного характера, при этом эмоциональная *аффективность*, раздражительность присуща представителям обеих групп примерно в равной степени. И, наконец, у российских студентов выявлено больше *операциональных трудностей*, проявляющихся в неспособности контролировать свой гнев, ярость, негативное отношение к окружающим и т.п. В китайской культуре общепринятой является сдержанность в проявлении эмоций, особенно по отношению к другим людям.

Таким образом, важнейшими преимуществами кросс-культурных исследований агрессивности, выполненных в рамках системно-функциональной модели, являются следующие возможности: комплексное изучение и сравнение ее стилевых и содержательных составляющих, а также разработка программ коррекции агрессивности с учетом выявленной индивидуально-психологической и этнокультурной специфики.

Список литературы

Алиайдарай А. Особенности агрессивности личности сербских и российских студентов // *Личность в межкультурном пространстве: Материалы III Международной конференции*. – Ч. III. – М.: РУДН, 2008. – С. 6–8.

Алиайдарай А. Системно-функциональный подход к изучению агрессивности личности сербских и албанских студентов // *Личность в межкультурном пространстве: Материалы IV Международной конференции*. – Ч. I. – М.: РУДН, 2009. – С. 218–221.

Комплексные исследования свойств личности: научная школа А.И. Крупнова. – М.: РУДН, 2009.

Крупнов А.И. Системно-диспозиционный подход к изучению личности и ее свойств // *Вестник РУДН. Серия: «Психология и педагогика»*. – № 1 (3). – 2006. – С. 63–73.

Первин Л., Джон О. Психология личности. – М., 2000.

Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение. – СПб, 2001.

Bergeron N., Schneider B.H. Explaining cross-national differences in peer-directed aggression: A quantitative synthesis // *Aggressive Behavior*. – 2005. – № 31. – P. 116–137.

Hannigan T.P. Traits, attitudes, and skills that are related to intercultural effectiveness and their implications for cross-cultural training: // *International J. of Intercultural Relations*. – 1990. – № 14. – P. 89–111.

Littrell L.N., Salas E., Hess K.P., Paley M., Riedel S. Expatriate Preparation: A Critical Analysis of 25 Years of Cross-Cultural Training Research // *Human Resource Development Review*. – Vol. 5. – № 3 September. – 2006. – P. 355–388.

А.С. Обухов

Москва, Московский педагогический
государственный университет

**КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ОБРАЗА МИРА И ОБРАЗА СЕБЯ
ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ РАЗНЫХ КУЛЬТУР**

A.S. Obukhov

Moscow, State Pedagogical University

**Cross-cultural studies of the representations of the world and self-image
of children and adolescents of different cultures**

World and self-image are considered as interrelated psychological realities, on the one hand its contain cultural invariants, on the other hand its reflect peculiarities of concrete sociocultural realia. There can be found the analysis of cross-cultural research of the representations of the images of "own" and "alien" world, social and individual identity of children and adolescents.

Категория образа мира значима для раскрытия особенностей сознания человека через контекст исторических эпох, этносов, культур, ментальностей, возрастных и гендерных субкультур и др. Репрезентация образа мира позволяет лучше понять человека во всех его связях и зависимостях от окружающей действительности.

В психологической науке проблема образа мира рассматривается: **1** – в контексте когнитивных процессов; **2** – в контексте системы значений и смыслов, вырабатываемых в результате взаимодействия человека с миром; **3** – в контексте жизненного пути личности во взаимодействии с миром; **4** – в контексте проблемы адаптации и выстраивания адекватного взаимодействия в условиях изменяющихся реалий бытия; **5** – в контексте проблемы самосознания и мировоззрения и др.

Субъективный образ мира имеет базовую, инвариантную часть, общую для всех ее носителей, и вариативную, отражающую уникальный жизненный опыт субъекта. Инвариантная часть формируется в контексте культуры, отражая ее систему значений и смыслов. Изменчивость ее определяется той социокультурной реальностью, в которую погружен человек. Каждое новое поколение «создает» такой образ мира, который позволяет ему адекватно адаптироваться в мире и адекватно воздействовать на этот мир.

Понимание особенностей «своего» образа мира наиболее наглядно через противопоставление с другим (в первую очередь «чужим») обра-

зом мира. В этом контексте особенности образа мира более детально раскрываются через бинарную оппозицию «свой/чужой». Образ мира неразрывно связан с образом себя в мире (самосознанием) – проявляемым через индивидуальную и социальную идентичность, осознание себя как социальной единицы и уникальной индивидуальности. Образ себя в мире – это осознание ответов на вопросы «Кто Я?», «Кто мы?», «Кто они?».

Своеобразие образных представлений о «своем» и «чужом» мире в контексте современных традиционных культур выявлялось нами через репрезентации картины мира детей и подростков во время экспедиционных исследований, проводимых в различных регионах нашей страны: *Алтай* (с. Язула Улаганского района, теленгиты – 2003; с. Джазатор Кош-Агачского района, южные алтайцы и казахи – 2008); *Алтайский край* (с. Сибирячиха Солонешенского района, русские старообрядцы – 2004); *Архангельская область* (с. Бычье Мезенского района, русские – 2009); *Башкирия* (д. Кулганино Бурзянского района, башкиры – 2007); *Бурятия* (с. Улюнхан Курумканского района, буряты и эвенки – 2005); *Дагестан* (с. Уздалросо Хунзахского района, аварцы; с. Джанга-махи Левашинского района, даргинцы; с. Унчукатль Лакского района, лакцы – 2008-2009); *Кабардино-Балкария* (п. Терскол, д. Тегенекли Эльбрусского района, балкарцы – 2006); *Мурманская область* (д. Чаваньга Терского района, русские поморы – 2004); *Северная Осетия* (с. Стур-Дигора, Москва, Одола, Куссу Ирафского района, дигорцы – 2006). Кроме того, аналогичные материалы для сравнительного аспекта собирались в некоторых случаях и у городских детей и подростков (Москва, Махачкала, Каспийск, Буйнакск). Дополнительно, благодаря исследовательской экспедиции совместно с МИЛСЕТ по Центральной Мексике, осенью 2009 года было проведено исследование среди 70 мексиканских подростков в г. Пуэбла. В выборку попали дети и подростки в возрасте от 5-6 лет до 15-16 лет, которые постоянно проживают в данных селениях. Основную часть выборки составляли дети и подростки 10-14 лет. Общую численность выборки составляет около 1000 человек.

Исследование осуществлялось посредством применения двух взаимосвязанных групп методов: *проективный метод* – рисуночный метод, проводимый по принципу парных рисунков на темы «Мой мир» и «Чужой мир»; «Мое будущее» и «Будущее моего селения»; *опросный (рефлексивный) метод* – на выявление индивидуальной идентичности М. Куна и Т. Мак-Портленда «Кто Я?», дополненный вопросами на социальную идентичность «Кто Мы?» и «Кто Они?» (написать не менее 10 ответов на каждый вопрос).

В качестве основного принципа анализа был выбран принцип сопоставления по единым критериям анализа рисунков и рефлексий, но различным основаниям сравнения выборки респондентов. Критерии сравнительного анализа:

для рисунков «Свой мир» и «Чужой мир»: логика противопоставления (плохой – хороший; агрессивный (военный) – мирный; реальный – фантастический; земной – внеземной; близкий – далекий; известный – неизвестный; чистый – грязный; природный – урбанистический; и т.д.), ее вариативность внутри единой социальной общности; тип рисунка (планетарный, пейзажный, предметный, символический, сюжетный), его представленность и вариативность внутри единой социальной общности; представленность элементов в рисунке (природа, предметы, человек, знак);

для рисунка «Мое будущее»: профессия или тип занятости, реалистичность – фантазийность, гендерные и возрастные характеристики;

для рисунка «Будущее моего селения»: сопоставимо с наблюдаемым в настоящем; реалистическое улучшение действительности; футуристические образы и урбанизация.

Для анализа индивидуальной идентичности («Кто Я?») были выделены следующие позиции:

социальная идентификация: позиция в родовых отношениях, внешняя социальная роль, профессиональная деятельность, гендер, этническая группа, конфессия;

личностная идентификация: имя, телесные особенности, личные свойства и качества, индивидуальная активность, система пристрастий;

ситуационная: констатация данного момента действия, ситуативная коммуникация.

Анализ социальной идентичности («Кто Мы?», «Кто они?») проводился в первую очередь по типу противопоставления «мы – они»: плохой – хороший, свой – чужой, детский – взрослый, различие без противопоставления, неразличимость.

Представленные параметры анализа внутри каждой позиции имели внутреннюю дифференциацию.

Проводился также анализ взаимосвязи содержания репрезентации образа мира с окружающей социокультурной и природной реальностью.

В качестве оснований сравнения в процессе постепенного увеличения географии исследования сложились следующие позиции:

– природно-географическое сходство при различии открытости внешнему миру (селения Балкарии и Осетии);

– единство социальное, различие этническое (бизэтнические селения Бурятии – буряты и эвенки, Алтая – казахи и алтайцы);

– единство по этническому признаку, различие по типу поселения (аварцы, даргинцы, лакцы высокогорных моноэтнических селений и в полиэтнических городах Дагестана);

– единый регион, разные этносы и типы хозяйствования (Алтай – моноэтнические селения русских и алтайцев);

– единство религиозное, этническое различие (башкиры, казахи, балкарцы);

– этническое единство, различные регионы (русские на Мезени и в Алтайском крае);

– различие по дихотомии город – деревня;

– различие государств и культур при единстве типа проживания (город) – Россия (Москва) и Мексика (Пуэбло).

Исследование показало высокую степень взаимосвязи своеобразия образных репрезентаций представлений о мире детей с социальными особенностями селений и географическим контекстом проживания (в большей степени, чем с этническими особенностями). Чем селение более обособленно, тем меньше разнообразие типов противопоставления «своего» и «чужого» мира, а набор образов в рисунках завязан на конкретику реальных бытия. При этом природные реалии выступают определяющими в наборе рисуночных образов.

Социальные типы идентичности (в том числе в индивидуальном аспекте) выражено превалируют во всех традиционных культурах, при этом этническая составляющая в идентичности представлена в тех регионах, где существуют традиционно биэтнические или полиэтнические социальные контексты жизни. Своеобразие образа себя в мире у детей и подростков во многом зависит от конкретики социальных условий проживания в социально-этническом аспекте. Самопрезентация себя в мире в большей степени идет через аспекты родовых отношений, а также социально-ролевых позиций. В биэтнических условиях проживания четко выражены такие типы социальной идентичности, как этничность, религиозность, региональность. При этом противопоставление «мы» и «они» выражены редко, чаще всего имеют характер конкретизации какой-то одной социальной общности.

В.Н. Павленко

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

**ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ»
И «НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» И ИХ ПРОЕКЦИИ
В МОНУМЕНТАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ УКРАИНЫ**

V.N. Pavlenko

Kharkiv National University named after V.N. Karazin

**Concepts of «national consciousness» and «national identity»
and their projection in monumental art of Ukraine**

The idea about monuments as a product of national activity which can reflect the specific features of national identity is discussed in the presentation. Some ways of monuments' analysis are proposed and important characteristics of Ukrainian national identity are revealed on this basis.

Вопрос о соотношении понятий «национальное самосознание» и «национальная идентичность» до сих пор остается дискуссионным. Одни авторы рассматривают эти два понятия как синонимы, другие считают идентичность составной частью самосознания (например, В.Ю. Хотинец), есть авторы, для которых эти понятия являются независимыми и непересекающимися (например, П.И.Гнатенко), нередки также варианты отказа от одного из понятий. Мы предлагаем под национальным самосознанием понимать результат процесса рефлексии национальной общностью собственной жизнедеятельности, результатом которого является выделение системы оснований, формирующих и консолидирующих данную общность, дифференцирующих ее от аналогичных общностей, а также системы отношений к ним. Под национальной идентичностью предлагается понимать результат процесса соотнесения себя как члена национальной общности с данной общностью, осуществляемый на когнитивном, аффективном и поведенческом уровне. Таким образом, данные понятия принципиально отличны, прежде всего, тем, что субъектом национальной рефлексии является общность и в основе самосознания лежит процесс сопоставления общностей, в то время как субъектом идентификации является индивид, а в основе национальной идентичности – процесс соотнесения индивида как члена общности и общности в целом. Общим же для обоих понятий является то, что для процесса идентификации индивида и общности часто используется система оснований, уже отраженная в национальном самосознании – вопросы территории, языка, нацио-

нальных эмблем, символов, институтов, обычаев, традиций, исторических событий и исторических фигур, которые символически репрезентируют нацию, вера в то, что существуют типичные характеристики представителей любой национальной группы, национальные черты и стереотипы поведения и т.п. (**Barrett, 2007**).

Не простым является также вопрос способов изучения национального самосознания и национальной идентичности. Одним из возможных ответов на данный вопрос может быть популярный в отечественной психологии метод анализа продуктов деятельности.

Идея изучения национальных особенностей психики путем исследования продуктов деятельности народа, путем исследования образцов материальной и духовной культуры, отнюдь не нова и идет от трудов В.Вундта и К.Кавелина. Достаточно вспомнить Н.Костомарова, который обращал внимание на возможность изучения народного характера посредством исследования народных песен, А.А.Потебню, искавшего связи между языком и мышлением народа, А.Ветухова, описывавшего систему ценностей народа на основе исследований колыбельных песен, В.Соловьева, который, исследуя идеоматические выражения, попытался выйти на описание национальных идеалов, С.А.Таглина, изучавшего паремийный фонд разных этнокультурных групп и делавшего выводы об этноспецифических характеристиках мышления, и других (**Павленко, Таглин, 2005**). Вместе с тем важно подчеркнуть, что внимание исследователей было направлено, за редким исключением (**Wanner, 1998**), на анализ вербальных культурных форм, в то время как невербальные продукты деятельности оставались без должного внимания. Поэтому целью данной работы стало изучение невербальной формы духовной культуры – монументального искусства Украины и отражения в нем особенностей национального самосознания.

Выбор именно монументального искусства для изучения национального самосознания не случаен. По сравнению с иными видами искусства монументалистика является более консервативной, отражающей не быстротечные эмоции и настроения масс, а более глубокие чувства, устойчивые и стабильные ориентации. Действительно, создание памятников и скульптурных композиций – это длительный и трудоемкий процесс, требующий не только напряженного собственно творческого процесса, но и существенных финансовых затрат, колоссальных усилий и времени. Можно предполагать, что только наиболее мощные образы национального сознания способны вдохновить заказчиков и творцов на осуществление подобных проектов. Важно также то, что монументальное искусство обладает огромным влиянием на формирование национальной идентич-

ности. Ведь если для знакомства с картиной нужно идти на выставку или музей изобразительного искусства, для знакомства с пьесой – в театр, а для знакомства с книгой – в библиотеку, то произведения монументального искусства находятся рядом – на улицах и площадях, по которым мы ходим, в парках и скверах, в которых гуляем. Эти произведения, хотим мы того или нет, обращаем мы на них специально свое внимание или не обращаем, оказывают на нас свое влияние и закладывают основы этнонационального мировосприятия.

Особенно интересно изучение произведений монументального искусства в моменты активного формирования национального самосознания, связанные с обретением независимости и созданием собственной государственности, что и наблюдается сейчас в Украине. Сопоставление памятников и монументов наших дней с памятниками советской эпохи представляет интересный материал для более глубокого понимания особенностей украинского национального самосознания и украинской национальной идентичности.

Анализ может проводиться по следующим направлениям:

Во-первых, используя чисто количественные показатели динамики общего числа памятников в стране в целом и в отдельных регионах;

Во-вторых, это качественный анализ и классификация национально специфичных объектов изображения - событий, личностей, символов, которым посвящаются произведения монументального искусства;

В-третьих, это анализ типичных атрибутов и способов оформления, которые придают им этнонациональную специфику (например, изучение уровня конкретности – абстрактности используемых образов);

В-четвертых, это изучение новых форм презентации произведений монументального искусства и социальных практик, которые формируются вокруг этих произведений;

И, наконец, в-пятых, это анализ конфликтогенных зон национального самосознания путем изучения противоречий, существующих в отношении к определенным историческим личностям и событиям, что отражается и на отношении к увековечивающим их памятникам и памятным знакам.

Список литературы

Павленко В.Н., Таглин С.А. Общая и прикладная этнопсихология: Учебное пособие. – М.: Тов-во научных изданий КМК, 2005. – 483 с.

Barrett M. Children's knowledge, beliefs and feelings about nations and national groups. – Psychology Press, 2007.

Wanner C. Urban Landscape // Wanner.C. Burden of Dreams: history and identity in post-Soviet Ukraine. – The Penn State University Press, 1998. – Pp. 171–201.

О.Б. Павленко

Москва, Государственный университет –
Высшая школа экономики

СРАВНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ У РУССКИХ
И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА*

О.В. Pavlenko

Moscow State University – Higher School of Economics

Cross-cultural comparison of cultural values between ethnic Russians
and North Caucasians

The article is devoted to description of results obtained through cross-cultural examination of cultural values between ethnic Russians and North-Caucasians. Schwartz's Value Inventory and Inglehart's cultural dimensions used in the research enable to prove that Caucasian culture is more traditional than Russian one.

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования, посвященного сравнению различных показателей измерений культуры у представителей русской этнической группы и представителей народов Северного Кавказа. В исследовании приняли участие **424** респондента, проживающие на территории Российской Федерации (преимущественно г. Москва и г. Краснодар), из них **89,7% (366 человек)** – представители русской национальности; **9,9% (42 человека)** – представители народов Кавказа (чеченцы, адыгейцы, армяне и др.).

Для исследования ценностей культуры использовалась методика Ш. Шварца (**Schwartz, 1992, 2004**), позволяющая выявлять ценности на индивидуальном и культурном уровне. В таблице **6** отражены достоверные статистические различия в значимости ценностей культурного уровня по Ш. Шварцу для русских и представителей народов Кавказа.

Ценности Принадлежности, Иерархии, Аффективной и Интеллектуальной автономии имеют большую важность для русских респондентов, нежели для респондентов – представителей кавказской культуры. Данный факт свидетельствует о том, что русские в большей степени, чем представители народов Кавказа, ценят принадлежность к группе, социальные связи, социальный порядок и самодисциплину. Но при этом русские респонденты выше также оценивают важность Аффективной автономии (стремление к свободному переживанию положительных эмоций, удоволь-

* Исследование поддержано Программой «Научный фонд ГУ-ВШЭ» (проект № 10-04-0014 по конкурсу «Учитель-Ученики» 2010–2011 г.

**Различия в значимости ценностей культурного уровня
по Ш. Шварцу для русских и представителей народов Кавказа**

Переменные	Русские		Представители народов Кавказа	
	М	σ	М	σ
Гармония	4,45	,96	4,36	1,01
Принадлежность	4,85***	,74	4,32***	,89
Иерархия	4,58***	,91	4,07***	1,04
Мастерство	4,03	,96	3,94	,85
Аффективная автономия	4,53**	,89	4,15**	,89
Интеллектуальная автономия	4,67*	,92	4,33*	1,04
Равноправие	3,95	,86	3,90	,66

Примечание: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$ – достоверность различий по t-критерию для двух независимых выборок; М – среднее значение; s – стандартное отклонение.

ствию, разнообразию) и Интеллектуальной автономии (независимость идей, любознательность, открытость новому). Стоит отметить, что, при сравнении показателей приписываемой важности ценностям культуры внутри группы русских респондентов, обнаруживается доминирующее положение ценности Принадлежности над Автономией. Кроме того, русские респонденты ценят Иерархию выше, чем представители народов Кавказа, что свидетельствует о стремлении первых подчиняться правилам и обязанностям, действовать в соответствии с социальными ролями, а также придерживаться принципа неравного распределения власти, ролей и ресурсов, ценить авторитет, отдавать должное подчинению. Достоверных различий в приписываемой важности таким культурным ценностям, как Гармония, Мастерство и Равноправие, между русскими респондентами и представителями народов Кавказа обнаружено не было.

В таблице 7 представлены обнаруженные достоверные различия между русскими и представителями народов Кавказа в приписываемой значимости таким ценностям индивидуального уровня, выделенными Ш. Шварцем, как Традиция, Достижение и Власть.

Для представителей кавказских народов ценности Традиции более важны, чем для русских, что можно расценить как тенденцию данных народов в большей степени уважать традиции, следовать им, придерживаться общепринятых в обществе норм и правил, интересоваться собственной культурой и ее прошлым. Однако стоит отметить, что группа респондентов, состоящая из представителей народов Кавказа, ценит Самостоятельность даже в большей степени, чем Традиции, что говорит о стремле-

Таблица 7

Различия в значимости ценностей индивидуального уровня по Ш. Шварцу для русских и представителей народов Кавказа

Переменные	Русские		Представители народов Кавказа	
	М	σ	М	σ
Безопасность	4,05	,67	3,98	,69
Конформность	3,90	,67	3,77	,712
Традиционализм	2,94***	1,09	3,69***	1,08
Благожелательность	4,42	,58	4,41	,67
Универсализм	3,68	,633	3,79	,61
Самостоятельность	4,53	,68	4,38	,58
Стимуляция	3,71	1,09	3,74	,95
Гедонизм	3,83	1,02	4,07	,98
Достижение	4,15*	,65	3,89*	,70
Власть	3,42***	1,01	4,05***	1,20

Примечание: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$ – достоверность различий по t-критерию для двух независимых выборок; М-среднее значение; σ – стандартное отклонение.

нии к свободе и развитию. Кроме того, представители народов Кавказа ставят ценность Власти выше, чем русские респонденты, что свидетельствует о желании первых занимать доминантную позицию в рамках социальной системы. Однако русские респонденты в большей мере, чем респонденты, представляющие народы Кавказа, стремятся к достижениям, личному успеху, социальной компетенции и, как следствие, к социальному одобрению. Относительно таких ценностей индивидуального уровня, как Безопасность, Конформность, Благожелательность, Универсализм, Самостоятельность, Стимуляция и Гедонизм, значимых статистических различий между группами русских респондентов и представителей народов Кавказа обнаружено не было.

Далее группы респондентов с помощью отдельных шкал из методики Р. Инглхарта сравнивались по двум биполярным факторам-измерениям культур: традиционные/секулярно-рациональные ценности и ценности выживания/самовыражения. Измерение традиционных /секулярно-рациональных ценностей формируют оценки респондентами необходимости воспитания в ребёнке независимости, решительности, настойчивости, религиозности, повиновения; оценки возможности оправдания аборт; оценки себя как верующего человека и оценки того, насколько респондент гордится, что он гражданин России. Измерение ценностей выживания/самовыражения рассчитывались как среднее арифметическое следующих показателей: политической активности респондента (степени его готовности участвовать в разного рода политических акциях); уров-

**Различия в значимости ценностей Р. Инглхарта
для русских и представителей народов Кавказа**

Переменные	Русские		Представители народов Кавказа	
	М	σ	М	σ
Секулярно-рациональные ценности	2,26*	,48	2,10*	,47
Ценности самовыражения	2,84	,68	3,01	,76

Примечание: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$ – достоверность различий по t-критерию для двух независимых выборок; М-среднее значение; σ – стандартное отклонение.

ня доверия к людям; оценки респондентами возможности оправдания гомосексуализма.

Таблица 8 дает представление о существовании достоверных различий между русскими и представителями народов Кавказа относительно секулярно-рациональных ценностей.

Русские склонны в большей степени разделять ценности, определенные Р. Инглхартом, как секулярно-рациональные. Это дает нам право предположить, что для русских меньшую значимость имеют близкородственные связи, абсолютные стандарты и традиционные семейные ценности, чем для представителей народов Кавказа. В свою очередь, в соответствии с данным измерением, народы Кавказа более склонны к проявлению чувства национальной гордости, кроме того, им более свойственны националистические взгляды. Таким образом, русские располагаются ближе к полюсу Секулярно-рациональных ценностей, а представители народов Кавказа – к полюсу Традиционных ценностей по измерениям Инглхарта. Достоверных различий в значимости ценности Самовыражения в двух исследуемых группах респондентов выявлено не было.

Подводя итоги исследования, можно сказать, что межгрупповые сравнения ценностей продемонстрировали значимо большее стремление русских респондентов к ценностям Достижения, Иерархии и, одновременно, Автономии и Принадлежности. Кроме того, русские в большей степени разделяют Секулярно-рациональные ценности, таким образом, русская культура более модернизированная. Представители народов Кавказа продемонстрировали большую приверженность традиционным ценностям, что было выявлено с помощью нескольких методик. Респонденты данной группы в большей степени ценят власть и имеют больше ожиданий в отношении государства.

О.С. Павлова

Москва, Московский городской
психолого-педагогический университет

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИОТИПИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЭТНОФОРОВ

O.S. Pavlova

Moscow State University of Psychology & Education

Ethno-cultural values as the determinants of sociotypical behavior
of ethnophors

The results of the study of ethno-cultural values of the Chechens and the Ingushes can be found in the article of O.S. Pavlova. On the basis of empirical data was made an attempt to analyse what role the norms and values of Islam, adats (customs), ethno-etiquette as well as the values of collectivism and traditionalism play in the structure of ethno-cultural values.

Этнокультурные ценности являются системными детерминантами, определяющими идеалы, ценности и нормы этнофора. Фактически уже в работах Ф.Клакхон и Ф.Стродтбек указывается на то, что стиль поведения, эмоции и многое другое определяется ценностными ориентациями общества (Kluckhohn, Strodttbeck, 1961). Иерархии этнонациональных ценностей посвящены исследования М.Рокича (Rokeach, 1969, 1972, 1973, 1979; Rokeach, Lennan, Daniel, 1972), подход которого получил развитие в работах Г.Хофстеде и М.Бонда, Ш.Шварца и др. (Hofstede, Bond, 1984, 1988; Schwartz, 1984). В России проблема ценностей изучалась и изучается с позиций разных наук философами, психологами, политологами, культурологами, социологами (Тутаринов, 1960; Дробницкий, 1967; Жуков, 1976; Ядов, 1979; Бубнова, 1991, 1997; Леонтьев, 1992, 1996; Семенов, 1996; Горяинов, 1996; Знаков, 1997; Бобнева, Дорофеев, 1997; Почебут, 1997; Хашченко, 1998; Журавлева, 1999).

Конец 20-го - начало 21 столетий охарактеризовался повышением интереса к различным аспектам ценностной структуры россиян. Так, в работах, выполненных под руководством Н.М.Лебедевой, исследовалась динамика базовых ценностей россиян и ее влияние на экономические и политические установки (Лебедева, 2000, 2001, 2007). Анализу взаимосвязи ценностных ориентаций и склонности к девиантному поведению посвящены исследования В.В.Гриценко и Т.Н.Смотровой (2005, 2008).

Система этнокультурных ценностей, ее структура связана с исторической судьбой народа и формируется в процессе коллективной жизнедеятельности этноса. Актуальность изучения структуры ценностных ори-

ентаций этнофоров Северного Кавказа диктуется напряженной обстановкой в этом регионе. Настоящее исследование посвящено изучению этнокультурных ценностей, детерминирующих социотипическое поведение чеченцев и ингушей. В основу исследования положена гипотеза о том, что основными источниками этноценностных ориентаций современной вайнахской культуры, регламентирующих социотипическое поведение чеченцев и ингушей, являются следующие:

- Нормы и ценности ислама.
- Адааты (обычаи).
- Этноэтикет северокавказских культур.
- Ценности коллективизма и традиционализма.

Значимость вышеперечисленных факторов подчеркивается в исследованиях различных ученых, обращающих свой взор к изучению социотипического поведения представителей Северного Кавказа (Анчабадзе, 2001; Ашхамакова, 2006; Бгажноков, 1999; Богатырева, 2009; Гаджимурадова, 2008; Ильясов, 2006; Крысько, 2004; Кудашев, 1991; Мальсагов, 2005; Мамбетов, 2002; Налоев, 2004; Накохова, 2008; Нефляшева, 2006; Тхагапсоев, 1995; Ханаху, Цветков, 1996; Хасбулатова, 2006, Эфендиев, 1999).

Эмпирическое исследование этнокультурных ценностей чеченцев и ингушей проводится нами с 2007 года и продолжается в настоящее время. Для изучения этнокультурных ценностей были использованы следующие методики: методика ранжирования системы ценностей (Ш.Шварц, У.Билски), методика «Показатели индивидуализма – коллективизма» (Г.Триандис, разработка Л.Г.Почебут), тест «Кто Я?» (М.Куна, Т.Макпартлэнда), неоконченные предложения (авторский вариант), этнопсихологический опросник (авторский вариант), методика Дж.Финни, измеряющая выраженность этнической идентичности, методика «Этническая аффилиация» (Г.У.Солдатова), «Культурно-ценностный дифференциал» (Г.У.Солдатова).

В исследовании к настоящему времени приняли участие 90 респондентов, из которых 50 человек отнесли себя к ингушам, 36 – к чеченцам, и по 2 – к вайнахам и мелхистинцам. Проанализируем некоторые результаты, полученные в процессе исследования.

С целью подтверждения выдвинутой перед исследованием гипотезы использовался авторский опросник. В частности, респондентам было предложено ответить на следующий вопрос: «Как Вы считаете, чем должно, прежде всего, регулироваться поведение чеченца (ингуша) в настоящее время (расставьте цифры от 1 до 5 в порядке повышения значимости: 1 - наименее важное, 5 - самое важное):

Таблица 9

Распределение ответов, полученных на вопрос о регуляции поведения этнофоров (в баллах, по пятибалльной шкале)

Этнофоры	Ингуши			Чеченцы		
	мужчины	женщины	Все респонд.	мужчины	женщины	Все респонд.
Законы шариата	3,59	3,24	3,44	3,33	3,80	3,45
Общегосуд. законы	2,97	3,29	3,10	2,67	3,60	2,90
Обычаи и традиции	3,00	3,05	3,02	3,00	2,50	2,88
Нормы этноэтики	2,93	2,95	2,94	3,10	2,20	2,88
Нормы своего тейпа	1,93	1,57	1,78	2,67	2,90	2,73

- Законами шариата;
- Общегосударственными законами;
- Обычаями и традициями чеченцев (ингушей);
- Нормами чеченской (ингушской) этики;
- Нормами и требованиями своего тейпа;
- Другое (укажите).

Распределение ответов было получено с помощью статистического пакета **SPSS for Windows 14.0** и отражено в табл. 9.

Очевидно, что законам шариата отдали предпочтение респонденты обеих выборок. Далее, с небольшим отрывом, чеченской выборкой были отмечены как одинаково значимые общегосударственные законы, адаты (обычаи), нормы чеченской этики, а также нормы и требования своего тейпа (рода). Ингушской выборкой как наиболее значимые были отмечены общегосударственные законы, адаты (обычаи) и нормы ингушской этики.

Требования своего рода (тейпа) оказались наименее существенны для ингушей. Именно в этом параметре значимые различия между чеченской и ингушской выборками подтверждены с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни ($p < 0,05$). Особая значимость тейповых требований для чеченцев подтверждается и другими исследователями (Крысько, 2004).

Важно отметить синкретизм религиозных и адатных ценностей для респондентов. Качественный анализ авторской методики «Неоконченные предложения» показал, что «быть настоящим мусульманином» для че-

чеченцев означает «следовать адатам», а «быть настоящим чеченцем» означает «быть мусульманином», «быть богобоязненным», «быть покорным Всевышнему», «следовать адатам». Быть настоящим ингушом это значит – беспрекословно соблюдать традиции и адаты предков, «быть в первую очередь мусульманином».

Ценности коллективизма изучались с помощью методики «Показатели индивидуализма – коллективизма», результаты которой обнаружили, что средний уровень коллективизма по чеченской выборке равен **16,65** баллов, а по ингушской – **16,92** балла. Эти показатели соответствуют стандартному показателю коллективизма для жителей С.-Петербурга, по данным Л.Г.Почебут (**2007**), который равен **16,23** балла. Показатели индивидуализма оказались несколько ниже питерской выборки по данным Л.Г.Почебут (**13,73** балла): по чеченской выборке – **10,57** баллов, по ингушской выборке – **11,10** балла. Для респондентов обеих выборок был характерен отказ отвечать на некоторые вопросы, содержание которых казалось им некорректным, или ответы на которые связаны с личной сферой респондентов.

Таким образом, гипотеза, выдвинутая перед исследованием, подтвердилась частично. Содержание и структура этнокультурных ценностей чеченцев и ингушей как факторов, детерминирующих их социотипическое поведение, требует дальнейшего изучения.

Список литературы

Гриценко В.В., Смотров Т.Н. Ценностно-нормативные основы интеграции этнических мигрантов в российское общество. – Смоленск: Универсум, **2008**. – 152 с.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, **2007**. – 527 с.

Накохова Р.Р. Психология ценностных ориентаций этнофоров Северного Кавказа (на материале исследования народов Карачаево-Черкессии): Автореферат дисс. ... доктора психологических наук. – М., **2008**. – 47 с.

Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности: Учебное пособие. 2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, **2007**. – С. **192, 222–225, 231–238**.

Т.И. Пашукова

Москва, Московский государственный
лингвистический университет

СУБЪЕКТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО И ВНУТРИЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

T.I. Pashukova

Moscow State Linguistic University

Subjects of interethnic and intraethnic communication

The article deals with theoretical issues concerning the possibility to use the philosophical category “subject” in order to single out the levels of interethnic and intraethnic communication. The author shows that individuals, small and large groups as well as communities, including subethnoses and ethnoses, which constitute nationalities, nations and cultures can be subjects.

Участниками межэтнического и внутриэтнического общения, отношений и взаимодействия являются отдельные люди, большие и малые группы и общности. К ним применимы понятия единичных и коллективных субъектов. Единичным субъектом является человек как носитель определенных этнических свойств, т.е. как этнофор, а к коллективным субъектам следует отнести народности, народы, нации и культуры. Взаимодействие субъектов создает определенные уровни, учет которых важен для понимания феноменов и закономерностей этнического общения.

Следует отметить, что понятие «субъект» является философской категорией. Оно предполагает предметно-практическую деятельность индивида, имеющую социально-историческую природу. Субъекту присуще самосознание и владение «созданным человеческим миром культуры – орудиями предметно-практической деятельности, формами языка, логическими категориями, нормами эстетических и нравственных оценок и т.д.» (Философский энциклопедический словарь, 1989, с. 633–634). В материалистической философии в качестве субъекта истории рассматриваются и народные массы, понимающиеся как основная сила, творящая и революционно преобразующая мир культуры и социальное бытие (там же, с. 634).

В этой связи применение термина «коллективный субъект» в психологии оправдано, так как он характеризует совокупность людей, имеющих общие социально-психологические признаки, осознающих себя как единое целое, причем людей, включенных в разнообразные коммуникативные системы, а также системы совместной деятельности.

Словосочетание «субъект этнического общения» состоит из слов латинского и греческого происхождения. Слово «субъект» – **subjectus** в переводе с латинского языка означает «находящийся в основе», оно включает в себя две части: **sub** – под и **jacio** – кладу основание, а «этнос» – от греческого слова *ἔθνος* – группа, народ, племя.

Само понятие «этнос» чаще всего используется для выделения исторически сложившейся на определенной территории стойкой общины людей, которые имеют относительно стабильные общие черты и особенности культуры и языка, а также осознают свое внутреннее единство и отличие от других сообществ, что зафиксировано в самоназвании (этнониме). В научный оборот понятие «этнос» введено С.М. Широкогоровым в 1923 г. (*Широкогоров, 1923, с. 4–6*). Этнос или этническая общность могут быть представлены родом, племенем, народностью и др.

Субъекты межэтнического общения отличаются активностью, особенностями своей жизнедеятельности и познания. Ими становятся не только отдельные индивиды, но и малые и большие группы, включая субэтносы, этносы и суперэтносы как надэтнические образования, если они вступают в общение и взаимодействие. Л.Н. Гумилев определил субэтносы как подгруппы этносов, входящих в основной этнос, которые имеют определенные отличия от других подгрупп. Примером субэтносов среди русских являются казаки, сибиряки и др. (*Гумилев, 2007*).

Идея анализировать уровни отношений, задаваемые единичными и коллективными субъектами, принадлежит Г.М. Андреевой, которая в плане этнопсихологических исследований поддержана Р. Нойман в связи с вопросами социальной перцепции (*Андреева, 1977; Neumann, 1986*). Но уровни целесообразно анализировать и в связи с изучением феноменов и закономерностей межэтнического и внутриэтнического общения.

Этнопсихологические особенности субъектов наиболее ярко обнаруживаются в различных видах взаимодействия с представителями других этногрупп и культур.

Уровни общения и взаимодействия взаимосвязаны, но их выделение чрезвычайно важно для теоретического анализа. Так, например, межличностное общение и взаимодействие происходит на фоне общения коллективных субъектов, к которым они принадлежат, хотя оно и характерно для двух или нескольких этнофоров, в одних случаях являющихся, а в других – не являющихся членами одной контактной группы. Следует отметить и общение этнофора с самим собой, специфика которого, по-видимому, будет задаваться типом культуры, национальными особенностями, развитием и другими факторами.

Важно учитывать уровни и межгруппового общения в связи с тем, принадлежат ли группы к одной общности (этносу, суперэтносу) или к разным. Следующий уровень может отличать общение наций, народов и культур. В ряде случаев, например, в исследованиях касающихся политической психологии, имеет значение выделение общения и отношений конкретного этнофора со своей этнической общностью, народом, гражданами или, напротив, с представителями чужой этнической общности.

Всевозможные соотношения разных субъектов, вступающих в контакты друг с другом, создают несколько десятков вариантов уровней общения. Их сравнительно-сопоставительный анализ может помочь установить специфику действия закономерностей восприятия, общения, отношения и понять причину возникновения этнопсихологических феноменов с учетом внутриэтнического или межэтнического характера общения индивидуальных и коллективных субъектов.

Субъектами внутриэтнического общения выступают отдельные индивиды, социальные группы и субэтноты как части этноса. Этнопсихологические особенности субъектов внутриэтнического общения проявляются в сходстве коммуникации, в похожести поведенческих паттернов реагирования в различных видах деятельности – игре, учебе и труде. Уровни внутриэтнического общения включают межличностное общение, характерное для двух или нескольких этнофоров, а межгрупповое внутриэтническое общение – это общение групп, происходящее в рамках одной общности. Для социально-психологического исследования имеет значение не только общение конкретного индивида или малой группы со своей этнической общностью, но и отношения социальные, классовые, которые тоже имеют место внутри определенного этноса.

В настоящее время большее количество проводящихся этнопсихологических исследований направлено на изучение межличностных и ролевых отношений у разных народов в связи с влиянием возрастного, поколенного и гендерного факторов (в том числе роли маскулинности-феминности), культурных традиций и порождаемых ими ожиданий, касающихся общения в семье, на работе, во время праздников и будней. Культурные традиции детерминируют и поведение этнофоров в конфликтах. Они обуславливают лидерство, стиль руководства, особенности реализации функций власти, доминирования в тех или иных сферах жизнедеятельности индивидов, специфику их отношений и обращений к пожилым людям и детям, влияют на отношения между соседями, определяют особенности ориентаций на материальные и духовные ценности и др. (Резников, 2006 и 2007).

Не менее важными с точки зрения этнопсихологии являются исследования особенностей общения и внутригрупповых отношений, которые существуют в рамках одного и того же этноса и определяют каналы коммуникации и способами построения отношения между субэтносами. Кроме того, общение происходит и между культурами, например, арабской и европейской, коллективистическими и индивидуалистическими, между культурами прошлого и настоящего. Отметим, что, несмотря на выделение в современной науке таких образований, как геокультуры и цивилизации, они как субъекты межэтнического взаимодействия и общения в этнопсихологии обычно не рассматриваются.

Особенности этногрупп и специфика их общения дают о себе знать в очень разных сферах человеческой жизнедеятельности, а трудности организации контактов и взаимодействия ведут к конфликтам и войнам.

Таким образом, для понимания феноменов и закономерностей межэтнического и внутриэтнического общения и взаимодействия необходимо учитывать уровни отношений, задаваемые участвующими в них субъектами.

Список литературы

Андреева Г.М. К построению теоретической схемы исследований социальной перцепции // Вопросы психологии. – 1977. – № 2. – С. 3–14.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 560 с.

Резников Е.Н. Теоретические и методические проблемы этнической психологии. – Мн.: Изд. Центр БГУ, 2006. – 440 с.

Резников Е.Н. Психология этнического общения. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН» 2007. – 160 с.

Философский энциклопедический словарь /Редколл. С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др.; 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.

Широкогоров С.М. Предисловие //Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – XVIII. –Т. 1. – Шанхай: Изд-во Восточного ф-та Дальневосточного ун-та.1923. – С. 4–6.

Neumann R. Interpersonelle Wahrnehmung in internationalen Arbeitskollektiven – theoretische Probleme //Wissenschaftliche Zeitschrift der Wilhelm – Pieck – Universitat Rostock. Gesellschaftswissenschaftlich Reihe. - Heft 7. – 1986. – S. 73–74.

Е.Е. Петракова

Москва, Московский государственный
университет имени М.В.Ломоносова

ОБРАЗ СТРАНЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРИ

Е.Е. Petrakova

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Representations of the inhabitants of Siberia about an image of the country

This report presents the results of research of representations of the inhabitants of Siberia about an image of the country. The following images were investigated: Russia, Russia in the future, Russia in mass-media, China, Japan, USA, United Europe, Turkey, Israel, Ukraine and Kazakhstan. We have revealed that the inhabitants of Siberia estimate an image of the country by following criteria: power, the well-being of the nation, morality, the size of territory, peaceful disposition. The image of Russia in the future has received the maximum estimations.

В 2009 году в рамках исследований, осуществляемых научно-исследовательской группой под руководством Л.В. Матвеевой, была изучена категориальная структура восприятия образа страны у жителей Сибири. В работе принимали участие респонденты Ханты-Мансийска и Новосибирска. Объектами исследования выступили следующие образы: Россия как страна (родина), Россия как государство (власть, управленческие структуры), Россия будущего, Россия в СМИ, Объединенная Европа, США, Китай, Япония, Израиль, Турция, Украина и Казахстан. Факторный анализ полученных данных позволил выявить пять значимых факторов, по которым в сознании респондентов строится образ страны. Факторы были интерпретированы следующим образом. Первый фактор – могущество страны, сила; второй фактор – благополучие, благосостояние; третий фактор – моральность; четвертый – пространственные характеристики, территория; пятый – миролюбие.

Образ России будущего однозначно оценивается респондентами как образ идеальной страны. По осям первых двух, наиболее значимых факторов этот образ принимает максимальные значения. По оси третьего фактора (моральность) более высокие значение принимает образ Китая. По оси пятого фактора (миролюбие) – образ Казахстана. Интересно, что по оси четвертого фактора (пространственные характеристики) образ современной России оценивается выше, чем образ будущей России. Вероятно, респонденты ожидают, что в будущем географические границы изменятся, и, возможно, площадь, занимаемая Россией, окажется меньше.

Интересно и важно расхождение в оценках образов России как страны и России в СМИ. Второй неизменно принимает более низкие значения. Это можно интерпретировать следующим образом: по мнению респондентов образ России в СМИ компрометируется.

Что касается образов других стран, то здесь наблюдается следующее. Китай и Япония оказываются практически «слепленными» в одно в сознании респондентов и по всем факторам, исключая четвертый (пространственные характеристики), принимают высокие значения, т.е. сближаются с образом будущей России. Наиболее низкие значения по всем факторам принимает образ Украины, а также США. Казахстан воспринимается как самая миролюбивая страна, но слабая и бедная. Турция оказывается в области средних значений. Израиль тяготеет к оценкам ниже среднего по осям всех факторов. Образ Объединенной Европы оценивается неоднозначно.

В целом можно заключить, что жители Сибири возлагают определенные надежды на будущее России, не согласны с тем, как представлен образ современной России в СМИ (оценивают его реально выше) и довольно критично относятся к образу России как государства. В их сознании Россия в большей степени тяготеет к странам Восточной цивилизации и в меньшей – к США и Украине.

В.И. Пищик, А.В. Микерова

Ростов-на-Дону, Институт управления, бизнеса и права

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ РОССИЙСКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ ФИРМ

V.I. Pischik, A.V. Mikerova

Rostov-on-Don, Institute of management, business and law

Cross-cultural investigation of mentality of managers working for the Italian and Russian companies

There are represented the results of cross-cultural research of valuable orientations, social directions, peculiarities of behavior and mental types that managers working for the Italian and Russian companies possess. The urgency of the research is based on the development of foreign partnership in the Russian business and on the necessity of investigating psychological peculiar features of foreign colleagues. The novelty of the research is proved by the fact that there is not an investigation of the modern representatives from the Italian companies; the research also offers a set of original methods analyzing peculiarities of mentality.

Актуальность данного исследования обусловлена ростом зарубежного партнерства в российском бизнесе и необходимостью в познании пси-

хологических особенностей иностранных коллег. Сегодня распадаются сотни «совместных предприятий» в связи с тем, что в их общей работе возникали проблемы, связанные с культурными различиями. Ясно, что большинства проблем можно было бы избежать, если бы партнеры более близко познакомились с ментальностью друг друга. Данных исследований в отечественной психологии не так много (Касьянова, 2003; Крысько, 2002; Лежнева, 2003; Сухарев..., 1997; Шихирев, 2000), можно отметить и некоторые переведенные издания (Кросс-культурная психология, 2007; Льюис, 1999, Мацумото, 2003; Триандис, 2007, Холден, 2005).

В этой связи целью данного исследования выступило изучение социально-психологических характеристик ментальности итальянских и российских менеджеров. Объектами выступили – 40 менеджеров двух компаний по производству шин («Pirelli» и «Нижнекамскшина»). Применялся следующий методический инструментарий: методика «Выявления ценностной обусловленности социальной идентификации» (Сикевич, 2005), выявляющая систему ценностных установок; опросник «Типы ментальности» (Пищик, 2007), выявляет преобладание традиционного, переходного, инновационного и постинновационного типов ментальности; методика «Культурно – ценностный дифференциал» (Солдатова, 1998) измеряет групповые ценностные ориентации: на группу, на власть, друг на друга и на социальные изменения; методика «Стили общения» (Мэннинг, 2003), выявляет поддерживающий, эмоциональный, рефлексивный, руководящий стиль общения.

В результате проведенного исследования по первой методике было выявлено, что итальянские менеджеры имеют такие качества как: душевность, сопереживание, адекватная самооценка, адекватная реакция на поступки окружающих, осторожность, расчетливость, лидерство, трудолюбие, активная позиция в следовании моральным нормам, материальное благоустройство. Менеджеры итальянских фирм чаще всего ведут себя открыто, показывают свою заинтересованность в работе и при этом чаще всего являются доминантными. Окружающие люди ими оцениваются как трудолюбивые, адекватно оценивающие себя, а деятельность власти, по мнению большинства правильно выстроена, они оценивают ее как сдержанную, адекватно реагирующую на поступки окружающих.

Менеджерам российской фирмы свойственны такие качества, как: сдержанность, самообладание, душевность, адекватная самооценка, открытость, материальное благоустройство. Менеджеры российских фирм считают свое поведение сдержанным и открытым, окружающие их люди трудолюбивые, адекватно оценивающие себя, а деятельность власти оценивается как хитрая, расчетливая, продуманная, для пра-

вильного построения своей деятельностью и умения утвердить себя как лидирующую доминанту.

Далее проведены исследования и выявлены типы ментальности у менеджеров итальянской и российской фирм. Из полученных результатов видно, что у менеджеров итальянской фирмы ментальность основана на ценностях горизонтального коллективизма, который предполагает следование традициям, отношения между людьми более честные и дружелюбные. Ментальность менеджеров российской фирмы основана на ценностях вертикального индивидуализма, предполагающего менее закрытые отношения, адекватную позицию в жизни, рациональность, ориентацию на личные достижения.

Применение методики «Культурно – ценностный дифференциал» показало, что среди итальянских менеджеров проявляются: групповая сплоченность, взаимовыручка, верность традициям, осторожность, по отношению друг к другу, сердечность, тепло, открытость, уважение по отношению к власти, законопослушность, по мотивам достижения уступчивость. У менеджеров российской фирмы проявляются по отношению друг к другу агрессивность, соперничество, при этом верность традициям, по отношению к власти идет недоверие, своеволие, но при этом законопослушность, осторожность, ориентация на перспективу, устремление в будущее.

По стилю общения две выборки схожи. Менеджеры российской фирмы являются конкурентоспособными, авторитарными, общительными, смелыми, способными оказать поддержку, контролирующими себя, серьезными, открытыми, с чувством юмора, ищущими внимания, чуждыми условиям. Менеджеры итальянской фирмы являются конкурентоспособными, послушными, способными к принятию решения, общительными, способными пойти на риск, смелыми, контролирующими себя, серьезными, методичными, открытыми, с чувством юмора, дружелюбными, ищущими внимания, предусмотрительными, сдержанными. Ментальность менеджеров российских и итальянских фирм схожа по самооценке, открытости, но имеются и различия. Итальянские менеджеры считают себя более материально благоустроенными, а так же итальянские менеджеры считают себя лидерами, доминантными, трудолюбивыми. Если говорить о взаимоотношении окружающих людей этих двух стран, то они очень схожи. Они адекватно оценивают себя, людей окружающих их считают трудолюбивыми, открытыми.

В ходе исследования наблюдались различия выборок по показателю отношение к власти. Итальянские менеджеры оценивают свою власть в большей степени сдержанной, самообладающей, адекватно реагирующей на постулки окружающих. В России намного меньше доверия к власти,

власть рассматривается как хитрая, ловкая, умеющая все сделать, так как ей будет выгодно, при этом осторожно и расчетливо. Российской ментальности присущ патернализм (Сикевич, 2005).

Если говорить о профессиональной деятельности, то итальянским менеджерам свойственна традиционная ментальность, основанная на ценностях горизонтального коллективизма, предполагающая следование традиционным отношениям между людьми, более честным и дружественным. В российских фирмах ментальность основана на ценностях вертикального индивидуализма, предполагающего менее закрытые отношения, ориентацию на личные достижения.

В результате сравнительного анализа можно сделать вывод, что ментальность исследуемых фирм схожа, но при этом у нее есть четкие различия, которые важны для развития компаний. Требования к менеджерам этих фирм отличаются, например, в итальянских фирмах при подборе специалиста больше внимания уделяется личности, внешним характеристикам и потенциалу будущего сотрудника. В западных компаниях более внимательно относятся к выбору сотрудников. При подборе персонала на иностранные компании мы часто сталкиваемся с просьбой провести психологическое тестирование кандидатов. От российских же компаний таких запросов практически не поступает. Инофирмы, работающие на российском рынке, являются привлекательными для соискателей. Работать в иностранной компании всегда считалось престижным. Работа в западном представительстве дает возможность перейти в российскую компанию и получить более высокую должность.

Список литературы

Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.

Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2007.

Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. – М.: Экзамен, 2002.

Лежнева Т.И. Национальный характер россиян и испанцев. Точки соприкосновения // Гуманитарий. История и общественные науки (Сборник научных трудов). Выпуск V. – М.: МПГУ, 2003. – С. 86-97.

Льюис Р.Д. «Деловая культура в международном бизнесе» (от столкновения к взаимопониманию) Практическое руководство. – М.: Дело, 1999.

Мэннинг Дж., Рис Б. Психология продаж. Искусство партнерских отношений. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003.

Пищик В.И. Тенденции трансформации ментальности поколений. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007.

Психология и Культура / Под. Ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003.

Сикевич З.В. Социологическое исследование: практическое руководство. – СПб.: Питер., 2005. – С. 300-303.

- Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998.
- Сухарев В.А., Сухарев М.В. Психология народов и наций. – Д.: Сталкер, 1997.
- Триандис Г.К. Культура и социальное поведение. – М.: Форум, 2007.
- Халден Н.Дж. Кросс-культурный менеджмент. Концепция когнитивного менеджмента. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
- Шихирев П.Н. Введение в российскую деловую культуру. – М.: ОАО «Типография «Новости»», 2000.

Н.А. Польская

Саратов, Педагогический институт СГУ имени Н.Г. Чернышевского

САМОПОВРЕЖДЕНИЕ В МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУРАХ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ)*

N.A. Polskaya

Saratov, Pedagogical Institute of Saratov State University

Self-injury behavior in youth subcultures (research results)

The article reviews the results of the research of self-injurious behaviour in subcultures. Self-injury is considered as an indicator of psychological deficiency which shows itself on the level of self-esteem, coping-strategies and understanding of emotions. Cultural functions of self-injury are defined by symbolical meaning which is attributed to it by local subculture norms.

Под понятием «субкультура» подразумевается объединение людей, отчуждающих себя от норм и правил традиционной культуры, через создание собственной культурной символической системы, предписывающей членам локальной субкультуры определенные нормы и правила поведения, как внутри субкультурного сообщества, так и в рамках традиционной культуры.

Исследование психологических аспектов субкультурных групп представляет определенную сложность, обусловленную строгими границами, сохраняющими уникальную гомогенность субкультуры и обеспечивающими ее защиту от давления и поглощения традиционной культурой. Успешность психологических исследований в данном направлении осложняется еще и тем, что лишь исследователь, разделяющий идеи изучаемой субкультуры, может рассчитывать на поддержку его исследовательских намерений и заинтересованность со стороны представителей субкультурных групп.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-06-00-511а)

Начиная с 2007 года, нами было предпринято несколько исследований в различных неформальных субкультурных объединениях («рокеры», «панки», «эмо»). Эти исследования осуществлялись в русле изучения психологических факторов самоповреждающего поведения. Известный факт широкой распространенности практик самоповреждения именно в этих группах, побудил нас провести ряд эмпирических исследований, направленных, во-первых, на выявление и оценку фактов самоповреждения; во-вторых, на выявление взаимосвязи различных психологических показателей с фактами самоповреждения. Исследовательский материал собирался студентами (Киреева, 2007; Маслова, 2008; Алешин, 2010), являющихся членами научно-исследовательской лаборатории психологии нарушений поведения детей и подростков Педагогического института Саратовского ГУ. Исследователи либо сами являлись представителями неформальных субкультур, либо поддерживали определенные субкультурные идеи и ценности.

Все исследовательские программы проводились с введением контрольной выборки (подростки и юноши, не ассоциирующие себя с неформальными молодежными субкультурами). Для обработки и анализа данных использовались все необходимые статистические процедуры с обязательным включением описательных и частотных статистик, корреляционного анализа, таблиц сопряженности, кластерного анализа. В данном сообщении будут указаны наиболее значимые выводы.

В исследовании, направленном на изучение феномена модификаций тела и осуществленном в группе молодых людей, относящих себя к субкультуре «рокеры», была выявлена тенденция прибегать к практикам самоповреждения и аутоагрессии, девиантным стратегиям поведенческого риска в эмоционально нестабильных ситуациях. Если для контрольной группы модификации тела ассоциировались с рискованным поведением, то у экспериментальной группы имелась устойчивая связь модификаций тела с самоповреждением. Кроме того, были выявлены взаимосвязи между фактами самоповреждения, самостоятельными модификациями и суицидальными намерениями, которые позволили нам предположить, что возможной функцией модификаций тела является функция избегания аутоагрессивной травматизации и суицида. В экспериментальной группе был определен более высокий процент неадаптивных копинг-стратегий, наибольшие различия были выявлены на уровне поведенческих и эмоциональных копингов, что позволило сделать вывод о том, что модификации тела включены в модели непродуктивных способов совладания со стрессовыми ситуациями. Причем в рамках подобных моделей модификации тела выступают в качестве условно адаптивных

стратегий, реализуя аутодеструктивные побуждения в социально «разрешенной» форме.

В исследовании, проведенном в субкультурном сообществе «эмо», изучались взаимосвязи между субъективным восприятием социальной поддержки, самооценкой и фактами самоповреждения. Были выявлены высокие показатели самоповреждения в экспериментальной группе по сравнению с контрольной группой, что позволяет нам говорить о возможном влиянии групповых ценностей и стиля жизни на закрепление поведенческих стратегий самоповреждающего характера. Несмотря на то, что и в контрольной группе были выявлены отдельные эпизоды самоповреждений, в экспериментальной группе практически все респонденты указали более одного факта самоповреждения. Большинство респондентов этой группы не ограничиваются каким-либо одним действием, а используют комплекс приемов самоповреждения, что указывает на сформированность модели самоповреждающего поведения. Выявленные корреляции между фактором самоповреждения и самооценкой, позволили предположить, что низкая оценка собственной активности и социальной привлекательности поддерживает паттерн самоповреждающего поведения.

В исследовании, проведенном в сообществе, позиционирующем себя как «панки», была установлена взаимосвязь показателей самоповреждения с показателями эмоционального интеллекта и самооценкой. Было определено, что оценка внешних событий, как оказывающих “невыносимое психологическое давление”, взаимосвязана с интенсивностью и разнообразием форм самоповреждения; самооценка своего поведения, как поведения высокого риска, имеет прямую связь с пониманием эмоций и отражает сформированность и зрелость уровня управления своими эмоциями; склонность к самопорезам, как одной из форм самоповреждения, поддерживается слабостью уровня контроля экспрессии, т.е. неспособностью контролировать внешние проявления собственных эмоций.

Таким образом, мы получили данные относительно склонности представителей неформальных молодежных субкультур к самоповреждениям. С одной стороны, психологический дефицит конструктивных стресс-преодолевающих стратегий, нестабильная и противоречивая самооценка, трудности в понимании и управлении эмоциями (как собственными, так и других людей) – все это создает серьезные трудности для формирования собственной идентичности и, соответственно, трудности определения своего места в культуре и обществе. С другой стороны, проблема социализации решается в своеобразном инкубаторе – субкультурной группе, которая сохраняя дистанцию в отношении традиционной культуры, при этом выполняет все основные культурные функции, основанные на взаимодействии, передаче знаний и коммуникации.

Самоповреждения могут быть предиктором психологической (прежде всего, эмоциональной) уязвимости, специфическим способом обмена информацией, формой инициации, практикой символических действий, психологической стратегией символического замещения (суицидального намерения на акт самоповреждения) и даже практикой социального научения. Вполне очевидным становится тот факт, что переживание боли и болезненных физических манипуляций с собственным телом, имеет глубокое психологическое содержание и культурное значение, которое в феномене неформальной субкультуры выступает наиболее отчетливо, как попытка прийти к недостижимому равновесию между уникальностью «индивидуального» и тотальностью «культурного».

Н.Л. Пушкарева

Москва, Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

**ОСОЗНАВАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ
(ANTHROPOLOGY AT HOME И ОСОБЕННОСТИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ИНТЕРВЬЮЕРОВ И РЕСПОНДЕНТОК
ИЗ СРЕДЫ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ)**

N.L. Pushkareva

Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

**Rethinking Inequity (Anthropology At Home and Specific of Interactions
between Interviewers and Respondents from Academy)**

For the last twenty years the academicians as a social group were ignored in the studies of post-Soviet every-day life. That is why the analysis of their biographical scenarios is now on the agenda. Up to now the every-day life of the intellectuals is not the object of interest for historians; they are firmly convinced that they know it enough. The sociologists concentrate their attention on statistical data and don't try to reconstruct details of life-cycle of the scholars as a social group and the influence of socio-political, politico-situational and traditional ethno-cultural factors on it.

В центре внимания данного сообщения – проблема достижения максимальной эмпатии в случае коммуникаций респонденток и аналитиков, собирающих информацию о повседневной жизни академического сообщества, проблема жизненных сложностей и путей их преодоления женщинами-учеными, детали организации повседневного быта, отобразившиеся в текстах женской устной истории науки. Эмпирический матери-

ал составляют несколько десятков глубинных неструктурированных интервью с современными женщинами-учеными из возрастной когорты 1935-1965 гг. рождения.

Российские женщины из среды интеллектуальной элиты, рассказывающие свои биографии, редко признаются в наличии «разломов», «кризисов» профессионального свойства, в то время как для мужских биографий о пути в большую науку типичны признания о преодолении, необходимости борьбы, переломах в сознании, подъемах. Как влияет различие «половых характеров», типов гендерного поведения и саморепрезентации мужчин и женщин на контент собираемой этнологом информации о повседневности научного сообщества в современной России? Почему женщины стараются придать своему рассказу характер гендерной нейтральности, не вспоминать о примерах дискриминаций, связанных с тем, что они – другого пола, насколько этот тип вспоминания связан с глубокой вписанностью женского устного поведения в общественные ожидания?

Результаты исследования, представляемые для апробации в данном докладе, доказывают сколь важны гендерная симметрия рассказчицы и исследовательницы для обеспечения контакта и взаимопонимания, выявления схожести опытов, рефлексии по поводу которых обретают терапевтическую роль для обеих участниц возникающей коммуникации («разделяемый ролевой опыт как основа для понимания»), а также поколенческая симметрия, для которой типично, что общеполитические события и перемены в жизни страны равным образом коснулись биографий и аналитиков, и респонденток.

Обращение к женским устным историям из жизни современного научного сообщества показывает очевидно ощущаемую при использовании данной исследовательской методики историчность/изменчивость биографического материала, возможность его виртуализации и мифологизации. Идентификация самих рассказчиц со своим социальным слоем, полом, поколением приводит часть из них к тому, чтобы рассматривать, обозначать задачу памяти через участников и свидетелей как некую «коммуникативную традицию», которую с радостью поддерживают (особенно гуманитарии).

Рассказы женщин оказались шире рассказов только об их жизнях – в скрипгах их интервью видны свидетели событий и явлений, которые определили и стратегию поведения, и (после рефлексии) общую дискурсивную стратегию, практику репрезентации пережитого. Каждый рассказ о себе, начинавшийся как что-то индивидуальное, перерастал впоследствии через институционализированный процесс организации воспоминания в часть общей коммуникативной памяти. И по тому, как женщины рассказывали о своей повседневности, можно понять, как окружающий мир контролировал их восприятие действительности, подкреплял или отклонял.

Г.В. Ражнёв

Смоленск, Военная академия войсковой ПВО ВС РФ

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИМВОЛИКА
ГОСУДАРСТВЕННОГО ФЛАГА РОССИИ**

G. V. Razhnev

*Smolensk, Military academy army air defense***Etho-cultural symbols of Russia flag**

The article deals with the attempt of the ethno-cultural investigation of Russia flag. The analysis of ethno-cultural symbols of its three colors: white, blue and red is made, which is of great scientific and practical value for the criticism of opponents and education of patriotism.

В Федеральном Конституционном законе «О Государственном флаге Российской Федерации», принятом в декабре 2000 года, к сожалению, нет ни строчки о семантике российского флага. Вместе с тем Президент России подписал распоряжение «О программе мероприятий по популяризации государственных символов России» (Собр. Законодательства РФ, 2004). Без сомнения, озабоченность Президента вызвана и тем, что с возрождением российского триколора грубые нападки на него не прекращаются. Напомню, В.В. Похлёбкин написал некорректную статью о наших символах, в которой назвал расположение полос на флаге России как «дурацкое, если не сказать провокационно-вызывающее, сохранённое по глупости» (Похлёбкин, 1998, с.3). По его мнению, белый цвет на флаге олицетворяет дворянство, синий – купечество, а красный – рабочий класс и крестьянство, поэтому подобная символика на фоне общего обнищания представляется циничной и зловещей.

Последователь В.В.Похлёбкина А.А.Щелоков в такой же манере утверждает, что у нас произошло «тотальное восстановление монархической символики» (Щелоков, 2007, с.4).

Отпор тенденциозной критике нашего триколора может дать только обстоятельное этнокультурное исследование символики российского флага, к которому наши историки и психологи ещё не приступали. В 1911 году несколько учёных к этой проблеме пытались подойти, но затем об этой проблеме забыли, так как триколор и двуглавый орёл в 1917 году, казалось, навсегда были выброшены на свалку истории.

Сегодня это – одна из актуальных тем для исследователей, имеющая огромное научное и практическое значение для воспитания патриотизма и уважительного отношения к государственному флагу.

В качестве введения к такому исследованию выскажем несколько тезисов. Если серьёзно заняться проблемой, какой цвет лучше всего отражает этнокультурные особенности русского народа, то сначала следует ответить на вопрос: а в чём состоит самобытность духовного облика россиян, в чём неповторимое своеобразие русской души? Вспомним, что отмечали в русской душе духовные светочи России.

Л.Н.Толстой и И.С.Тургенев выделяли духовное достоинство русского человека, дававшего ему силы спокойно смотреть в лицо смерти во время сражений. Н. Бердяев выделял устремлённость к высоте русской души, её исключительное свободолобие и любовь к людям (*Бердяев, 1990*). И.А.Ильин считал, что центральной идеей русской души является идея созерцающего сердца, идея души, предрасположенной к сочувствию, доброте. Он отмечал широту души русского человека, его ласковость, сердечность и простоту обхождения в противоположность черствости и чопорности западного человека. Особо он выделял русское правдолюбие, стремление к поиску истины, породившее, по его словам, «живой сонм русских правдолюбцев» (*Ильин, 1991*). Г.В.Флоровский выделял любомудрие и мечтательность русской души (*Флоровский, 2009*).

Так вот, в геральдике все перечисленные качества олицетворяет синий цвет, поэтому он был одним из любимых цветов русских. Особенно его любили славяне, жившие на Украине (*Сергейчук, 1990*). У славян, живших севернее, синий цвет тоже был в почёте, достаточно вспомнить Гжель и русскую финифть. Гжель считается неофициальным символом фольклорной России. До наших дней синий цвет дошёл в униформе казаков. И у православных христиан синий цвет был любимым: не только ризы Спасителя и Богородицы, но и многих святых имели синий цвет. В шедевре А.Рублёва «Троица» синий цвет является доминирующим в одежде ангелов.

Соперничая с красным цветом, синий цвет у славян иногда одерживал верх: так случилось при выборе фона для герба Киева, древней столицы «Малой Руси», синий цвет стал фоном и в гербах Пскова, Орла, Астрахани, Белгорода, Калуги, Симбирска и многих других русских городов.

Белый цвет испокон веков был у русских спутником красного, символизируя духовную чистоту, святость и величественность. Этот цвет имели ризы Георгия Победоносца, древнейшего покровителя Руси и её воинов. Православные считали белый цвет олицетворением Святого Духа. Особо почитали его русские воины: уходя на смертный бой, они одевались в белое. Крепостные стены городов русские белили. Этнографически этот цвет почитался больше всего в «Белой Руси», центром которой считался Смоленск, в гербе которого не случайно фон белый.

Что же касается красного цвета, то он с незапамятных времён признан цветом русского этноса. Этот факт увековечил ещё в XII веке выдающийся поэт Востока Низами Гянджеви в поэме «Семь красавиц», в которой рассказал, что каждая из семи жён Бехрама жила в храме с куполом, который был окрашен в цвет того народа, откуда она была родом. Славянская княжна жила под красным куполом.

Красный считался всегда исконным цветом русских. Красными были праздничные мужские рубашки, девичьи ленты, шитьё и др. Неспроста в русском языке слово «красный» имеет ряд синонимов, выражающих красоту и величие: красный звон, красна девица, красный угол, красная цена и многое другое. Не удивительно, что красный цвет стал украшать и знамёна славян. Так, например, знамя Ивана Грозного 1552 года было красным. Такого же цвета были знамёна ополчения Дмитрия Пожарского. Красный цвет стал фоном в гербе Москвы, столицы «Великой Руси».

Таким образом, цвета российского государственного флага всесторонне отражают сущность и своеобразие русского этноса.

Список литературы

Бердяев Н. Судьба России. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 256 с.

Ильин И.А. О русском национализме. О русской идее. – Новосибирск.: Изд-во «Русский архив», 1991. – 134 с.

Похлебкин В.В. Красный флаг России и другие её естественные символы // Независимая газета. – 1998. – 6 марта.

Распоряжение Президента РФ «О программе мероприятий по популяризации государственных символов России до 2010 г.» от 7 декабря 2004 г. // Собр. Законодательства РФ. 2004, № 50, ст. 5055.

Сергійчук В.І. Доля української національної символіки. – Київ.: Т-во «Знання» УРСР, 1990. – 48 с.

Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – М.: Изд-во Институт русской цивилизации, 2009. – 600 с.

Щелокв А.А. Увлекательная геральдика. – М.: Эксмо, 2007. – 352 с.

Н.Г. Ранчугова

Смоленск, Смоленский гуманитарный университет

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
ИКОНОГРАФИИ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

N.G. Ranchugova
Smolensk, Smolensk Humanities University

Cross-cultural aspects iconography of double eagle

The article deals with the attempt of the cross-cultural investigation of iconography and semantics of double eagle for the first time. The analysis of the acculturation of double headed eagle in Seljuks, Celts and aborigines America is made. This expands our knowledge in history, iconographics and semantics of double eagle, which is of great scientific and practical value.

Наши знания о семантике и стилях изображения двуглавого орла должны включать в себя информацию со всех регионов мира. Пока мы имеем единственное исследование о стилистике и семантике двуглавого орла, но оно посвящено только российскому гербу (Пчелов, 2005). Задачу кросс-культурного исследования У.В.Пчелов не ставил. Подойти к нему пытался Г. Ражнёв (Ражнёв, 2006), выделивший в иконографии двуглавого орла десять стилей и осветивший его семантику более широко.

Кросс-культурного исследования двуглавого орла ни в годы правления КПСС, ни в последующее время не предпринималось, хотя оно имело бы важное научное и практическое значение для устранения белых пятен в науке, утверждения более глубоких знаний о семантике двуглавого орла и уважительного к нему отношения.

Исходной позицией для такого исследования может стать положение о том, что культура – это исторически передаваемый паттерн значений, воплощаемый в символах, посредством которых люди сообщают и развивают свои знания о жизни и свои аттитюды к её разным сторонам (Гиртц, 2004). Одним из таких символов является двуглавый орёл, который входит в самую загадочную для современного человека группу фантастических фигур (Виллинбахов, 1997). Он является популярной символической фигурой не только в Европе, но и в Индии, Индонезии, Центральной и Северной Америке. Его изображение было главным символом у сельджуков, у арабов он стал династической эмблемой, а в Византии превратился в главный христианский символ. Масоны считали изображение двуглавого орла мистическим, имеющим тайное значение, поэтому его широко использовали для высших ступеней масонства.

Так как двуглавый орел в различных этнических культурах всегда имел важное значение, то он стал предметом этноцентризма. В отношении двуглавого орла этноцентризм проявляется в его восприятии сквозь призму базисных культурных традиций этноса, то есть в аккультурации, в процессе которой паттерн двуглавого орла может быть изменён.

Ф. Боас подчёркивал, что аккультурация свойственна всем народам, а не только «дикарям». Важно подчеркнуть, что в процессе аккультурации возможна и обратная связь. Так, например, восприятие двуглавого орла кельтами не обошлось без влияния других культур, но и кельты оказали своё влияние на восприятие двуглавого орла другими народами.

Таким образом, в результате аккультурации «донорский» тип двуглавого орла превращается в «реципиентный», который может превратиться в «донорский». Здесь проявляется мера аккультурации, которую можно классифицировать на два типа.

Первый – адаптация, то есть изменение паттерна двуглавого орла под влиянием культуры «реципиентной группы». Такой тип, по М. Херсковичу, объясняет процессы комбинации культурных элементов контактирующих этносов, в результате которых складываются новые паттерны с прежней сущностью. Пример тому – аккультурация двуглавого орла сельджуками под влиянием Византии.

Второй – реакция, то есть отторжение культурных паттернов «донорской группы» с сохранением прежних паттернов. Приведу малозвестный в кросс-культурной психологии пример аккультурации двуглавого орла Священной Римской империи кельтами в средневековье и российский двуглавого орла коренными народами Аляски в XVIII веке.

На один из нюансов аккультурации обратил внимание Р. Линтон. Он выделил два типа условий, в которых происходит аккультурация. Первый – свободное заимствование, второй – направляемое кросскультурное изменение, как это было, например, в XVI веке при испанизации аборигенов северной части Центральной Америки. Тогда Испания входила в состав Священной Римской империи, гербом которой был двуглавый орёл, насаждавшийся испанцами вместе с христианством.

В результате аккультурации может происходить не только изменение «донорского» паттерна двуглавого орла, но и появление других его изобразительных элементов, то есть рождение принципиально нового синтеза. Это обуславливает формирование новых паттернов, которые, в свою очередь, способны превращаться в «донорские».

Проиллюстрируем это на конкретных примерах. Одним из самых древних изображений двуглавого орла являются рисунки, найденные на территории Индии, где колоссальный двуглавый орел под именем Гандабе-

Рис. 2 Территория Индии. Орел под именем Гандаберунда, символизирующий колоссальную силу и власть

Рис.3. Византийский стиль

Рис. 4. Орел у сельджуков и в арабском мире был олицетворением Аллаха, неспроста одно из его имён часто помещалось на груди орла

Рис. 5. В арабском мире каллиграфы стали наполнять его форму текстами из Корана

Рис. 6. Американские индейцы изображали в стилях хайхул и хайда

Рис. 7. Кельтский стиль

рунда мог поднять в каждой лапе по слону и в каждом клюве по льву (рис. 2). Этот орёл символизировал колоссальную силу и высшую власть. Вот почему его стали использовать все правители в качестве геральдической эмблемы императорской власти. Византия видела в двуглавом орле симфонию двух властей: светской и церковной, двуединую (божественную и человеческую) сущность Иисуса Христа (рис. 3). У сельджуков и в арабском мире двуглавый орёл был олицетворением Аллаха, неспроста одно из его имён часто помещалось на груди орла (рис. 4), а каллиграфы стали наполнять его форму текстами из Корана (рис. 5). Американские индейцы понимали под двуглавым орлом единство женщины и мужчины, а изображали его в традиционных для народов хайхул и хайда стилях (рис. 6). Кельты использовали двуглавого орла как источник для причудливых орнаментов (рис. 7).

Так возникли новые типы и стили двуглавых орлов, иконография которых отразила удивительные результаты кросс-культурных процессов. Всё это предстоит ещё исследовать не только культурологам, этнологам и психологам, но и социологам, искусствоведам и геральдистам.

Список литературы

Вахта В.М. Проблема аккультурации в совр. этногр. лит-ре США// Современная американская этнография. – М., 1963.

Вилинбахов Г.В. Государственный герб России: 500 лет. – СПб, 1997.

Гиртц К. В поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. – Т. 1 – СПб, 1997.

Пчелов У.В. Российский государственный герб: композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. – М., 2005.

Ражнёв Г.В. Герб России: развитие символики. – Смоленск, 2006.

И.Н. Рахманина

Астрахань, Астраханский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ НОГАЙЦЕВ, МАЛОКОМПАКТНО ПРОЖИВАЮЩИХ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

I.N. Rahmanina

Astrakhan State University

Features of interpersonal relations in the family, caused by national mentality of nogaizu as a small peoples' group living in conditions of multicultural space

The analysis of results of research of features of interpersonal relations in the family, caused by national mentality of nogaizu is submitted in this article. It is judged that so called polyethnic space renders some essential influence on traditional ethnic culture and derivates some modern modernized forms of the last one.

Интерес исследователей к проблеме психологии этнических различий, менталитета и межэтнического понимания продиктован насущными потребностями современной действительности. Понимание этнических особенностей своего народа, интерес к культуре и ценностям других народов способствует осознанию равноправия различных культур, важности места и роли каждого народа в историческом развитии, помогает выработать взаимоуважительные принципы межкультурного и межнационального общения и взаимоотношений, преодолеть межнациональные барьеры.

В теоретических и экспериментальных исследованиях менталитета представлены сущность этнической идентичности и этнического самосознания (З.В.Анаибан, С.Т.Абдулкаримов, П.В.Валынкин и др.); этнопсихологические особенности русских и динамика изменений их сознания (Т.Г.Батасова, А.О.Бороноев и др.); этнопсихологические характеристики других народов России (Т.Д.Скрынникова, В.А.Сокольников, А.А.Ярлыкапов и др.). Однако, несмотря на обилие этнопсихологических исследований, по нашему мнению, менее изученными в психологии оста-

ются особенности межличностных отношений народов, малокомпактно проживающих в условиях мультикультурного пространства.

С целью выявления основных социально-психологических особенностей межличностных отношений в семьях ногайцев, малокомпактно проживающих в мультикультурном регионе, были использованы теоретический анализ литературы по проблеме, анализ документов и различные виды опроса: анкетирование и нестандартизированное интервью.

Выборку составили **200** испытуемых - ногайцев: **106** из которых жители села Лапас и **94** жители села Растопуловка. Возраст испытуемых составлял от **18** до **45** лет. Были опрошены разные слои населения.

В ходе анализа документов мы определили, что ногайцы-карагаши – локальная этническая группа, проживающая на территории Астраханской области. Общая численность, согласно официальной статистике (перепись **2007** года), составляет **4 570** человек, неофициальной – около **10 000** чел. Территория расселения карагашей в Астраханской области начинается с **70**-х годов **XVIII** в. Основное место расположения – Красноярский уезд Астраханской губернии, где карагаши стали активно переходить от кочевого к полуседлому, а затем и к оседлому образу жизни. До **2006** года **XX** в. современная территория компактного проживания карагашей приходилась на земли Красноярского района. Помимо этого, ногайцы-карагаши проживали в Харабалинском районе и пригороде Астрахани (Материалы..., **2007**, с.**38**) . В настоящее время в связи с переселением из санитарно-защитной зоны (СЗЗ) Астраханского газового комплекса жители вышеуказанных сел были переселены в село Растопуловка (Приволжский район).

Теоретический анализ этнографической литературы показал, что ногайская семья в прошлом была патриархальной. По свидетельствам этнографических и фольклорных данных, главой семьи выступали соответственно дед, отец, старший брат. Главе семьи все ее члены подчинялись беспрекословно.

Однако результаты нашего исследования показали, что только **21,9%** женщин данной национальности, в условиях мультикультурного пространства полагаются на мнение мужа по многим вопросам: по финансовым вопросам мнение мужа учитывают **18,3%** жен; по вопросам воспитания детей полагаются на мнение мужа **12,1%** жен; по хозяйственным вопросам - **10,9%**. Обсуждают проблемы детей, полагаясь на мнение мужа, **6,5%** женщин; ситуацию на работе - **6,5%**; советуются по бытовым вопросам - **4,8%**; по семейным - **3,6%**; по вопросам покупок - **2,4%** жен. При этом большинство респондентов считают, что главой семьи является муж.

Анализ результатов показал, что в ногайских семьях отношения мужа к жене оцениваются респондентами по таким характеристикам, как уважение, вежливость в среднем на 5 баллов (при максимальной оценке в 5 баллов), требовательность, сдержанность, открытость, эмоциональность, взаимопонимание, чуткость, равноправие – на 4 балла, авторитарность – на 3 балла, конфликтность и несдержанность – на 2 балла.

Полученные данные могут свидетельствовать о том, что ногайский менталитет, несомненно, претерпел определенные изменения под влиянием времени, социально-экономических условий. В современной ногайской семье, проживающей в условиях мультикультурного региона, нет притеснения и ущемления прав женского пола, наблюдается равенство в семейных отношениях.

Также практически изжили себя в личных внутрисемейных отношениях обычаи избегания.

Классификация обычаев избегания, предложенная Я.С. Смирновой, вполне применима к ногайцам. Она подразделяет обычаи избегания на запреты в отношениях между супругами, между родителями и детьми, между женщиной и родственниками ее мужа и между мужчиной и родственниками его жены. У ногайцев все эти запреты соблюдались строго. Женщина всегда уступала место или дорогу мужчине, даже младшему. Зазорным считалось показаться без платка, которым при встрече со старшим прикрывали лицо. Одежда женщины должна была быть более закрытой, чем у мужчин (*Идрисов, 2005, с. 45*).

Таким образом, в ногайской семье статус старшего (главным образом мужчины) основывался на нормах шариата и адата, которые регулировали внутрисемейные отношения. При этом статус старшего был непоколебим, к его мнению прислушивались и его указания выполняли (*Смирнова, 1983, с.37*).

Современные ногайские женщины, проживающие в условиях мультикультурного региона, легко и без стеснения вступают в контакт и охотно выражают мнение о мужчинах.

Как показали результаты опроса, женщины данной национальности ценят в мужчинах своей национальности уважение – 13,6%, ответственность – 10,2% и трудолюбие – 10,2%; кроме этого ценятся такие качества, как верность – 6,8%; работоспособность – 6,8%; честность – 5,6%; забота – 3,4%; преданность – 3,4%; сдержанность – 3,4%; ум – 3,4%; хозяйственность – 3,4%; отсутствие вредных привычек – 2,3%; верность традициям – 2,3%; любовь – 2,3%; мужественность – 2,3%.

Типичными недостатками своих мужей женщины данной национальности, считают алкоголизм (пьянство) – 28,3%; вспыльчивость – 8,3%; вла-

стность – 5%; лень – 5%; неверность – 5%; гордость – 3,3%; вредные привычки – 3,3%; безразличие – 3,3%.

Оказание взаимной помощи и поддержки между родственниками с точки зрения ногайцев проявляется у представителей этой национальности часто – 69 %, достаточно – 23, 3%. Среди представителей ногайцев в отношениях между родственниками в большей степени ценится гостеприимство – 73, 3%.

Среди ногайцев ценны родственные отношения. Для них характерны взаимовыручка, взаимоуважение, поддержание связи, оказание помощи, открытость, взаимопонимание, забота друг о друге, дружба, приветливость, гостеприимство, общительность, сплоченность, доброжелательность, добродушие, сдержанность, отзывчивость.

Полученные в ходе теоретического анализа и эмпирического исследования результаты позволили сделать вывод о том, что отрыв от исконных территорий, потеря хозяйственного уклада, возрастные и психологические факторы адаптации к новым условиям, оказали существенное воздействие на традиционную этническую культуру и породили современные модернизированные формы последней. Другими словами, степень сохранения традиционного комплекса бытовой культуры в новой этнической среде и условиях оказалась в прямой зависимости от иноэтнических заимствований, осуществляемых на фоне упрощений компонентов традиционной культуры, что самым непосредственным образом отразилось как в материальной культуре, так и обрядах жизненного цикла. Напротив, у тех ногайцев-карагашей, которых не затронуло переселение (село Лапас Харабалинского района) замечено стойкое сохранение традиционных элементов. Здесь, отмечается более консервативный уклад семейной жизни, приверженность патриархальным родственным отношениям, знание родоплеменной принадлежности.

Список литературы

Идрисов Э.Ш. К вопросу об этнокультурной характеристике ногайцев-карагашей в связи с преподаванием родного языка // Культурологический подход к изучению литературы, русского, иностранного и родного языков в общеобразовательных учреждениях: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (12 марта 2005 года). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2005. – С. 45.

Материалы территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Астраханской области (Астраханьстат). – Астрахань, 2007.

Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. XIX – первая половина XX в. – М.: Наука, 1983. – С.37.

Е.Н. Резников

Москва, Институт психологии РАН

ПСИХОМЕТРИЧЕСКАЯ ВАЛИДИЗАЦИЯ МЕТОДИКИ
«ВЫЯВЛЕНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
СРЕДИ ЭТНОСОВ»

E.N. Reznikov

Moscow, Russian Academy of Science Institute of Psychology

The psycho metric validation of method “The study interpersonal relations in ethnic”

The aim of psycho metric verification of method “The study interpersonal relations in ethnic” was to determine the age of respondents, whom may be used for carry out in ethnic psychological investigation.

Целью психометрической проверки методики «Выявление межличностных отношений среди этносов» является проверка надежности-согласованности шкал для определения возраста респондентов, начиная с которого можно их привлекать при проведении этнопсихологических исследований.

Проверяемая методика включала 15 шкал (104 пункта), таких как «уважительные», «доброжелательные», «искренние», «вежливые», «сдержанные», «независимые», «конфликтные», «равноправные», «с достоинством», «чуткие (отзывчивые)», «характерное поведение русских мужчин», «характерное поведение русских женщин», «стиль общения русских с русскими» и «стиль общения русских с представителями других национальностей». В свою очередь, последние 4 шкалы включали в себя более дробные психологические показатели.

В результате использования критерия Манна-Уитни и корреляционного анализа большинство показателей по пунктам проявления «Межличностных отношений» по средним значениям были близки или совпадали. Таким образом, вместо 80 пунктов шкалы «Межличностные отношения» было оставлено 10 пунктов (см. табл. 10).

Далее проверялась надежность-согласованность шкал, ранее предложенных автором. Полученные результаты свидетельствуют, что шкалы предложенные автором, надежны, так как они создавались в течение длительного времени на основе опыта общения с представителями разных этносов из многих стран мира. С использованием данных шкал проводились многочисленные исследования по психологии русских, тувинцев, итальянцев, норвежцев и других народов (методика переводилась на указанные языки) (см. табл. 11).

**Надежность-согласованность психологических характеристик
межличностных отношений**

Межличностные отношения	Надежность-согласованность
1. Уважительные	0,83
2. Доброжелательные	0,83
3. Искренние	0,82
4. Вежливые	0,84
5. Сдержанные	0,76
6. Независимые	0,84
7. Конфликтные	0,87
8. Равноправные	0,85
9. С достоинством	0,89
10. Чуткие (отзывчивые)	0,85

Таблица 11

Надежность-согласованность предложенных шкал

Название шкал и пунктов	Коэффициент альфа Кронбаха (α Cr)
Уважительные	0,86
Доброжелательные	0,94
Искренние	0,91
Вежливые	0,88
Сдержанные	0,83
Независимые	0,83
Конфликтные	0,77
Равноправные	0,85
С достоинством	0,95
Чуткие (отзывчивые)	0,82
Характерные особенности русских мужчин	0,76
Характерные особенности русских женщин	0,72
Стиль общения между русскими	0,75
Характеристики русских	0,75

Затем надежность-согласованность была проверена на выборке разных возрастов (18 – 20 лет и 25 – 55 лет) (см. табл. 12).

Анализируя полученные результаты, мы видим, что шкалы: «уважительные», «искренние», «вежливые», «конфликтные», «равноправные», «с достоинством» и «чуткие (отзывчивые)» обладают репрезентативностью. Эти шкалы можно использовать на выборках различных возрастных групп.

Таблица 12

**Надежность-согласованность,
предложенных автором шкал на выборках разных возрастов**

Шкалы Психологические характеристики	Выборка 18–20 лет	Выборка 25–55 лет
	Надежность – согласованность Кронбаха (α Cr)	Надежность – согласованность Кронбаха (α Cr)
Уважительные	0,77	0,86
Доброжелательные	0,60	0,94
Искренние	0,72	0,91
Вежливые	0,82	0,88
Сдержанные	0,67	0,83
Независимые	0,68	0,83
Конфликтные	0,80	0,77
Равноправные	0,72	0,85
С достоинством	0,87	0,95
Чуткие (отзывчивые)	0,71	0,82
Характерные особенности русских мужчин	0,50	0,76
Характерные особенности русских женщин	0,51	0,72
Стиль общения между русскими	0,40	0,75
Характеристики русских	0,64	0,75

Полученные результаты на выборке молодежи (18 – 20 лет), представленные в таблице 12, свидетельствуют, что по надежности-согласованности ненадежными шкалами являются пункты «доброжелательность», «сдержанность», «независимость», «характерные особенности русских мужчин», «характерные особенности русских женщин» и «стиль общения между русскими». Ненадежность шкал, на выборке 18 – 20 лет, может быть объяснена следующими причинами. Во-первых, среди молодежи данного возраста еще не закончилась возрастная, гендерная и этническая социализация (этнизация). Кроме того, у нее еще не в полном объеме сформировались представления об отношениях в семье и на работе; отношениях между мужчинами и женщинами, и пр. В-третьих, у лиц этого возраста, как правило, порой недостаточно опыта общения с представителями разных этнических групп.

Таким образом, новизна полученных результатов на разных возрастных выборках заключается в том, что молодежь в возрасте 18-20 лет нецелесообразно использовать в качестве респондентов в этнопсихологических исследованиях.

М.Н. Романова

*Саранск, Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва*

**ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА: НА ПРИМЕРЕ ТРАДИЦИОННОГО
ЖИЛИЩА МОРДВЫ**

M.N. Romanova

Saransk, Mordovian State University named after N.P. Ogarev

**Ethnopsychological Aspects of the Social Space:
Based on the Example of the Traditional Dwelling of the Mordvins**

An attempt to trace the reflection of some customs, connected with the dwelling, is made in the article. While building the house and moving into it owners accomplished rites to make favorable psychological attitude, instill confidence in the fact that their life will be successful and the house will be protected from the evil forces as well as from other troubles.

Социальное пространство – это социально освоенная часть природного пространства как среды обитания людей. Оно характеризует структуру жизнедеятельности общества и выражается в способах расселения людей. Элементарной ячейкой социального пространства может служить жильё человека, семьи, которое выступает «центром культурной жизни» (Кононенко, 2003, с. 330). Аксиологическое измерение социокультурного пространства включает также рассмотрение ценностных оснований для возникновения и существования различных социальных групп и субкультурных образований в культурном контексте, едином в своем многообразии. Аксиологический анализ – необходимая составляющая при изучении процессов инкультурации, связанных с усвоением индивидом определенной системы культурных ценностей и норм. В этой статье сделана попытка проследить отражение некоторых обычаев, связанных с жилищем. Обычай – стереотипизированная форма поведения, связанная с деятельностью, имеющей практическое значение, с регулированием обыденной жизни, не жестко фиксированная программа поведения (Садохин, 2000, с. 248).

Специфика жилища и хозяйственных построек также определяется природно-климатическими условиями, семейным строем, хозяйственно-культурным укладом, традициями. Полностью освоенным и обжитым жильё считалось после специального обряда – «од кудонь озкс» (м.¹), «од кудонь ознома» (э.). В настоящее время этот обряд чаще всего называется новоселье. Его обычно приурочивали к ближайшему празднику или, в крайнем случае, – к выходному дню. Все приглашенные (а это чаще всего

ближайшие родственники и соседи) считали нужным и обязательным «на обзаведение хозяйства» нести кур, овец, поросят или что-либо из хозяйственных принадлежностей. В с. Колопино Краснослободского района – живую курицу или петуха, чтобы в доме велась «живность» (ПМА: *Авдеева*, 2005). Мордва повсеместно обязательным считали принести с собой хлеб, деньги. В настоящее время скот дарят в основном родители, другие родственники одаривают или деньгами, или же купленными изделиями. Так, например, в д. Чукалы Ардатовского района в новый дом приносили горшок каши – для благополучной жизни (РФ ГУНИИГН, И – 148, л. 25); в с. Мордовское Давыдово Кочкуровского района соседи и родственники приносили кур (символ плодородия) (РФ ГУНИИГН, И – 489, л. 29). Жители с. Подгорное Конаково Темниковского района считали, что в новом доме курица приносит счастье. Поэтому хозяйка на новоселье обязательно угощала гостей куском куриного мяса (РФ ГУНИИГН, И – 390, л. 30). У мордовского населения было принято, чтобы любой человек, впервые входивший в новый дом, считал обязательным принести что-либо, что символизировало пожелание хозяину достатка.

Повсеместно, при переходе семьи в новый дом, вперед пускали кошку или петуха, к которым мордва (да и некоторые другие народы Мордовии) приписывала очистительные или охранительные функции. В с. Баево Ардатовского района при заселении дома сначала бросали подушку, потом запускали кошку, а гости бросали монеты со словами «Брошу серебро и медно, и чтобы не жили бедно» (ПМА: *Ладьяшкина*). В с. Атяшево Атяшевского района первой впускали кошку, а затем мальчика, после чего совершали молебен, устраивали поминки по усопшим, и только после этого устраивали новоселье (ПМА: *Бектяшина*). В с. Мордовские Парки Краснослободского района кошку пускают для того, чтобы узнать, в каком углу ставить кровать, так как, по их мнению, кошка для сна выбирает самое удобное место (ПМА: *Повернова*). Как рассказывал информатор из с. Зайцево Краснослободского района был случай, когда как только впустили кошку, она убежала очень быстро, и вскоре умер хозяин дома, пропала дочь, которую, как говорят, до сих пор не нашли (ПМА: *Шутова*). В Зубово-Полянском районе кошку в новый дом приносили из старого дома (РФ ГУНИИГН, И – 906, л. 6). Мордва Теньгушевского и Ковылкинского районов кошку впускали для долголетия членов семьи (ПМА: *Шутова*, 2005). После этого приносили в дом икону Христа Спасителя, а во двор ходили с иконой Святого Власия, и кропили святой водой, на дверях и окнах мелом рисовали кресты. Этот ритуал проводили старшие в доме, чаще всего родители. Когда заходили в дом, кидали шерстяной клубок для того, чтобы молодые жили счастливо в этом доме (ПМА: *Учеватова, Цибилова*).

Переходу в новый дом предшествовало приглашение или «переселение» юрт-авы из прежнего очага (или в крайнем случае огня со старого очага). Во вновь отстроенном доме (чаще всего под печью) для нее ставилось угощение. Молили, как правило, юрт-аву перейти с такими словами: «Хранительница дома, Кудо юрт-ава, матушка... Утоли свой голод, успокой свое сердце, затем пойдем в новый дом, на новое место, новое жилье обживать, новый дом оберегать (УПТМН, 1981, с. 195).

В новом доме хозяйка вновь обращалась к божеству: «Богиня дома, как охраняла ты старый дом, так охраняй и новое жилье». В первую ночь после переселения она не спала, старалась «услышать» юрт-аву. Если ей слышались стон, скрип, стоны или вздохи, то считалось, что богине не нравится новый дом, а если была тишина – значит, он пришелся ей по нраву (ЦГА РМ, 10, л.5). В с. Волгапино Теньгушевского района перед тем, как позвать юрт-аву в новый дом, хозяева молились в старом. Переход в новый дом совершали чаще ночью. В новом доме пекли пирог и оставляли его в старом доме для «старой» юрт-авы, а в старом доме пекли пирог и несли в новый дом для «новой» юрт-авы (РФ ГУНИИГН, И – 489, л. 133). В новом доме в этом же селе в передний угол «шкай угол» хозяева ставили вино, квас, клали хлеб и, обращаясь к юрт-аве, говорили: «Юрт-ава, юрт-ава, дай нам здоровья». В восточной части Мордовии (с. Мордовское Давыдово Кочкуровского района) при переходе в новый дом хозяйка спускалась в подпол, брала горсть земли, заворачивала в кусок ткани и переносила в передний угол подполья нового дома. Это и была, по их мнению юрт-ава (РФ ГУНИИГН, И – 489, л. 133).

Немаловажное значение в культуре мордвы имело поверье о домовом. Так, например, в с. Зайцево Краснослободского района специально для домового пекли пироги «цокорнят» и говорили такие слова: «Аде домовоине мархтонок» («Пойдем матушка дома с нами») (ПМА: *Ладьяшкина*). По поверью жителей с. Мордовские Парки Краснослободского района «Если скотина в доме не идет, означает, что в доме нет домового, особенно часто встречалось в современных двухквартирных домах» (ПМА: *Арсенкина*). В Теньгушевском районе во двор для домового бросали петуха, чтобы дом охраняли от разных «нечистых духов», а в Ковылкинском и Ардатовском районе – курицу или петуха, для того, чтобы хозяева дома жили в достатке и все несли в дом (ПМА, Ведякова; 2008; РФ ГУНИИГН, И – 148, л. 25). В архивных источниках ГУ НИИ ГН записан материал о том, как один житель дважды видел домового («кудос-спас»). Е.С. Сурдин рассказывал так: «Когда был еще не женатым, поздно пришел домой. Вдруг вижу, что по дому ходит белая старуха и фукает: «Фу-фу, какие нечистоплотные, хозяйка не убирается». Второй раз с ней

встретился таким образом. Я пришел с девушкой и сидел с ней около нашего дома. Вдруг вижу, что у нашей лошади кто-то расчесывает гребнем гриву. Через некоторое время кудос-спас берет палку и бросает в нас» (РФ ГУНИИГН, И – 906, л. 6). Жители с. Дракино Торбеевского района сообщили такие данные о домовых: «Когда случилось несчастье, то она показывалась людям. Появляется она в виде женщины в белом платье, либо в красном платье. Она может мучить животных всю ночь. После этого скот мокнет, пеной покрывается. Бывают случаи, когда от чужих соседей куд-ава, не имеющая своего двора, может перейти на соседний двор» (РФ ГУНИИГН, И – 152, л. 92, 111).

Таким образом, этнопсихологические аспекты в социальном пространстве у мордвы можно проследить через проведение определенных обрядов, связанных с традиционным жилищем (при его возведении и вхождении в него): дом занимает значительное место в других обрядах (свадебных, родильных, поминальных и т.п.). Как отмечает профессор, этнограф Л.И. Никонова: «Такие обряды, создавали у хозяев дома благоприятный психологический настрой, уверенность в том, что после их свершения, жизнь семьи будет благополучной и охраняться от мнимых действий, например, злых сил» (РФ ГУНИИГН, И – 1320, л. 46).

Список литературы

Кононенко Б. И, Большой толковый словарь по культурологии. — М.: ООО «Издательство «Вече 2000», ООО «Издательство АСТ», 2003. — 512 с.

Рукописный Фонд государственного учреждения «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (РФ. ГУНИИГН). И-148. Мордовская этнографическая экспедиция в 1953 году по селам Большеигнатовского района Мордовской АССР. на 165 л.

РФ. ГУНИИГН. И-152. Этнографические материалы, собранные участниками историко-этнографической экспедиции 1951 г. в Торбеевском районе Мордовской АССР. на 321 л

РФ. ГУНИИГН. И-390. Белицер В.Н. Материалы мордовской этнографической экспедиции 1958-1959 гг. на 105 л.

РФ. ГУНИИГН. И-489. Материалы Мордовской этнографической экспедиции 1959 г. на 254 л.

РФ. ГУНИИГН. И-906. Отчет об этнографической экспедиции сектора археологии и этнографии, проведенной в 1975 г. л. 6.

РФ. ГУНИИГН. И-1320. Никонова Л.И. Традиционные способы сохранения здоровья мордвы. Саранск, 1993. С. 46. дисс. на соиск. уч. степени канд. н. на 231 л. Садохин А.П. Этнология. – М.: Гардарики, 2000. – 256 с.

Устно- поэтическое творчество мордвы. – Саранск, 1981. – Т. 7. – 304 с.

ЦГА РМ Р-267, оп.1, д.312. Мордовские обычаи, моления и обряды. Автобиографии учащихся Казанской учительской семинарии. л. 5.

*Полевой материал автора (ПМА),
собранный в этнографических экспедициях*

Авдеева Татьяна Николаевна, 1956 г.р., с. Колопино Краснослободского района, записи 2005 г.

Арсенкина Ирина Степановна, 1934 г.р., с. Мордовские Парки Краснослободского района, записи 2005 г.

Бектяшкина Антонина Павловна, 1938 г.р., с. Атяшево Атяшевского района, записи 2008 г.

Ведякова Анна Егоровна, 1930 г.р., с. Мордовское Вечкенино Ковылкинско-го района, записи 2008 г.

Ладьяшкина Татьяна Федоровна, 1926 г.р., с. Баево Ардатовского района, записи 2008 г.

Повернова Анна Ефимовна, 1949 г.р., с. Мордовские Парки Краснослободского района, записи 2005 г.

Шутова Пелагея Ивановна, 1924 г.р., с. Зайцево Краснослободского района, записи 2005 г.

Учеватова Мария Николаевна, 1937 г.р., с. Стандрово Теньгушевского района; *Цибизова* Ольга Ермалаевна, 1927 г.р., с. Куликово Теньгушевского района, записи 2003 г.

Примечания

- ¹ Здесь и далее: м. – мордва-мокша, э. – мордва-эрзя

А.В. Рудых

*Иркутск, Байкальский государственный
университет экономики и права*

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТЕЙ И КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НА РАЗВИТИЕ СТРАХА И ТРЕВОЖНОСТИ У СТУДЕНТОВ РУССКОЙ И ЧЕЧЕНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

A.V. Rudykh

Irkutsk, Baikal National University of Economics and Law

**Influence of values and cultural traditions on development of fear
and uneasiness of students of Russian and Chechen nationalities**

In article the author carries out the comparative analysis of system of vital senses of students of Russian and Chechen nationalities, discusses dependence of conditions of fear and uneasiness from valuable orientations of representatives of two nationalities in the conditions of modern social and economic crisis, and also brings up questions of overcoming of fear by means of cultural traditions.

Финансово-экономический кризис бьет по самому больному месту – экономическому благосостоянию российского общества, усиливая всеобщий страх. Однако в психологической науке не так часто связывают по-

вышение тревожности или появление страхов у личности с ее ценностными ориентациями. Изучая последние работы отечественных психологов, можно сделать предположение, что социально-психологический корень страхов кроется в ценностных ориентациях и системе жизненных смыслов личности (Серый, 2004; Чернявска, 2007). Дополняя эту картину выводами Ш.Х. Шварца, важно отметить, что эти ценностные ориентации были сформированы в определенных условиях – условиях культурных традиций (или их отсутствия) того или иного народа (Schwartz, 1990). В зависимости от того, в каком направлении сориентированы ценностные и смысловые устремления личности – в сторону индивидуалистской обособленности или в сторону коллективистской взаимозависимости и сотрудничества, развиваются различные типы страхов.

Мы провели пилотное исследование в связи с обозначенным выше предположением и решили сравнить ценностные ориентации представителей двух культурных традиций – русской и чеченской. Исследование проводилось в три этапа, на каждом из которых исследовались соответственно система жизненных смыслов испытуемых, уровень их личностной тревожности, а также личное отношение к финансово-экономическому кризису. В исследовании приняли участие 29 человек – 16 студентов русской национальности и 13 – чеченской. Все – представители 4-5 курсов экономических факультетов Байкальского государственного университета экономики и права. Все студенты работают на коммерческих предприятиях по предоставлению услуг или занимаются собственным бизнесом. Анализу подвергались отдельно данные студентов русской национальности и отдельно – чеченской.

Итогом данного исследования явились следующие эмпирические данные. Процентное соотношение студентов по методике исследования системы жизненных смыслов, модифицированной В.Ю. Котляковым, характеризуется следующим соотношением: в системе жизненных смыслов группы студентов русской национальности в большей степени (31,25%) доминируют категории самореализации и категории статусные (31,25%), а также категории гедонистические (18,75%). Далее – по снижению – категории коммуникативные (6,25%), семейные (6,25%) и альтруистические (6,25%). Экзистенциальные и когнитивные категории никто не отметил. В системе жизненных смыслов студентов чеченской национальности, наоборот, в большей степени (30,79%) доминируют категории экзистенциальные, категории семейные, самореализации и альтруистические (по 15,38%). Далее – категории коммуникативные, статусные и гедонистические (по 7,69%).

Полученные в результате исследования данные позволяют сделать выводы об ориентации молодых людей русской национальности на ин-

дивидуалистские ценности, поскольку категория самореализации в современном российском обществе больше ассоциируется с достижением определенного уровня материального благополучия и умением правильно применить свои способности и таланты, что удачно сочетается в сознании молодых людей со статусными категориями. Что касается жизненных смыслов, связанных с семьей, то в отношении современного общества, отдаляющегося от традиционных ценностей, представители экзистенциально-гуманистического направления в психологии выделяют эгоцентризм в своей простой формации (концентрация на себе), а также в более сложной, расширенной – к примеру, концентрация на себе и своей семье (Фромм, 2004). В условиях сочетания с доминирующими статусными и гедонистическими категориями семейные категории в сознании студентов русской национальности приобретают также индивидуалистский окрас. Альтруистические категории в системе жизненных смыслов русских студентов играют совсем незначительную роль. Исходя из этого, можно заключить, что исследуемые в большей степени концентрируются на своих потребностях, чем на потребностях других, что, в принципе, характерно для молодого поколения людей, стремящихся к успеху.

Для студентов чеченской национальности, что интересно, в большей степени характерны экзистенциальные ценности – в первую очередь, свободы. То, что в системе их жизненных смыслов важное место занимают также семейные ценности, ценности самореализации и альтруистические, указывает на большую приверженность ценностям коллективистского характера. Это можно также понять и по отношению к семье в традиционных чеченских семьях: семья, прежде всего, это предки, пожилые члены семьи, отец с матерью, все многочисленные родственники и уже затем – твоя супруга (или супруг) и дети, что не позволяет традиционно воспитанному чеченцу замыкаться в узком кругу своей семьи, отстраняясь от остальных, более старших и значимых ее членов.

Полученные данные позволяют сделать предположение о том, что большинство студентов чеченской национальности, участвовавших в исследовании, чувствуют сильную приверженность родной культуре и поощряемым ею ценностям, тогда как большинство студентов русской национальности были воспитаны вне традиционной русской культуры, отсюда и их заинтересованность лишь в личном успехе.

Результаты исследования по второй методике – измерения уровня тревожности по Тейлору (в адаптации Норакидзе) – оказались также весьма интересными: **43,75%** исследуемых из группы студентов русской национальности попали в группу с высоким уровнем тревоги, у части группы оказался средний уровень тревожности с тенденцией к высокому (**31,25%**),

у части – средний с тенденцией к низкому (**18,75%**), у одного человека – очень высокий (**6,25%**). В итоге можно сказать, что достаточно большая часть испытуемых имеет высокий уровень личностной тревожности, что говорит о том, что в различные критические моменты или периоды их жизни это свойство их психики становится определяющим в их деятельности.

В самом начале было сказано, что все исследуемые студенты – работающие люди. Учитывая ситуацию кризиса, продолжающегося уже больше года, а также то, что молодые люди работают в самой подверженной риску сфере – менеджеры по персоналу, банковская система, сфера услуг, – все они так или иначе уже несколько месяцев подвергаются риску потерпеть крах в собственном деле, проиграть конкурентам, быть подсиженными коллегами на местах в связи с повальным сокращением персонала, потерять вклады в банках, не оправдать ожидания от инвестиций в какой-то серьезный проект, потерять команду сослуживцев и т.п. Следовательно, можно предположить, что тревожность в данной ситуации, связанной с угрозой престижу, самооценке, самоуважению, потери рабочего места, т.е. *всему тому, что позволяет студентам русской национальности реализовать жизненные смыслы, определенные ранее*, – личное счастье, карьерный рост, достижение успеха, осуществление себя, достойное положение в обществе, получение удовольствия, страх за потерю всего этого, – становится определяющим параметром в совершении очередного выбора.

В контексте этих данных, однако, интересно, что почти половина испытуемых из группы студентов чеченской национальности попала в группу со средним уровнем тревожности с тенденцией к низкому (**46,15%**). Далее идут группы со средним уровнем тревожности с тенденцией к высокому (**38,47%**), с высоким уровнем (**7,69%**) и очень высоким (**7,69%**).

Примечательно, что в группе студентов русской национальности с высокой степенью тревожности оказалась большая часть (**71,4%**) исследуемых, в системе чьих жизненных смыслов доминируют категории самореализации, статусные и гедонистические. Тогда как в группе студентов чеченской национальности со средней степенью тревожности с тенденцией к низкому оказалась большая часть исследуемых (**83,3%**), в системе чьих жизненных смыслов доминируют категории экзистенциальные и альтруистические (свобода, взаимовыручка и уважение, сотрудничество). Это говорит о том, что жизненные смыслы и ценностные ориентации испытуемых напрямую влияют на уровень их тревожности, а впоследствии могут стать причиной появления страхов или защиты от них. Исходя из этой концепции, страх – лишь следствие обостренного чувства себялюбия и индивидуалистского образа мышления. Таким образом, смысловые ориентации предстают в качестве психологических детерминант развивающихся страхов и фобий.

Последний этап нашего пилотного исследования позволил предположить, что методы избавления от тревожности и страха лежат в культурных традициях, влияющих на ценностные ориентации личности. Исследуемым группам предлагалось ответить на вопрос: «Опасаетесь ли Вы финансово-экономического кризиса? Почему «да» или «нет»?» Большая часть группы студентов русской национальности (**62,5%**) ответила «да», тогда как большая часть группы студентов чеченской национальности (**69,2%**) ответила «нет». Здесь можно по-разному истолковывать результаты опроса, однако самые яркие ответы представителей студентов чеченкой национальности говорят сами за себя: «Нет, что у меня родственников, что ли, мало?», «Нет, Бог поможет, предки», «Людей добрых больше, все равно в беде не оставят», «Теоретическое знание – не основа успеха, важнее личные отношения и взаимовыручка». Такие ответы свидетельствуют о воспитании большинства студентов чеченской национальности, участвовавших в исследовании, в соответствии с культурными традициями своего народа и коллективистскими ценностными ориентирами.

Таким образом, можно сделать вывод, что эгоисту – индивидуалистски настроенной личности – всегда будет страшно, а повышенная тревожность в отношении сегодняшнего экономического кризиса может вполне в скором времени стать причиной развития агорафобии – боязни себе подобных. Это обусловлено тем, что во время кризиса человек точно так же боится остаться один среди таких же индивидуалистов, как и он сам. В соответствии с теорией К. Хорни, зная себя, свою систему жизненных смыслов, свои ценностные ориентации, человек интуитивно действует в соответствии с эффектом ложного консенсуса, думая, что все мыслят так же, как и он (Хорни, 1997). Отсюда его убеждение, что мир – это арена, где в борьбе за выживание побеждает сильнейший (хитрейший, образованнейший, быстрейший).

Также можно предположить, что общий уровень личностной тревожности и страха снизится только тогда, когда ценностные ориентиры и жизненные смыслы личности приобретут коллективистский характер, ведь когда человек действует по принципу «Человек человеку – брат, а не волк», он больше настроен на взаимопомощь, сотрудничество и доверие, а не борьбу в страхе потерять свой кусок пирога. А это возможно только при детальном изучении и восстановлении основ традиционной культуры нашего общества. Дальнейшие более глубокие исследования в этой области позволят детализировать проблему и усовершенствовать методы преодоления тревожности и страха, а значит, и социально-экономического кризиса.

Список литературы

- Серый А.В.* Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / А.В. Серый; науч. ред. М.С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 272 с.
- Фромм Э.* Иметь или быть? Ради любви и жизни / Э. Фромм; пер. с англ. Н.И. Войскунская и др.; отв. ред. П.С. Гуревич. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 383 с.
- Хорни К.* Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. – СПб.: Лань, 1997. – 240 с.
- Чернявска М.* Ценности и социально-политические установки глазами российского и польского студенчества. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – 295 с.
- Schwartz S.H.** (1990). Individualism-collectivism. Critique and proposed refinements. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 21. P. 139-157.

А.В. Рязанов

*Саратов, Поволжская академия
государственной службы имени П.А. Столыпина*

ЭТНОС И КОНЦЕПТОСФЕРА В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

A.V. Ryazanov

Saratov, P.A. Stolypin Volga Region Academy for Civil Service

Ethnos and concept sphere in the changing world

The article is devoted to the consideration of ethnos and concept sphere correlation. The concept sphere and the language, reflecting it are represented as structural elements of the ethnos's communication space.

Этнос представляет собой один из видов социальной идентичности, в рамках которого группируются индивиды, обладающие совокупностью объединяющих их характеристик, таких как, например, язык и концептосфера. Такая идентичность представляет собой некоторый процесс и одновременно результат действия многих факторов различного происхождения. Среди них важнейшими являются исторический, экономический и конфессиональный факторы. «Концептосфера – это чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов (более или менее сложных комплексных образов внешнего мира), абстрактных сущностей, обобщающих различные признаки внешнего мира... Семантическое пространство языка – это часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков» (Язык..., 2002, с.23). Так как каждый естественный язык складывался исторически и на него оказали и оказывают влияние множество факторов различного проис-

хождения, то и концептосфера, и семантическое пространство языка уникальны. Они представляют собой воплощение этносоциального опыта народа. Концептосфера и язык (наряду с другими элементами) образуют структуру коммуникативного пространства этноса. Этнос существует до тех пор, пока его коммуникативное пространство поддерживает континуитет транслируемых ценностей и образцов поведения, и задает для этнофоров соответствующую систему координат.

Язык и концептосфера складываются исторически, а владение ими является необходимым атрибутом принадлежности этнофора к определенному этносу. Степень владения ими может быть различной, а личностная идентификация может не совпадать с реальной. Поэтому действительность демонстрирует разнообразие возможных вариантов. Конечно, можно найти примеры этносов, в рамках которых этнофоры пользуются разными языками, а значит и концептами, но это скорее исключение, чем правило. Можно констатировать наличие социокультурной и этнокультурной специфики в освоении действительности.

Реальная картина, как правило, обстоит несколько сложнее. Существующие этносы могут быть охвачены сложными процессами нациестроительства, в рамках которых можно наблюдать дрейф идентичности как на личностном, так и на групповом уровне. Продолжающееся выделение «Я» из «Мы» (нарастание степени индивидуализации) демонстрирует неравномерный характер. Это можно увидеть на примере разных страт и возрастных когорт почти любого современного общества. Появление, профессионализация и распространение массовых коммуникаций при параллельном уменьшении значимости и вытеснении горизонтальных коммуникаций объективно способствует нарастанию изменений в концептосфере, языке и этнической картине мира. Постепенно количество переходит в качество, и наблюдаются признаки либерализации коммуникативных практик. В процессе функционирования СМК существенно сокращается пространство циркуляции ценностей традиционных культур, изменяется коммуникативное поведение.

«Освобожденный» индивид открывается миру в лице профессионально выстроенных коммуникаций, рекламы, связей с общественностью. Яркие по форме, активные по подаче материала они объективно способствуют фрагментации сознания, а, следовательно, и идентичности. Нарастающее игровое начало транслируемых коммуникаций изменяет картину мира, навязывает новые ценности (как правило, ценности потребления) и, несомненно, деформирует концептосферу и язык. По мнению В.И. Шаховского, «видовой и индивидуальный когнитивный опыт языковой личности в сочетании с ее эмоциональным дейксисом определяют

содержание культурного референта той или иной социальной эмоции, концептуализированной и лексикализированной в данном этносе, в отличие от его содержания в других этносах» (Шаховский, 2008, с.28). Господство массовых коммуникаций существенно изменяет эмоциональную окраску содержания концептосферы, унифицирует ее, расставляет новые акценты. Результаты этого не сложно увидеть как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Профессионально выстроенная коммуникация современных СМИ и СМК, транслируя ценности потребления, систематически навязывает реципиентам новые эмоции, чувства, задавая новые смыслы их существованию. В процессе такой трансляции на уровне личности провоцируются эмоциональные и смысловые разрывы, имеющие результатом интенсификацию идентификационных процессов, и поиск новых идентичностей. Новые смыслы, заданные извне, в значительной части случаев, не согласуются с изначальной языковой картиной мира индивида. Массовая коммуникация мимикрирует к личностной, вызывая доверие, и, таким образом, происходит подводка человека к восприятию заложенной профессиональными коммуникаторами эмоционально-ценностной и поведенческой программ. При этом константы этнических культур оказываются не всегда столь уж и устойчивыми. Следование им (особенно для представителей молодежных когорт того или иного этноса) далеко не во всех случаях ощущается оправданным и необходимым.

Яркая форма профессионально выполненных коммуникаций оттесняет содержание на второй план, процессуальность начинает господствовать над субъектностью. Эмоциональные константы концептосферы в рамках этнических коммуникативных пространств перестают подкрепляться ранее функционировавшими стимулами. В такой ситуации традиционная культура в меньшей степени, чем ранее способна выступать в роли защиты для этнофора. За счет уменьшения плотности и значимости этнически центрированных коммуникаций на уровне личности происходит размывание ведущей коллективной идентичности.

Таким образом, вербализированные концепты, образуя языковую картину мира, не являются константами. Они могут более или менее существенно меняться с течением времени. Однако эти изменения являются медленными, и аксиоматика концептов в значительной части случаев, как правило, остается неизменной. «С первых мгновений своего существования ребенок усваивает комплекс ценностных установок через языковой механизм, вертикальная ось которого приписывает ему свою логику восприятия, мышления, способов креации. При отсутствии подчинительного стержня определенной этнокультурной традиции, здание аффектив-

ного комплекса рушится, ценности модифицируются, и личное восприятие частично или полностью выходит из-под глобального социокультурного контроля» (Седых, 2004, с.83). Однако можно найти примеры, когда аксиоматика концептов меняется и происходит это достаточно быстро. Причиной этого выступают значимые изменения или в реальностях повседневной жизни, или в освещении этих реальностей через посредство СМИ и СМК, или в том и другом одновременно. В любом случае это следствие наступления эпохи информационного общества, которое, стимулируя процессы циркуляции информации, нарушает логику традиционных коммуникативных практик и пространств.

Список литературы

- Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416с.
Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 314с.
Седых А.П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности поведения русских и французов. – М.: Компания Спутник+, 2004. – 269с.

М.В. Сапоровская

*Кострома, Костромской государственный
университет им. Н.А. Некрасова*

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И УСТАНОВКИ
В СТРУКТУРЕ КУЛЬТУРНОЙ ДИСТАНЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ)***

M.V. Saporovskaya

Kostroma State University named after N.A. Nekrasov

**Social Representations and Attitudes
in the Cultural Distance Structure (French and German samples)**

The paper presents the cross-cultural research results of female and male images of Russians represented in the mentality of the French and the German. The cognitive phenomena - social representations and attitudes are analysed in the cultural distance structure. The attitudes towards the Russian are compared to the attitudes to countrymen and considered as a factor of their interaction.

Понятие культурной дистанции возникло в русле работ, посвященных исследованию «культурного шока» (А.Фэрнхем, С.Бочнер). В совре-

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ, проект 08-06-00679а

менной кросс-культурной психологии культурная дистанция главным образом исследуется в контексте проблематики адаптации к новой культуре и рассматривается как показатель культурных различий страны «выхода» и страны поселения (Бабиер, 1980). В соответствии с критерием культурной дистанции культуры классифицируются на «близкие» (культуры стран Северной Европы), «средне-удаленные» (культуры стран Южной Европы и Латинской Америки) и «далекие» (культуры стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии) (Furnham, Bochner, 1986). Считается, что степень повседневных трудностей человека, адаптирующегося к другим культурным условиям, прямо пропорциональна различиям (или культурной дистанции) между культурой страны выхода и культурой страны поселения (обучения). Кроме того, предиктором возникновения этих трудностей является отсутствие соответствующих социальных навыков, с помощью которых преодолеваются трудности специфических социальных ситуаций. Здесь, однако, следует отметить, что близость/отдаленность культур рассматривается авторами, главным образом, в соответствии с объективными критериями (например, расовая и религиозная принадлежность и т.д.)

Мы, рассматривая культурную дистанцию как потенциальный фактор межкультурного взаимодействия, реализуем другой исследовательский подход, в рамках которого изучаем субъективные феномены, а именно социальные представления и установки в структуре культурной дистанции

В контексте данного исследования культурная дистанция понимается нами как особенности в восприятии участниками межкультурного взаимодействия объективных и субъективных различий друг друга. Осознание сходств и различий происходит в процессе формирования образов представителей своей и другой культуры. Образы и представления, которые формируются у людей друг о друге, дают им информацию об объективных характеристиках каждого участника деятельности и о его возможностях, позволяют им вести себя в соответствии с отмеченными ими у другого человека свойствами и целесообразно планировать свое поведение (Бодалев, 1982). Дистанция в социальном взаимодействии, в том числе и межкультурном, может быть функциональной и дисфункциональной. Функциональная дистанция способствует формированию этнической идентичности и является необходимым условием эффективности коммуникации. Такая дистанция является показателем достаточной осознанности культурных отличий и сформированности этнического «Мы». Сходства и различия в представлениях о «своих» (автостерейотипах) и о «чужих» (гетеростерейотипах) определяют степень дистанцированности между партнерами межкультурной коммуникации - бу-

дет ли она нормально функционирующей или дисфункциональной (Сапоровская, Крюкова, 2009).

Для решения эмпирических задач исследования с помощью сравнительного и кластерного анализа мы соотнесли авто (о представителях своей культуры) и гетеро (о россиянах) стереотипы жителей Германии и Франции. Следует отметить, что при сравнительном и кластерном анализе мы не только учитывали различия и сходства между авто и гетеро стереотипами, но и их количественное соотношение. Параметрами анализа стали следующие переменные: *свойства личности, содержательные особенности трудных жизненных ситуаций, стилевые особенности совладающего (копинг) поведения*. Методический комплекс исследования составили следующие методики: «Личностный дифференциал» (ЛД) Ч.Озгуда (1957-1962 гг.) (модификация Т.Л. Крюковой, М.В. Сапоровской, 2008); «Перечень трудных жизненных ситуаций» - **General Hardships** (Сапоровская, Крюкова, 2008); модификация экспресс-варианта методики «Юношеская копинг-шкала» (ЮОКШ) Э. Фрайденберг, Р. Льюиса (адаптация Т.Л. Крюковой, 2002). Выборку исследования составили 153 человека – взрослые (старше 25 лет) мужчины и женщины, жители Франции и Германии.

Оказалось, что в группе немецких испытуемых наибольший процент различий в авто и гетеро стереотипах по всем интересующим нас личностным переменным принадлежит женской группе испытуемых (58%). В мужской группе испытуемых процент различий составляет 27%. Всего лишь 2% различий выявлены между авто стереотипами немецких мужчин и женщин друг о друге. Однако, в представлениях немецких испытуемых все женщины вне зависимости от культуры являются более *уступчивыми, открытыми, отзывчивыми, дружелюбными*, чем мужчины (при $p < 0.001$). Мужчины представляются немецким испытуемым более *уверенными*, по сравнению с женщинами (при $p = 0.00$). По мнению немецких респондентов, трудности социального плана более выражены в жизни россиян (мужчин и женщин), чем у их соотечественников (при $p = 0.00$). Мы не обнаруживаем различий в представлениях немецких мужчин о себе и о женщинах-россиянках, что дает нам основание предполагать, что процесс межкультурного взаимодействия может быть потенциально более эффективным между мужчинами-немцами и женщинами-россиянками. В целом, стоит отметить, что образ представителей немецкой культуры более положительный, чем образ россиян. Немецкие испытуемые полагают, что россияне испытывают большее количество жизненных трудностей, с которыми они совладают менее конструктивно, чем жители Германии (Ильичева, Сапоровская, 2009). В группе французских испытуемых были получены не менее интересные результаты. В результате кластерного анализа представлений французов о

французских мужчинах и *русских мужчинах* выделяется четыре кластера, в основе которых лежат межкультурные связи, что может свидетельствовать о близости представлений французов о свойствах личности *французских* и *русских мужчин*. В результате кластеризации представлений французов о *французских женщинах* и *русских мужчинах* выделяются три кластера, в основе одного находится межкультурная связь, остальные два основаны на связях внутри культурных групп. Отдаленность и дистанцированность представлений французов в отношении *русских мужчин* по сравнению с представлениями о *французских женщинах* подтверждается и результатами сравнительного анализа. Французы представляют *французских мужчин* по сравнению с *французскими женщинами* более замкнутыми, пассивными, нерешительными и неуверенными. Довольно сходными являются результаты кластерного и сравнительного анализа в отношении представлений французов о свойствах личности, присущих *французским* и *русским женщинам*. В трех из четырех выделенных кластеров близкие связи являются межкультурными. Наиболее выраженным является различие по параметру *Зависимость*, которая, по мнению французов, типична для русских женщин. Представления французов о *французских мужчинах* и *русских женщинах* очень близки. Это подтверждается отсутствием значимых различий и близкими межкультурными связями, которые лежат в основе выделенных кластеров. Свойства личности *французских мужчин* и их *соотечественниц*, по представлениям французов, имеют явные различия, несмотря на общую культурную принадлежность. Это касается качеств уверенности, решительности, спокойствия. Кластерный анализ показал, что в основе трех из выделенных четырех кластеров базовые связи находятся внутри половых групп. Это указывает на то, что фактор пола имеет больший вес по сравнению с фактором культурной принадлежности. В отношении представлений французов о стратегиях совладания с трудностями *французами* и *русскими*, результаты кластерного и сравнительного анализов дополняют друг друга. Кластерный анализ показал нам наличие внутрикультурных и межкультурных связей. Сравнительный анализ демонстрирует большее количество сходств по данному параметру, что говорит о том, что, по мнению жителей Франции, и они и жители России используют для совладания с жизненными трудностями одни и те же поведенческие стратегии. При этом, однако, россиянам приписывается более частое применение стратегий социально-ориентированного и неэффективного копинга (*Выпускаю пар*, при $p=0,01$); *Разговариваю с другими людьми о проблеме* при $p=0,05$). В результате кластеризации представлений французов о *специфике трудных жизненных ситуаций* своих соотечественников и россиян, выделяются кластеры, в основе которых находятся связи между представлениями о типичных трудностях

в жизни французских мужчин и русских мужчин и французских мужчин и французских женщин (Виноградова, Сапоровская, 2009).

Следует отметить, что результаты данного исследования будут дополнены эмпирическим исследованием представлений россиян о жителях Франции и Германии, что даст возможность еще более детально изучить особенности культурной дистанции как потенциального фактора эффективности межкультурной коммуникации.

Селим Фиридун оглы Селимзаде

Баку, Азербайджан, Бакинский государственный университет

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ПОНЯТИЙ ПРЕКРАСНОГО И БЕЗОБРАЗНОГО
(НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЭПОСА)**

Selim Firidun oglu Selimzade
Baku, Azerbaijan, Baku State University

**The socially-psychological bases of concept Fine and ugly
(on an example of the Azerbaijani epos)**

The fine can live in various forms and displays, but to be clear to the person, close to it, to be perceived or, on the contrary, causing disgust. Fine, unlike beautiful, should carry also estimate character, i.e. to be good, wished etc. Fine, it is accessible to each person, but for its full perception the corresponding preparation expressed in disclosing of socially-psychological bases of this process is necessary.

Известно, что понятие прекрасного связано с чувством гармонии и соразмерности у человека. Не случайно об этом Н.Г. Чернышевский писал, что прекрасное – это развившееся совершенно здоровым образом. Гармония мира полностью отражена в гармонии человека, поэтому Насими, поэт Средневековья, писал, что «во мне вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь», поскольку к гармонии мира, которую человек совершенно естественно воспринимает, добавляется и гармония души и сознания, осознание мира позволяет человеку сделать такую смелую заявку. Понятие прекрасного дополняется понятием безобразного, т.е. хаоса, процесса роста, развития, становления; в современном научном мире, который давно перешагнул порог постнеклассической парадигмы, это воспринимается как синергетические процессы, в которых порядок и хаос постоянно сменяют друг друга. Здесь тоже становление и устоявшееся выглядят в сознании человека как ласкающее взор и успо-

каивающее сознание, привыкшее к строгим выкладкам логического мышления (Ванслов, 2002, с.429).

Таким образом, прекрасное может жить в различных формах и проявлениях, но быть понятным человеку, близким ему, быть восприимчивым или, наоборот, вызывающим отвращение. Прекрасное, в отличие от красивого, должно носить еще и оценочный характер, т.е. быть благим, желаемым и т.д. Прекрасное, хоть и доступно каждому человеку, для полного восприятия его нужна соответствующая подготовка, выражающаяся в раскрытии социально-психологических основ этого процесса. Известно, что в процессе социализации те или иные способности к восприятию действительности могут раскрыться, а могут и заглухнуть, в итоге у человека возникает своеобразная черствость, вплоть до уровня архетипов, и с этим впоследствии очень трудно бороться. Отметим, что душевная глухота и черствость связана с отсутствием эстетического воспитания или его пробелами, следовательно, в этом процессе должна участвовать семья, школа, соответствующие учреждения и организации. Сам исторический период, в который живет тот или иной человек, накладывает отпечаток на его эстетическое восприятие окружающего мира. Ландшафт, климат, ресурсы, которыми человек пользуется, развитие производительных сил, исторические традиции – все это, вместе взятое, отражается на образно-эмоциональном восприятии среды, ее воспроизведении в той или иной форме (см. об этом: Этика, 2001).

Воспроизвести красоту непосредственно, путем созерцания можно или будучи очень к этому подготовленным, или же обладая определенными, а, может, и выдающимися способностями. Психологический уклад личности, т.е. его эмоциональный мир, темперамент, способности, воспитание, образование накладывает отпечаток на восприятие мира в его гармонии и соразмерности. Особенно эти качества проявляются в поэзии, в целом в творчестве, связанным с использованием богатств художественного слова. Мы хотим сказанное проиллюстрировать на ряде эпических сказаний азербайджанского народа, связанных с таким историческим явлением, как гачагство – стихийное классовое сопротивление бекам и ханам, возникшее в XIX веке в Азербайджане; гачаги (беглецы), выражая недовольство народных масс, выступали в роли народных мстителей, против притеснения и нищеты. Народ любил этих защитников, слагал про них дастаны (повествования), в которых использовалось и ашугское творчество – в процессе повествования сказитель брал саз в руки и слагал стихи, продолжая повествование именно в этой форме.

Естественно, что уклад жизни, быт отражал в себе условия жизни этих простых людей, их любовь к горам, родной природе, жизненным услови-

ям, в которых они проживали. Суровые условия, в которых им приходилось бороться за свое существование, накладывал отпечаток и на их взаимоотношения, однако под видимой простотой скрывалась благородная, добрая душа, которая любила свой народ, понимала смысл жизни, ее величие. Романтизм отношений как раз и проявлялся в восхвалении своей, к примеру, возлюбленной, или качеств гачага-храбреца, т.е. прекрасное воспринималось на уровне прекрасных душевных качеств, а также таких этических категорий, как мужество, отвага, честь и т.д.:

Усы залихватские у нашего Наби,
 Прошита пулями папаха у Наби,
 Коня нам не догнать никак, Наби,
 В руках с ружьем сражается Наби.

Смерть этого храбреца также обрисована в нравственных категориях, дающих представление о прекрасном:

Пусть слезы проливает каждый, кто узнал
 О смерти храбреца, смотри, букет завял.
 Я онемел от горя, дар речи потерял,
 И ветер с горя нас опростоволосил,
 Пусть плачет каждый, кто про смерть узнал (Гачаг Наби, 1989, с. 42, 53).

О гачаге Кереме также были сложены сказания, где в ходе повествования ашугские вкрапления подчеркивали яркость момента, его важность, так, Керем пишет письмо возлюбленной из зиндана (темницы), куда он был заключен:

О сердца моего струна, тебе пишу я,
 Я одинок, смотри, что здесьстряслось.
 Готов отдать я душу за народ свой,
 Я от тебя далек, остался здесь один.
 Да буду жертвой камня на отчизне,
 На шаха голову пускай престол падет.
 Храбрец пусть встанет на защиту слабых,
 Я одинок здесь, но это не помеха (Семь дастанов, 1989, с. 34-43).

Живописание ситуации, в которой герой не теряет присутствия духа и готов сражаться до конца за свои убеждения, свидетельствует о цельности характера, слитного и с родной природой и с простым народом; именно

такое видение своих жизненных целей свидетельствует о том своеобразии, в котором пребывали герои дастанов (Семь дастанов, 1989, с. 83). Таким образом, чувство прекрасного воспитывается смолоду и впитывается вместе со средой, в которой проживает каждый человек. Эмоциональный мир людей, чувствующих слитность с природой, но разноразной в отношениях с людьми, работает разбалансировано, и тогда приходит безобразное, но красота жизни непоколебима, она лишь на миг уступает свое место безобразному, и затем расцветает вновь. К ощущению чувства прекрасного надо быть подготовленным, но немало этого заложено в нас и природой.

Список литературы

Гачаг Наби. – Баку, 1989 (на азерб. языке).

Семь дастанов. – Баку, 1989 (на азерб. языке).

Ванслов В.В. Проблема прекрасного. – М., 2002.

Этика: Словарь. Под ред. А.А.Гусейнова и И.С.Кона. – М.: Политиздат, 2001.

Т.С. Скрипка

Смоленск, Смоленский государственный университет

**ЭТНИЧЕСКИЕ КОДЫ В РИСУНКАХ ПОДРОСТКОВ
И ЮНОШЕЙ КАК МАРКЕР ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ, ВЫПОЛНЯЮЩИЙ
ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩУЮ И ИНТЕГРИРУЮЩУЮ ФУНКЦИИ**

T.S. Skripka

Smolensk, Smolensk State University

The ethnic codes in drawings of teenager and young man are the marker of ethnicculturals of appurtenance and carry out differentiating and integrating functions

This article considers analysis of cultural codes contains in drawings of teenager and young man (233) in Smolensk, Sarov, Baikonur. Creative works of three groups differ on presence of ethnic codes. In Baikonur's sample drawings display ethnic codes. They are based on influence sociocultural factor (the Russian closed scientific city in territory of Kazakhstan) and carry out differentiating and integrating functions.

Теоретическое осмысление сферы знаково-семиотического пространства культуры, подтверждает актуальность изучения культурных кодов современной молодежи. М.Коул, подчеркивая значимость культурных аспектов, утверждает: «Не вызывает сомнений, что в современных спорах о половых

различиях, о противопоставлении школы и повседневной жизни, об этапах развития и т.п. требуется как-то систематизировать представления о роли культуры» (и знаков, ее опосредующих), в становлении рассматриваемых явлений (Коул, 1995, с.6). Концептуальная основа нашего исследования была построена на теоретических постулатах культурно-исторической психологии (Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия, Бош, М.Коул). Одним из приоритетных направлений, изучавшихся представителями культурно-исторической школы, была проблема роли этнокультурных факторов в психической жизни человека. Как отмечает автор этнофункционального подхода А.В. Сухарев, «...этничность является системообразующим фактором в процессах воспитания, обучения и психотерапии, определяющем целостность (степень организованности) процесса психической адаптации» (Сухарев, 1996, с.84). Поэтому выявление общегрупповых нормативов а также индивидуальной специфики употребления этнической составляющей знаково-семиотического пространства культуры может стать основой для определения стратегии психологического сопровождения учащихся.

Отправными точками дальнейшего эмпирического изучения являются следующие теоретические положения: **1.** Культура – не только детерминирующая среда, но и источник развития личности, осуществляющий воздействие с момента рождения и на протяжении всего жизненного пути личности посредством системы знаково-символических объектов. **2.** Культурные коды – это знаково-символические системы культуры, предназначенные для трансляции культурных смыслов. **3.** Культурные коды дифференцируются по степени обобщения культурной информации, времени возникновения и продолжительности существования в культурогенезе. На основании названных критериев можно выделить первичный код (архаический, пракод) и вторичные коды культуры (эпохальные, этнические, локальные и индивидуальные).

Этнические коды культуры являются выражением этноспецифичной картины мира. Такие коды транслируют способ членения реальности, систему ценностей, этноспецифичные мифологические представления и т.д., принятые в данном этнокультурном сообществе. Коды данной группы обладают высоким уровнем обобщения культурной информации, относительно устойчивы во времени, функционируют в достаточно обширном географическом диапазоне. Одной из основных функций этнических кодов является обозначение этнической принадлежности его носителей. Интеграция либо дифференциация на основании данного критерия возможна по трем основным признакам (Гумилев Л.Н., Бромлей Ю.В., Сухарев А.В.): климато-географическому, антропо-биологическому и социокультурному.

Целью нашего исследования являлось расширение представлений о культурно-семиотическом пространстве современных подростков и юношей, изучение системы актуальных для группы а также индивидуально-специфичных этнических кодов культуры, воплощаемых в рисунках данной возрастной категории. Так, А.Н. Леонтьев пишет: «...превращение человеческой деятельности в ее продукт выступит перед нами как процесс воплощения в продуктах деятельности людей их психических особенностей» (Леонтьев, 1981, с.195). Исследование культурных кодов проводилось на материале рисунков, выполненных при дополнении стимульных фигур до любого целостного образа (адаптированный тест дивергентного мышления Ф.Вильямса (Туник, 2003, с.6)).

Наше исследование осуществлялось в течение 2005-2009г.г. в г. Смоленск (35 учащихся 11-х классов и 36 учащихся 1 курса психолого-педагогического факультета СмолГУ) и Закрытого Административного Территориального Образования г.Саров Нижегородской обл. (41 учащийся 11-х классов и 38 студентов 1 и 2 курса Саровского медицинского колледжа), а также в г.Байконур республики Казахстан (83 учащихся средних и старших классов). Смоленская выборка представлена в подавляющем большинстве русскими испытуемыми. Байконурская выборка состоит из русских и казахов. Саровская выборка представлена в основном представителями русского и мордовского этносов. В общей сложности было проанализировано более 2300 рисунков.

Рассмотрим факторы, детерминирующие развитие испытуемых трех указанных регионов и проследим их отражение в культурных кодах анализируемых творческих работ. Смоленская выборка представлена в подавляющем большинстве русскими испытуемыми. Байконурская выборка состоит из русских и казахов. Саровская выборка представлена в основном представителями русского и мордовского этносов. Саров и Байконур относятся к числу городов, градообразующими предприятиями которых являются исследовательские лаборатории и испытательные площадки ядерной и космической промышленности. До настоящего момента в городах действует пропускной режим, что, безусловно, оказывает влияние на формирование социокультурной среды. Так, например, локальными кодами в г. Саров являются понятия «большая земля», «зона» (отметим, что в значении этого слова отсутствует коннотативный маркер криминальной субкультуры), также в городской субкультуре явно прослеживается дифференциация жителей закрытого города и всех остальных россиян на «мы» и «они».

Необходимо более детальное исследование знаково-семиотического пространства людей, чье развитие происходит в культурном простран-

стве закрытых территориальных образований, которое может представлять собой одно из перспективных направлений современной психологической науки, в том числе, этнофункциональной психологии и педагогической психологии.

Необходимо отметить, что ни в одном из более **900** рисунков саровчан и ни в одном из более **800** рисунков смолян не содержатся знаки и символы, отражающие историческое наследие или современное культурное достояние родного города. Анализ культурных кодов жителей Байконура показал актуальность тематики, связанной с культурно-историческим наследием города. Когнитивный компонент этноидентичности байконурцев, основанный на влиянии социокультурного фактора, связан с контекстом космических полетов, пусковых установок, спутников и ракет. В рисунках испытуемых из других регионов также встречается космическая тематика, однако количество таких работ существенно ниже, чем у испытуемых из г.Байконур. Отметим следующую особенность: более выраженная личная вовлеченность байконурских авторов в изображаемый сюжет (более частая актуализация плюса личностного смысла образа сознания (А. Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, В.П.Зинченко, С.Д.Смирнов, Ф.Е.Василюк)). Это выражается, например, в названиях рисунков: «Наша ракета летит», «Мы на пуске», «Ура, мы в космосе» и др. На основе приведенных выше примеров можно сделать вывод о второй особенности. В творческих работах байконурцев чаще реализуются не только поведенческий и когнитивный компоненты этноидентичности (А.В. Сухарев, Е.П. Авдучевская, О.Л.Романова, А.А.Сусоколов), но и ее аффективная составляющая, отражающая позитивное отношение к своей этногрупповой принадлежности. Таким образом, различия в климато-географическом, антропо-биологическом и социокультурном факторах становления этноидентичности позволяют объяснить своеобразие творческих работ жителей изучаемых регионов. В наибольшей степени оно выражается в содержательном аспекте этнических кодов культуры.

В пространственном и временном измерении культуры коды выполняют двоякую функцию: с одной стороны они вносят свой вклад в сохранение временной непрерывности культуры, с другой – помогают очертить своеобразное пространство, локус, занимаемый каждой конкретной культурой (этнокультурой, субкультурой, конкркультурой), так что в итоге становится возможным выделение культурного своеобразия конкретных регионов и сообщностей. С наибольшей очевидностью прослеживается действие консолидирующей и дифференцирующей роли культуры в этнических кодах культуры.

Список литературы

Коул, М. Культурные механизмы развития / М. Коул. // Вопросы психологии. – 1995. – №3. – С.5–19.

Леонтьев, А.Н. Биологическое и социальное в психике человека / А.Н.Леонтьев // Проблемы развития психики. – М., 1981. – С.193–218.

Сухарев, А.В. Этнофункциональный подход к проблемам психопрофилактики и воспитания / А.В. Сухарев. // Вопросы психологии. – 1996. – №4 – С.81–92.

Туник, Е.Е. Модифицированные креативные тесты Вильямса / Е.Е.Тунник. – СПб.: Речь, 2003. – 96 с.

В.В. Смоляр

Волгоград, Волгоградская государственная академия повышения квалификации и переподготовки работников образования

**ИНТЕЛЛЕКТ И МЕНТАЛИТЕТ АНГЛИЙСКОЙ ЭЛИТЫ
В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ**

V.V. Smolar

Volgograd State Academy of Training and Retraining of Educators

**The intelligence and mentality of the English elite
in the context of world history**

The article reviews the prerequisites for the formation of the main features of mentality and intelligence of the English elite. Identifies the key characteristics of intelligence and mentality of the English elite. Shows the relationship between historical context, intelligence and features of the mentality of the British political elite.

Англо-саксонская элита остается единой в финансовом и политическом смысле и выступает в качестве оппонентов России в мировой политике. Понимание своих политических оппонентов помогает понимать глубинные причины их отношения к России и правильно строить с ними отношения. Целью статьи является выявление ядра менталитета и специфики мышления английской элиты.

«Чем дальше вы сможете посмотреть назад, тем больше вы сможете увидеть, что будет впереди». Так сказал один из умнейших политиков своего времени, самый известный англичанин сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль. Исторические особенности формирования английского склада ума не может не вызывать интерес. Как пишет Н.М. Лебедева, «Если говорить о понятии интеллекта в сравнительно-культурной перспективе, следует, прежде всего, отметить, что во многих языках нет даже слова, которое бы обозначало интеллект в западном понимании» (Лебедева, 1999).

Рассмотрим особенности склада ума представителей английской элиты как представителей английского этноса. Основными задачами экономической и политической элиты являются задачи управления государством и обществом с целью сохранения и приумножения богатства и власти. Способы решения управленческих задач, которыми пользовались представители английской элиты, имели и универсальные для всего английского этноса черты, и свою социальную специфику.

Начало формирования английской политической элиты можно отнести к началу норманнского завоевания Англии и вытеснения англо-саксонской элиты норманнской в государственном управлении, религиозной власти и управлении территориями. В некоторой степени на психологию английской политической элиты оказала борьба за власть между Ланкастерами и Йорками, правление Генриха VIII, Елизаветы I, Английская буржуазная революция, правление королевы Виктории. Но основными системообразующими событиями, изменившими образ жизни политической элиты, его интеллект и менталитет была успешная борьба Великобритании первоначально с Испанией, потом Голландией, а затем в XVIII веке с Францией за колонии. Именно колониальная политика оказала влияние как на менталитет, так и на особенности мышления английской элиты, на особенности выбора и постановки экономических и политических задач и своеобразии способов их решения. Английская элита участвовала в колонизации территорий, организации военных действий и в управлении колониями.

Для английской аристократии выжить, сохраниться и приумножить свой статус, власть и богатства, означало правильно себя вести: участвовать в торгово-промышленном капитализме, колониализме и империализме. Поощрение английской элитой промышленного переворота, понимание ценности достижений научно-технического прогресса было связано с политикой колониализма и неоколониализма. Этот опыт породил особый тип «колониального» мышления.

До этого нового комплекса существовал тип «островного» мышления. Эпитет «Коварный Альбион» Англия и вместе с тем её элита заработали во времена противостояния с усиливающей своё политическое влияние Францией в XVIII в. Близкие по смыслу выражения — «английское коварство», «коварный англичанин», «коварный остров» — были очень популярны во Франции эпохи Великой французской революции и последующих лет наполеоновского правления. В России с середины 19 века и почти до самой революции вместо «туманный Альбион» говорили «коварный Альбион». *Генри Киссенджер, оправдывая поведение английской политической элиты, писал: «Конечно, многочисленные разовые союзники*

Великобритании преследовали собственные цели <...> Когда они, с точки зрения Англии, переходили за грань приемлемого, Англия переходила на другую сторону или организовывала новую коалицию против прежнего союзника в целях защиты равновесия сил. Её лишённая всяких сантиментов настойчивость и замкнутая на самой себе решимость способствовали приобретению Великобританией эпитета “Коварный Альбион”» (Киссинджер, 1997, с. 84).

Разнообразные исторические факты и события позволяют понять особенности мышления английской элиты и специфические способы постановки и решения ею политических и экономических задач. В начале-середине XX века англичан Вы нашли бы везде. Секретарь Великого князя Михаила, брата Николая II подданный Великобритании Брайан Джонсон – англичанин. Воспитатель последнего китайского императора Пу И – Реджиналд Джексон, англичанин. Англичанка и Анна Леонуэнс, учительница 39 жен и 82 детей сиамского короля Монгкуту, а затем и его секретарь-переводчик. Томас Эдвард Лоуренс, англичанин – посредник между английским военным командованием и арабскими племенами. Гертруда Маргарет Лотиан Белл – путешественница, первая в британской истории женщина-офицер военной разведки, которая, после развала Оттоманской империи, участвовала в судьбе нового государства — иракского. Антуанетта Авриль Гардинер - дочь подполковника британской военной миссии в Иордании, выйдя замуж за короля Иордании Хусейна, стала принцессой Муной и матерью ныне царствующего короля Абдаллы II и т.д. Не все эти люди были представителями английской элиты. Но они были великолепным инструментом этой элиты в решении проблем Британской короны.

Различные обстоятельства, необходимость или долг Британской короне разбросала её подданных по всему белому свету. «Англичанин жил в далеких имперских владениях не ради удовольствия: его влекла жажда наживы и обогащения (Орестов 1974, с.13). Конечно, не только необходимость искать достойный заработок вынуждала сыновей и дочерей туманного Альбиона отправляться в дальние и рискованные путешествия. «Любознательность англичан позволила им познакомиться с лучшим из того, чем обладают другие народы, и все-таки они остались верны своим традициям» (Сухарев, Сухарев, 1997). Эта любознательность стала производной от приемлемого способа зарабатывать себе на жизнь и поисков эффективных способов решения политических, экономических задач и задач колониальной политики. Именно понимание интересов Британской Короны как своих интересов порождало и любознательность и приверженность своим культурным традициям. Научно-технический прогресс, развитие техники и физики в Великобритании – всё это было связано с её

колониальной политикой. Все эти технические достижения обеспечивали конкурентные преимущества Великобритании над другими странами Европы и Америки.

У англичан есть поговорка: «у всего своя изнанка». Английский характер наиболее ярко демонстрирует свою *«двусторонность»*. Английских детей учат не проявлять своих истинных чувств и подавлять любую несдержанность. Внешний вид, видимость приличия - вот что для англичанина важнее всего. Вы можете испытывать необузданные страсти, но должны их тщательно скрывать, поскольку их проявление «это не по-английски!». Такая особенность поведения англичан закрепились во времена правления королевы Виктории. И эта черта, попервоначально, характеризовавшая английскую политическую элиту, распространилась среди всех сословий английского общества.

Для английской речи характерна недосказанность **«understatement»**. Это понятие переводится как «недоговоренность», «сдержанное высказывание», «преуменьшение», «занижение», «замалчивание». Это явление настолько характерно для английского языка, что пронизывает его весь, выражаясь, в лексическом высказывании, его синтаксисе и интонации. **«Understatement»** «...свойственен языку всех классов и сословий. Мы привыкли говорить прямо и откровенно, а иногда и безапелляционно, категорически. Поэтому речь англичанина кажется аморфной и неопределённой. Он не любит говорить «да» или «нет» и всегда найдёт дополнительные слова, которые сгладили бы резкость суждения» (*Орестов, 1974, с.60*). Специфика английской речи связана как с необходимостью скрыть настоящие чувства и страсти, нежеланием прямой конфронтации с собеседником, так и с уже выработавшимся нормативным поведением англичан.

Между английским языком, «двойным дном» английского мышления и так называемой «английской вежливостью» существует тесная связь. «Английская вежливость», снисходительность к другим, особенно к тем, кто ниже тебя по статусу, ещё один комплекс английского способа жизнедеятельности. Все эти качества обусловлены чувством превосходства, которое характеризует личность англичанина. Эта особенность характера начала формироваться с момента захвата территорий и населения, которое было, по их мнению «варварами». Первая колония Англии - Ирландия.

Менталитет, особенности мышления английской элиты сформировались, в основном, в колониальный период. Поэтому англичанин вполне предсказуем и понятен в своём поведении, как и английская политическая элита, если рассматривать формирование их мышления и менталитета в историческом контексте. Поэтому так понятны становятся выпады английских журналистов, пишущих сегодня о России и русских.

Список литературы

- Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М: «Ладомир», 1997. – 849 с.
- Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н.М.Лебедева. — М.: Ключ-С, 1999. — 224 с.
- Овчинников В.В. Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах /В.В. Овчинников. – М: Новый мир, 1979.
- Орестов О. Другая жизнь и берег дальний /О. Орестов. – М.: Изд-во «Правда», 1974. – С. 13.
- Сухарев В.О., Сухарев М.В. Психология народов и наций / В.О. Сухарев, М.В. Сухарев – Д.: Сталкер, 1997. — 400 с.

Т.Н. Смотрова, С.В. Горнаева

*Балашов, Балашовский институт (филиал)
Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского*

**СПОСОБНОСТЬ К ПЕРЕЖИВАНИЮ ВИНЫ И СТЫДА
КАК ИНДИКАТОР ОТНОШЕНИЯ К ЦЕННОСТНО-
НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА**

T.N. Smotrova, S.V. Gornayeva

***Balashov, The Balashov institute (branch)
of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky***

**An ability to feel guilt and shame as an indicator of the attitude towards
the axiological and normative system of society**

In the article the problem of the regulation of behaviour in the conditions of the appearance of new socio-cultural norms and value systems in society is discussed. In particular, the question of an ability to feel the senses of guilt and shame is arisen. This ability can be an indicator of the formation of axiological and normative structure of a personality and an indicator of the attitude towards social norms and values.

Интегрирующей основой любого общества является его ценностно-нормативная система, наличие которой обеспечивает стабильность всех сфер общественной жизни, а распад неизбежно ведёт к дисгармонии, социальным конфликтам, дестабилизации обстановки. Главной характеристикой зрелой и самостоятельной личности является наличие согласованной и непротиворечивой системы ценностных ориентаций и устойчивых морально-нравственных позиций. И на уровне общества, и на уровне личности, ценностно-нормативная система задает модели, образцы, эталоны жизненных целей и путей их достижения, выполняя функцию регуляции поведения и деятельности человека.

Не менее значимую роль в регуляции поведения и деятельности играют эмоциональные состояния и чувства, которые сигнализируют о степени удовлетворения потребностей, о благополучном или неблагополучном развитии событий, о положении субъекта в системе предметных и социальных отношений и отражают отношение субъекта к различным предметам и явлениям окружающей действительности. Несомненно, все вышесказанное в полной мере можно отнести к переживанию чувств вины и стыда.

Стыд возникает в результате осознания несоответствия своего поведения общественным требованиям и ожиданиям окружающих, и переживается как неудовлетворенность собой, осуждение или обвинение себя. Чувство стыда способствует насильственной социализации человека, который стремится соответствовать образу, поддерживаемому общественными нормами, чтобы избежать унижения и социальной изоляции. В традиционной русской культуре не было большего наказания, чем осуждение людьми и стыд. Адекватной реакцией на переживание стыда можно считать осмысление вызвавшей его ситуации, умножение знаний о себе и готовность индивида к самосовершенствованию.

Чувство вины является реакцией на пограние личностью собственных ценностей, нарушение собственных моральных принципов и правил, и напрямую связано с осознанием факта проступка безотносительно реакции социума на данный проступок. Оно стимулирует мыслительные процессы, направленные на осознание провинности и перебор возможностей для исправления ситуации, побуждает к реальным действиям по разрешению конфликта, порожденного виной.

Таким образом, способность к переживанию вины и стыда выступает своеобразным свидетельством того, что личностью поняты и приняты общественные нормы и правила в контексте ценностных систем самой личности и всего общества.

Вместе с тем, социально-экономические преобразования, начавшиеся в конце 90-х годов XX века и продолжающиеся до настоящего времени, самым непосредственным образом коснулись ценностно-нравственного аспекта регуляции поведения человека в обществе. Система ценностей населения в нашей стране постепенно переориентируется в сторону приоритета современных западных ценностей. Жизнь современного человека индивидуализируется.

Сегодня, как это было предсказано американской исследовательницей Маргарет Мид в контексте префигуративных культурных норм, «...не предки и не современники, а сам ребенок определяет ответы на существенные вопросы бытия...». Жизнь родителей не является моделью для детей, их опыт не повторяется в жизни молодых, происходит разрыв поколе-

ний. Человек должен сам решать, как ему поступать в той или иной ситуации и нести ответственность за свои поступки (Мид, 1988, с.360). Однако процесс принятия молодым человеком решения о выборе линии поведения осложняется отсутствием в обществе непротиворечивой и четко артикулированной ценностно-нормативной системы.

Как отмечает В.И. Добреньков (Добреньков, 2009), из ценностного сознания граждан постепенно уходят ценности коллективизма, традиционные представления о добре и зле, способность различать дозволенное и недозволенное. В массовое сознание насильственно внедряются чуждые нашей культуре ценности «общества потребления», ценности, связанные с ориентацией на личную выгоду, наживу, безотнositельно общественно-значимых видов трудовой деятельности, наблюдается утрата ценностей патриотизма и гражданственности, происходит падение нравов на фоне отсутствия правопорядка и беззакония. Все это ведет к расшатыванию ценностно-нормативных устоев общества, происходит нравственно-психологическая деградация населения. В медийном пространстве утверждается культ насилия, формируется понимание права личности как право сильного и богатого человека, культивируется образ «сильной» личности, *свободной от ответственности перед обществом* (а значит, личности без стыда и совести?).

Именно поэтому проблема переживания чувств вины и стыда, являясь сложной и неоднозначной по определению, приобретает особую значимость в свете интереса к процессам функционирования ценностно-нравственной системы общества и личности, в которых ценностный аспект переживания чувств вины и стыда пока остается не раскрытым.

Чувства вины и стыда, являясь индикатором присвоения моральных норм и правил, выполняют очень важную для общества функцию внутренней и внешней регуляции поведения. Когда перемены в обществе в период социально-экономического кризиса, в период девальвации морально-нравственных идеалов, размытости ценностей и зарождения новых общественных норм и правил принимают глобальный и необратимый характер, очень важно определить направление этих изменений и их последствия.

В связи с этим становится актуальным вопрос о регуляции поведения в условиях появления новых ценностных систем и социокультурных норм, и, в частности, вопрос о способности к переживанию чувств вины и стыда, выступающих показателем отношения к соблюдению социальных норм и правил, с одной стороны, и показателем сформированности ценностно-нормативной структуры личности – с другой.

Учитывая все вышесказанное, нам представляется необходимым изучить особенности переживания вины и стыда как регуляторов поведения в связи с ценностными ориентациями личности и различными ситуациями социального взаимодействия.

Результаты работы позволят расширить понимание чувств вины и стыда как регуляторов поведения, систематизировать имеющиеся научные знания о данных психологических феноменах. Полученные данные могут быть использованы в практике работы преподавателей, психологов, социальных работников при решении проблем связанных с морально-нравственным поведением человека в современном обществе. Результаты исследования дадут возможность совершенствовать процесс разработки методического комплекса для дальнейшего изучения проблем переживания вины и стыда с точки зрения регуляции поведения и деятельности.

Список литературы

- Добреньков, В.И.* Ценностные ориентиры современной социологии / В.И. Добреньков // Социологические исследования. – 2009. – № 9. – с. 108–115.
- Мид, М.* Культура и мир детства / М. Мид, Избр. произведения. – М.: Наука, 1988. – 428 с.

И.А.Снежкова

Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВ ВЛАСТИ И НАРОДА
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ РОССИИ (2006–2009 гг.)***

I.A. Snezhkova

Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

**Transformation of the image of authorities and people at the perception
of youth in Russia (2006–2009)**

The article presents results of the research of social processes with the help of pictography method. The research was carried out among students in two stages. The analysis of pictures revealed that in 2006-2007 authorities was depicted more aggressive and fierce and the people looked small, rightless, there was no interaction between the people and the authority. In 2008-2009 the image of authority has relented and the people are depicted more positive, the authorities care about them.

На протяжении последних лет был проведен ряд междисциплинарных исследований, направленных на изучение образов власти и народа, которые формируются в представлениях населения в результате информации, транслируемой через СМИ (*Шестопал, 2007; Снежкова, 2007*).

* Исследование выполнено по гранту РГНФ №07-01-91101.

Основная цель нашей работы заключалась в изучении изменений, которые произошли в представлениях молодежи России о властной элите и народе за последние годы.

Объект исследования. В 2006–2009 гг. было опрошено 300 студентов в ряде университетов г.Москвы. Исследование проводилось в Российском гуманитарном государственном университете, Московском государственном университете дизайна и технологий, в Государственном университете гуманитарных наук, Московском педагогическом университете им. В.И.Ленина, Московском педагогическом университете им. М. А.Шолохова.

Методы исследования включали в себя социологический опрос и проведение рисуночного теста, на тему «Образ власти и народа», который основывался на известной рисуночной методике «Моя семья». Социологический опрос предполагал выяснить восприятие молодежью власти и народа на рациональном, рефлексорном уровне. Во втором случае, благодаря методу анализа рисунков изучалось проявление бессознательного при характеристике респондентами политиков и их отношения к народу. В данной статье мы остановимся на анализе визуального материала.

Результаты исследования. В контексте политико-психологического анализа важно было проследить содержание и эмоциональный характер рисунков, т.е. каким образом изображается власть и народ (с симпатией, апатией, антипатией).

Учитывался размер аллегорического изображения власти и народа, какое место рядом с властью занимал народ (находился рядом, в центре, снизу, сбоку). Анализировался характер **взаимодействия** между властью и народом (народ поддерживает, безразличен, испытывает страх перед властью). Фиксировались **комментарии** к рисункам. По мере повторяемости сюжетов, рисунки были сгруппированы в тематические блоки.

Надо отметить, что результаты социологического опроса 2006–2007 гг. и рисуночного теста расходились. Словесные описание власти, президента и премьер-министра в целом отличались позитивными высказываниями. Рисуночные тесты в этот же период показали, что наиболее повторяющиеся изображения власти носили агрессивный характер (строгий президент, безразличный царь, хищные чудовища). Место народа относительно власти находилось далеко внизу. Народ в отличие от власти был плохо прорисован, отличался малыми размерами. Взаимодействие народа с властью не сулило ему ничего хорошего.

Изображение власти и народа в России 2006–2007 г.

Основные повторяющиеся сюжеты:

- Власть, изображаемая в лице президента, как правило, имела демонстрационный характер. Президент выступал как символ – «человек-

власть», имея такие же агрессивные, как и власть черты. Чаще его изображали в царской короне, на троне, а место народа рядом с ним, как правило, находилось далеко внизу.

- Власть в виде хищных животных, рыб, змей имела выраженный агрессивный характер, обычно огромное животное или рыба пожирает или охотится за маленькими людьми.
- Власть, изображаемая как скопление зданий корпораций, замков, коттеджей, банков, отгороженных от людей высоким забором, также демонстрировала закрытый характер властных структур.
- Изображение власти с символами смерти (череп, могилы) символизировало опасный характер власти.
- Власть в виде собирательного образа царя с короной со скипетром и державой – образ авторитарного характера власти.
- Власть как дерево – «дерево жизни», на котором народу «не живется».
- Власть как двуглавый орел, герб, флаг, Кремль – основные символы российского государства.
- Власть как атрибут силы. Ее изображали в виде разнообразного оружия, спецслужб - ФСБ, колючей проволоки, запоров и замков.

Помимо власти в 45% рисунков имело место изображение **народа**.

В большинстве своем – это были мелкие фигуры, значительно уступающие власти по величине, находящиеся внизу или сбоку. Народ изображался безликой, плохо прорисованной массой, состоящей из схематических человечков или из «бывших» людей – могил с крестами. Часто народ рисовали в виде слабых, пугливых животных, например, зайцев, или частей человеческого тела (голов, ртов, рук).

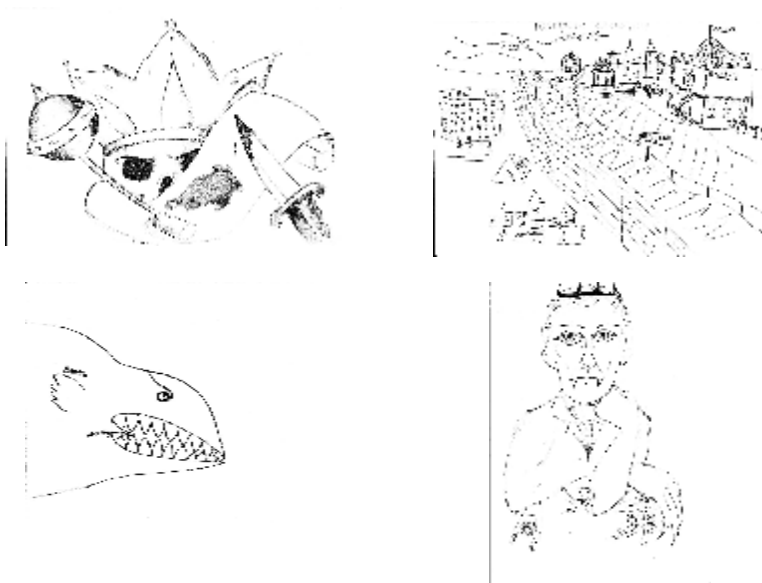
Взаимодействие власти и народа носило опасный для последнего характер. Власть его пожирала, топтала, дразнила мелкими подачками (к примеру, бутербродами на ниточках), отгораживалась. На многих рисунках между народом и властью находилась преграда в виде стены, забора, рва с водой.

Визуальные образы власти и народа 2006–2007 гг.

Как видно из рисунков, власть занимает центральное место, она четко и ярко прорисована. Характер взаимодействия власти и народа, отсутствует, власть живет сама по себе, народ сам по себе. В случае взаимодействия с народом, последний становится ее «жертвой».

Изображение власти и народа в России в 2008–2009 гг.

В 2008–2009 гг. в словесных характеристиках и в изображении российской власти появились более позитивные сюжеты, отображающие президента, премьер-министра и народ, работающих вместе на благо страны, образ власти смягчился, народ увеличился в размерах и «повеселел».

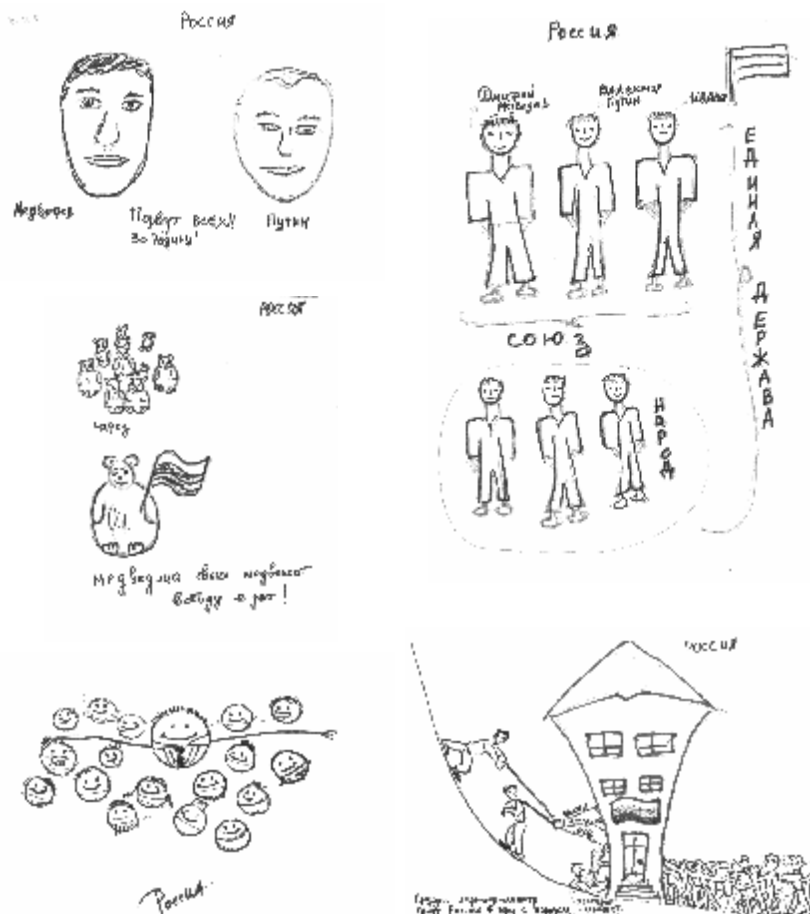
Основные повторяющиеся сюжеты:

- Единство президента, премьер-министра и народа.

Новой и, во многом, неожиданной для исследователя темой было отображение молодежью патриотизма властей, единства двух ветвей общества - власти и народа. Еще одним положительным фактором, зафиксированном в рисунках, была деятельность элит на благо страны и народа. На типичном для этого блока рисунке изображены президент и премьер-министр страны, занимающиеся одним делом, при этом частыми были подписи: «союз с народом», «крепкая дружба», «одна большая семья»; «Путин и Медведев тянут Россию в гору, им помогает народ»; «Медведев и Путин порвут всех за Родину!».

- Защита президентом своих сограждан.

Появление в рисунках мотива защиты интересов граждан свидетельствует о фиксации внимания респондентов на правовом аспекте сознания. Сам факт юридического образования президента Д.Медведева, его заявления об антикоррупционной деятельности, главенстве закона, отстаивании прав граждан в судах нашли отражение в восприятии опрашиваемой молодежи. На многих рисунках присутствовали надписи «торжество закона, суда», «защита граждан», «нет коррупции». Один из рисунков этой серии изображал, упитанную медведицу с медвежатами с российским флагом и подписью «Медведица своих медвежат в обиду не даст».

Изображение российского народа

Фигуры, изображающие народ в исследовании 2008–2009 гг. стали значительно более крупные, чем в предыдущие годы. Если в 2006–2007 гг. его рисовали маленьким, схематичным, лишенным эмоций, то в настоящее время народ стали изображать в виде хорошо прорисованных фигур, одетых в различную одежду, а также «упитанных медвежат», «веселых колобков». Народ не только увеличился в размерах, принял осязаемые формы, но также изменилось его настроение и местоположение относительно лидеров. Он расположен сверху, рядом, в объятиях власти,

реже – внизу. Между властью и народом исчезла стена, часто присутствовали подписи – «союз», «одна семья», «забота».

Однако 10% рисунков свидетельствовали о бедности народа, несправедливом распределении доходов, много было претензий у респондентов к фактической однопартийности в стране и управляемой демократии.

В целом можно констатировать, что использование рисуночной методики довольно объективно продемонстрировало картину общественных отношений внутри государства.

Список литературы

Снежкова И.А. Представления молодежи об элите и власти в России и Украине // Россия и Украина: этнополитические аспекты взаимодействия / Под ред. Снежковой И.А. – М.: РУДН, 2007. – С. 146–171.

Шестопал Е.Б. Политическая психология. – М.: Аспект Пресс, 2007. – С.163–168.

А.С. Столбченко

Балашов, Балашовский институт СГУ им. Н.Г. Чернышевского

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОЩЕНИЯ И РЕЛИГИОЗНОСТИ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

A.S. Stolbchenko

Balashov, Balashov Institute (Branch)

of the Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky

Interrelation between forgiveness and religiosity: a cross-cultural aspect

This article presents the results of the research on forgiveness and religious identity of representatives of various ethnocultural and ethno-confessional groups. It demonstrates the fact that there is a close relationship between forgiveness and religiosity: a religious person notwithstanding his religious affiliation expresses more readiness to forgive rather than a non-religious person.

Межличностное прощение – довольно распространенный феномен обыденной жизни. В процессе межличностного общения неизбежно возникновение конфликтных ситуаций, и прощение можно назвать одной из альтернатив разрешения определенных конфликтов. Таким образом, прощение выполняет регулятивную функцию межличностных отношений. Кроме того, оно играет важную роль в регуляции эмоций и чувств и, тем самым, положительно сказывается на психическом и физическом здоровье личности. Современными учеными уже показано, что процесс про-

щения также может привести к появлению нового смысла в жизни, служит источником личностного роста.

Изучение прощения имеет давнюю историю: на протяжении всего исторического процесса философы и богословы занимались вопросом, что такое прощение, что есть «истинное» прощение, каковы могут быть его виды, при каких условиях оно происходит (Эпиктет, М. Монтень, А. Шопенгауэр, И. Ильин, В. Янкелевич и др.). Однако, целенаправленные психологические исследования прощения начались вестись за рубежом лишь в 90-х гг. прошлого века (Р. Энрайт, Р. Ал-Мабук, Э. Гассин, С. Сэндэйдж, Дж. Шмидт, Е. Уортингтон, Т. Хэргрэйв и др.). В целом, прощение в зарубежных психологических исследованиях понимается как активное преодоление негативной ориентации по отношению к обидчику и развигивание по отношению к нему позитивной ориентации (Гассин, 2006).

Изучая вопрос прощения, ученые стремятся выявить возможные взаимосвязи между данным феноменом и другими индивидуально-психологическими и социально-психологическими феноменами личности. Среди подобных аспектов можно выделить религиозность (или религиозную идентичность). Э. Гассин говорит о том, что если мы обратимся к христианским или иудейским текстам, то увидим, что прощение в них занимает особое место. Согласно данным текстам, прощение людьми друг друга поощряется в связи с тем, что таким образом воспроизводит отношение Бога к его народу (Гассин, 1999). Исследователи предполагают, что чем религиознее человек, тем чаще он будет выражать готовность к прощению, в отличие от людей, которые считают себя нерелигиозными.

Среди подобных исследований можно выделить исследование группы израильских ученых, которые изучали феномен «посттравматического роста» у подростков и факторы, которые могли бы влиять на него. Вообще посттравматический рост подразумевает какие-либо положительные перемены, произошедшие вследствие травмы (например, повышение самооценки, появление альтруистичного поведения, создание личной жизненной философии и т.п.). Прощение же в этом исследовании рассматривалось как нечто, что может усилить подобный рост, позволяя человеку избавиться от негативных мыслей, чувств и поведения, сфокусироваться на позитивных стратегиях, помогающих справиться с негативными результатами травмирующей ситуации. Исследователями было доказано, что именно подростки, исповедующие иудаизм (имелось в виду, что они регулярно принимают участие в религиозных служениях, следуют иудейским канонам), выказывают готовность прощать, в отличие от тех подростков, которые нерегулярно и не строго соблюдают религиозные предписания, и от тех подростков, которых можно называть «светс-

кими» - не принимающими вообще участие в религиозных практиках (Лауфер и др., 2009)

В исследовании, проведенном в США, также было показано, что существует прямая взаимосвязь (на примере христианских верующих) между религиозностью, которая измерялась по таким критериям, как вера в бога и загробную жизнь, отношение к религии, участие в религиозных практиках, и прощением. Для изучения прощения был использован опросник, который подразумевал измерение прощения в когнитивном, эмоциональном и поведенческом плане. Так, было выявлено, что высокий уровень религиозности будет связан со шкалами прощения (мысли и эмоции) (Беделл, 2002).

В нашем исследовании, проведенном на русской выборке в 2005 г., было также показано, что существует определенная взаимосвязь между религиозной идентичностью (православной) и прощением. Мы ориентировались на то положение, что прощение в православии представляет собой прощение без каких-либо условий: без ожиданий принесения извинений со стороны обидчика, его первых шагов к примирению и т.п. Наша гипотеза подтвердилась: чем выше степень религиозной идентичности испытуемого, тем чаще он выказывает готовность к безусловному прощению, и наоборот, чем ниже степень религиозной идентичности, тем ниже респондент будет готов к прощению без условий. Так, например, внешние признаки религиозной идентичности и внутренние (самоидентификация, отношение к обрядам, некоторым положениям православного учения, например, «возлюби ближнего своего...») положительно взаимосвязаны с установками на прощение ошибок, обид, неосуждением обидчика (Столбченко, 2005).

Таким образом, приведенные исследования, которые проводились в разных странах, в разных этнокультурных и этноконфессиональных группах, показывают, что, существует тесная взаимосвязь между феноменом прощения и религиозностью: религиозный человек, независимо от религиозной принадлежности, выражает более твердую готовность к прощению, чем тот, кто нерелигиозен. Религиозность при этом подразумевает какие-то внешние (участие в религиозных практиках и обрядах) и внутренние аспекты (отношение к религии, обрядам, положениям), прощение измеряется по тому, каково отношение респондента к самому феномену прощения, к обидчику и ситуации.

Список литературы

Гассин Э.А. Психология прощения // Вопросы психологии. - 1999. - № 4. - С. 93-102.

Гассин Э.А. Самоотверженная любовь к другим как верх человеческого совершенства: свидетельства Священного Писания, трудов преподобного Максима Исповедника и недавних исследований альтруизма и межличност-

ного прощения // Межвузовская ассоциация «Покров», 2006. URL: http://pokrov-forum.ru/action/scien_pract_conf/znam_reading/znam_sbornik_2000-2004/txt/gassin.php?print=Y.

Столбченко А.С. Взаимосвязь религиозной идентичности и способности прощать // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе: Материалы Второй Международной научной конференции 22–24 сентября 2005 г. / Отв. ред. В.В. Грищенко. – Балашов: Изд-во «Николаев», 2005.

Bedell T.M. The role of religiosity in forgiveness. Dissertation. Presented in partial fulfillment of the requirements for the degree doctors of philosophy. The Ohio State University, 2002.

Lauffer A., Hammama Raz Y., Levine S., Solomon Z. Posttraumatic growth in adolescence: the role of religiosity, distress and forgiveness (2009) // Journal of social and clinical psychology. 28, 7: 862-880. URL: <http://www.tau.ac.il>.

В.В. Сутужко

Саратов, Институт социального образования (филиал) РГСУ

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО ОЦЕНИВАНИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

V.V. Sutuzhko

Saratov, Institute of Social Education (branch) RSSU

Problems of ethnic estimation of the person and a society

In given article are short stated to possibility of construction of the concept of ethnic estimation of the person and a society by means of integration of concepts about ethnic picture of the world and national character which in modern ethno-psychology are not quite developed. At the same time the given concepts of the domestic can be socially-humanities accepted for the further processing.

В современном социально-гуманитарном познании этнокультурные процессы и, в частности, проблемы этнического и межкультурного оценивания личности и общества (общее и специфичное при оценивании себя и окружающего мира разными народами и представителями разных культур) исследуются преимущественно в этнопсихологии (отрасли социальной психологии), этнософии (отрасли этнологии) и обобщенно в социальной философии, антропологии и культурологии. Этнопсихология проявляется в характере и темпераменте этноса и его «этносе» – системе психических и нравственных норм поведения, эстетических представлений, народных преданий, зафиксированных, как правило, в фольклоре. В этнософии исследуется народное оценивание, народная мудрость,

здравый смысл народа, воплощенные в фольклоре, пословицах и поговорках, афоризмах и метафорических выражениях, в образном мышлении и других проявлениях народного менталитета (свойственного данному народу склада ума, души и чувств). В определенном смысле этнософия как система народного оценивания – непреходящий источник национальной культуры каждого народа.

Вопросы этнического оценивания личности и общества становятся впервые предметом исследования в этнопсихологии, развитие которой в качестве отдельной научной дисциплины связано с трудами таких мыслителей, как В. Вундт, М. Лазарус и Х. Штейнталь, попытавшихся во второй половине XIX века провести анализ особенностей национальной психологии. Неслучайно считается, что в основе немецкой школы этнопсихологии лежат гегелевские идеи об «объективном духе». Первым этнопсихологическим трудом стала книга М. Лазаруса и Х. Штейнталья «Мысли о народной психологии» (1859). Этнокультурное оценивание и народная психология представлялись авторам состоящими из двух частей: абстрактной – отвечающей на вопрос, что такое народный дух (из каких элементов он складывается, каковы присущие ему особенности); и прагматической – изучающей психологию конкретных народов. Вместе с тем наиболее разработанной в конце XIX века была этнопсихологическая концепция В. Вундта, которая возникла из идеи о несводимости общепсихологических процессов к индивидуальной психологии. По мнению В. Вундта, душа народа не сводится к простой сумме индивидов и проявляется в их связях и взаимодействии, которое определяет специфику и своеобразные закономерности развития данного народа. «Народным духом» для В. Вундта являются высшие психические процессы, возникающие при совместной жизни многих индивидов – социальные оценки, общественные представления, чувствования, стремления и то, что В. Вундт называл кантовским термином «апперцепция», но в значении «коллективная творческая деятельность». Особенности этнокультурного оценивания, «народный дух» В. Вундт предлагал изучать с помощью анализа конкретно-исторических продуктов народов (языка, мифов, обычаев, составляющих, по его мнению, основные области народной психологии). По мнению В. Вундта, психология народов есть самостоятельная наука наряду с индивидуальной психологией, и хотя она пользуется услугами последней, однако и сама оказывает индивидуальной психологии значительную помощь (Вундт, 2002, с. 16).

В первой половине XX века начался планомерный поиск способов исследования этнокультурного оценивания личности и общества через анализ национального характера и этнической картины мира. Одной из первых работ в этом контексте была книга Р. Бенедикт «Модели культуры»

ученицы Ф. Боаса, положившая начало систематическим теоретическим поискам оснований функционирования этноса и тех психологических составляющих оценивания действительности, которые являются едиными для всех его членов (**Benedict, 1934**). Была выдвинута гипотеза о существовании некоего внутрикультурного интегратора народного оценивания (того, что определяет и всю культуру в целом, и характер носителей этой культуры), названного этосом культуры. В рамках традиции, сложившейся не без участия Р. Бенедикт, этнокультурное оценивание общества и личности, выраженное понятиями «картина мира» и «национальный характер» оказалось неразрывно слитным. При этом вслед за Р. Бенедикт считалось, что личность полностью конфигурируется культурными рамками, а потому вопрос, как проявляется и на чём зиждется взаимосвязь культуры и личности, вообще не рассматривался. Впоследствии этот вопрос поставили и попытались решить А. Кардинер и Р. Линтон. По их мнению, «основная личностная структура» формируется на основе единого для всех носителей данной культуры опыта и включает в себя такие личностные характеристики, которые делают индивида максимально восприимчивым к данной культуре, дают ему возможность достигнуть в ней наиболее комфортного и безопасного состояния. «Основная личностная структура» формируется через так называемые «первичные общественные институты», включающие основные способы жизнедеятельности, практику ухода за детьми, их воспитания и социализации. Эти институты ответственны за формирование единых для всех носителей данной культуры психологических травм, которые, по мнению исследователей, разрабатывавших свою концепцию с ориентацией на психоанализ, и формируют структуру личности. Эти психологические травмы нейтрализуются во «вторичных общественных институтах»: фольклоре, искусстве, принципах социальной организации и даже специфике хозяйственно-экономической деятельности.

Неслучайно одновременно появились несколько методологических подходов к исследованию этнокультурного оценивания личности. Обычно эти подходы группируют в два основных направления: культурно-центрированное и личностно-центрированное. Культурно – центрированные подходы по своей идее были нацелены на описание социокультурных феноменов в их психологической перспективе. В этих исследованиях понятия «национальное оценивание личности», «национальный характер личности» относительно слабо связаны с индивидуальной человеческой личностью. Гораздо ближе они стояло к понятию «культурная модель поведения». В культурно – центрированных исследованиях национального оценивания личности и национального характера внимание фокусировалось на

том, каким способом человеческое существо в принципе может воплощать в своем поведении культуру на индивидуальном и общем уровне. В этом смысле этнокультурное оценивание и национально-культурный характер личности – это научная абстракция, которую используют, когда возникает необходимость произвести проекцию общих культурных моделей на микроуровень, как бы смоделировать ее на отдельного человека. В этом контексте М.Мид выделила три основных аспекта исследования национальной личности: сравнительное описание некоторых культурных конфигураций (в частности, сравнение соотношения различных общественных институций), характерных для той или иной культуры; сравнительный анализ ухода за младенцами и детского воспитания; изучение присущих тем или иным культурам моделей межличностных отношений, например, отношений между родителями и детьми, отношений между ровесниками (Мид, 1983). Исходя из данной парадигмы, национальный характер и оценивание личности в принципе могут быть определены через особый способ распределения и регулирования ценностей или поведенческих моделей внутри определенной нации и культуры.

Современные этнопсихологические дисциплины (психологическая антропология, когнитивная антропология и культурная психология) сплелись воедино и занимаются исследованием этнокультурного оценивания личности и общества. Отдельного внимания заслуживают зарубежные культурно-психологические исследования, в которых непосредственно разрабатывается тема культурно-обусловленного оценивания картины мира. Э. Бош и его ученики (так называемая, Саарбрюккенская группа) Л. Эккенбергер, Б. Крюер исследуют культуры как поле действия. «Как поле действия культура не только включает и контролирует действие, но также постоянно трансформируется им; поэтому культура является как процессом, так и структурой» (Bosch, 1991, с. 29). Р. Шведер поставил и совместно с последователями решает проблему «интенциональных миров» и «интенциональных личностей», существующих в этих мирах. Данный подход представляется наиболее перспективным, если под него будет подведена твердая когнитивно-психологическая база, которую долгое время разрабатывал Дж. Брунер.

В заключении следует отметить, что в настоящее время все зарубежные концепции этнической картины мира и национального характера нельзя назвать вполне сложившимися. Вместе с тем предлагаемая концепция этнокультурного оценивания личности и общества, интегрирующая в себе основные достижения зарубежных коллег, в отечественной социально-гуманитарной науке может быть принята для дальнейшего развития этнопсихологических знаний.

Список литературы

Вундт В. Психология народов. – М., 2002.

Мид М. Культура и мир детства. – М., 1983.

Сутужко В.В. Социальная оценка: социально-философский анализ. – М., 2005.

Benedict R. *Patterns of Culture*. – Boston, N.Y., 1934.

Bosch E.E. *Symbolic Action Theory and Cultural Psychology*. – Berlin, 1991.

А.В. Сухарев

Москва, Институт психологии РАН

ПРИНЦИП ИСТОРИЧЕСКОЙ АКТУАЛЬНОСТИ
КАК ОСНОВАНИЕ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

A.V. Sukharev

Moscow, Russian Academy of Science Institute of Psychology

The principle of historical actuality as a foundation
of ethnofunctional paradigm in psychology

In this article on the base of the original principle of historical actuality the attempt to overcome the methodological crisis in psychology has been made. With the purpose of overcoming this crisis the new ethnofunctional paradigm in psychology has been proposed. This paradigm, based on historically actual principle of ethnofunctionality, principles of ethnofunctional unity of micro- and macrocosm, ethnofunctional development and ethnofunctional determinism, has been proposed in psychology. In relation to ethnofunctional development of mentality of person and society the author has proposed the concept of «archegeny» as the ideal prototype of any development.

В современной исторической науке, начиная с середины XX века, произошел методологический сдвиг от исследования «истории фактов», экономической и интеллектуальной истории к изучению «истории ментальностей» как «картин мира» отражающих представления людей о мире (Блок, 1986; Февр, 1991, Гуревич, 2005). Эти представления могут быть описаны как системы образов, характеризующиеся различными модальностями – эмоциональной, нравственной и др. (Гостев, 2008; Сухарев, 2009).

Историческое исследование ментальности общества, которое можно определить как историко-психологическое, должно основываться также и на общеметодологических подходах, используемых в исторической науке. Уже с начала XVIII столетия, в частности, во взглядах Дж. Вико исторический процесс рассматривался с двух методологических позиций – как представление о непрерывном развитии человечества и как идея цикличности

развития, расцвета и разрушения культур, наций. В новое время, с одной стороны, идеи поступательного, эволюционного развития (прогресса человечества) в исторической науке придерживались такие ученые, как О. Тьерри, Ф. Гизо, Г. Гегель, К. Маркс и др. С другой стороны, идея цикличности в развитии культур получила свое полноценное выражение в трудах Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, Л.Н. Гумилева.

С учетом сказанного выше, методологическое основание новой парадигмы в историческом исследовании ментальностей должно включать как принцип их общей эволюции, так и цикличность их развития в отдельно взятых культурах.

Согласно Т. Куну и И. Лакатосу, понятие парадигмы определяется как совокупность теорий, составляющих метатеоретическое единство, которое базируется на особых онтологических и гносеологических идеализациях и установках, распространенных в определенном научном сообществе (Кун, 2003; Лакатос, 2003). По замечанию В.Ю. Кузнецова (2003), сходство позиций Куна и Лакатоса – смещение центра внимания со структуры научного знания на его развитие, понимаемого как последовательность кардинальных изменений облика науки, отказ от установления жестких демаркационных разграничений между наукой и ненаукой и пр. – в постопозитивизме идейно завершается концепцией методологического анархизма П. Фейерабенда, утверждавшего, что следование методу несовместимо с творческим мышлением. Отталкиваясь от принципа несоизмеримости парадигм Куна, Фейерабэнд провозгласил тезис о методологической «вседозволенности», поскольку наука развивается посредством взаимопроникновения, размножения теорий и подходов, а также взаимовлияния и взаимодействия самых различных, самых безумных и экзотических идей (Фейерабэнд, 2007). В целях преодоления методологической вседозволенности характерной для современного кризисного сознания, нам представляется целесообразным введение **принципа исторической актуальности**, выделяющего в ментальности общества ведущие факторы – актуальные смыслы, представления, определяющие развитие культуры и личности в данный исторический период. Данный принцип мы вводим в дополнение к выделенному П.Н. Шихиревым (1993) важнейшему методологическому признаку парадигмы – наличию в ней «базовой науки» – как еще один признак, характеризующий валидность парадигмы в данный исторический момент – признак ее исторической актуальности.

Этническая парадигма. С одной стороны, современный этап исторического развития европейской культуры, по мнению многих философов и деятелей культуры, характеризуется как всеобщий кризис, переживаемый людьми как чувства необъяснимой тревоги, неуверенности в завтрашнем

дне и осознание бессмысленности существования. Манифестом данного кризиса принято считать появление в начале XX века работы О.Шпенглера «Закат Европы», пафосом которой является принятие неизбежности конца западноевропейской культуры как завершения жизненного цикла существования ее «фаустовской души» (Хейзинга, 1992; Давыдов, 1990 и др.).

Во всем разнообразии проявлений кризиса европейской культуры необходимо выявить наиболее важные или смыслообразующие факторы, определяющие направление культурно-исторического развития в настоящий исторический момент, а также содержание и динамику его переживания человеком. Обращает на себя внимание тот факт, что с конца 70-х годов XX века в отечественных и зарубежных исследованиях отмечается возрастание роли этнических факторов в жизни как общества в целом, так и отдельного человека (Сусоколов, 1990). А.А.Сусоколов полагает, что именно этнос оказывается той «субкультурой» современного общества, которая в наибольшей степени способна, по выражению О.Тоффлера, выполнять функции «информационного фильтра» (Тоффлер, 1973), оптимизирующего потоки информации, обрушивающиеся на современного человека в единицу времени. Этому способствуют такие свойства этноса, как: 1) нормативная целостность; 2) устойчивость этнического статуса личности; 3) стабильность состава; 4) устойчивость во времени. Понимание этноса как «информационного фильтра», отмечает Сусоколов, объясняет возрастание роли этничности в жизни общества в условиях формирования новой информационной ситуации. Возникновение острой потребности в «информационных фильтрах» объясняет обращение к этническим ценностям, представляющимся вечными и незыблемыми. Ориентация на специфические ценности собственного этноса накладывает ограничения на возможное поведение и «отфильтровывает» социально значимые сигналы, ставя в центр внимания информацию, касающуюся собственного этноса и отодвигая на периферию сообщения, являющиеся существенными для других этносов. По нашему убеждению, в современную кризисную эпоху процесс этнической идентификации, как переживание личности своей принадлежности к тому или иному *этническому типу* (этносу, этнической системе), является «болевым точкой» и выступает важнейшим смыслообразующим фактором в поведении современного человека, что дает ему чувство уверенности в незыблемости ценностей.

Э.Эриксон отмечал: «Исследование психосоциальной идентичности зависит от трех взаимодействующих сторон..., а именно: личностной связи индивида с ролевой интеграцией в его группе; направляющих его образов — с идеологиями его времени; его жизненной истории — с историческим моментом» (Erikson, 1975, p. 20). Эриксон иллюстрирует эту идею на примере

«отца» Реформации в Германии XVI века – Лютера (Эрикссон, 1996). Решая богословские вопросы, Лютер закладывал основу новой идентичности, которую вслед за ним обрели поколения протестантов. Бунт против Рима был воспринят как бунт политический и, что существенно, «тема немецкого национализма отчетливо звучала в речах Лютера» (Руткевич, 1996, с. 4).

Следует заметить, что этническая идентичность так же, как и в эпоху современного кризиса европейской культуры, играла важную роль и остро переживалась людьми и во времена кризисов прошедших эпох. В исторической литературе описано огромное количество таких примеров. В частности, эпоха правления римских императоров Цезаря и Августа (I в. до н.э.), по единодушному мнению большинства исследователей являвшаяся периодом кризиса, характеризовалась «смешением народов», «сглаживанием особенностей разных племен и народностей и усилением одной общей черты — изношенности, измельчания характеров» (Моммзен, 1993, с. 179–180). Кризисным был также, например, исторический период борьбы китайского народа против иностранных захватчиков в последний период манчжурской династии Цин (конец XIX – начало XX века), завершившийся превращением Китая в слабое государство, практически обслуживающее интересы Европы и США. Причиной успешности проникновения иностранного влияния был глубокий упадок этой династии, которая и сама всегда воспринималась китайцами как этнически чуждая. Восстание ихэцзоаней («боксеров»), обусловленное указанными противоречиями, проходило под лозунгами – не нарушать заветов родителей и обычаи (не быть жадными, не развратничать и т.п.), уничтожать чужеземцев, убивать чиновников-взяточников – представителей этнически чуждой манчжурской власти (Гумилев, 1993; Ефимов, 1973).

Приведенные выше рассуждения дают основания полагать, что именно этническая идентичность в условиях современного кризиса европейской культуры является исторически актуальной «точкой отсчета» поведения человека, принадлежащего определенному этносу или этнической системе, а этнология – базовой наукой в методологии анализа и прогноза этого поведения. Такой подход закрепляется в понятии «этнической парадигмы», в которой этничность полагается в качестве смыслообразующего фактора (Козлов, 1995).

Этнофункциональная парадигма. С другой стороны, с древнейших времен нарастает актуальность проблемы смешения и расселения народов и культур. Один из первых исторических примеров здесь — образ Вавилонской башни, которая, будучи символическим «центром всех племен и в то же время знаком их равенства» (Библиейская энциклопедия, 1990). Метафора «Вавилонской башни» может служить одним из начальных пунктов

методологического анализа. Очевидно, что в развитии человечества как целого, особенно, начиная с эпохи модернизации, последствия которой коснулись самых отдаленных уголков планеты вследствие развития коммуникационных и транспортных технологий, в современном мире нарастает смешение народов, религий, культур, что дало в частности, повод говорить о прогрессирующей «этнокультурной мозаичности» (Тишков, 1992) человечества. Нарастанию «мозаичности» культур сопутствует и нарастание степени этнической маргинализации личности человека (Сухарев, 2008). В современном мире каждого отдельного человека все труднее отнести к какому-то этническому типу, все более размывается целостность не только биологических, природно-географических и культурных признаков, но и сама личность человека становится этнически маргинальной или «множественной». Указанные явления, как мы уже отмечали, *возникают вследствие технологического прогресса человечества на всей планете.*

С позиций *принципа исторической актуальности* в научном описании ментальностей в современной европейской цивилизации их необходимо рассматривать, с одной стороны, как результирующие кризиса в ее развитии, определяющего роли этнической идентичности человека как смыслообразующего фактора его поведения. С другой стороны, ментальность современного человечества в целом, особенно, после эпохи просвещения существенно характеризуется нарастающей этнической неоднородностью вследствие развития и повсеместного использования достижений технологического прогресса во всем мире.

Не только культура, как это представлялось ранее (Бромлей, 1983), но все элементы этнически неоднородных ментальностей наделяются *этнодифференцирующей и (или) этноинтегрирующей функцией*. Любой элемент ментальности либо интегрирует, либо дифференцирует человека с тем или иным этносом или этнической системой. Применение понятия этнической функции к развитию и функционированию личности и общества осуществляется в ходе реализации нового методологического подхода в психологии, в котором базовым является принцип *этнофункциональности*.

Принцип исторической актуальности должен обосновывать актуальность новой парадигмы в исторической психологии, как с учетом специфики кризисных этапов в развитии отдельных этнических или культурных циклов, так и с учетом результатов поступательного технологического прогресса всего человечества. В связи со сказанным, в дополнение к этнической парадигме, основанной на типологии этносов и этнических систем, в соответствии с методологическим принципом дополнительности мы вводим *этнофункциональную парадигму* (Сухарев, 2008), учитывающую нарастающую этническую мозаичность ментальностей в современ-

ном обществе. Чем менее однородна исследуемая ментальность (т.е. чем больше в ней этнодифференцирующих элементов), тем более правомерна для изучения человека и общества этнофункциональная парадигма и тем менее — этническая. Строго говоря, этническая парадигма является частным случаем парадигмы этнофункциональной, при количестве этнодифференцирующих элементов этнической системы стремящемся к нулю. В условиях современного «полиэтничного» общества, этнофункциональная парадигма более адекватна для изучения проблемы ментальности современной технологически развитой цивилизации. Этническая парадигма в науке, в свою очередь, более приемлема при изучении относительно однородных ментальностей (например, исследования этнических изолятов в Южной Америке, Новой Гвинее и др.).

Список литературы

- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. – М.: Наука, **1983**.
- Гостев А.А.* Психология вторичного образа. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», **2007**.
- Гумилев Л.Н.* Этносфера. История людей и история природы. – М.: Издательская группа Прогресс, **1993**. – С. **540–542**.
- Гуревич А.Я.* История и психология // Психол. журн. – **1991**. – Т. **12**. – № **4**. – С. **3–16**.
- Давыдов Ю.Н.* Кризисное сознание // Современная западная социология. – М.: ИПЛ, **1990**. – С. **143–144**.
- Ефимов Г.В.* Ихэцзоань // БСЭ. 3-е изд. Т. **11**. – М.: Советская энциклопедия, **1973**. – С. **59**.
- Козлов В.И.* Этнос // Этнические и этносоциальные категории. – М.: ИЭА РАН, **1995**. – Вып. **6**. – С. **151–153**.
- Кузнецов В.Ю.* Понять науку в контексте культуры // Структура научных революций. – М.: ООО «Издательство АСТ», **2003**. С. **5–7**.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», **2003**.
- Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции. – М.: ООО «Издательство АСТ», **2003**.
- Моммзен Т.* История Рима. – Л.: Лениздат, **1993**. С. **179–180**.
- Поппер К.* Нормальная наука и опасности, связанные с ней // Кун Т. Структура научных революций. – М.: ООО «Издательство АСТ», **2003**.
- Руткевич А.М.* «Психо-история» Э.Г. Эриксона // Э. Эриксон. Молодой Лютер. – М.: «МЕДИУМ», **1996**.
- Сусоколов А.А.* Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. – М.: Изд-во ИЭА РАН, **1990**. Вып. **20**. – С. **5–40**.
- Сухарев А.В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», **2008**.
- Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. – **1992**. – № **1**. – С. **5–20**.
- Тоффлер О.* Футуршок. – М.: Прогресс, **1973**. – С. **218**.

- Фейерабенд П. Против метода. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2007.
 Хейзинга Й. **Homo Ludens**. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс-Академия, 1992.
 Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993.
 Эриксон Э. Молодой Лютер. – М.: «МЕДИУМ», 1996.
Erikson E. Life history and the historical moment. – N.Y.: Harper and Row, 1975.

А.Н. Татарко

Москва, Государственный университет – Высшая Школа Экономики

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ И КИТАЙЦЕВ*

A.N. Tatarko

Moscow, State University – High School of Economics

The relation between social capital and economical attitudes
 in Russia and China

There are many researches showing relation between social capital and objective indicators of economic development of various societies. However, there are no the psychological researches showing how the social capital is relate to economical attitudes and the representations underlying economic behaviour. This paper is devoted the comparative analysis of the social capital of Russian and Chinese, and also to studying of interrelations between social capital and economic attitudes of Russian and Chinese.

Термин «социальный капитал» получил широкую известность благодаря исследованиям политолога Р. Патнэма (*Патнэм, 1996*) и работам социолога Дж. Коулмена (*Колмэн, 2001*). П.Н. Шихирев, предлагая социально-психологический подход к анализу феномена социального капитала, отмечает «за время, прошедшее после публикации статьи Коулмена, проблематика, связанная с тем, что называют социальным капиталом, хотя и без упоминания самого термина выдвинулась на одно из первых мест в социальной психологии» (*Шихирев, 2003*). Общим среди большинства определений социального капитала является то, что фокус их внимания направлен на характеристику психологических отношений, которые имеют продуктивные выгоды (**Robison et al., 2002**). Таким образом, в основе социального капитала лежит фундаментальная психологи-

* Индивидуальный исследовательский проект №09-01-0053 «Влияние социального капитала на экономические установки и представления в России и Китае» выполнен при поддержке Научного Фонда ГУ-ВШЭ.

ческая категория, категория *психологических отношений*. Социально-психологический анализ понятия «социальный капитал» позволяет предложить следующее определение данного феномена: *социальный капитал – это совокупность психологических отношений, которые повышают материальное благосостояние индивидов и групп, не нанося ущерба субъектам экономической системы (Гатарко, Лебедева, 2009).*

В настоящее время влияние социального капитала на экономику доказано в целом ряде исследований (Нуреев, 2008, с. 398–405). В них, как правило, вычисляются связи уровня социального капитала (прежде всего, доверия) с объективными экономическими показателями различных стран, например показателями экономического роста, объемов инвестиций, уровня ВВП. Существует достаточное количество исследований, показывающих, что социальный капитал оказывает значительное влияние на благосостояние этнических групп и целых стран. Однако, нетрудно заметить, что все существующие на настоящий момент исследования рассматривают связь социального капитала с *объективными* экономическими показателями. Это не раскрывает *механизма* влияния социального капитала на экономическое поведение. С точки зрения автора, продвинуться в направлении раскрытия механизма влияния социального капитала на экономическое поведение можно, если рассмотреть связь социального капитала с экономическими установками и представлениями у представителей разных этнических групп и стран, обладающих разным уровнем социального капитала и различными темпами прироста ВВП. Почему именно с экономическими установками и представлениями? Потому что именно экономические установки и представления связаны с экономическим поведением, которое лежит в основе экономической активности населения, следствием которой и является экономическое благополучие обществ.

Чрезвычайно продуктивным было бы выявление взаимосвязи компонентов социального капитала и экономических установок не только у российских респондентов, но и респондентов другой страны, значительно отличающейся от России, как по уровню социального капитала, так и по темпам роста ВВП. По этим показателям от России значительно отличается Китай. Именно поэтому Китай и был выбран для сравнительного исследования взаимосвязи социального капитала и экономических представлений.

Теоретическая гипотеза: в различных культурах существуют похожие по своей направленности взаимосвязи социального капитала и экономических представлений.

Цель исследования: кросс-культурное изучение взаимосвязей социального капитала и экономических представлений.

Участники исследования: 250 респондентов; них 150 – русских, проживающих в различных регионах России: в г. Москве, в Южном феде-

ральном округе (г. Ставрополь), в Республике Башкортостан (г. Сибай). В каждом из трех данных регионов России было опрошено по 50 человек. В Китае было опрошено 105 человек, проживающих в г. Пекине. Выборки были уравнены по полу и возрасту.

Процедура исследования. Участникам предъявлялся для заполнения опросник, в который входил набор методик, позволяющих оценить социальный капитал и экономические представления.

В результате проведенного исследования были выявлены различия в социальном капитале россиян и китайцев. Китайцы демонстрируют более высокое доверие и более высокий уровень толерантности к представителям иноэтнических и иноконфессиональных групп. Русские превосходят китайцев по уровню позитивности гражданской идентичности и толерантности к инакомыслящим. Значения показателей воспринимаемого социального капитала общества также выше у россиян.

Также были выявлены различия в экономических представлениях русских и китайцев. Китайцы более оптимистично оценивают свои возможности в повышении материальных доходов и проявляют больший интерес к экономике города, а также выбирают меньшую степень экономического риска в качестве его оптимальной величины, по сравнению с русскими.

Обнаружено, что социальный капитал позитивно взаимосвязан с «продуктивными» экономическими представлениями, в обеих этнических группах, но коэффициенты, характеризующие величину взаимосвязей, небольшие.

Было показано, что большинство взаимосвязей социального капитала с экономическими представлениями очень схожи у русских и китайцев. Тем не менее, существует и небольшое количество различий. Главное отличие состоит в том, доверие у русских мало связано с экономическими представлениями, в то время как у китайцев доверие имеет множество таких взаимосвязей.

Список литературы

Колман Дж. Капитал социальный и человеческий / Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.

Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. – М., 2008.

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М., 1996.

Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. – М.: Изд-во РУДН, 2009.

Шихирев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход / Общественные науки и современность. – № 2. – 2003. – С. 17–32.

Robison, Lindon J., A. Allan Schmid, and Marcelo E. Siles Is social capital really capital? // *Review of Social Economy*. – 2002. – Vol. 60. – P. 1-24.

Т.С. Ташимова

Алматы, Казахстан, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА КУЛЬТУРЫ В ЭТНОПСИХОЛОГИИ

F.S. Tashimova

Almaty, Kazakhstan, Kazakh National University named after Al-Farabi

Problem of cultural subject in etnopsychology

In this article is analyzing one of the most important problems of etnopsychology – problem of culture subject. Subject of culture is showing as cooperating of subjects. These subjects stimulating integration of inside world, providing harmony in relationships with another ethnic groups.

Одной из значимых проблем этнопсихологии, отражающей взаимодействие человека с разными мирами, является изучение субъекта культуры как уникального со-творчества субъектов, функционирующих во внутреннем мире человека, в связи с потребностью в целесообразном интегрировании системы частных и общечеловеческих ценностей, отражающих его смысловую сферу, обеспечивающую позитивные изменения, гармонию, как в собственной системе, так и в окружающей его социальной и предметно-вещной среде (*Tashimova, 1996*).

Согласно этого, выявление особенностей субъекта культуры предполагает проведение анализа представленности в его личности различных социальных обществ и мира. Рассмотрим различные детерминанты, определяющие особенности субъекта культуры.

1. Одним из наиболее значимых детерминант является представленность в человеке «Сверх-смысла», частью которого он является. Это персонализированность бога как интимнейшего собеседника по Франклу (*Ташимова, 2008*). По аль-Фараби – это представленность надлунного мира, божественной первосущности человека (*Tashimova, 1996*). Представленность в субъекте надлунного мира – это отражение функционирования в нём логики божественного начала, отражающего его возвышенные, творческие силы, способность к самотрансценденции и преодолению трудностей бытия в мире. Несмотря на то, что представленность первосущности или сверхсмысла имеет разнообразные оттенки, эта сфера отражает изначальное стремление человека к добру и созиданию во имя человечества и мира. В данной сфере ценности субъекта культуры, различных этнических групп едины. Изначально человек добр и несёт в себе мощную энергию всеобщей любви (либидо) и в процессе жизни, постоянно стремится противостоять разрушительным силам (танатосу). Божествен-

ное понимается как источник совести или орган совести по Франклу, регулирующий принятие решений и их реализацию. Разрушительные силы продуцируются в ситуациях невозможности преодоления сложностей жизни, препятствующих реализации добрых намерений.

2. Представленность различных этносов мира, т.е. человечества в целом. Человечество представлено опосредованно, через систему ценностей, отражённых в сказках народов мира, мифах, традициях, быте, а также в продуктах творчества любимых авторов, представителей различных этнических групп. Любимые авторы, являющиеся кумирами субъекта, могут быть представлены из любой этнической группы и из любой точки мира и времени. То есть, для них нет ни пространственных, ни временных преград. В зависимости от того, представитель какой этнической группы представлен, идёт ориентация на те ценности, которые проводит в своём творчестве избранный субъектом кумир. Этот процесс, не всегда достаточно сознательный, но по мере воздействия, иногда, может превосходить влияние близкого социального окружения. Представленность избранных субъектом творческих представителей мира – это представленность в субъекте Супер-эго, по Фрейдю, авторитетной личности, по Франклу, представителей великого общества подлунного мира, по аль-Фараби, значимых Других, по Х.Й.Лийметсу и А.В.Петровскому и В.А.Петровскому (*Ташимова, 2001*). Представленность ценностей различных этнических групп мира стимулирует разнообразие жизненных смыслов субъекта культуры. В связи с этим, очень важно знать, кто представлен в личности субъекта и как, а также, какова мера его влияния. Это становится особенно важным в условиях глобализации, когда ставится вопрос о едином пространстве общечеловеческих ценностей. В данном случае, очень важным является соблюдение принципа «единство из множества», отражающего единение на основе разнообразия.

3. Представленность в субъекте окружающего социального сообщества – это люди с общего двора, дома, улицы, школы, института и т.д., отражающее непосредственное окружение субъекта. Это места первых встреч, реализации потребностей в превосходстве и общности, это первый опыт взаимодействия с социальным миром, и апробация собственных личностных и индивидуальных ресурсов, на основе которых формируются стереотипы общения с представителями других этнических групп. Это первый опыт познания разнообразных ценностей представителей различных этнических групп окружения субъекта, отличного от особенностей его собственных. Этот опыт имеет существенное значение в процессе становления субъекта культуры. По аль-Фараби – это представленность городов, как добродетельных, так и невежественных, представленность группы по А.В.Петровскому, систем образования по Х.Й.Лийметсу.

4. Существенное значение имеет представленность собственной этнической группы в лице семьи, родственников и других его представителей. Это, прежде всего, представленность родителей, систему ценностей которых «впитывает» субъект, в процессе неосознанной идентификации в непосредственном взаимодействии. Представленность ценностей родителей – это «окно» в мир, через которое субъект воспринимает ценности других этнических групп. Поскольку, это происходит на уровне бессознательной идентификации, влияние их ценностей весьма значимо. Представленность родителей опосредованно Супер-эго предков, пра-прародителей. В связи с этим, представленность родителей – это представленность генеалогического древа, опосредованного языком, традициями, этническими стереотипами и предрассудками. В этом плане, родители своими идеями и отношениями несут ответственность за меру гармонии взаимоотношений субъекта с другими этническими группами, способствующие его самореализации и самоактуализации. По аль-Фараби – это представленность малого общества, ценностей родителей, несущих систему значимостей предков, по Фрейдю, коллективного бессознательного, по Юнгу, членов семьи, по Адлеру (*Ташимова, 2008*). В связи с этим, не менее значимым является представленность братьев и сестёр, взаимоотношения с которыми являются источниками потребности в превосходстве и общности, их соотносённости в процессе взаимодействия с представителями других этносов, определяющую арену борьбы или сотрудничества с другими.

5. Представленность мира определяется не только сверх-смыслом и социальными общностями, но и предметно-вещной, природной окружающей средой. На значимость детерминации особенностей взаимоотношения субъекта с миром, с окружающей природной средой указывается ещё в работах Гиппократа. Значимые исследования проведены эстонскими психологами, раскрывающие особенности персонализированности окружающей среды и их роли в становлении субъекта культуры (*Ташимова, 2001*). Представленность природы и стимулирование ею тех или иных ценностей субъекта во взаимоотношениях с миром влияет не только на особенности психических процессов, но и на смысловую сферу, в целом.

Таким образом, ценности представленных в личности человека Сверх-смысла и обществ, с которыми он непосредственно и опосредованно общается, а также ценностей, стимулируемых окружающей предметно-вещной и природной средой, интегрируются субъектом, обеспечивая формирование его внутреннего мира. Внутренний мир, по Рубинштейну – это внутренние условия, через которые преломляются все внешние воздействия, это схема апперцепции, обеспечивающая специфику восприятия и понимания других по Адлеру, это сетка системы соотношения по Форнеру и Э.Вер-

ник, кодирующая весь прошлый опыт, осознаваемый и неосознаваемый (Ташимова, 1997, 2001, 2008). В нашем понимании внутренний мир – это смысловая реальность, сотканная из субъективной отраженности ценностей значимых других и их со-творчества, регулирующего взаимоотношения субъекта с представителями различных этнических групп. Особенности интегрирования ценностей, определяющих систему его смыслов и способов их реализации, отражают меру его субъектности. Мера субъектности определяется личностным вкладом в созидание ценностей, как собственной этнической группы, так и в общее пространство мира.

Список литературы

Tashimova F. Horizontal and vertical determination subject in culture of the East Hisher education in Kasakstan. 1996. № 1. P. 79-87.

Ташимова Ф.С. Динамика формирования и механизмы смысловых образований субъекта. Учебн. пособие. – Алматы, 2001. – 59 с.

Ташимова Ф.С. Субъектная детерминация смыслов в зарубежной психологии. Вестник КазНУ им. аль-Фараби, «Психология и социология». – 2008. – №4. – С. 69-74.

Ю.Н. Феденок, М.Л. Бутовская

Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

**ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ:
УНИВЕРСАЛИИ И КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ***

J.N. Fedenok

Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Spatial behaviour: universal traits and cultural differences

The purpose of our research was to reveal features of the nonverbal communications on an example of spatial behaviour (among schoolchildren). Often the conflicts in multi-ethnic groups are due to ignorance of these features. Accounting for these traits in co-education of migrant children and local children can prevent aggressive behavior and ethnic conflicts.

В полиэтничных регионах контакты между представителями разных культур происходят ежедневно. Социальное взаимодействие людей с различными нормами пространственного поведения может приводить к не-

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 07-06-00078а и в рамках проекта «Кросс-культурный анализ социального пространства и механизмов регуляции социальной напряженности: от традиции к современности» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

ловким ситуациям в межэтническом общении (Бутовская и др., 2007, с. 361-364; Hall, 1963). В полиэтничных школах порой возникают этнические конфликты, что порой приводит к размежеванию в классах на этнической почве, откровенно агрессивному отношению между одноклассниками разных национальностей (Лебедева и др., 2004, с. 96).

Установлено, что 7% информации передается за счет вербальных средств (слов), 38% – за счет звуковых средств (включая тон голоса, интонацию звука) и 55% – за счет невербальных средств (Mehrabian, 1972, p.182). Невербальная коммуникация представляет собой сложный процесс взаимодействия людей, в котором участвуют мимика человека, тон голоса, интонация, жесты, телодвижения, ориентация тела, межличностная дистанция, контакт глаз, тактильные контакты. Половая принадлежность, расовое происхождение, культурная принадлежность, статус, личные особенности человека и условия его обитания влияют на индивидуальные особенности невербальной коммуникации человека (Bell et al., 2001).

Э.Холл (Hall, 1966) для обозначения этих различий ввел представление о контактных и неконтактных культурах. Контактные культуры (арабские страны, Латинская Америка, страны Средиземноморья, культуры Кавказа) чаще используют ольфакторные и тактильные каналы невербальной коммуникации и взаимодействуют на более близком расстоянии по сравнению с неконтактными культурами (Юго-Восточная Азия, Дальний Восток, Северная Америка, Северная Европа). Современные исследователи говорят о том, что такое разделение следует применять с исключительной осторожностью (Andersen, 1988; Shuter, 1977).

В нашем исследовании приняли участие дети и подростки в возрасте от 9 до 17 лет. Исследование проводилось в общеобразовательных школах г.Москвы (Центральная Россия), г.Владикавказ (Северный Кавказ, республика Северная Осетия–Алания), пос. Октябрьский (Челябинская область), села Криничное (Одесская область Республика Украина). В результате наблюдений нами были зафиксированы взаимодействия 410 пар московских подростков (преимущественно русские), 401 пара подростков (преимущественно осетины), 303 пары подростков из пос. Октябрьский (преимущественно русские) и 303 пары подростков из с.Криничное (преимущественно болгары) (всего 1417 пар). Мы использовали метод прямого этологического наблюдения общающихся пар в естественной обстановке (во время перемен между уроками) и интервьюирование.

В нашем исследовании были измерены и зафиксированы следующие параметры: дистанция общения партнеров; ориентация тела;

тактильные контакты. Измерение персональной дистанции и невербального поведения проводилось с использованием бланка, использовавшегося ранее в подобных исследованиях (Борисова и др. 2004). После наблюдения проводилось интервьюирование каждого участника общения по следующим вопросам: возраст, тип взаимоотношений, тема и объект разговора. Все данные были обработаны с помощью программы SPSS.

Культурная специфика пространственного поведения нашла свое выражение в различии дистанции общения. Средняя дистанция на уровне торса у мальчиков для школьников г.Москвы составила **35,3 см**, г.Владикавказ – **30,0 см.**, пос.Октябрьский **36,6 см**, с.Криничное – **50,4 см**. А средняя дистанция на уровне торса у девочек для школьниц г.Москвы составила **30,8 см**, г.Владикавказ – **23,8 см.**, пос.Октябрьский – **26,6 см**, с.Криничное – **33,6 см**.

В исследовании московского студенчества эта дистанция составила уже у юношей **42 см**, у девушек – **41,1** (Борисова и др., 2004, с. 19). По этому параметру русская культура (на московской выборке) попала в категорию «неконтактных». Исследования по пространственному поведению взрослых осетин, болгар и русских Челябинской области пока не проводились, и отнести их невербальную коммуникацию к одному из типов только по результатам наблюдений за детьми и подростками не представляется нам правильным. В любом случае мы можем заключить, что осетины демонстрируют более «контактный» стиль пространственного поведения по сравнению с русскими и болгарами, а болгары демонстрируют наиболее «неконтактный» стиль общения, что объясняется, вероятнее всего, тем, что они проживают в селе. Известно, что в селе люди держат большую дистанцию, по сравнению с жителями городов (Eibl-Eibesfeldt, 1989).

Результаты нашей работы вносят определенный вклад в общетеоретические представления о пространственном поведении и его межкультурных различиях. Было выявлено, что в многонациональных школьных коллективах, дети мигрантов усваивают нормы поведения и пространственной ориентации коренного населения к старшему школьному возрасту. Успешная интеграция мигрантов видится в совместном обучении детей разных национальностей в рамках государственных общеобразовательных школ, где дети могут успешно перенимать нормы поведения и общения доминирующего большинства населения. При условии обучения детей мигрантов в национальных школах дети не получают необходимого опыта общения в мультикультурной среде и в дальнейшем это затрудняет их интеграцию в обществе.

В заключении хотелось бы ещё раз отметить важность изучения невербальной коммуникации. Как показывают наши результаты и работы других исследователей, существуют как универсальные, так и культурные особенности невербального поведения. И зачастую, более значимыми становятся последние, особенно в условиях межкультурного взаимодействия. Именно неверно истолкованные культурные различия в правилах демонстрации невербального поведения могут приводить к серьезным конфликтам в полиэтничных коллективах.

Мы выражаем огромную признательность всем учителям и ученикам школ, принявших участие в этом проекте, за помощь в проведении исследования и гостеприимство; Бурковой В.Н. и Тезиеву Т.О. за помощь при сборе данных в Осетии; Веселовской Е.В. за помощь при сборе данных в г.Москве.

Список литературы

Борисова Л.В., Бутовская М.Л. Пространственное поведение в современной городской культуре: возрастные и гендерные аспекты // *Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследования.* – М., 2004. – С. 13-20.

Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Взаимопонимание и толерантность в поведении детей и подростков в условиях многоэтнических школьных коллективов // *Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности* / Под ред. М.Ю. Мартыновой. Н.М. Лебедевой. – М.: РУДН, 2007. – С. 314–366.

Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. – М.: «Привет», 2004.

Andersen P.A. Explaining intercultural differences in nonverbal communication // *Intercultural communication: a reader* (L.A. Samovar, R.E. Potter – eds.). CA: Wadsworth, 1988.

Bell P.A., Greene T.C., Fisher J.D., Baum A. *Environmental Psychology.* Philadelphia. 2001.

Eibl-Eibesfeldt I. *Human Ethology.* Aldine de Gruyter, New York, 1989.

Hall E.T. A system for the notation of proxemic behavior // *American Anthropologist*, 1963. № 65. P. 1003–1026.

Hall E.T. *The Hidden Dimension,* New York: Doubleday, 1966.

Mehrabian, Albert. *Nonverbal Communication.* Chicago: Aldine-Atherton, 1972.

Shuter R. A field study of nonverbal communication in Germany, Italy, and the United States // *Communication Monographs.* 1977. Vol. 44. P. 298-305.

В.И. Фокина

Одесса, Одесский национальный университет
им. И.И. Мечникова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ УКРАИНЫ, РОССИИ
И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: ДИАЛОГ АРХЕТИПНЫХ ОСНОВ

V.I. Fokina

Odessa Mechnikov National University

Political mentality of Ukraine, Russia and Western Europe :
dialog of archetype bases

In the article the main attention is given to the dialog of archetype bases of political mentality of Ukraine, Russia and Western Europe. The creative synthesis of symbols and myths, existing at the level of collective presentations, allows to form the active subject of political mentality.

Политическая ментальность является неотъемлемой составляющей этнокультурной ментальности определенного общества, выступая основой политического поведения его членов. Механизмы формирования и трансформации политической ментальности на сегодняшний день изучены недостаточно. Они являются объектом исследований ученых, принадлежащих к разным специальностям: психологов, социологов, политологов, историков, семиотиков и др. Решая проблему изучения субъекта политической ментальности, следует обратить внимание на творческий синтез символов и мифологем, бытующих на уровне коллективных представлений. Среди методов, адекватных поставленной задаче, следует назвать символический анализ (А.Ф. Лосев, М.И. Воловикова и др.). В методе символического анализа важным является постулат о том, что символ невозможно дешифровать простым усилием рассудка, в него надо «вжиться». Символ многозначен, и благодаря этой многозначности происходит сцепление смысла с различными контекстами. Важной также является диалогичность символа как формы знания. Свою содержательную характеристику первообраз (архетип) получает лишь тогда, когда проникает в сознание и при этом наполняется материалом жизненного опыта. Особую специфику механизмы функционирования архетипов на уровне массового сознания приобретают в периоды существенных общественно-политических трансформаций, влекущих за собой кризис традиционных ценностных систем. Установка на создание нового символического пространства политической ментальности содержательно раскрывается, с точки зрения автора статьи, в формуле искания «иного

царства», как оно понимается в народном эпосе. «Уход от гнетущей человека бедности жизни, подъем к неизреченному богатству чудесного в связи с исканием «иного царства» есть общая черта всех веков и всех народов» (*Трубецкой, 1995, с.389-390*). Однако, можно обнаружить разное понимание путей приращения «сказочного богатства» в украинской, российской и западно-европейской ментальности. В указанных регионах «бедность жизни ощущается по-разному, соответственно различию в жизнепонимании и в особенности – душевном строе» (*Трубецкой, 1995, с.389*). С этой точки зрения продуктивно исследовать «протестантскую этику» западноевропейской ментальности, а также культурные архетипы бедности-богатства у восточных славян. Среди наиболее значимых для европейской ментальности и политической культуры идей традиционно называют, во-первых, идею частной собственности, которая делает возможной личностную свободу и самореализацию, гармонизирует соотношения материального и духовного богатства личности. Во-вторых, идею набожности на фоне стремления к личному успеху. В-третьих, идею индивидуализма. (*Старовойт, 1997*). Этика протестантизма санкционирует те средства организации предпринимательской деятельности, которые приводят к успеху, а именно «деньги» и «время». Эти мифологемы являются наиболее значимыми для современного западноевропейского менталитета. Введение в психологию повседневного общения меркантильных ценностей обосновывается в «Советах молодому торговцу» Б. Франклина: «Помните, что время – это деньги» (*Абрамов, 2008*). Но поскольку в данном случае и время, и весь смысл человеческого бытия оценивается через количество приобретенных или утраченных вещей, возникает реальная угроза перехода из состояния «быть» в состояние «иметь» (Э. Фромм). То, что в буржуазном обществе человеческие добродетели непосредственно связаны с богатством («пустому мешку нелегко стоять прямо» – писал Б. Франклин), еще не означает, что они не могут существовать по отдельности, тем более что одно порождает другое. И наполненному долларами мешку стоять прямо так же нелегко, как и пустому. Учитывая активные процессы вестернизации российского и украинского менталитета, следует оценить ту «почву», на которую «упадут» западноевропейские ценности, выраженные в символах материального и духовного богатства.

Помимо хорошо известных научному сообществу качеств коллективизма, открытости и патриотизма, следует, на наш взгляд, обратиться к творческому потенциалу русской политической ментальности, а именно, к созерцательному созиданию. Формулируя «русскую идею» И. Ильин подчеркивал роль в ней «свободно созерцающего сердца,

которое искало и находило свой верный и достойный Предмет... Как только созерцающее сердце русского человека прилеплялось к беспредметным или противопредметным содержаниям...», Россия «шаталась и распадалась» (Ильин, 1992, с.438-439). В связи со сказанным вспоминается описанная Е.Трубецким житейская мечта русского простолюдина (характерная впрочем, для представителя любого этноса), для которого «иное царство» есть, в общем, идеал «сытого довольства». Согласно Е.Трубецкому, предельным выражением такого искаженного народного идеала является «воровская утопия» («Грабь награбленное»), в которой исследователь увидел реальную опору для идей революции. Архетип Емели сыграл ключевую роль в перевороте и оказался жизнеспособным от того, что у него есть глубокий мистический корень в русской душе (Трубецкой, 1995). Однако, этот символ является многоуровневым и его потенциал по-новому раскрывается в контексте нашего времени. Емеля добывает принцессу и царство, потому что «печка» сама его возит, то есть в своей «созерцательной лени» он оказывается более проворным, чем самые деловые и энергичные (Воловикова, 2005, с.137). Еще одной психологической доминантой русской ментальности является совесть. «Совесть есть состояние нравственной очевидности», состоявшийся совестный акт восстанавливает внутреннее единство человеческого существа, всех его сил и способностей и потому может на долгие годы вперед озарять жизнь личности новым обретенным смыслом (Ильин, 1992, с.183). Основное противоречие российской истории, по мнению М.И. Воловиковой, скорее всего, состояло в тесном переплетении нравственно-духовной одаренности ее мыслителей и всего народа с чрезвычайно затрудненным воплощением нравственных максим в жизнь (Воловикова, 2005).

Объединение индивидуализма с идеей равенства прав граждан и недопустимости насилия власти, по мнению Б.Цымбалистого, не смотря на перипетии исторического прошлого, все-таки является инвариантным признаком национального характера украинцев, не терпимых к проявлениям тоталитаризма (Храмова, 1992, с.33). Мифологема «Вільна Україна» связана со специфическим восприятием символа «воли». Воля в украинской ментальности – это свобода максимального самопроявления и самореализации в «сродной деятельности» (Г.С. Сковорода). В украинском политическом менталитете никогда не была популярна мысль о том, что все должны получать равную долю материальных и духовных благ. Справедливость – это, прежде всего, равные социально-правовые условия для каждого, кто начинает жизнь. А дальше, поскольку существует «равное неравенство», все зависит от

конкретного человека, от его таланта и способностей, которые дают возможность распознать «сродный» вид деятельности. Высокая трудовая этика исключала идеализацию бедности. Чаще нищий классифицировался как бездельник, а не «божий человек». Показательной является идиома «Дурень думкою багатіє», которая скептически подает созидательное созерцание, соотнося его с нежеланием активно действовать. Таким образом, украинская ментальность «защищается» от склонности к мечтательности и сентиментальности.

Вывод. Синтезирование целостного мифологического пространства, объединяющего наиболее продуктивные символы и мифологемы, существующие в ментальности трех разных культур: западноевропейской, русской и украинской, опирается на рефлексирование их ключевых идей. Построение гражданского общества, которое бы синтезировало вышеупомянутые позитивные черты в ментальности западных европейцев, русских и украинцев является актуальной перспективой для самоактуализации молодого поколения.

Список литературы

Абрамов Я.В. Бенджамин Франклин. Его жизнь, общественная и научная деятельность. – М., **2008**.

Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. – М.: Изд-во «ИПРАН», **2005**. – 332 с.

Ильин И.А. О русской идее // Русская идея. – М.: Республика, **1992**. – С. **438-439**.

Старовойт І.С. Збіг і своєрідності західноєвропейської та української ментальності: філософсько-історичний аналіз. – К., Тернопіль: Танг, **1997**. – 256 с.

Трубецкой Е.Н. Избранное. – М.: Канон, **1995**.

Храмова В. До проблеми української ментальності // Українська душа. – К.: Фенікс. – С. **3-36**.

В.Ю. Хотинец

Ижевск, Удмуртский государственный университет

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ
В ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХV.Y. Khotinets
Izhevsk, Udmurt State University

Modern methodological attitudes in ethnic psychological research

The paper considers changes in methodological issues of contemporary psychology: post-classical rationality, theory of self-organization (synergetics), post-modernism, networking of knowledge. Methodological problems of ethnic and cross-cultural psychological research are related to the use of precise terminology, applications of certain procedures, methods and research principles.

Изучением взаимоотношений двух реальностей – психики и культуры занимается множество созвучных направлений в науке, известных как кросс-культурная психология, этническая психология, культурная психология и др. отрасли знания. Современное культурно-психологическое знание имеет множество истоков, а направления, основанные на нем, отличаются методологической «всеядностью» (Гусельцева, 2005а, с. 4). На всем протяжении их становления и развития наблюдалась полемика двух традиций: гуманитарной (этнопсихологические исследования) и позитивистской, объективистской (кросс-культурные исследования).

Путь становления отечественной этнической психологии можно проследить по работам К.Д. Кавелина в 60-е гг. XIX в.; трудам А.А. Потебни, развивающего историко-генетический подход к психике; проекту этнопсихологии Г.Г.Шпета; идеям Г.И. Челпанова, обратившегося к осмысливающей этнографической опыт социальной психологии; «культурно-исторической» концепции Л.С.Выготского, ориентировавшихся на методологические поиски гуманитарных наук.

Современные исследования в кросс-культурной и этнической психологии (Н.М.Лебедева, Т.Г.Стефаненко, Г.У.Солдатова, В.В.Гриценко, В.Ю.Хотинец и многие др.) проводятся на личностном и групповом уровнях, которые, по крайней мере, можно объединить в два основных направления:

– личность в этнокультуре (этнопсихологические особенности личности (ментальность, духовность), особенности социализации, особенности общения и поведения);

– психология межэтнических отношений (этническая идентичность, межгрупповая перцепция и межэтнические отношения, этнические конфликты, самоопределение в другой культуре).

Перед отечественными и зарубежными учеными, рассматривающими различные стороны взаимодействия психики и культуры, и по сей день стоят методологические проблемы, касающиеся, прежде всего, используемой терминологии, сферы применимости отдельных процедур и методов, исследовательских принципов. Определенно можно сказать, что ориентация на естествознание, на объективность, на измерение и эксперимент как на идеал научности в отечественной психологии является преобладающей. Так, в психологии естественнонаучного ориентира придерживаются таких исследовательских принципов, как объективность, инвариантность, соответствия, дополнительности, симметрии, наблюдаемости, редукции.

В XXI веке в мире современной науки обнаруживают себя процессы, связанные с изменением познавательной парадигмы в целом. Методологические ориентиры в современных психологических исследованиях четко обозначены в работах А.В.Юревича (1992) и М.С.Гусельцевой (2005б, 2006). При этом авторы указывают на ситуацию неблагополучия психологии, в качестве симптомов которой они обозначили разрыв между прошлым и настоящим в психологической науке, между исследованием и практикой, между отдельными фрагментами реальности.

Неклассический период развития психологии уходит вместе с XX веком, настает эра для постнеклассической науки. По мнению М.С.Гусельцевой (2005б, с. 8), средством разрешения так называемого «системного кризиса психологии» (Юревич, 1999) становится рефлексия методологических оснований науки с опорой на постнеклассический идеал рациональности.

Психологическая наука, в том числе и этническая с кросскультурной психологией не могут быть в стороне от «вызовов» современности:

1) постнеклассической рациональности. К существенным чертам постнеклассической «парадигмы» М.С.Гусельцева относит:

- сетевой принцип организации знания (Дж. Чу),
- междисциплинарный дискурс,
- «легализация внутрисубъективного опыта» (А.В. Юревич),
- «открытая рациональность» и парадигмальная толерантность («системный плюрализм», «методологический либерализм»),
- критическое самоосмысление дисциплины (К. Джерджен),
- постмодернизм;
- герменевтический стиль мышления;

2) теории самоорганизации (синергетики). К принципам синергетического подхода причисляют (Князева, 1994, 2005; Чернавский, 2004): незамкнутость/ открытость (обмен веществом, энергией и информацией), нелинейность развития (многовариантность и необратимость развития), саморазвитие (изменение под влиянием внутренних противоречий,

факторов и условий), динамическая иерархичность/ эмерджентность (возникновение нового качества системы, не имеющегося в её составляющих), самоорганизация (спонтанное упорядочивание, переходящее от хаоса к порядку) целеустремленной системы;

3) культуры постмодернизма, Постпозитивистская картина мира и наука на стадии постмодернизма характеризуется как соответствующая следующим противопоставлениям по отношению к позициям, заявленным в предыдущих (классическом и неклассическом) типах рациональности (Гусельцева, 2002): многомерность мира и разных логик его исследования; повышенная рефлексия и чувствительность к контекстам; междисциплинарный дискурс; метафоричность дискурса, синкретичность мысли, принятие идеи неопределенности как связующей этапы развития любых систем; принципиальная недоконцептуализированность понятий, творчество в терминологии, эксперименты со стилем; принцип «благоговения перед развитием»; принцип сетевой организации знаний, отмена иерархий;

4) сетевого принципа организации знания. Модель развития психологии, условно названная «Сеть» («сеть», «паутина» суть способ бытия культуры), характеризуется тем, что любая методология (психологическая школа) может стать ведущей в зависимости от контекста и задачи исследования (центр подвижен и может оказаться везде, в каждой точке) (там же, с. 124).

В своих работах М.С.Гусельцева (2002, 2005а,б, 2006) отвечает на вопросы, связанные с системным кризисом в психологии. По ее мнению, средством преодоления разрыва между прошлым и настоящим в психологии может стать постмодернизм, «играющий» стилями и не отрицающий традицию, а переосмысливающий ее в контекстах современности. Средством преодоления разрыва между исследованием и практикой выступает постнеклассическая рациональность, нацеленная на проблемно-ориентированные исследования, в которых теоретики и практики совместно решают задачи. Разрыв между отдельными фрагментами реальности позволяет преодолеть сетевой подход, устанавливающий взаимосвязь всего со всем и определяющий ведущим то или иное направление в зависимости от конкретно поставленных задач.

Итак, постнеклассическая рациональность, теория самоорганизации, постмодернизм и сетевой подход являются «вызовами», отвечая на которые не только психология в контексте этнокультурного мира, но и психология в целом пересматривают свои методологические установки. В частности, на смену системной логике исследования приходит сетевая, на смену позитивизма – герменевтика, на смену классической и неклассической рациональности – постнеклассическая рациональность. Однако важно еще раз подчеркнуть, что постнеклассическая наука не отменяет

классическую и неклассическую, а находит ей достойное место в общей сети знания (Гусельцева, 2005б).

Список литературы

- Гусельцева, М.С. Культурная психология и методология гуманитарных наук / М.С. Гусельцева // Вопросы психол. – 2005а. – № 5. – С. 3-18.
- Гусельцева, М.С. Культурно-историческая психология и «вызовы» постмодернизма / М.С. Гусельцева // Вопросы психол. – 2002. – № 3. – С. 119-131.
- Гусельцева, М.С. Методологические кризисы и типы рациональности в психологии / М.С. Гусельцева // Вопросы психол. – 2006. – № 1. – С. 3-15.
- Гусельцева, М.С. Постнеклассическая рациональность в культурной психологии / М.С. Гусельцева // Психол. журн. – 2005б. Том 26. – № 6. – С. 5-15.
- Князева, Е.Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М.: Наука, 1994.
- Князева, Е.Н. Основания синергетики. Синергетическое мировидение / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М.: КомКнига, 2005.
- Чернавский, Д.С. Синергетика и информация: Динамическая теория информации. Изд. 2-е, испр. и доп. / Д.С. Чернавский. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Юревич, А.В. «Онтологический круг» и структура психологического знания / А.В. Юревич // Психол. журн. – 1992. № 1. – С. 6-14.
- Юревич, А.В. Системный кризис психологии / А.В. Юревич // Вопросы психол. – 1999. – № 2. – С. 3-11.

Р.М. Шамионов

*Саратов, Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского*

**ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ
В ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

R. M. Shamionov

Saratov, Saratov State University

The problem of subject well-being of personal in ethnic-psychological aspects

The article discusses ethnic-psychological problems of forming subjective well-being personality and his factors. Reveals the characteristics of socialization personality at different levels, affecting its mechanisms. Set important social and ethnic-psychology factors experience subjective well-being in terms of existence and being with others.

Проблема субъективного благополучия личности в последние десятилетия решалась в психологии с разной степенью активности. Это связано с меняющимися социально-экономическими условиями жизни. Между тем, в разные эпохи, невзирая на их оценку с точки зрения «стабильность-неста-

бильность», проблема субъективного благополучия не снижает своей актуальности, однако происходит изменение детерминант этого образования.

Ряд исследований в области кросс-культурной психологии, а в последнее время и этнопсихологии высветили этносоциальный аспект данной проблемы. Выявлены различия выраженности субъективного благополучия при прочих близких условиях бытия личности, групп. Это требует усиленного внимания исследователей к изучению его детерминант в более широком, чем ранее контексте.

Исследования субъективного благополучия (М.Аргайл, Е.Динер, Р.Инглхарт и др.), проведенные в разных странах с помощью различных методик (включая выявление косвенных характеристик), выявили различия не только его уровня, но и детерминант. Отчасти, оно связано с доходом (но не везде и не всех групп), экстраверсией (в разных странах имеются различные «культурные нормы» ее проявления), нейротизмом (имеются объективные обстоятельства, повышающие этот показатель в ряде стран), характеристиками культуры «индивидуализм-коллективизм» (только во взаимосвязи с переменной дохода), расовыми различиями, «нормами на эмоциональность» (культурный запрет на признание неудовлетворенности) и другими явлениями. Однако этнопсихологической специфики, как правило, эти исследования не касаются, за исключением весьма ограниченного количества эмпирических данных (например, применительно к мигрантам в США). При этом исследователи указывают на, казалось бы, парадоксальный результат: в ряде стран с соотносимыми показателями экономического, политического, социального устройства и уровня имеются различные уровни субъективного благополучия.

В последние годы усилился интерес к этнопсихологическим факторам (особенностям) субъективного благополучия в России. Исследования В.В. Грищенко, З.Х. Баттаевой, а также наши показывают достаточно явные различия не только в уровне субъективного благополучия (при равных экономических, политических, социальных и др. условиях), но и их факторов.

В наших исследованиях (2008) выяснялся вопрос о ценностной детерминации субъективного благополучия представителей трех контактирующих этносов Саратовского Поволжья. Выявлены различия, свидетельствующие о наличии как схожих ценностей (например, ценность этнокультуры, взаимоотношений) так и этноспецифичных, детерминирующих различные проявления субъективного благополучия. Они касаются активности, работы, семейной жизни и др. Однако главное различие заключается не в выраженности отдельных ценностей, а в особом строении их структур, тесноте связей и согласованности ценностей в ядрах структур. В частности нами выделены четыре типа структур: активно-индиви-

дуалистический, саморазвивающийся, познавательный-деятельностный и общественно-альтруистический. Эти данные свидетельствуют о том, что субъективное благополучие личности в значительной мере обусловлено ценностно-смысловыми образованиями, находящимися в разных областях социализации, которые могут по-разному соотноситься (пересекаться, объединяться и т.д.); соответственно, в зависимости от степени этого соотношения (близости областей социализации) возможна близость детерминант. Очевидно, в случае тесных межличностных контактов между представителями различных этносов эти детерминанты обладают большей схожестью, чем в случае отстраненности (отчужденности).

И.А. Джидарьян (2007) в результате своих исследований пришла к выводу о том, что на переживание субъективного благополучия оказывают культура и традиции народов. Изучение феномена «счастье» сквозь призму российских традиций позволило ей заключить, что в культуре заложена доброжелательная тональность при восприятии несчастья и тех, кто несчастен без какого-либо осуждения. Более того, если достижение счастья связано с усилиями человека, то в несчастье личностная компонента отсутствует.

Одним из важных проблем в означенном контексте выступает субъективность оценки бытия личностью в соотношении с бытием групп в зависимости от их близости-отдаленности. Поскольку этническая группа выступает «приписанной», она в немалой степени обуславливает нормы, ценности, установки социализирующейся личности. Поэтому многие переменные, имеющие непосредственное отношение к сфере субъективности, тесно связаны с этносом.

Субъективность является важнейшей характеристикой субъекта; она включает не только переживания и отношения, но целый комплекс явлений, взаимодействие которых выступает регулятором поведения и деятельности личности. Пристрастное отражение мира и своего места в нем создает то представление, сквозь призму которого преломляются события, участниками которых выступает личность, политическая, экономическая, культурная ситуация, а также временные характеристики – прошлого и «потребного» будущего. В этом отношении этническая группа выступает двойным институтом социализации, транслирующим нормы действительности и оценки бытия. С одной стороны, достаточно ранняя идентификация с этнической группой способствует усвоению соответствующих нормативных представлений относительно культурно-исторических паттернов, присущих этносу, с другой – транслирующиеся критерии «благополучия» бытия, сталкивающиеся с другими критериями при вхождении в более широкое культурное и социальное окружение.

Поскольку структура субъективного благополучия включает связанные эмоциональный, когнитивный и конативный компоненты, динамика каждого из которых происходит под влиянием внешних и внутренних детерминант, изменения каждой приводят к определенным изменениям других. Поэтому не только эмоциональный фон, но и диспозиционные образования, и последовательное поведение субъекта становятся внутренним фактором изменения целостного переживания благополучия или неблагополучия. Отношение к действительности обусловлено рядом факторов, но первичные установки оказываются наиболее сильными детерминантами, служащими фоном для восприятия новой информации (включая собственный опыт личности). В этом отношении эффекты этнической социализации оказываются более стабильным образованием по отношению к другим, что связано с достаточно ранним усвоением ее норм (как показано в ряде исследований, этническая идентичность формируется достаточно рано).

Между тем, можно предположить, что в разных условиях этнической социализации различные компоненты благополучия могут обретать статус ведущих, что в определенной мере может компенсировать недостаточную выраженность других. Поэтому возможно то, что в зависимости от стратегий жизни разные личности могут иметь соотносимый уровень субъективного благополучия, но основанием его будут разные явления, в том числе и в диспозиционно-регулятивной системе.

Одним из важнейших вопросов в связи с рассматриваемой проблемой является вопрос о субъективном благополучии мигрантов. Столкновение с иной культурой (даже если не иноэтнической) как правило, приводит в действие механизмы ресоциализации. Однако это происходит через взаимосвязанные процессы дезадаптации и адаптации. Это предполагает определенное блокирование ряда прежде усвоенных норм, установок и паттернов поведения, но уровень такого блокирования зависит от ряда факторов – возможны разные варианты – от «фиксации» прежних норм без их изменения с блокированием любой новой информации до полного растворения в новой культуре. К примеру, в исследованиях В.В. Константинова (2005) было показано, что в зависимости от типа поселения мигрантов – диффузного или компактного в отношении принимающего населения, адаптация может происходить по-разному – достаточно быстрая и содержательно глубокая в первом случае и медленная, с существенными проблемами – вторая. Исследования, выполненные нашей аспиранткой Н.В. Усовой (2009), показывают, что мигранты из России, оказавшись в условиях иной культуры, демонстрируют различные уровни субъективного благополучия в зависимости от ряда факторов, которыми, среди прочего, являются творчество, автономность (Испания),

аутосимпатия (США), ценности, характерные для самоактуализирующейся личности (Германия) и др.

Важность анализа субъективного благополучия во взаимосвязи с этнической идентичностью заключается в её двойственной детерминации. С одной стороны, стремление сохранить или восстановить позитивную этническую идентичность является, по мысли Т.Г. Стефаненко (2003) условием ощущения безопасности и стабильности. Между тем, как показано в наших исследованиях, именно идентификационная определенность, например, наличие позитивной этнической идентичности, а также этноиндифферентность и национальный фанатизм выступают фактором переживания благополучия, поскольку отражает внутреннюю согласованность личности. С другой стороны, компоненты идентичности содержат важные оценочно-ориентационные характеристики, влияющие на оценку собственной жизнедеятельности в социуме. Напротив, идентификационная неопределенность выступает фактором, усиливающим переживание неблагополучия. Наконец, необходимо упомянуть и о том, что у контактирующих этносов Поволжья в большей мере выражена не узко этническая, а «общечеловеческая» и семейная идентичность, и именно они связаны с удовлетворенностью в различных областях жизни.

Поскольку этническая идентичность хоть и важная, но не единственная характеристика, являющаяся «проводником» этнических норм, необходим анализ тех социально-психологических явлений, которые формируются благодаря широкому контексту социализации личности. Это, прежде всего, эффекты вторичной социализации, когда происходит включение человека в более широкое социальное окружение – социальные представления (включая представления об обустройстве мира), ценностно-смысловые образования, поведенческие нормы (включая нормы на совладание) и др. В этом отношении в современной ситуации этническая социализация, например, контактирующих этносов Поволжья захватывает не столько узкоэтнические, сколько гражданские императивы.

Необходимо упомянуть и о таком обстоятельстве, как влияние на переживание благополучия социального сравнения в широком межэтническом аспекте. Это не только соотнесение группы меньшинства с группой большинства, но использование и ряда иных критериев – успешность-неуспешность, национализм-интернационализм, подчеркивание этнического статуса и других, основанных на социально-когнитивных процессах. Субъективно оцениваемая несправедливость в отношениях к представителям своего этноса может по-разному отражаться на переживаниях. В частности, в зависимости от степени интеграции в межэтническое сообщество эта оценка может меняться от крайне актуализированной

до минимизированной. Кроме того, в ряде случаев имеется и определенного рода компенсация. Например, в исследованиях В.С. Собкина показано, что среди еврейских подростков имеются те, которые считая, что у евреев в России нет перспектив, тем не менее, обнаруживают их в отношении себя, своих жизненных перспектив.

Изучение субъективного благополучия личности в этнопсихологическом аспекте предполагает выяснение вопросов о том, каковы механизмы поддержания душевного комфорта, позитивного настроения у представителей различных этнических групп, какие ценности и их комбинации лежат в основе этого переживания, наконец, в какой степени оказывают на него влияние эффекты этнической социализации и в особенности этническая идентичность (включая ее различные вариации). Поскольку в немалой степени на субъективное благополучие личности оказывает влияние феномен социального сравнения важными остаются исследования, связанные с соотношением с характеристиками межэтнического взаимодействия.

В.В. Шарпов

*Самара, Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия*

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ
СТЕРЕОТИПОВ НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО
И ТАТАРСКОГО ЭТНОСОВ)**

V.V. Sharapov

***Samara, Povolzhskaya State Academy
of Social Sciences and Humanities***

**Actual Aspects of Research of Samara Region Population's
(The Russian and The Tatar Ethnos) Ethnic Stereotypes**

Author of the article researches the process of auto- and heterostereotypes' forming among the population of the Volga river basin. The peculiarities of the interethnic communication in this region are analyzed on the example of the most considerable nations of Russia such as The Russians and The Tatars. Author notes the optimal balance between auto- and heterostereotypes of the Volga river etnoss, which is the main condition of the peaceful and stable interactions of different nations.

Исследование этнических стереотипов имеет большое значение для составления полноценной картины этнического самосознания, межэтни-

ческих отношений и напряженности. Вскрытие механизмов функционирования этнических стереотипов в значительной степени означает объяснение психологической природы этнического самосознания. Этническое самосознание, в свою очередь, является исходной точкой в изучении этнопсихологических особенностей того или иного народа.

В мире существуют государства с различными этнополитическими моделями. К одной группе относятся страны, среди которых, прежде всего, можно выделить Францию и Германию, где за основу в межэтнических взаимоотношениях взята модель, направленная на ассимиляцию некоренных и малочисленных этносов. В других странах, например в Канаде и Новой Зеландии, в качестве модели межэтнического взаимодействия выступает идея интеграции различных наций и народов в единое национальное образование с учетом интересов всех составляющих его элементов. В нашей стране происходят одновременно оба процесса: интеграция всех этносов, проживающих на территории России, в единое образование «россиянин / россиянка» и ассимиляция многих народов.

Не является исключением и Самарская область. Исторические источники позволяют утверждать, что до середины XVII века в этом районе, представлявшем собою окраину России, освоенную кочевниками – башкирами, калмыками, ногайцами, – не существовало оседлого земледелия. Наибольшей массовостью отличались переселения русских в Самарское Заволжье с середины восемнадцатого века. Движение в край русского населения осуществлялось одновременно с переселением сюда мордвы, татар, чувашей и других народов – этим объясняется возникновение в степном Заволжье смешанных селений, где русские проживали чересполосно с инонациональным населением.

Одинаковые условия хозяйствования и организации быта, чересполосное расселение, тесные контакты в процессе аграрного освоения края явились основой для выработки в традиционной культуре народов общих, интернациональных черт, нередко роднящих этнические группы Самарского края со всем населением Поволжско-Приуральского региона. В условиях тесного аграрного и культурного взаимодействия русские, чуваша, мордва, татары изменили свой первоначальный облик. Результатом взаимодействия следует считать инонациональные заимствования и выработку общих черт в культуре разнородных этнических групп.

Несмотря на территориальную оторванность от основного района расселения и значительные культурные заимствования от живущих в тесном контакте с татарами народов, волжские татары продолжают сохранять свой язык и культурные особенности, характерные для татарского этноса (Ведерникова, 1996).

Вместе с тем исторически обусловленные процессы ассимиляции и интеграции в Самарской области во многом способствовали формированию общности этнического самосознания русского и татарского этносов.

С другой стороны, есть данные, свидетельствующие о различных этнокультурных установках и культурных ценностях, а также о степени осознания значимости этнической и конфессиональной принадлежности у представителей русского и татарского этносов. По мнению Ю.А. Гаюровой (исследование проводилось в г. Самаре), специфическими для русского и татарского этносов, вторыми по значимости вслед за общими для трех исследуемых групп респондентов (использовались данные, полученные при опросе контрольной группы чувашей) типами культурных ценностей стали у русских – интеллектуальная автономия, у татар – консерватизм (Гаюрова, 2002). Полученные данные также продемонстрировали присутствие более выраженной направленности на традиционализм в этнокультурных ориентациях татар, высокий уровень включенности татарских респондентов в свою традиционную этническую культуру. Показатели, которые свидетельствуют о стремлении к интеграции, приобщению к культуре этноса, Ю.А. Гаюровой были обозначены как этнокультурные установки. У русских показатели этнокультурных установок сочетались с социально-психологическими показателями, позволяющими фиксировать высокий уровень этнической толерантности по отношению к татарам. У татар были выявлены значимые взаимосвязи между показателями этнокультурных установок и проявлениями социально-психологической дистанцированности как предпосылки невысокой степени этнической толерантности по отношению к русским.

В контексте существенных различий в численности этноконтактных групп проблема восприятия и освоения собственной культуры может иметь характерные отличия для этнического большинства и этнического меньшинства. Для этнического большинства влияние культур этнических меньшинств не представляет существенных оснований в плане активизации процессов аккультурации или ассимиляции. В свою очередь, у представителей этнического меньшинства, для которых собственная культура является значимой, напротив, в гораздо большей мере актуализирована позиция дистанцирования в этнокультурных и этносоциальных (межэтнические браки) контактах от представителей этнического большинства.

В отечественной этнической психологии существует традиция изучения этнических стереотипов, главным образом, через изучение представлений испытуемых о типичных характерологических чертах своей и других национальностей с помощью психосемантических методов.

На основе факторного анализа были сделаны выводы относительно общего и особенного в социально-перцептивной сфере русских и татар как этнического большинства и этнического меньшинства данной этноконтактной зоны. Общим приоритетом у всех трех групп является фактор, описывающий тенденцию «этнического нигилизма», то есть минимизацию респондентами феномена этничности.

Особенным явилось наличие в содержании факторов, подтверждающих предположение о наличии в восприятии татар «защитных» компонентов, в частности, – механизма социально-перцептивного «отдаления» (фактор, содержащий негативный образ русских в восприятии татар). В перцептивной сфере русских, в свою очередь, был выявлен фактор, содержащий позитивный образ татар.

Важнейшей отличительной особенностью русско-татарского взаимодействия, выявленной в ходе факторного анализа, является стремление татар к сохранению этнической самобытности в контакте с этническим большинством, сопровождающееся активизацией механизмов социально-психологической «защиты» от воздействия доминирующей культуры. У русских активизация механизма консолидации по этническому признаку не нашла своего проявления ни в одном из факторов.

В ходе анализа и интерпретации полученных данных были выявлены факты совпадения оценок респондентов каждой из этноконтактных групп с характером самооценки данной группы, в том числе некоторых авто- и гетеростереотипов. В частности, наиболее часто отмечаемой чертой русского народа стала доброта (добродушие, добросердечие). Татары и чувашами в качестве одной из наиболее характерных была названа та же черта. Наряду с этим важнейшей чертой татар, по мнению русских респондентов, является их сплоченность, что совпадает с собственной характеристикой татар.

В рамках исследований, посвященных анализу этнического самосознания русских, был широко изучен автостереотип представителей данной национальности. Ранее изучение велось скорее на теоретическом уровне и основывалось, главным образом, на историко-этнографическом материале, теперь же произошел резкий сдвиг в сторону эмпирических исследований (Бороноев, Павленко, 1994; Бороноев, Смирнов, 2002; Дробижева, 1985). Этот факт связан с изменением социально-политического статуса русского населения в республиках бывшего Советского Союза, когда в некоторых республиках русские превратились в (зачастую гонимое) этническое меньшинство, что неизбежно повлекло за собой трансформацию их автостереотипа. Некоторые исследователи характеризуют эту трансформацию как состояние социокультурного шока (Солдатова, 1990;

Солдатова, 1998), который «заключается в крушении “державного” самовосприятия и соответствующей системы ценностей, определяющих автостереотипы и гетеростереотипы» (*Солдатова, 1990, с. 221*).

Результаты показали, что русские судят о русских как о людях с низким уровнем «рационального самоконтроля» и «самоуверенности», хотя при этом самим себе они приписывают данные черты в меньшей степени, чем стереотипизированному образу «типичного русского». Стереотип «русского» в представлении самих русских лежит ближе к представителям импульсивных народов, в стиле жизни которых сохранились элементы «деревенской», семейно-патриархальной культуры (итальянцы, грузины). Но сами испытуемые (главным образом, представители городской интеллигенции), которые принимали участие в эксперименте, в большей степени приблизились к «городской» модели личности.

Использование четырехпозиционной модели личностной черты позволило подтвердить предположение о наличии противоречивых черт в национальном характере русских. Их происхождение исследователи связывают с особенностями социализации в советском и российском обществе, определившими отсутствие прочных навыков свободного этикетного поведения, излишнюю скованность и заторможенность в официальных ситуациях, и, наоборот, некую расторможенность в ситуациях неофициального общения, а также склонность к репрессивному подавлению инициативы и оптимистическую уверенность в успехе вследствие преобладания запретительных инструкций и отрицательных санкций.

Таким образом, исследователи, с одной стороны, утверждают, что существует особый склад «русского национального характера», проявляющийся в следующем автостереотипе: русский человек откровенный, щедрый, беспшибашный, прощающий, непрактичный, доверчивый, миролюбивый; с другой стороны, они отмечают, что на фоне перехода населения к стилю жизни, принятому во всех постиндустриальных обществах, происходит процесс прогрессирующей утраты этой специфики. Одним из психологических симптомов этого перехода является «отрицательная идентификация» – отвержение самими русскими черт своего национального характера как ведущих к социальной дезадаптации.

В связи с этим утверждением появляется дополнительный интерес для проведения аналогичного исследования, цель которого – выяснить, оправдался ли данный прогноз спустя десять лет. Следует подчеркнуть, что выявленные в данном исследовании характерологические черты представителей русской национальности в настоящий момент являются общепринятыми в этнопсихологии.

В процессе проведенного нами исследования этнического самосознания русских и татар г. Самары и г. Новокуйбышевска были получены данные об автостереотипе русских. Эти данные подтвердили наличие в нем таких качеств характера, как миролюбие, сензитивность (чуткость) и щедрость. Наряду с этим испытуемые отнесли к «типичным» чертам своей национальности такие качества, как выносливость, талант, общительность и открытость.

На основе сравнительных исследований в рамках изучения стереотипов межнационального восприятия по выявлению черт характера представителей разных народов отечественными психологами и этнографами составлены характерологические портреты типичных представителей наций (*Крысько, Саракуев, 1996; Пибоди, Шмелев, 1993*).

Вот как выглядит портрет типичного татарина: гордый, самоуверенный, сметливый, трудолюбивый, хитрый, вспыльчивый, отходчивый. Наше исследование, на данные которого мы ссылались ранее, выявило в автостереотипе татар следующие характеристики: трудолюбивый, выносливый, смысленый (это качество коррелирует с качеством «сметливый»), общительный, нравственный, решительный, смелый, остроумный. Был обнаружен общий компонент в автостереотипах русских и татар – это выносливость, общительность, остроумие и смысленность.

При исследовании национальных стереотипов мы предлагали испытуемым (представителям чувашской, мордовской, татарской, еврейской и украинской национальности) ответить на вопросы, характеризующие национальное большинство (русских) и свою этническую группу, проживающие в г. Самаре. Полученные результаты указывают на вполне сбалансированную структуру авто- и гетеростереотипов по всем национальным группам, охваченным исследованием (*Шарапов, 2003*).

Специфика татаро-русского восприятия заключается в преобладании у татар автостереотипов над гетеростереотипами по таким свойствам характера, как «чувство собственного достоинства» (78.4% – 53.6%); «гостеприимность» (95% – 78.8%), «надежность, верность» (69.4% – 50.5%); «свободолюбие» (78.4% – 61.9%). Вместе с тем наиболее яркие различия в авто- и гетеростереотипе наблюдаются у представителей татарской и еврейской общин.

На основании полученных данных можно сделать следующий вывод: у представителей русского и татарского этносов Самарской области наблюдается оптимальный баланс в плане соотношения авто- и гетеростереотипов (*Шарапов, 2003*).

Список литературы

Бороноев, А.О. Россия, русский характер народа и судьба страны / А.О. Бороноев, П.И. Смирнов. – СПб., 1992.

Бороноев, А.О. Этническая психология / А.О. Бороноев, В.Н. Павленко. – СПб., 1994.
 Ведерникова, Т.И. Культурно-этнографическая специфика Самарской Луки / Т.И. Ведерникова // Мир культуры. Человек, наука, искусство : тез. док. Междуна-
 род. науч. конф. – Самара, 1996. – С. 37–41.

Гаюрова, Ю.А. Социально-психологические особенности межэтнического взаимодействия русских и татар г. Самары : дис. ... канд. психол. наук / Ю.А. Гаюрова. – М., 2002.

Дробижева, Л.М. Влияние этноконтактной среды на межнациональные отношения / Л.М. Дробижева // Социальная психология и общественная практика. – М., 1985.

Крысько, В.Г. Введение в этнопсихологию: учеб.-метод. пособие / В.Г. Крысько, Э.А. Саракуев. – М., 1996.

Пибоди, Д. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: Кросскультурный аспект / Д. Пибоди, А.Г. Шмелев и др. // Вопросы психологии. – 1993. – № 3. – С. 101–109.

Солдатова, Г.У. Установочные образования в этноконтактной ситуации / Г.У. Солдатова // Духовная культура и этническое самосознание наций. – М., 1990.

Солдатова, Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. – М., 1998.

Шарапов, В.В. Определение толерантности и этнические стереотипы населения г. Самары / В.В. Шарапов // Этническое самосознание и кросскультурное взаимодействие народов Поволжья. – Казань, 2003. – С. 172–175.

О.В. Яремчук

*Одесса, Одесский национальный университет
 имени И.И. Мечникова*

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ЕЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

O.V. Yaremchuk

Odesa Mechnikov National University

**Ethnocultural myth creativity of personality as a method of actualization
 of her cultural and historical potential**

The subject, creatively constituting oneself in a culture by the synthesis of individual authorial myth introduces new semantic maintenances in the character of the world and through him in ethnocultural character of the world, transforming the last. Self development is carried out by ethnocultural myth creativity of personality, which is actualizate her cultural and historical potential.

Личность является носителем ментальности определенной культуры, пребывает в ее границах; индивидуальность – уже выходит за эти грани-

цы, становится интерпретатором семантических полей культуры, или субъектом мифотворчества, т.к. привносит в систему коллективной ментальности новые смысловые элементы.

Цель статьи. Обосновать содержательную и функциональную взаимосвязь субъективного образа мира с этнокультурным мифотворчеством личности и подчеркнуть их роль в актуализации ее культурно-исторического потенциала. Поставленная цель может быть достигнута с помощью поэтапной реализации следующей программы: во-первых, раскрыть суть постнеклассического понимания мифа и мифотворчества; во-вторых, уяснить содержательное наполнение процесса саморазвития личности; в-третьих, проанализировать и дополнить дискурс проблематики образа мира с точки зрения культурно-исторической психологии; в-четвертых, подчеркнуть связь синтезирования субъективного образа мира с мифотворческой деятельностью. Рассмотреть переживание как психологический механизм связи между индивидуальным образом мира субъекта и этнокультурным образом мира; в-пятых, акцентировать личностные детерминанты выбора ценностных ориентаций этнокультурного сообщества; в-шестых, позиционировать этнокультурное мифотворчество как преобразование познавательного процесса в самопознание и самоинициацию субъекта в культуре. Последовательная реализация всех заявленных этапов позволила обозначить парадигму этнокультурного мифотворчества личности.

На наш взгляд, этнокультурное мифотворчество личности – это процесс создания субъективного мифологического пространства, коррелирующего с определенным типом культурно-исторического, этносоциального и экзистенциального опыта, запечатленного в различных текстах (нарративах, поведении и, шире, в жизненном пути в целом). Продуктом этнокультурного мифотворчества личности является индивидуальный авторский миф как преимущественно осознаваемый субъектом трансцендентный акт целостного постижения (охвата) экзистенциального опыта (в частности личной мифологии, личностных смыслов, своего призвания), который объективируется чаще всего в автонарративе. В плане взаимодействия с исторической традицией этнокультурное мифотворчество личности может приближаться к экзистенциальному проектированию личности и тогда субъект выстраивает свой жизненный мир соответственно достижениям, проблемам и перспективам общности, с которой он себя идентифицирует. Исследование субъективного образа мира с позиции культурно-исторической психологии может раскрыть новые возможности для саморазвития современной личности. На определенном этапе развития для субъекта становится необходимым видение реальности в архетипических перспективах, что проявляется, прежде всего, в спонтанном истолковании симво-

лов и включении определенных культурных смыслов в свой мифологический текст, текст жизненного пути. Постепенно осваивая интуитивный способ познания собственного внутреннего мира, субъект приближается к мифотворчеству как к спонтанному взаимодействию с образами, символами, мифологемами личного и коллективного бессознательного. Такое взаимодействие способствует осознанию перспектив перехода на принципиально иной уровень жизнеосуществления, открытию в себе ранее неизвестного мифотворческого потенциала. Переход в пространство этнокультурного мифотворчества предоставляет личности инструмент для выстраивания субъективного образа мира и вместе с тем, изнутри открывает культурно-исторический потенциал самореализации.

Субъективный образ мира выстроен на основе этнокультурного традиционного образа мира, хотя и не совпадает полностью с ним, что позволяет развить и обогатить содержание этнокультурной традиции. Свободно выбирая присущую данной культуре систему бытийных координат, творческие личности наполняют ее субъективным смыслом. Они демонстрируют особую значимость этнокультурного образа мира для конкретного человека, берут ее за основу собственного житетворчества и позиционируют как свой экзистенциальный проект. Для творческих субъектов это способ связи со своим народом, способ осуществления саморазвития через этнокультурное мифотворчество. Можно предположить, что они спонтанно трансформируют этнокультурный образ мира, чтобы привнести в него субъективный духовный опыт, а вместе с ним собственные этические императивы и ценности. Таких обладателей субъективного образа мира можно назвать мифотворцами.

Этнокультурное мифотворчество личности можно соотнести с самоинициацией субъекта в культуре (вторым, «культурным рождением»), т.к. оно является средством углубления и расширения ее идентификации с этнокультурным сообществом и, таким образом, инструментом самопознания и саморазвития. Сложное противоречивое взаимодействие этнокультурной картины мира и индивидуального образа мира субъекта детерминирует индивидуальное мифотворчество конкретной личности, определяя неповторимость, эксклюзивность ее вклада в культуру.

В связи с вышеизложенным дискурсом открываются новые ракурсы исследования и проектирования жизненного мира личности. Принцип «бытийного опосредования субъективных смыслов» (Леонтьев, 2007) имеет и обратную перспективу: субъективные смыслы конкретной личности, влияют на ее отношения с миром, включаясь в эти отношения на субъект-субъектной основе человек изменяет мир и меняется сам. По мнению А. Я. Гуревича, в основе моделирования окружающего мира в сознании лежат

космические и социальные категории культуры, они же категории ментальности (Гуревич, 1993). На наш взгляд, «сетка координат сознания» состоит из системы мифологем, таких как «порядок», «справедливость», «свобода», «необходимость», «красота», «истина» и т.д. Так как категориальные структуры сознания ответственны не только за процесс психического отражения действительности, но и (в большей или в меньшей степени) за его конструирование, то «категоризация мира является одновременно его строительством, что ведет к самореализующемуся прогнозу» (Петренко, Митина, 1997, с.104-105). Следовательно, можно предположить, что творческое преломление или расширение категориального состава общественного сознания через включение новых мифологем может приводить к реальным изменениям в жизни этнокультурного сообщества. Творение нового взгляда на мир и себя в этом мире, освоение роли автора, можно квалифицировать как поступок этнокультурного мифотворчества, который является связующим звеном между этнокультурным образом мира и индивидуальным образом мира субъекта. Он активизирует связь личности с глобальным пространством смыслов различных эпох, культур, верований посредством родной культуры и в этом смысле является совместным поступком субъекта мифотворчества с определенной этнокультурной общностью как коллективным субъектом.

В.А. Роменец отмечает два взаимосвязанных результата поступка: духовное развитие личности и духовное развитие общности (через творчество моральных ценностей субъектом поступка). Таким образом, поступок этнокультурного мифотворчества личности имеет высокий психосоциальный потенциал (Татенко, 2006), который связан с осознанием выхода за собственные границы в пространство общего с другими познания и «творчества ценностей». *Субъективный образ мира пассионарной личности, отражаясь в ее индивидуальном авторском мифе, влияет на выбор ценностных ориентаций определенного этнокультурного сообщества.* Каждое этнокультурное сообщество остро нуждается в «мифотворцах», прежде всего, для осуществления гармоничной и своевременной трансформации коллективного образа мира в изменяющихся социально-исторических условиях.

Список литературы

- Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М.: Наука, 1993.
- Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2007.
- Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1997.
- Татенко В.О. Суб'єктно-вчинкова парадигма в сучасній психології/ Людина. Суб'єкт. Вчинок. – К.: Либідь, 2006. – С. 316–358.

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

1. АБРАМОВА Мария Алексеевна, Новосибирск, Ин-т философии и права Сибирского отделения РАН, в.н.с., д.пед.н., marika24@yandex.ru
2. АЙГУМОВА Захрат Идрисовна, Москва, Московский пед.гос. ун-т, к.псх.н., доц., zagrata@mail.ru
3. АНИКЕЕВА Татьяна Яковлевна, Москва, Московский гос. ун-т им. М.В.Ломоносова, н.с., к.псх.н., anikeeva-07@mail.ru
4. АХАДИ Хадибеглу Аскер Алисахиб оглу, Баку, Азербайджан, Бакинский гос. ун-т, асп., q.abbasova@mail.ru
5. БАХТА Елена Юрьевна, Улан-Удэ, Бурятский гос. ун-т, асп., bachtabsu@mail.ru
6. БЕЛКИН Антон Игоревич, Поволжская гос. социально-гуманитарная академия, rotati@mail.ru
7. БЛАЖКО Владимир Алексеевич, Кишинев, Молдавия, Ин-т Европейской Интеграции и Политических наук Академии Наук Республики Молдова, вед.н.с., vblajco@mail.ru
8. БРАГА Лилия Ивановна, Кишинев, Молдавия, Ин-т Европейской интеграции и политических наук Академии наук Молдовы, с.н.с., к.филолос.н., 009braga@gmail.com
9. БУДАЕВА Сэсэг Дагбадоржиевна, Улан-Удэ, Бурятский гос. ун-т, асс. seseg1407@mail.ru
10. БУТОВСКАЯ Марина Львовна, Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, д.и.н., проф., зав. лаб. кросс-культурной психологии и этнологии человека
11. БУЧЕК Альбина Александровна, Петропавловск-Камчатский, Камчатский гос.ун-т им. Витуса Беринга, к.псх.н., доц., buchek@mail.ru
12. ВАССЕРМАН Людвиг Иосифович, Санкт-Петербург, Научно-исследовательский психоневрологический ин-т им. В.М. Бехтерева, зав.лаб., д. мед.н, проф., psy_lab@inbox.ru
13. ВАСЮТИНСКИЙ Вадим Александрович, Киевский национальный ун-т им. Тараса Шевченко, д.псх.н., проф. tytarenko@voliacable.com
14. ВЬЮШИНА Вероника Вячеславовна, Москва, Гос.ун-т - Высшая школа экономики, магистрант, veronika.vyushina@gmail.com
15. ГАВРИЛОВА Татьяна Александровна, Уссурийск, Уссурийский гос. пед. ин-т, зав.каф., к.псх.н., доц., tgavrilovaster@gmail.com
16. ГАТАЛЬСКАЯ Галина Викторовна, Гомель, Белоруссия, Гомельский гос.ун-т им. Ф.Скорины, зав. каф. к.пед.н., gatalskaa@mail.ru

17. ГОЛОВИНА Светлана Юрьевна, Тобольск, Тобольская гос. социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева, соискатель, svetik.golovina@mail.ru

18. ГОНЧАРОВ Владимир Сергеевич, Калининград, Калининградский гос. технический ун-т, д.псх.н. проф., gonvlaser@yandex.ru

19. ГОРНАЕВА Светлана Викторовна, Балашов, Балашовский ин-т Саратовского гос.ун-та им. Н.Г.Чернышевского, асп.

20. ГРИГОРЯН Лусине Корюновна, Москва, Гос.ун-т – Высшая школа экономики, студ., grigoryanlusine@yandex.ru

21. ГРИЩЕНКО Ирина Васильевна, Киев, Украина, Национальный университет биоресурсов и природоиспользования Украины, ст.преп., к.филол.н., hryshenko_i@ukr.net

22. ДОНОВА Юлия Валерьевна, Улан-Удэ, Бурятский гос.ун-т, асп., rcmp_bur@mail.ru

23. ЕКИМЧИК Ольга Александровна, Кострома, Костромской гос.ун-т им. Н.А. Некрасова к.псх.н., асс., olga-ekimchik@rambler.ru

24. КРЮКОВА Татьяна Леонидовна, д.псх.н., проф. Кострома, Костромской гос.ун-т им. Н.А. Некрасова, tatileonkr@kmtn.ru

25. ИСААКЯН Софья Арутюновна, Москва, Гос.ун-т – Высшая школа экономики, стажер-исследователь, sonechca_is@mail.ru

26. КАПЦОВ Александр Васильевич, Самара, Самарская гуманитарная академия, зав. каф. к.т.н., доц., avkaptsov@mail.ru

27. КАУНОВА Наталья Григорьевна, Кишинев, Молдавия, Ин-т Культурного Наследия Академии Наук Республики Молдова, н.с., к.псх.н., ncaunova@mail.ru

28. КИРИЕНКО Виктор Васильевич, Гомель, Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого, проректор, д.соц.н., проф., kirienko@gstu.gomel.by

29. КОМАРОВА Алина Игоревна, Волгоград, Волгоградская академия гос.службы, kalinka34@mail.ru

30. КОНСТАНТИНОВ Всеволод Валентинович, к.псх.н., доц., konstantinov_vse@mail.ru

31. КОРОТКИНА Елена Дмитриевна, Тверь, Тверской гос.ун-т, к.псх.н., доц., ilich55@list.ru

32. КРЮЧКОВА Альбина Ивановна, Набережные Челны, Камская гос. инженерно-экономическая академия, ст.преп., albinahook@yahoo.com

33. КУЗИН Евгений Дмитриевич, магистрант gkuzin@ukr.net

34. КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович, Владивосток, Дальневосточный гос. ун-т, зав. каф., д.и.н., проф., akuzn@vimo.dvgu.ru

35. ЛАБУНСКАЯ Вера Александровна, Ростов-на-Дону, Южный федеральный ун-т, зав. каф., д.псх.н., проф., vlab@aaanet.ru
36. ЛЕБЕДЕВА Надежда Михайловна, Москва, Гос. ун-т – Высшая Школа Экономики, зав. лаб., д. псх.н., проф., lebedhope@yandex.ru
37. ЛЕЧИЕВА Малка Исраиловна, Грозный, Чеченский гос.пед.ин-т, зав. каф., к.псх.н. mlechieva@yandex.ru
38. ЛОПУХОВА Ольга Геннадьевна, Казань, Татарский гос. гуманитарно-педагогический ун-т, зав. каф., к.псх.н., доц., olopuhova@rambler.ru
39. МАЛЬКОВА Вера Константиновна, Москва, Ин-т этнологии и антропологии РАН, вед.н.с., д.и.н., veramalk@mai.ru
40. МАРДОСА Йонас, Вильнюс, Литва, Вильнюсский пед.ун-т, д. гуманитарных н., проф., j.mardosa@gmail.com
41. МАРТЫНОВА Марина Сергеевна, Пенза, Пензенский гос.пед.ун-т, студ., martynova_ms@mail.ru
42. МАРЬЯСОВА Наталья Валерьевна, Хабаровск, Дальневосточный гос.ун-т путей сообщения, к.псх.н., доц, maria19.08@mail.ru
43. МАСЛОВА Ольга Васильевна, Москва, Российский ун-т дружбы народов, к.псх.н., доц. olgamas@list.ru
44. МАТВЕЕВА Лидия Владимировна, Москва, Московский гос. ун-т им. М.В.Ломоносова, с.н.с., д.псх.н.. проф., matweewa-com@yandex.ru
45. МЕЛИХОВА Ирина Алексеевна, Одесса, Украина, Южноукраинский национальный педагогический университет, к.псх.н., доц.
46. МИКЕРОВА Алена Владимировна, Ростов-на-Дону, Ин-т управления, бизнеса и права
47. МОЧАЛОВА Юлия Васильевна, Москва, Московский гос. ун-т им. М.В.Ломоносова, к.псх.н.
48. НАКОХОВА Рида Рашидовна, Черкесск, Карачаево-Черкесский гос. ун-т, зав. каф. педагогики и психологии, д.псх.н., проф., rid.r.nakoh@list.ru
49. НАУМЕНКО Людмила Игоревна, Минск, Белоруссия, Институт социологии НАН Беларуси, зав.сектором социальной и этнической психологии, к.псх.н., Ludmila_n@list.ru
50. НАФАНАИЛОВА Мария Семеновна, Якутск, Якутский государственный университет им. М.К Аммосова, к.п.н., доц., nafagnka@mail.ru
51. НИКОНОВА Людмила Ивановна, Саранск, Научно-исследовательский ин-т гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, зав.отделом, д.и.н., проф., congress7@list.ru
52. НОВИКОВ Алексей Семёнович, Березники, Березниковский филиал Пермского гос.ун-та, к.мед.н., доц., dok55@mail.ru
53. НОВИКОВА Ирина Александровна, Москва, Российский ун-т дружбы народов, к.псх.н., доц., camiga@yandex.ru

54. ОБУХОВ Алексей Сергеевич, Москва, Московский пед.гос.ун-т, зам. декана, к.псих.н., доц. ao@redu.ru
55. ПАВЛЕНКО Валентина Николаевна, Харьков, Украина, Харьковский национальный ун-т им. В.Н.Каразина, д.псих.н., проф.
56. ПАВЛЕНКО Ольга Борисовна, Москва, Гос. ун-т – Высшая школа экономики, стажер-исследователь, pavlenkoolga@mail.ru
57. ПАВЛОВА Ольга Сергеевна, Москва, Московский городской психолого-педагогический ун-т, зав.лаб., к.пед.н., доц., os_pavlova@mail.ru
58. ПАШУКОВА Татьяна Ивановна, Москва, Московский гос. лингвистический ун-т., д.псих.н., проф. tpashukova@yahoo.com или obshen@mail.ru
59. ПЕТРАКОВА Екатерина Евгеньевна, Москва, Московский гос. ун-т им. М.В.Ломоносова, к.псих.н., petrakova-e@yandex.ru.
60. ПИЩИК Влада Игоревна, Ростов-на-Дону, Ин-т управления, бизнеса и права, к.псих.н., доц. lpish@rsu.ru
61. ПОЛЬСКАЯ Наталия Анатольевна, Саратов, Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, к.филос.н., доцент, polna7@rambler.ru
62. ПУШКАРЕВА Наталья Львовна, Москва, Ин-т этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, зав.сектором, д.и.н., проф., pushkarev@mail.ru
63. РАЖНЁВ Геннадий Владимирович, Смоленск, Военная академия войсковой ПВО, доц., к.филос.н., gena77741@rambler.ru
64. РАНЧУГОВА Наталья Геннадьевна, Смоленск, Смоленский гуманитарный ун-т, студ.
65. РАХМАНИНА Ирина Николаевна, Астрахань, Астраханский гос. ун-т, к.псих.н. доц., irinarah.72@mail.ru
66. РЕЗНИКОВ Евгений Николаевич, Москва, Ин-т психологии РАН, в.н.с., д.псих.н., проф. en_rez@mail.ru
67. РОМАНОВА Марина Николаевна, Саранск, Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарёва, магистрант, congress7@list.ru
68. РУДЫХ Алексей Владимирович, Иркутск, Байкальский гос.ун-т экономики и права, rudikh_85@mail.ru
69. РЯЗАНОВ Александр Владимирович, Саратов, Поволжская академия гос.службы им. П.А. Столыпина, alexandr.ryazanov@gmail.com
70. 65. САПОРОВСКАЯ Мария Вячеславовна, Кострома, Костромской гос.ун-т им. Н.А. Некрасова, д.псих.н., проф., saporov35@mail.ru
71. СЕЛИМЗАДЕ Селим Фиридун оглу, Баку, Азербайджан, Бакинский гос. ун-т, асп., q.abbasova@mail.ru
72. СКРИПКА Татьяна Сергеевна, Смоленск, Смоленский гос. ун-т, асс. skripka.tat@yandex.ru

73. СМОЛЯР Виктория Владимировна, Волгоград, Волгоградская гос. академия повышения квалификации и переподготовки работников образования, доц., к.псх.н., доц.

74. СМОТРОВА Татьяна Николаевна, Балашов, Балашовский ин-т Саратовского гос.ун-та им. Н.Г.Чернышевского, зав. каф., к.псх.н., доц., tat-smotrova@yandex.ru

75. СНЕЖКОВА Ирина Анатольевна, Москва, Ин-т этнологии и антропологии РАН, с.н.с., к.и.н., snezhkova@mail.ru

76. СТОЛБЧЕНКО Анна Сергеевна, Балашов, Балашовский ин-т Саратовского гос.ун-та им. Н.Г.Чернышевского, асп., anna555s@yandex.ru

77. СУТУЖКО Валерий Валериевич, Саратов, Ин-т социального образования (филиал) Российского гос. социального ун-та, к.филос.н., доц., vavasut@mail.ru

78. СУХАРЕВ Александр Владимирович, Москва, Ин-т психологии РАН, вед.н.с., д.псх.н., zavor753@mail.ru

79. ТАТАРКО Александр Николаевич Москва, Гос. ун-т – Высшая Школа Экономики, к. псх.н., доц., tatarcko@yandex.ru

80. ТАШИМОВА Фатима Сагымбековна, Алматы, Казахстан, Казахский национальный университет им.аль-Фараби, Казахстан, к.псх.н., доц. fatima_tashimova@mail.ru

81. ТЕСЛЕНКО Александр Николаевич, Астана, Казахстан, Евразийская гуманитарная академия, д.пед.н., д.социол.н., проф., teslan@rambler.ru

82. ТКАЧ Нина Михайловна, Гомельский гос. ун-т им. Ф.Скорины, асс.

83. ФЕДЕНОК Юлия Николаевна, Москва, Ин-т этнологии и антропологии РАН, fedenok.julia@gmail.com

84. ФОКИНА Виктория Игоревна, Одесса, Украина, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, студ., vitigf@rambler.ru

85. ХОТИНЕЦ Вера Юрьевна, Ижевск, Удмуртский гос. ун-т, зав.каф., д.псх.н., проф., khotinets@mail.ru

86. ЧЕРЕДНИКОВА Татьяна Владимировна, с.н.с., к.псх.н., tatyana.cherednikova@gmail.com

87. ШАМИОНОВ Раиль Мунирович, Саратов, Саратовский гос.ун-т им. Н.Г. Чернышевского, зав. каф., д.псх.н., проф. shamionov@mail.ru

88. ШАРАПОВ Вячеслав Викторович, Самара, Поволжская гос. социально-гуманитарная академия, к.ист.н., доц., sharapov61@mail.ru

89. ЯРЕМЧУК Оксана Васильевна, Одесса, Украина, Одесский национальный ун-т им. И.И.Мечникова, к.псх.н., доц., yar.oxana@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
М.А. Абрамова Репрезентация типов идентификации личности в графических образах	7
З.И. Айгумова Методология этнопсихологии как стратегия исследования	11
Т.Я. Аникеева Образ России и проблема этнокультурной идентичности	14
Ахади Хадибеглу Аскер Алисахиб оглу Сравнительный анализ иерархии ценностей старшеклассников и студентов Ирана	17
Е.Ю. Бахта Роль этнопсихологического фактора в спортивной деятельности	20
А.И. Белкин Тенденции становления символической идентичности на примере граффити	24
В.А. Блажко Роль социальных ценностей в самоидентификации молодежи (на материалах социологических исследований в Республике Молдова)	28
Л.И. Брага Молдавский социум в условиях демократических трансформаций: политико-культурный анализ	33
С.Д. Будаева Взаимосвязь интеллекта с личностными характеристиками (на материале исследования девочек-буряток)	37
А.А. Бучек К проблеме исследования этнического самосознания в пространстве полиэтничного мира	41
Л.И. Вассерман, Т.В. Чередникова Кросс-культурное исследование возрастных нормативов к Бостонской версии нейрокогнитивного теста «Комплексная Фигура» Рея	45

В.А. Васютинский О социально-перцептивной «нерусскости» русскоязычных жителей Украины	49
В. Вьюшина Культурные различия в ценностных предпочтениях: гендерный анализ	53
Т.А. Гаврилова Культурное мировоззрение и тревога смерти (по материалам зарубежной полемики)	57
Г.В. Гатальская, Н.М. Ткач Психологический анализ авто-и гетеростереотипов белорусов	61
С.Ю. Головина Этнические особенности героя-трикстера в фольклоре коренных малочисленных народов Тюменского Севера (ханты, манси, ненцы)	65
В.С. Гончаров Культурные константы как детерминанты когнитивного развития	69
И.В. Грищенко	73
Противоборство региональных тотемов за локус в украинской народной сказке «Медведь и Мышь-кума»	73
Л.К. Григорян Ценности и личностные характеристики как предикторы этнической интолерантности	77
Ю.В. Доноева Этнопсихологические и этноконфессиональные факторы в формировании здорового образа жизни	80
О.А. Екимчик Феномен любви в междисциплинарном и кросскультурном аспектах	84
О.А. Екимчик, Т.Л. Крюкова Результаты адаптации методики для измерения стилей любви: кросскультурный аспект	88
С.А. Исаакян Социально-психологические особенности восприятия финансового кризиса русскими и армянами	92

А.В. Капцов, А.Н. Тесленко Особенности ценностно-смысловой сферы молодежи Казахстана	95
Н.Г. Каунова Представления молодёжи Молдовы об этнической группе цыган	98
В.В. Кириенко Этноидентификационные процессы в Беларуси на рубеже XIX–XX столетий	101
А.И. Комарова Изучение эмоционального интеллекта в рамках модели кросскультурных исследований Г. Хофстеде	105
Е.Д. Короткина Представления о женских образах в печатной рекламе у разных этнокультурных групп	108
А.И. Крючкова Влияние культуры на справедливость распределения	112
А.М. Кузнецов Концепция психоментального комплекса в теории этноса С.М. Широкогорова	115
В.А. Лабунская Этно-культурные факторы выраженности «обеспокоенности своим внешним обликом»	118
Н.М. Лебедева Ценности и отношение к инновациям студентов России и Китая	122
М.И. Лечиева Личность в этнокультуре: проблемы развития	125
О.Г. Лопухова Традиционная гендерная семантика как основание самооценки личности	129
В.К. Малькова Исследование историко-культурных брендов территорий	133
Й. Мардоса Роль символов в становлении идентичности поляков юго-восточной Литвы: на примере обрядности Страстной недели	138

М.С. Мартынова, В.В. Константинов Образы счастья в ментальности представителей русского и татарского этносов	143
Н.В. Марьясова Этнокультурные особенности счастливой духовной жизни китайцев и русских	147
О.В. Маслова Оптимизм и профессиональная успешность в разных культурах (на материале страховых агентов США и России)	151
Л.В. Матвеева Этнокультурные особенности восприятия образа России в менталитете россиян и жителей Белоруссии	155
И.А. Мелихова, Е.Д. Кузин Отношение к любви и его влияние на основные семейные ценности у представителей разного этноса	158
Ю.В. Мочалова Структура стереотипа восприятия образа политического лидера в менталитете россиян	161
Р.Р. Накохова Исследование ценностных ориентаций этнофоров Карачаево-Черкесии через народный эпос «Нарты»	164
Л.И. Науменко От этнической идентичности индивида к общенациональной идентичности народа. Специфика психологического и социологического исследовательских подходов	168
М.С. Нафанаилова Социально-психологические особенности Я-концепции представителей этноса саха	172
Л.И. Никонова К теории этнической психологии: место народной медицины в системе психотерапевтических средств воздействия (по материалам этнографического исследования мордовской диаспоры в Сибири)	176
А.С. Новиков В поисках этнокультурных оснований понятия «психическая норма»	182

И.А. Новикова Кросс-культурные исследования агрессивности на основе системно-функционального подхода	186
А.С. Обухов Кросс-культурные исследования репрезентации образа мира и образа себя детей и подростков разных культур	190
В.Н. Павленко Понятия «национальное самосознание» и «национальная идентичность» и их проекции в монументальном искусстве Украины	194
О.Б. Павленко Сравнение ценностей культуры у русских и представителей народов Северного Кавказа)	197
О.С. Павлова Этнокультурные ценности как детерминанты социотипического поведения этнофоров	201
Т.И. Пашукова Субъекты межэтнического и внутриэтнического общения	205
Е.Е. Петракова Образ страны в представлениях жителей Сибири	209
В.И. Пищик, А.В. Микерова Кросс-культурное исследование ментальности менеджеров российской и итальянской фирм	210
Н.А. Польская Самоповреждение в молодежных субкультурах (по результатам исследований)	214
Н.Л. Пушкарева Осознавая несправедливость (anthropology at home и особенности взаимодействий интервьюеров и респондентов из среды научных работников)	217
Г.В. Ражнёв Этнокультурная символика Государственного флага России	219
Н.Г. Ранчугова Кросс-культурные аспекты иконографии двуглавого орла	222

И.Н. Рахманина Особенности межличностных отношений в семьях ногайцев, малокомпактно проживающих в условиях мультикультурного пространства	225
Е.Н. Резников Психометрическая валидизация методики «Выявление межличностных отношений среди этносов»	229
М.Н. Романова Этнопсихологические аспекты социального пространства: на примере традиционного жилища Мордвы	232
А.В. Рудых Влияние ценностей и культурных традиций на развитие страха и тревожности у студенто в русской и чеченской национальностей	236
А.В. Рязанов Этнос и концептосфера в изменяющемся мире	241
М.В. Сапоровская Социальные представления и установки в структуре культурной дистанции (на примере Франции и Германии)	244
Селим Фиридун оглы Селимзаде Социально-психологические основания понятий прекрасного и безобразного(на примере азербайджанского эпоса)	248
Т.С. Скрипка Этнические коды в рисунках подростков и юношей как маркер этнокультурной принадлежности, выполняющий дифференцирующую и интегрирующую функции	251
В.В. Смоляр Интеллект и менталитет английской элиты в контексте мировой истории	255
Т.Н. Смотрова, С.В. Горнаева Способность к переживанию вины и стыда как индикатор отношения к ценностно-нормативной системе общества	259
И.А.Снежкова Трансформация образов власти и народа в представлениях молодежи России (2006–2009 гг.)	262

А.С. Столбченко Взаимосвязь прощения и религиозности: кросс-культурный аспект	267
В.В. Сутужко Проблемы этнического оценивания личности и общества	270
А.В. Сухарев Принцип исторической актуальности как основание этнофункциональной парадигмы в исторической психологии	274
А.Н. Татарко Социальный капитал и экономические представления русских и китайцев	280
Т.С. Ташимова Проблема субъекта культуры в этнопсихологии	283
Ю.Н. Феденок, М.Л. Бутовская Пространственное поведение: универсалии и культурные различия	286
В.И. Фокина Политическая ментальность Украины, России и Западной Европы: диалог архетипных основ	290
В.Ю. Хотинец Современные методологические установки в этнопсихологических исследованиях	294
Р.М. Шамионов Проблема субъективного благополучия личности в этнопсихологическом аспекте	297
В.В. Шарапов Актуальные аспекты исследования этнических стереотипов населения Самарской области (на примере представителей русского и татарского этносов)	302
О.В. Яремчук Этнокультурное мифотворчество личности как способ актуализации ее культурно-исторического потенциала	308
УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ	312

 CONTENTS

PREFACE	5
M.A. Abramova Reprezentatsija of types of identification of the person in graphic images	7
Z.I. Aigumova The ethnic psychology methodology as the research strategy	11
T.J. Anikeeva Image of Russia and problem of ethno cultural identity	14
Ahadi Hadibeglu Asger Alisahib oglu Changes in moral values of youth and teenagers of Iran	17
E.Y. Bakhta To the question of the role ethnopsychological factor in sport activity	20
A.I. Belkin Tendencies of formation of symbolical identity on an example graffiti	24
V. Blazhko The role of the social value in the self identification of the young	28
L.Bragaa Cultural- political aspects through democratically transformation: Moldovan case study	33
S.D. Budaeva Relationship of intelligence with the personal characteristics (the material of the study girls buryatok)	37
A.A. Buchek To a problem of research of ethnic consciousness in ethnically various world	41
L.J. Wasserman, T.V.Cherednikova Cross-cultural studies of age norms for the Boston version of neurocognitive test «Rey Complex Figure»	45
V.A. Vasiutynskyi On social perceptual «non-Russianity» of Russian-speaking residents of Ukraine	49

V. Vyushina Cultural differences in value priorities: gender analysis	53
T.A. Gavrilova Culture worldviews and death anxiety (The review of foreign polemic)	57
H.V. Gatal'skaa, N.M. Tkach Psychological analysis of auto- and hetero-stereotypes of the Belarusians	61
S. Golovina Ethnic features of hero-trikster in the folklore of Khanty, Mansi and Nenets	65
V.S. Goncharov Cultural constants as cognitive development determinants	69
I.V. Hryshenko	73
The struggle of regional totems for the locus in the Ukrainian folk tale "The Bear and the Mouse—godmother"	73
L.K. Grigoryan Values and personality characteristics as predictors of ethnic intolerance	77
J.V. Donoeva The ethnic-psychological and ethnic confessions factors in forming of healthy lifestyle	80
O.A. Ekimtchik The Phenomenon of Love in an Inter-disciplinary and a Cross-cultural Aspects	84
O.A. Ekimtchik, T.L. Kryukova The Results of the Adaptation of Styles of Love Scale: cross-cultural aspect	88
S.A. Isaakyan Socio-psychological Peculiarities in Perception of Financial Crisis by Russian and Armenian People	92
A.V. Kaptsov, A.N. Teslenko Features of value-semantic sphere of youth of Kazakhstan	95
N.G. Caunova Representations of youth of Moldova about an ethnic group of gipsies	98

V.V. Kirienko Ethnic identificational process in Belarus at the turn of the XIX–XX centuries.....	101
A.I. Komarova Study of emotional intelligence in the G. Hofstede“s model of cross-cultural research	105
E.D. Korotkina Ethno cultural representations of publicity female printing images	108
A.I. Kryuchkova The influence of culture on distributive justice	112
A.M. Kuznetsov Idea of psychomental complex in the ethnos theory of S.M. Shirokogoroff	115
V.A. Labunskaja Ethno-cultural factors of expressiveness «of concern by the external appearance»	118
N.M. Lebedeva Values and attitudes to innovation Russian and Chinese students	122
M.I. Lechieva Personality in ethnoculture: problems of development	125
O.G. Lopukhova Gender traditional semantic as the basis of personality self-certification	129
V.K. Malkova The Research of historic-cultural Brands of Territories	133
J. Mardosa The Significance of Symbols in the Identity Formation of Southeastern Lithuania’s Poles: According to the Rituals of Holy Week	138
M.S. Martynova, V.V. Konstantinov Towards images of happiness in the Russians’ and the Tartars’ mentality	143
N.V. Mariyassova Particularities ethnic of the culture chinese and russian lucky spiritual life	147

O.V. Maslova Optimism and professional success in the different cultures (on the material of the insurance agents of the USA and Russia)	151
L.V. Matveeva Ethnocultural peculiarities of Russia's image perception in the mentality of Russians and Byelorussians	155
I.A. Melikhova, Y.D. Kuzin The attitude to the love and its influence on the main family values of the representatives of different ethnic groups	158
J.V. Mochalova Stereotypical features in the image of Russian politicians	161
R.R. Nakohova Research of valuable orientations entnophors of Karachaevo-Circassia through the national epos «Narty»	164
L.I. Naumenko From the ethnic identity of an individual to the national identity of a whole people. The specifics of the psychological and sociological research approaches	168
M.S. Nafanailova Socially-psychological features of the Self-conception of sakha ethnos representatives	172
L.I. Nikonova To the Theory of Ethnic Psychology: the Place of Popular Medicine in the System of Psychotherapeutic Means of Influence (Based on Materials of Ethnographical Study of Mordovian Diaspora in Siberia)	176
A.S. Novikov Searching ethnocultural basics of conception «Psychical norm»	182
I.A. Novikova The Cross-Cultural research of Aggressiveness on the basis of the systemic-functional approach	186
A.S. Obukhov Cross-cultural studies of the representations of the world and self-image of children and adolescents of different cultures	190

V.N. Pavlenko Concepts of «national consciousness» and «national identity» and their projection in monumental art of Ukraine	194
O.B. Pavlenko Cross-cultural comparison of cultural values between ethnic Russians and North Caucasians	197
O.S. Pavlova Ethno-cultural values as the determinants of sociotypical behavior of ethnophors	201
T.I. Pashukova Subjects of interethnic and intraethnic communication	205
E.E. Petrakova Representations of the inhabitants of Siberia about an image of the country	209
V.I. Pischik, A.V. Mikerova Cross-cultural investigation of mentality of managers working for the Italian and Russian companies	210
N.A. Polskaya Self-injury behavior in youth subcultures (research results)	214
N.L. Pushkareva Rethinking Inequity (Anthropology At Home and Specific of Interactions between Interviewers and Respondents from Academy)	217
G.V. Razhnew Etho-cultural symbols of Russia flag	219
N.G. Ranchugova Cross-cultural aspects iconography of double eagle	222
I.N. Rahmanina Features of interpersonal relations in the family, caused by national mentality of nogaizu as a small peoples' group living in conditions of multicultural space	225
E.N. Reznikov The psycho metric validation of method "The study interpersonal relations in ethnic"	229

M.N. Romanova Ethnopsychological Aspects of the Social Space: Based on the Example of the Traditional Dwelling of the Mordvins	232
A.V. Rudykh Influence of values and cultural traditions on development of fear and uneasiness of students of Russian and Chechen nationalities	236
A.V. Ryazanov Ethnos and concept sphere in the changing world	241
M.V. Saporovskaya Social Representations and Attitudes in the Cultural Distance Structure (French and German samples)	244
Selim Firdun oglu Selimzade The socially-psychological bases of concept Fine and ugly (on an example of the Azerbaijan epos)	248
T.S. Skripka The ethnic codes in drawings of teenager and young man are the marker of ethnocultural of appurtenance and carry out differentiating and integrating functions	251
V.V. Smolar The intelligence and mentality of the English elite in the context of world history	255
T.N. Smotrova, S.V. Gornayeva An ability to feel guilt and shame as an indicator of the attitude towards the axiological and normative system of society	259
I.A. Snezhkova Transformation of the image of authorities and people at the perception of youth in Russia (2006-2009)	262
A.S. Stolbchenko Interrelation between forgiveness and religiosity: a cross-cultural aspect	267
V.V. Sutuzhko Problems of ethnic estimation of the person and a society	270
A.V. Sukharev The principle of historical actuality as a foundation of ethnofunctional paradigm in psychology	274

A.N. Tatarko The relation between social capital and economical attitudes in Russia and China	280
F.S. Tashimova Problem of cultural subject in etnopsychology	283
J.N. Fedenok, M.L. Butovskaya Spatial behaviour: universal traits and cultural differences	286
V.I. Fokina Political mentality of Ukraine, Russia and Western Europe: dialog of archtype bases	290
V.Y. Khotinets Modern methodological attitudes in ethnic psychological research	294
R. Shamionov The problem of subject well-being of personal in ethnic-psychological aspects	297
V.V. Sharapov Actual Aspects of Research of Samara Region Population's (The Russian and The Tatar Etnnos) Ethnic Stereotypes	302
O.V. Yaremchuk Ethnocultural myth creativity of personality as a method of actualization of her cultural and historical potential	308
CONFERENCE PARTICIPANT	312

Научное издание

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЭТНИЧЕСКОЙ И КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

*Материалы Второй Международной
научной конференции 26–27 мая 2010 г.*

**Том 1. Этнопсихология
как междисциплинарная область знаний**

Ответственный редактор

Валентина Васильевна Гриценко

Компьютерная верстка *О. Ершова*

Подписано в печать 05.05.2010 г. Формат 60 x 84 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Book Antiqua».

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 20,75.

Тираж 120 экз. Заказ № 230.

Издательство «Универсум»

214014, г. Смоленск, ул. Герцена, д. 2.

тел. 8-(4812)-64-70-49, e-mail: uni@shu.ru